

**Владимир
ВАСИЛЕНКО**

16+

**Серый
пилигрим**

Владимир Василенко

Серый пилигрим

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=33849242

SelfPub; 2020

Аннотация

Этот мир только недавно оправился после страшного катаклизма, который уничтожил три четверти человечества и оставил на теле планеты гигантский шрам, именуемый Разломом. Разрозненные города-государства объединяются под началом нового лидера – императора Валора. Кто-то видит в этом благо, кому-то не по душе новые порядки. А есть и те, кто ведет свою собственную тайную войну, возрождая древний орден Серых пилигримов...

Содержание

Часть первая. Серый и Черный	5
1	5
2	36
3	48
4	60
5	74
6	88
Часть вторая. Коготь	98
1	98
2	105
3	118
4	133
5	161
6	169
7	186
Часть третья. «Старый якорь»	198
1	198
2	207
3	219
4	233
5	246
6	267
Часть четвертая. Распутье	286

1	286
2	305
3	327
4	345
5	355
6	368
7	378
8	405
Часть пятая. Леонард	413
1	413
2	424
3	438
4	448
5	464
6	478
7	493
8	520

Часть первая. Серый и Черный

1

Валемир, год 237-й от Разлома, осень

Вот всегда так! Можно дрыхнуть хоть до обеда – вскакиваешь чуть свет. Нужно встать пораньше – едва получается голову от подушки отодрать...

Барт с мрачным видом разглядывал потрескавшиеся от старости потолочные балки, размышляя – а не послать ли всю эту затею псу под хвост. По утрам, на свежую голову, многие гениальные планы не кажутся такими уж гениальными. А вдруг Индюк про все узнает? Тут фантазия юного Твинклдота, обычно не ведающая границ, отказывала. Как видно, щадя и без того потрепанные нервы.

Зевнув так, что позавидовал бы и бегемот, Барт рывком сбросил с себя одеяло. Ёжась от утренней прохлады, приступил к водным процедурам. Начал с лица и шеи, затем тщательно прочистил уши, смочил волосы на затылке, чтобы не торчали непослушными вихрами. С сомнением потрогал волоски над верхней губой. Бриться не стал – время уже не терпит, да и кожа покраснеет. Выглядеть будет еще более несолидно, чем с таким вот рыжим пушком. Ещё и порежешься, как всегда.

Надел все парадное. Старенький, но еще вполне приличный сюртук, доставшийся в наследство от младшего «индюшонка», Бонацио, после того, как тот растолстел настолько, что перестал в него влезать. Белую манишку без пятен на видных местах. Штаны в узкую полоску. Штиблеты с медными пряжками. В левый внутренний карман – к самому сердцу – сунул туго набитый кошелек.

Индюк, то есть, простите – почтеннейший Донателло Твинклдот, брат трагически сгинувшего в пустошах папеньки Барта – вместе с двумя старшими отпрысками отправился вдоль побережья в Тиелат за каким-то важным грузом. Предшествовал этому событию продолжительный и весьма неприятный разговор.

– С самого детства ты не устаешь огорчать меня, Бартоломью, – скорбно вздыхал дядя, сняв свои маленькие очки в медной оправе и шурясь на Барта усталыми, вечно слезящимися глазами. – Ты словно бы нарочно не хочешь замечать того добра, что я делаю для тебя, и стремишься лишь отравить мою жизнь своими бесконечными каверзами.

Он шумно высморкался в один край своего необъятного клетчатого платка, а другим начал методично протирать линзы очков, не спуская взгляда с непутевого воспитанника.

– Я скромный человек, Бартоломью, и одно из немногих моих достояний – это честное имя. Честность и порядочность – качества, которые просто необходимы торговцу, чтобы сохранять свою репутацию и успешно вести дела...

У Барта было кардинально противоположное мнение по поводу того, какими качествами должен обладать успешный торговец. И, судя по плачевному состоянию лавки Дона Твинклдота, мнение Барта было куда ближе к истине. Но говорить об этом он, конечно, не стал. Он давно уже заметил, что, если просто стоять со скорбным видом и время от времени кивать в знак согласия, то любой разговор с Индюком займет втрое меньше времени.

– В духе скромности и благочестия я старался воспитывать и своих детей. И тебя тоже, ведь позаботиться о тебе – это мой долг, в память о моём несчастном брате. Но – видит Аранос – эта обязанность легла на меня тяжким грузом...

Он в очередной раз скорбно вздохнул, а Барт в очередной раз кивнул, разглядывая носы своих штиблет.

– В тебе сидят демоны, Бартоломыю. Это стало ясно еще с ранних лет, когда ты, едва научившись ходить, уже подбрасывал гвозди в кастрюли несчастной Мэм и поливал маслом ступени лестницы.

– Я стыжусь этого, дядюшка... – виновато шмыгнул носом Барт.

– Да неужели?! Можно подумать, что-то изменилось с тех пор! – дядя на миг потерял терпение, и в сердцах швырнул очки на стол. – Кто неделю назад подлил касторового масла в суп Бонацио?! Кто чуть не до смерти перепугал несчастную Милу, когда та принимала ванну? Кого позавчера видели в компании портовых грузчиков, играющим в кости?!

– Я больше не буду, дон Донателло, – привычно кивнул Барт, про себя добавив «не буду попадаться».

– Будешь! – Индюк мотнул головой и громко фыркнул, оправдывая свое прозвище. – Ты изворотлив, Бартоломью, но меня ты не обманешь. Я вижу тебя насквозь!

Дядя нацепил свои очки и взглянул на Барта еще пристальнее.

– Ты хитер, ты жаден до денег и, что самое печальное – ты неблагодарен! Ты думаешь только о собственной выгоде и об удовольствиях, но понятия не имеешь об ответственности! Ты пользуешься моей добротой и терпением, и все достается тебе без труда. А такой образ жизни никому не пойдет на пользу...

Он ненадолго замолчал, будто собираясь с духом, и затем с необычной для него твердостью произнес:

– Так не может больше продолжаться, Бартоломью. Ты уже почти взрослый, и ты не можешь вечно сидеть у меня на шее. Ты либо начнешь честно трудиться на благо семьи, либо...

Повисла драматическая пауза.

– Я буду трудиться... – осторожно сказал Барт. Странно, что Индюк завел этот разговор. Ведь после пары казусов он неохотно доверял племяннику даже работу на складе, не говоря уж о том, чтобы становиться за прилавок.

– Хорошо, – кивнул дядя. – Мы отплываем послезавтра. Нас не будет дней десять-двенадцать. И на это время ты оста-

ешься в лавке за старшего.

Барт едва не поперхнулся от неожиданности. Вот это поворот! Хотя, конечно, выбор у дядюшки невелик, коль уж он забирает с собой в плаванье старших сыновей. Третьему его сыну, Бонацио, хоть и стукнуло без малого девятнадцать, но доверить ему дело ответственнее, чем ковыряние в носу, было бы поступком крайне опрометчивым.

– Ты понимаешь, что это значит, Бартоломью?

– Эээ... ну, да...

– Пока нас не будет, ты должен будешь каждое утро открывать лавку и работать за прилавком весь день вместе с Бонацио. Все покупки будешь записывать в книгу, как это делаю я. Вечером всю выручку будешь приносить в мой кабинет, и делать запись здесь, – дядя ткнул пухлым пальцем в исполинского размера амбарную книгу в потрепанном переплете из телячьей кожи.

– Надеюсь, ты ценишь то доверие, которое я тебе оказываю. И надеюсь, что, несмотря на твою неблагодарную натуру, у тебя хватит совести не обкрадывать того, кто содержит тебя с самого детства. Тем более, что я все равно об этом узнаю. И тогда уж ты точно покинешь стены этого дома. Ты это уяснил?

Барт кивнул.

– Каждый вечер надо будет тщательно запирать лавку, склад, калитку на заднем дворе, входные двери. Я на всякий случай распоряджусь, чтобы Мэм и Бонацио тоже проверяли

все замки каждый вечер...

Барт снова кивнул, нетерпеливо переминаясь с ноги на ногу. У него в голове вертелся целый рой идей о том, как воспользоваться этой небывалой удачей, и бубнеж старого Индюка мешал сосредоточиться.

– Я договорился с поставщиками и отложил все крупные сделки до своего возвращения. Тебе останется только закупить бобов и кукурузы у Дуду. Он придет через несколько дней, привезет запасов на зиму. Вот тебе деньги на покупку.

Дядя выложил на стол небольшой кошель из потертой светлой кожи.

– Здесь ровно шестьсот лир.

Барт присвистнул. Для торговых операций эта сумма, конечно, была сущим пустяком. Но для него, Барта, это целое состояние. Ему за всю сознательную жизнь удалось накопить лишь чуть больше сотни. Конечно, сумма сбережений могла быть солидней, если бы ему чуть больше везло в игре в кости и чуть меньше тянуло к девицам...

– Ты меня вообще слушаешь, Бартоломыю?

– Да, да, конечно, дядя!

– Отнесись к этому серьезно, юноша. Это проверка. И если ты пройдешь ее успешно – то лавка «Твинклдот и сыновья» обретет нового полноправного партнера. Ты будешь работать наравне с кузенами и получать жалованье. Скажем, 50 лир в неделю. Это очень неплохие деньги для подмастерья.

Да уж, ты, как всегда, щедр, дядюшка. Хватит как раз на

пару дешевых шлях. Или на одну попримечнее, у которой хотя бы все зубы целы.

Тем не менее, к поручению Индюка Барт и впрямь отнесся со всей серьезностью. Ведь оно давало шанс на перемены в его жизни. И речь, конечно, не о сомнительном удовольствии торчать целыми днями за прилавком в обмен на жалкие гроши. Тут выдавался шанс разбогатеть. С учетом собственных сбережений в руках у Барта оказывалось больше семисот лир. Какой-никакой, а стартовый капитал, и можно заставить его поработать. Конечно, сроки поджимали, но, тем не менее, у Барта быстро созрел план. Старший Твинклдот еще не успел покинуть гавань, а его племянник уже точно знал, куда вложит его деньги.

И вот, наконец, наступило то утро, когда пора было приниматься за дело.

Еще раз пригладив пятерней рыжеватые волосы, юноша придиричиво осмотрел себя в зеркало, поворачиваясь то одним, то другим боком. Кивнул, убедившись в своей неотразимости.

Покидал он каморку в приподнятом настроении. По дороге заскочил на кухню, где в этот ранний час уже хлопотали толстуха Мэм со своей румяной дочуркой Донной. Оно и немудрено. Здесь, в потрепанном двухэтажном домишке у торговой площади, проживает все семейство Твинклдотов – дон Донателло с тремя сыновьями, двое из которых уже обзавелись женами, а старший Марио – еще и потомством.

Вдобавок милостью сердобольного главы семейства тут расположились и нахлебники: потихоньку сходящая с ума сестра покойной тетушки Сильвии, Марта, со своей феноменально конопатой дочерью Милой, ну и сам Барт. В общем, готовить кухаркам каждый день на добрую дюжину человек. Судя по запаху, нынче на завтрак ожидается нечто, в основе своей имеющее копченые колбаски.

Барт грациозно обогнул необъятную фигуру Мэм, проскользнул между двумя столами, мимоходом стянув обрезок колбасы.

– Что за таскотня до завтрака?! – прогудела Мэм ему вслед. Ответ получила невнятный – юноша уже успел отправить закуску в рот. На пути к дверям попытался ухватить еще кусочек, но путь преградила Мэм-младшая – этакая уменьшенная копия мамыши.

К Донне Барт всегда питал слабость.

– Приветствую, о прекраснейшая! – церемонно поклонился он, прижимая правую руку к груди. – Вы сегодня как никогда очаровательны!

Толстушка хихикнула, отмахнулась пухлой ладошкой. Барт же, выходя из реверанса, неуловимым движением ухватил еще один кусок колбасы прямо с разделочной доски и юркнул мимо.

– А ну, положи! – не очень-то надеясь на успех, потянулась за ним Донна, но Барт без труда увернулся и, поднырнув ей под руку, оказался у нее за спиной. По ходу манев-

ра, не удержавшись, ущипнул девицу за аппетитно выглядывающую из декольте выпуклость. Донна, опять-таки только для вида, взвизгнула и замахнулась на него полотенцем, но юного Твинклдота уже и след простыл.

Уже на улице, щелкая каблуками по булыжникам мостовой и дожевывая колбасу, Барт в очередной раз прикидывал в уме все детали предстоящего дела.

Портовый район Валемира приютил в своих недрах десятки, если не сотни разномастных магазинчиков, лавок, трактиров. Некоторые из этих заведений, к примеру, «Твинклдот и сыновья», несмотря на более чем скромный доход, пользуются известным уважением. И все благодаря главному принципу дядюшки Дона – «лучше меньше, да лучше». Старый Индюк как огня боится сомнительных сделок и готов мотаться вдоль всего побережья в погоне за мизерной, но честной прибылью. Заработанного, конечно, хватает на то, чтобы прокормиться, но Барт на месте дяди уже давно бы занялся чем-нибудь более выгодным.

Но, чтобы самому открыть дело, нужен хоть какой-то капитал. Та сотня лир, что скопил Барт за последние пару лет, не в счет. Для настоящего дела нужен корабль – личный или зафрахтованный. И не жалкое корыто вроде того, что у дядюшки, пригодное только для хождения вдоль берега, а настоящая плавучая крепость, на которой не страшно было бы отправиться к Бакши. А еще лучше – к Архипелагу. Впрочем, для начала сгодился бы и небольшой, но быстроходный

баркас.

Архипелаг тысячи островов.... Синд-аль-Баар, как называют его пустынники с Бакши. Таинственный, неизведанный, населенный кровожадными дикарями чудовищами, полный древних сокровищ... Страна сказочных богатств и сказочных возможностей. Если, конечно, верить той книге, что Барт как-то купил на последние деньги, а теперь хранил у себя на чердаке, время от времени перечитывая самые интересные моменты.

Барт мечтал отправиться в плаванье, сколько себя помнил. Как-то раз, еще совсем мальчишкой, он даже тайком пробрался на отчаливающий корабль, надеясь устроиться в команду юнгой. Досталось ему тогда дважды – матрос, нашедший его в кубрике, отстегал его куском каната, приняв за воришку, а Индюк дома добавил широким кожаным ремнем.

Впрочем, может, эти и к лучшему. Позже Барт посмотрелся на матросню в порту и понял, что жизнь юнги – не сахар. Не для того боги наградили Бартоломью Твинклдота столь светлой головой, чтобы он от зари до зари драил палубу. Уж лучше скопить пару тысяч лир и выкупить место на корабле в качестве полноправного партнера. Работать, конечно, все равно придется, но статус будет уже не как у наемной матросни.

Эх, как Барт мечтал вырваться из дядюшкиного дома и отправиться в плаванье! От Валемира – на запад, к Разлому. Оттуда, через один из проходов в рифах – к Бакши, по-

том еще южнее, к Зуулистану, а оттуда и до Архипелага рукой подать. Есть, конечно, и безумцы, которые отправляются к Архипелагу напрямую – на юго-восток, через открытый океан. Но в последнее время таких становится все реже, поскольку никто из предыдущих пока не возвращался.

Последние два года Барт только и делал, что ошивался в порту, дожидаясь появления отчаянного капитана, снаряжающего очередную экспедицию на юг, за сокровищами древних арранов. По рассказам тех, кто все же возвращался с Архипелага, путешествие того стоило. Опасностей было хоть отбавляй: рифы, штормы, непролазные джунгли, орды порченых игнисом дикарей, почти утративших человеческий облик. Но зато какие богатства ждут смельчаков в руинах древних храмов! Одной удачной ходки до Архипелага хватает на то, чтобы сделать всю команду корабля богаче торговцев пряностями.

Итак, все, что стояло на пути Барта к его заветной мечте – это какие-то жалкие пару тысяч лир, чтобы выкупить место на кораблей. Чтобы накопить такую сумму, понадобилось бы несколько лет работы в дядюшкиной лавке. Но боги смилостивились, и дали ему шанс.

Как можно заработать, имея на руках шесть сотен лир и всего несколько дней времени? Причем большую часть времени при этом нужно торчать от зари до зари за прилавком?

Попробовать сыграть в кости по крупным ставкам? Нет, Барт был не настолько глуп. Даже если бы его допустили к

большой игре – то шансов на то, чтобы остаться в живых после выигрыша было еще меньше, чем на сам выигрыш. Но вернее всего его бы ограбили сразу же, еще до игры. Одиноким юнец с семью сотнями лир серебром. Да это же просто подарок небес!

Нет, нужно было действовать осторожнее. И решение созрело само собой.

Как уже было сказано, торговцы бывают разные. Честные и добропорядочные, вроде дядюшки Дона, или же такие, как Хорёк Дабер, лавка которого похожа скорее на заброшенный сарай, жмущийся к самой кромке воды. У Дабера можно найти все что угодно – от пуговиц до двуручных мечей, иногда по подозрительно низким ценам. Причем скупка краденого, похоже, еще самое безобидное из его занятий.

Тем не менее, именно в его лавку с утра пораньше направил свои стопы юный Твинклдот. Накупить у старого пройдохи всякой всячины по бросовым ценам, и затем сбить все в дядюшкиной лавке. План прост, как все гениальное. Никому и в голову не придет, что в лавке почтенного Донателло может продаваться краденое, так что, если пустить товары по цене чуть ниже обычного – все расхватают за день-два. То, что надо.

Хотя, чем ближе Барт подходил к месту предполагаемой сделки, тем медленнее становились его шаги. Внутри шевелилось какое-то смутное беспокойство, словно бы он забыл о чем-то важном.

А может, ему просто немного боязно? Час ранний, еще темно, а после того, как Барт покинул мощеную площадь и углубился в окружающий её лабиринт мостков и понтонов, выстроенных над водой, стало еще и тихо – только плеск волн где-то внизу и тихое поскрипывание досок.

Бухта, у которой располагается Валемир, пожалуй, единственное сносное место для причала крупных кораблей на всем юго-восточном побережье. Собственно, поэтому-то здесь и образовался один из крупнейших торговых городов континента. А единственный недостаток бухты – её мелководность – сказался на планировке портового района. Во время прилива глубина у побережья – не больше человеческого роста, а в отлив и вовсе даже на шлюпках к берегу пристать невозможно. Так что вырос здесь постепенно целый город на воде.

Началось все, наверное, с длинных, уходящих на добрую тысячу шагов в море, пирсов и причальных стенок. Потом на отмели, обнажающиеся во время отлива, натаскали побольше земли, укрепили края каменной кладкой и превратили в небольшие островки. Некоторые здания и вовсе высились над водой на толстых каменных или деревянных сваях. И между всем этим – паутина понтонов и навесных мостков.

На самом большом островке располагается торговая площадь и часовня Девы Ветров, увенчанная статуей длинноволосой девушки, с надеждой и тоской вглядывающейся в горизонт. Дева – воплощение всех жен, сестер, матерей, доче-

рей, что ждут на берегу тех, кто отправился в море. Не столько богиня, сколько просто символ. Богов в Валемире и без того хватает – здесь сходятся воедино десятки торговых путей, и те, кто прибывают сюда, привозят своих богов с собой.

Несмотря на ранний час, в торговых палатках уже началась возня, а с первыми лучами солнца, когда в часовне ударит колокол, площадь враз оживёт, будто и не спал никто, и воцарится обычная толчея, так что плюнуть некуда будет.

Но Дабер наверняка уже сейчас на ногах. Точнее, еще. Режим у него особый – лавка закрыта большую часть дня, и первые посетители подтягиваются туда ближе к закату.

В общем, Барт вполне мог рассчитывать на то, что хозяин будет на месте. Да и бояться вроде бы нечего. Хорек, конечно, тип неприятный, но пару сделок с ним юноше уже доводилось проворачивать. Позавчера он уже присмотрел пару вещичек, которые нужно будет выкупить в первую очередь. Например, кинжал с рукояткой, украшенной почти настоящими самоцветами. На него у Барта и покупатель имеется – Матео, сын торговца сладостями. Договорились, что кинжал тот купит за пятьдесят лир, в то время как Хорек продает его за двадцать. Тридцать лир с одной сделки – это совсем даже неплохо. А если еще и попробовать поторговаться...

Занявшись подсчетом будущих прибылей, Барт понемногу отвлекся, так что сам не заметил, как оказался возле магазинчика. Вывески на заведении Хорька не имеется. Кому надо – и сами найдут, а лишние посетители Даберу ни к че-

му. Да и вообще, это кособокое строение на высоких сваях, с входом, расположенным под самой крышей, будто в скворечнике каком, напоминает что угодно, но не магазин. Даже шаткую лестницу, ведущую наверх, к дверям, Дабер не удосуживается починить для удобства клиентов – на половину ступенек ступить страшно, того и гляди – развалятся под ногами.

Барт, снова немного оробев – дело все-таки серьезное, не то, что обычные шалости – медленно поднялся по лестнице и потянул за ручку. Старая скособоченная дверь открылась плавно и на удивление бесшумно – видно, петли совсем недавно смазали.

Дверной проем зиял непроницаемой тьмой, и соваться туда совсем не хотелось. Юноша шагнул через порог, поежившись, будто ступая в холодную воду.

– Не дрейфь, парень, – подбодрил он сам себя шепотом. Имелось у него такое обыкновение – разговаривать с самим собой, а иногда даже спорить. Много раз он пытался искоренить в себе эту привычку, но понял, что это бесполезно.

С устройством внутренних помещений он уже был знаком, так что не растерялся. Сразу за порогом начинается короткий и узкий – едва ли шире самой двери – коридорчик, через несколько шагов заканчивающийся тупиком. В конце коридора, по правую руку – неприметная дверка с такой низкой притолокой, что входить в нее, не скрючившись в три погибели, похоже, только сам Дабер и может.

В коридоре всегда темно, как в погребке, так что пробираться приходится едва ли не на ощупь. Правда, в этот раз можно ориентироваться по слабому отсвету лампы, пробирающемуся в щель приоткрытой двери.

Барт, невольно затаив дыхание, заглянул в щель. Там, за дверью – комната, что занимает большую часть лачуги Дабера и служит торговым залом. Широкий прилавок отгораживает большую часть зала, оставляя у входа лишь узкое пространство. Там, в глубине, высятся пыльные скособоченные шкафы, в углу установлены две объемистые пивные бочки – как полагается, с кранами, вделанными в днище, с висящими на цепочках деревянными кружками. Правда, по мнению Барта, бочки эти на самом деле пусты, а если что-то там и есть, то отнюдь не пиво. И вообще, все эти заваленные хламом шкафы – так, для отвода глаз. Все добро Хорёк хранит на нижнем этаже, единственный вход на который располагается где-то в углу зала.

Барт приоткрыл дверь пошире, огляделся. На прилавке стоит древняя масляная лампа, света которой едва хватает на то, чтобы различить очертания комнаты. От окон тоже толку мало – оба узкие, как бойницы, и стекла в них не мылись, похоже, со времен Разлома.

Старика не видно. Странно – этот скряга вряд ли оставил бы зажженную лампу.

– Эй... – тихонько окликнул Барт, и запнулся. Вот ведь незадача – не знаешь, как и позвать этого пройдоху. Вели-

чать его *доном* Дабером как-то язык не поворачивается. Как тогда? Не Хорьком же?

– Эй... хозяин...

Нет ответа. И тишина такая, что кажется, будто оглох.

Барт, собравшись с духом, шагнул в залу. Хотел было позвать снова, как вдруг скорее почувствовал, чем услышал какой-то шорох за спиной. У него и без того поджилки тряслись от волнения, а тут он и вовсе шарахнулся, как заяц от выстрела. Метнулся в сторону от двери, к самой стене. Там прилавок обрывается, оставляя узкий проход. В него-то Барт и забрался, замер, пытаясь утихомирить заколотившееся с утроенной силой сердце.

Почти сразу же его охватила досада. Чего испугался-то? Хотя, конечно, мысль о том, что кто-то может застукать его в лавке Хорька, совсем не радует. Как любит говаривать дядя Дон, репутация – такая штука, о которой нужно заботиться смолоду. К тому же шастают сюда всякие темные личности, а ведь у него, Барта, больше семисот лир серебром и никакого оружия при себе. Нет, успокоил он себя, правильно сделал, что спрятался.

Мысли эти успели проскочить за пару биений сердца, и настроение тоже успело радикально поменяться. Теперь Барт чувствовал себя не перепуганным юнцом, забравшимся в лавку торговца краденым, а таким ловким и хитрым пронырой, который знает, что делает, и никому не даст себя обвести вокруг пальца.

Воспрянув таким образом в собственных глазах, Барт окончательно успокоился. Прислушался. По-прежнему тишина. Неужели показалось? Скорее всего, просто крыса заскреблась под половицей. Этих тварей тут наверняка пруд пруди...

Проклятье, где же этот Дабер? Сам же говорил – если что, заходи утром, пораньше. Или сейчас еще слишком рано?

Барт хотел было уже выбраться из своего убежища, но снова что-то почуял. Чутью своему он привык доверять. Собственно, благодаря ему он и получил прозвище Счастливчик.

Скрип в дальнем углу залы. Тяжелый стук откидываемой крышки люка. На стену выползла огромная расплывчатая тень. Наконец-то. Дабер, собственной персоной. В одной руке тащит лампу, кажется, еще древнее, чем та, что на прилавке. В другой – продолговатый сверток, судя по всему, довольно тяжелый. Как обычно, что-то бормочет себе под нос.

О, боги, как же теперь выбраться-то из-под прилавка, чтобы не выглядеть при этом полным идиотом? Вот ведь влип...

– Убью... Или полторы за каждую, или убью мерзавца... – пробубнил Дабер, ковыляя к прилавку. После этих слов у Барта и вовсе пропало всякое желание попадаться ему на глаза.

– Зачем я только сюда сунулся? – одними губами прошептал Счастливчик, втягивая голову в плечи и поплотнее запахивая сюртук на груди, чтобы прикрыть светлую манишку.

Нет, все-таки затея со скупкой краденого была не самой лучшей.

Хорёк тем временем поставил лампу на прилавок, тут же задул ее – зачем жечь две? Рядом положил звонко брякнувший сверток. Что-то железное. Наверное, то, что Барт приглядел накануне – кинжал с самоцветами и остальное. Или он ждет кого-то другого?

Настроение у Барта портилось с умопомрачительной скоростью.

Дабер выудил из-под прилавка небольшой самострел, покряхтел, натягивая тетиву. Неужели и правда собрался его, Барта, порешить?!

Фантазией юный Твинклдот обделен не был, так что в мозгу его мигом сложилась картина злодейского замысла. В самом деле, зачем Хорьку вести дела с каким-то мальчишкой, если можно просто его пришить и преспокойно забрать все деньги? Кто заподозрит в этом старину Дабера? Да и вообще, кто будет искать этого юнца? Город большой, и люди здесь, пожалуй, каждый день исчезают, целыми пачками...

Хорёк снарядил арбалет короткой стрелой с широким зазубренным наконечником, достал из-под прилавка другой, такой же, и принялся заряжать его. Он что, к осаде готовится?

Когда старый пройдоха извлек из-под полы еще и длинноствольный дуэльный пистолет, Барт и вовсе опешил. Он, конечно, был весьма лестного мнения о собственной персо-

не. Но вряд ли к встрече с ним Хорек готовился бы столь обстоятельно. И особенно – вряд ли он стал бы тратить на Барта драгоценный порох, по новым валорским законам запрещенный к продаже частным лицам под угрозой повешения.

Выходит, он все-таки пришел слишком рано...

Зарядить пистолет Дабер не успел. Снаружи донеслись звуки шагов – громкие, гулкие. Посетитель, похоже, в тяжелых подкованных сапогах. Ступеньки под ним жалобно скрипят, удивительно, что еще не подламываются.

Судя по тому, как незнакомец уверенно шагает по темному коридору, он тоже знаком с внутренним устройством лавки. Еще миг – и он появился на пороге.

Оказалось, что он довольно внушительного роста. Чтобы пролезть в тот лаз, что именуется у Дабера дверью, ему пришлось согнуться чуть ли не пополам. Зацепившись за гвоздь полой длинного черного плаща, окутывающего фигуру бесформенным облаком, посетитель негромко выругался.

– Добро пожаловать, – издевательски ощерился Хорек. Лицо его, и так-то не отличающееся красотой, сейчас подсвечивается снизу неверным светом лампы и напоминает какую-то демоническую маску. Но, несмотря на насмешливый тон и пару заряженных арбалетов под прилавком, чувствуется, что Дабер своего посетителя боится.

Немудрено. У Барта все внутри сжалось, еще когда он услышал эти жуткие шаги за дверью. Сейчас же и вовсе, будь его воля – спрятался бы в собственные ботинки. От незна-

комца прямо-таки веет опасностью. И не такой, как, скажем, от уличного хулиганья, что сумело загнать тебя в угол и теперь приближается – нарочито медленно, поигрывая дубинками или намотанной на кулак цепью. От фигуры в черном несет просто запредельным ужасом. Будто какой-нибудь оживший мертвец вздумал с утра пораньше навестить лавку старого Дабера.

– Ну что, готово? – спросил черный густым и гулким, будто из трубы, голосом.

– Мне бы хотелось сначала договориться об оплате, – вкрадчиво проскрипел Хорек, но посетитель нетерпеливо перебил его:

– А мне – нет! Давай уже, выкладывай, что у тебя есть, старый осёл! А там уж я решу, стоило ли это того, чтобы я тащился сюда в такую рань.

Дабер что-то пробурчал, но послушаться не посмел. Небрежно, как бы нехотя, развернул сверток. Что там, Барту не видно – для этого пришлось бы привстать и, таким образом, показаться на глаза этой парочке. Сейчас же, если что и могло заставить Счастливого сдвинуться с места – то уж точно не любопытство.

Черный склонился над прилавком, рассматривая товар. Лица его не разглядеть из-за широкого капюшона, к тому же у Барта не самая лучшая позиция для обзора. Впрочем, юноше глубоко безразлично, кто этот жуткий тип. Единственное, чего ему сейчас хочется – это вернуться назад во вре-

мени и снова оказаться под одеялом в своей каморке. Уж в этот раз он бы принял правильное решение и послал бы всю эту затею с Хорьком куда подальше...

Товар верзила в черном разглядывал долго, обстоятельно, не издавая при этом ни звука. Дабер, по всему видно, уже начал нервничать.

– Все, как договаривались, дон. И, скажу я вам, раздобыть все это было ох как нелегко...

– Заткнись, – сказал незнакомец – негромко и как-то растерянно. Будто увиденное привело его в такое смятение, что он позабыл о том, какой он великий и ужасный. Впрочем, Дабер все равно заткнулся.

– Вот это... – сказал, наконец, черный, взвешивая на ладони причудливую штуковину, кажется, полностью состоящую из крючков и шипов. – Откуда это у тебя?

– Э, так мы не договаривались! – мелко затряс головой Дабер. – Мои источники – это мои источники. Если вам нужно будет – я раздобуду еще. Хотя насчет таких вот хреновин ничего обещать не могу. На эту-то по чистой случайности наткнулся. Так что меньше, чем за полторы не продам.

«Полторы сотни за такую ерунду?» – подивился Барт. Может, она серебряная?

– Полторы это не стоит.

– Дело ваше, дон. Может, где-нибудь и не стоит, а старина Дабер просит за неё ровно полторы, не меньше... – тон, которым была сказана эта фраза, не очень-то соответствовал ее

содержанию. Да уж, старый хорек боится. Сильнее его страха только его же феноменальная жадность. – Хотя, конечно, вы у меня крупный клиент, берете сразу много чего... В общем, я могу скинуть монет пять-десять... Ну, двадцать... Э-э-э... Тридцать?

Черный мог бы и дальше просто молча пялиться на Дабера, и тот постепенно снизил бы цену до минимума. Но торговаться незнакомец явно не привык.

– Вот что, старый мерзавец! Я сказал, полторы это не стоит. Самое большее, что дам – это тысячу двести. Если расскажешь, где ее взял – добавлю еще сотню.

– А... эхм...

Тысячу двести?! Может, не серебряная, а золотая?

Хорек, похоже, был удивлен таким оборотом дел еще сильнее, чем сам Барт.

– Где достал? Эм-м... Ну, так, это... Там же, где и остальное. Ну, кроме кинжала и вот этого... А вот это кольцо у меня давно уже валялось...

– Плевать! Я спрашиваю, где ты достал ЭТО?

– Так я и... Я же рассказываю! Есть поселок в пустошах. Вальбо. К востоку отсюда, на побережье. Живет там всякое отребье – рыбаки, ловцы жемчуга... Вот. И недалеко от Вальбо – кладбище. С виду небольшое, но это потому, что надгробия там только над самыми свежими могилами. А остальные – просто холмики, и не разглядишь толком. Старые...

– Ясно. Есть еще что-нибудь?

– Ну, как же... Вот тут сколько всего. Вот, фигурки эти. Аж шесть штук... Продам по... Ну... Сколько за них дадите?

Да уж, старик совсем не в себе. Пожалуй, впервые столкнулся с товаром, которому не знает истинную цену.

– Нисколько. Возьму только крис, печати и это. И, пожалуй...

Чёрный поднял со стола кольцо – слишком большое, чтобы носить его на пальце, однако и до размеров браслета не дотягивающее. На внешней стороне кольца – плоский изогнутый шип

– А как же фигурки? – не унимался Дабер. – Тоже древние. Серебряные. Большой ценности, дон...

– Обычные побрякушки, – отмахнулся черный и бросил кольцо обратно на прилавок. Оно звякнуло, столкнувшись с одной из прочих безделушек, отскочило в сторону. Дабер, не глядя, прихлопнул его ладонью, но тут же отдернул руку, порезавшись шипом. Кольцо же свалилось на пол, откатившись чуть ли не к ногам Барта. У того по спине забегали мурашки размером с воробья.

К счастью, Даберу сейчас было не до кольца.

– Как же так, дон? Вы же обещали купить у меня все, что...

– Разве? Я сказал, что возьму, если накопишь что-нибудь стоящее. Или ты припас что-то еще?

– Н-нет... Но я теперь точно знаю, какой товар вас инте-

ресует. Если мне попадетсЯ что-нибудь такое...

– И часто тебе попадаются что-нибудь вроде этого? – спросил незнакомец, взвешивая на ладони странную шипастую железяку.

– О, я давно занимаюсь такими вещами... – уклончиво ответил старик. – Заходите ко мне через месяц. Я попробую что-нибудь отыскать...

– Сомневаюсь, что мы когда-нибудь еще встретимся. Я здесь проездом. Так что... прощай, старик.

Черный сгреб со стола несколько вещей и, развернувшись, направился к выходу. Старые доски пола жалобно скрипнули под его тяжелыми сапогами.

– Эй, эй! Так просто вы отсюда не уйдете!

Черный, уже стоя на пороге, обернулся.

– Что-что?

Барт судорожно сглотнул, во все глаза наблюдая за незнакомцем. Стоит он как раз напротив лампы, но в складках капюшона по-прежнему клубится тьма. Аранос, спаси и защити! Человек ли это?

– Да, дон. С вас тысячу триста лир плюс... пятьсот за кинжал и за те бляхи с камешками. Никому еще не удавалось уйти от старого Дабера, не заплатив.

В руках у Хорька будто бы сами собой появились оба арбалета. Да уж, когда на кону почти две тысячи лир, он способен на чудеса храбрости.

– Хм... – Незнакомец сделал многозначительную паузу,

в течение которой Барт успел раза три покрыться холодным потом, а Дабер, наверное, все пять. – Действительно, я так удивился удачной находке, что совсем забыл об оплате...

Черный снова ненадолго умолк, будто задумавшись. Тишину нарушало только потрескивание фитиля в лампе да хрипкое дыхание Дабера.

– Хорошо, что напомнил, старик. Но ты бы мог это сделать и повежливее... – наконец, подал голос жуткий гость. – А ты решил угрожать мне?

– Ну... Я... Конечно, это, наверное, лишнее. Я просто подумал, что...

– Да плевать мне, что ты подумал. И на тебя плевать. Ты мне уже больше не понадобишься. Так что...

Черный взмахнул рукой, и в тот же момент раздались тугие щелчки сработавших самострелов Дабера. Два тяжелых болта ухнули в стену в том месте, где только что стоял покупатель. Сам же Черный исчез, оставив вместо себя лишь легкие струйки темного дыма. Через несколько мгновений рассеялись и они.

В наступившей тишине было отчетливо слышно хрипкое дыхание Хорька. Сам Барт даже дышать перестал.

Черный появился так же внезапно, как и исчез. Будто бесформенный сгусток тьмы возник у самого прилавка, сверкнув на мгновение длинным узким клинком. Дабер захрипел, повалившись грудью на прилавок. Барт дернулся от ужаса, и половица предательски скрипнула под ним. Он зажмурился.

Услышал, или...?

Секунды поползли медленно, лениво, как густой мед из кувшина. Хорек продолжал жутко хрипеть, беспорядочно царапая ногтями прилавок. Зазвенели безделушки, опрокинутые на пол. Брякнулась набок лампа, разлитое масло тут же вспыхнуло, языки пламени озарили стены убогого жилища.

Барт по-прежнему не мог пошевелиться. Казалось, жуткий тип в черном так и стоит на пороге, только и ждет, когда он покажется из-под прилавка. Во всяком случае, удаляющихся шагов слышно не было. А должно бы – вон он как до этого грохотал своими сапожищами!

Старые сухие доски тем временем разгорались все сильнее, и комната быстро наполнилась едким белым дымом. Барт, зажав нижнюю часть лица платком, выглянул-таки из своего укрытия.

Черного и след простыл. Дабер лежит поперек прилавка и уже не дергается. Кровищи натекло – полкомнаты. Картина жутковатая, но Барт уже столько страху натерпелся за последние минуты, что не очень-то и впечатлился. К тому же сейчас не до эмоций. Огонь с прилавка перекинулся на пол и ближайшую стену, перегородив единственный путь наружу. Еще чуть-чуть – и Барту уже не выбраться.

Юноша бросился вглубь залы, ойкнул, наступив на злополучное кольцо с шипом. Подобрал вещицу, сунул в карман. Можно было пошарить по полу, поискать остальное.

Там ведь, кажется, какие-то серебряные фигурки были. Но, в отличие от Дабера, жадность Барта находилась во вполне разумных пределах, так что он бросился к ближайшему окну, сквозь пыльные стекла которого пытались пробиться солнечные лучи.

Может, когда-то окна в лавке и открывались, но в последний раз это делалось явно еще до рождения Барта. Счастливчик безуспешно дергал за ручки до тех пор, пока не вырвал их напрочь из прогнившей рамы.

Дым уже заполнил всю комнату, от него слезились глаза и горела глотка. Барт присел на корточки, чтобы вдохнуть свежего воздуха, но и там его уже не оказалось. Подхватив колченогую деревянную лавку, юноша со всего маху саданул ею в окно. Весело зазвенели осколки стекла, градом острых брызг обрушившись вниз. Еще удар – и лавка вместе с обломками рамы тоже вывалилась наружу. Вслед за ней показался взъерошенный и запыленный Барт. Прыгать пришлось в воду – дом был крайним, и окна выходили прямо в море. Доплыв до ближайшей причальной стенки, Барт вскарабкался по свисающему канату наверх, кое-как, не снимая, выжал полы сюртука и, хлюпая мокрыми башмаками, бросился прочь. Казалось, вот-вот – и за спиной раздадутся грохочущие шаги Черного.

Приостановился Барт только на торговой площади. Во-первых, запыхался, во-вторых – народ уже потихоньку начал появляться на улице, так что вид несущегося во весь опор

мокрого взъерошенного парня, за которым разве что дымный шлейф не тянется, привлекал бы слишком много внимания. Юркнув в узкий проход между домами, юный Твинклдот кое-как причесался, выжал одежду, вылил воду из туфлей, и уже в таком относительно приличном виде направился к дядюшкиному дому.

По пути постоянно оглядывался, шел то медленно, то едва ли не вприпрыжку. Да и крюк такой дал, что дорога заняла в три раза больше времени, чем могла бы. Домой, конечно, заходил не через парадную дверь и не через лавку, а вскарабкавшись по водосточной трубе прямо к окну своей каморки. Он часто так делал – стена с этой стороны дома соседствовала с длинной глухой стеной склада, и в узком проходе между ними редко кто появлялся.

Впрочем, все эти предосторожности оказались излишними. Судя по всему, никто за ним не следил, так что можно было со спокойной душой спускаться в столовую. Наверняка уже опоздал к завтраку. Мэм будет ругаться, может, даже без сладкого оставит. Ладно, что уж теперь. Если уж день с самого утра не задался...

Стаскивая с себя мокрую одежду, Барт проверил карманы сюртука, достал кольцо с шипом, которое подобрал в лавке Хорька.

Тяжелое. Металл желтоватого оттенка, блестящий... Да это же чистейшее золото! Шип острый, изогнутый, как птичий коготь. По обеим сторонам от него – какие-то незнако-

мые угловатые руны. Бороздки забиты чем-то красным. Похоже, кровь – Дабер ведь порезался.

Барт тщательно протер кольцо краем рубашки и приблизил к глазам. Руны по-прежнему отливали красным. Мало того – они, кажется, слегка светились изнутри, как тлеющие угольки. Субстанция, которой они начертаны, будто бы разлила золото – где-то оставила глубокую борозду, где-то – наоборот, застыла на поверхности каплями кроваво-красного янтаря.

Игнис!

Первым порывом было тут же вышвырнуть эту проклятую штуку из окна. Но Барт вовремя опомнился – разбрасываться такими кусками золота было бы неразумно. К тому же он был не суеверен и знал, что красная порча не заразна.

Однако и радоваться было нечему. Оскверненные игнисом вещи по новым валорским законам подлежали немедленной сдаче в казну. Их собирали по всем городам и весям жрецы Араноса, и даже у сборщиков налогов была для этого отдельная инструкция. Что с ними потом делали – непонятно. Как и то, зачем они вообще понадобились Валору.

От этой штуки надо избавляться, иначе она сулит крупные неприятности. Но... столько золота... Барт крякнул от досады и засунул кольцо под матрас. Ладно, выбросить его всегда успеется.

Стянув мокрый сюртук и штаны, юноша развесил их на спинках стульев сушиться. Один за другим проверил карма-

ны...

И вот тут-то не удержался и вскрикнул в голос.
Кошелек на месте не было!

Валемир, год 237-й от Разлома, осень

За завтраком Барт сидел мрачнее тучи, вяло ковыряя вилкой колбасу и отмахиваясь от расспросов. После нехотя поплелся в лавку. Бонацио уже давно там. Хотя, это даже к лучшему. Если бы он застал Барта за столом, то уж точно не отвязался бы, пока все не выпытал. Более занудного типа Счастличик не встречал. Вылитый папаша, разве что мозгами природа не наградила.

Лавка занимает весь первый этаж особняка Твинклдотов и, в отличие от жилых помещений, имеет выход не в узкий проулок, а напрямиком на торговую площадь. В общем, местечко что надо, и от недостатка посетителей «Твинклдот и сыновья» не страдают. Тем более что товары их – в основном бакалея да разная подержанные вещи – хоть и не приносят большой прибыли, но и на прилавках не залеживаются.

А в подвале дядюшка Донателло варит неплохое пиво. Правда, продает он его оптом в близлежащие таверны. Барт сколько раз уже намекал дяде, что, если бы они сами открыли кабак, то можно было бы вообще забросить всю эту торговлю мылом да крупами и жить припеваючи. Но Индюк почему-то не хочет связываться с этим делом, полагая содержание питейного заведения занятием не вполне добропорядочным и благородным. Тьфу! А скупать у пропахших навозом

фермеров из окрестных деревень всякие там бобы и кукурузу, а потом перепродавать ее с наваром в несколько лир с корзины, выходит, благороднее?!

– Барт, ты где шляешься все утро? – забубнил Бонацио, едва заведев его на пороге. – Я же не могу один со всем управляться. Хорошо, покупателей пока мало...

Покупателей, как можно было заметить, пока нет вообще. Бонацио же занят размещением ассортимента на прилавке. Как всегда по осени, Индюк закупил свежих овощей и фруктов, и толстяк размещает их в неглубоких ящиках, под наклоном установленных на прилавке. Работа как раз для него – аккуратно, разве что язык не высовывая от усердия, укладывает на полках морковь, луковицы, яблоки. Все, как полагается: самые чистенькие и красивые – снаружи, на виду, а те, что с червоточинкой или с ушибом на боку – в глубине. Придет какая-нибудь хозяйка за продуктами – сунешь ей два-три хороших для вида, а еще парочку поплоче. Так всё и сбagriшь.

Впрочем, как раз этого-то бедняге Бонацио не дано. Поставь его к прилавку – будет подавать только то, что просят. Постоянные клиентки давно уже этого простофилю раскусили. Как завидят – тут же к нему и давай командовать. Этого мне, дескать, получше, да этого покрупнее, да чтоб без гнильцы, да самого спелого. А Бонацио знай себе хлопает своими белесыми, как у коровы, ресницами да смущенно кивает. Да уж, нет в младшем индюшонке торговой жилки...

– Тебя Матео искал. Говорит, ты ему обещал чего-то. Только что заходил. Ты его не видел?

– Нет, – отмахнулся Барт. – Надо будет – еще зайдет.

Он уселся на край прилавка и легонько, самыми кончиками пальцев, пробежался по струнам захваченной из комнаты лютни. Инструмент старый, капризный, так что настраивать его приходится каждый раз перед игрой. Впрочем, Барта это ничуть не огорчает. Музыку он всегда любил, и играл, по его мнению, достаточно сносно, хотя и был полнейшим самоучкой. Помнится, в детстве мечтал стать бардом и путешествовать через пустоши от города к городу, слагая баллады и выступая в уютных тавернах. А еще лучше – в залах каких-нибудь знатных господ.

Одна незадача – если кое-какие способности к музыке у Барта имеются, то вот таланта стихосложения, по злой иронии судьбы, не наблюдается вовсе. Во всяком случае, те две с половиной баллады, что он успел сочинить, дались ему с превеликим трудом. А должного впечатления на слушателей и – что самое обидное – на слушательниц не производят. Что же это за бард, если от его пения девицы не начинают вздыхать и смахивать слезы платочками, а глаза их не горят восхищением и обожанием? Ерунда, а не бард.

К тому же у барда должны быть длинные волнистые волосы – белокурые, золотистые или, на худой конец, черные как смоль. Еще не помешают выразительные голубые глаза, тонкие подкрученные усики и, самое главное – томный, ча-

рующий голос. У Барта же волосы рыжеватые, жесткие, как леска, да еще торчат на затылке, как перья в головных уборах дикарей с Архипелага. Усы пока растут плохо, глаза и голос вполне обыкновенные... В общем, приходится юному Твинкдоту добиваться девичьего расположения другими, гораздо более сложными путями, нежели музыка.

Но сейчас, когда пальцы будто бы сами собой порхают над струнами, извлекая из инструмента медленную и до невозможности печальную мелодию, мысли Барта заняты вовсе не противоположным полом. Задуматься и без того есть над чем. Перед глазами до сих пор стоит жуткий незнакомец в черном, в ушах не стихает предсмертный хрип старого Дабера... О, Аранос-хранитель, может, все это ему приснилось?

Но нет, не приснилось. К превеликому сожалению. Как не приснилось и то, что кошелек со всеми его сбережениями и деньгами, оставленными дядей для закупки бобов, остался либо в лавке Хорька, либо лежит на дне морском или где-нибудь на улочках портового района В последнем случае, впрочем, долго он не залежится.

Дуду – так зовут фермера, у которого дядя Дон закупает бобы – обещал приготовить товар послезавтра. Так что с утра Барт, оставив лавку на попечения Бонацио, должен будет отправиться за город. Осталось неполных два дня, чтобы вернуть деньги. Но где их раздобыть?

Пока вариант только один – то самое порченное кольцо, что он забрал из лавки Дабера.

Игнис... Барт ничего толком не знал об игнисе, вживую-то видел всего пару раз. Это на западе, возле Рэдрана, его пруд пруди. Говорят, первые годы после образования Разлома красной порчи было так много, что она вилась в воздухе, время от времени выпадая кроваво-красными дождями. Игнис, как кислота, въедается во что угодно – в камень, в металл, в стекло, в дерево. Действует он при этом совершенно непредсказуемо. Иногда от него железо становится вязким и тягучим, как глина, или наоборот, хрупким, как утренний лед на лужах. Живых существ он чаще всего уродует, иногда до неузнаваемости.

Впрочем, это все старые предания. Воздействие игниса было сильно только первые десятилетия. Во времена Черной зимы он косил многочисленных выживших наряду с холодом и голодом. Но, однажды слившись с каким-то предметом, он уже становился неопасен.

Но это кольцо... Это не просто вещь, оскверненная красной порчей. Руны на нём НАПИСАНЫ игнисом. Барт и представить себе не мог, что такое бывает.

Может, сдать его валорцам? Если уж они охотятся за любыми вещами, отмеченными красной порчей, то уж на эту штуку накинутся, как ястребы. Может, даже какое-нибудь вознаграждение отвалят?

Ага, держи карман шире! Замордуют допросами – откуда взял. А если даже и расщедрятся на награду – то уж точно не на семь сотен лир.

А если пойти не в канцелярию, а к жрецам Араноса? Нет, туда точно не стоит соваться. Власти у аранитов с каждым годом все больше, а на расправу они еще свирепее, чем валорские гвардейцы. Особенно когда дело касается всяческого колдовства и ереси. Попасться с этим кольцом жрецам – наверное, еще хуже, чем с полными карманами скумы или пороха. Верный путь на виселицу. Хуже, пожалуй, разве что быть обвиненным в связи с повстанцами Балтазара, что засели в пустошах и все еще пытаются свергнуть императора Валора и вернуть независимость городам-государствам. За это, говорят, четвертуют. В Валемире, правда, повстанцев давненько не бывало – их оттеснили далеко на запад, к самому Разлому.

Эх, угораздило его подобрать в лавке Дабера именно эту проклятушую хреновину! Ведь там полно было всякого безобидного серебра!

Барт от досады сбился с мелодии и слишком сильно дернул струну. Лютня жалобно задрезжала.

– Папа ведь запретил тебе играть в торговом зале, – проворчал Бонацио, оторвавшись от своего занятия. – Кто клиентов обслуживать будет?

– Ты видишь хоть одного клиента? – парировал Барт. – К тому же, не забывай – это *меня* дядя Дон оставил за старшего. Так что давай, раскладывай свои яблоки.

Толстяк обиженно засопел – кузен задел его за живое. Решение папеньки оставить лавку на попечение Барту, который

с самого детства только и делает, что шкодит, а не ему, всему из себя послушному и правильному, явно не укладывается в его голове. Мировоззрение Бонацио в эти дни дало глубокую трещину.

Барт вернулся к игре, а заодно и к своим размышлениям.

Стоп! А что, если просто расплавить кольцо? Оно здоровенное – почти браслет. Скорее всего было навершием какого-нибудь посоха. Из него выйдет кусок чистого золота размером в половину ладони. А может, и от игниса удастся избавиться!

Юноша оживился, и мелодия, которую он играл, тоже стала заметно веселее.

Точно! Как же он раньше не догадался! Золото можно будет отнести ближайшему ростовщику, известному симпатичным прозвищем Живодер. Даже учитывая его живодерские расценки, вырученного должно хватить на то, чтобы с лихвой вернуть потерянное.

Вот только как его расплавить? Знакомых кузнецов или ювелиров у Барта не имеется. А если бы и были – ведь пришлось бы делиться. Ну, а связываться с незнакомыми – лишний риск того, что тебя сдадут стражникам или жрецам. Вот как раз за доносы те вознаграждают вполне исправно.

Что ж, придется пробовать самому. Даже если не удастся полностью расплавить кольцо, то хоть вид его можно будет изменить до неузнаваемости. И тогда легче будет потом сбыть его ювелиру.

Все-таки не так уж все плохо. Может, и не зря он наведалься этим утром к старому Даберу. Эх, если бы еще кошелек не потерял...

Тренькнул бронзовый колокольчик, подвешенный над дверью. А вот и первые покупатели. Барт вздохнул. Похоже, с музыкой и правда пора завязывать. Впереди – долгий и невыразимо скучный день за прилавком...

... который показался ему вдвойне тягостным из-за постоянного ожидания. Барт и рад бы был отвлечься от мыслей, однако день, как назло, выдался не очень богатым на покупателей, да и те в основном шли к Бонацио. Так что юноша остался один на один со своими опасениями и воспоминаниями об утренней переделке.

Вечеру, казалось, тоже не будет конца. Барт долго ворочался на койке в своей камерке, прислушиваясь к звукам, доносящимся с нижнего этажа и с улицы. Было уже темно, но в доме Твинклдотов ложатся поздно. Хорошо хоть самого дядюшки нет – тот мог и до полуночи корпеть над своими амбарными книгами.

Наконец, уверившись, что все крепко заснули, Барт отбросил одеяло. Лежал он одетым, так что, достав из-под тюфяка зловещее кольцо, сразу отправился вниз, на кухню. Только там, в большом очаге, можно было надеяться оплавить эту штуковину – даже ночью там было полно горячих углей.

Проклинаая, на чем свет стоит, скрипучие ступени и половицы (раньше и не замечал, что они такие шумные), Барт почти на ощупь пробрался во владения толстухи Мэм.

Очаг действительно был еще полон углей, освещающих часть комнаты не хуже свеч. Барт присел, с сомнением заглядывая в топку. Подбросил щедрую порцию угля, стал дожидаться, пока он разгорится.

Сидеть рядом с очагом было жарко, и он отодвинулся подальше. Достал кольцо, в очередной раз поглядел на угловатые руны. Эх, главное – с углем не переборщить! Кольцо должно основательно оплавиться, но не потечь.

Решил начать постепенно. Подцепил кольцо кочергой и аккуратно поместил его в самую середину пламенеющей кучи.

– Та-ак... Осторожненько... Потихонечку... – беззвучно лепетал он одними губами, подбадривая себя. Под аккомпанемент гулко колотящегося сердца стал наблюдать.

Кольцо быстро почернело. Обгорело? Барт потянул было кочергу назад, но потом заметил на черном фоне красноватый проблеск отблеск. Та-ак... Руны! Снова проявились – яркие, багровые, как раскаленная лава. Запульсировали – сначала медленно, потом все быстрее....

Проклятье!! Ну почему бы этой штуке просто не начать плавиться?!

Вдруг заскрипели половицы у лестницы. Тяжелые неспешные шаги. Мэм! Барт дернулся, и кольцо соскользну-

ло с кочерги. Хлопнулось прямо в огонь, подняв целый сноп искр.

Барт зашипел, как рассерженный кот, бормоча под нос такие грязные ругательства, что и портовые грузчики застыли бы в изумлении. Принялся ворошить кочергой угли, пытаясь выудить кольцо.

Шаги приближались. Точно, это Мэм! Идет сюда!!

Барта едва не разорвало пополам от двух противоположных порывов – броситься вон из кухни или же попытаться выхватить кольцо из очага. Он в ужасе засеменил на одном месте, как загнанная в угол курица.

Это промедление едва не стоило ему жизни.

В очаге вдруг жажнуло так, будто туда бросили целый картуз пороха. Угли разметало по всей кухне. Несколько из них больно ужалили Барта по ногам, насквозь прожигая штаны. Пламя в камине, которое после взрыва вроде бы должно было лишиться своего источника – наоборот, вздыбилось единой волной, выплеснулось за пределы очага.

Бросаясь наутек в дальний конец кухни, к дверям черного хода, Барт еще успел расслышать испуганные женские крики.

А когда оглянулся, то вовсе забыл обо всем на свете. Замер, явственно ощущая, как нечто будто бы схватило его за кожу на затылке и потянуло так, что брови, волосы, и даже уши зашевелились, поползли вверх, а челюсть, наоборот, бессильно ухнула вниз. И было из-за чего.

Из очага, медленно протискиваясь сквозь узкий проход, выползло сотканное из пламени щупальце. Вернее – червь с широко разинутой пастью, окаймленной длинными языками пламени. Гул огня все нарастал, сквозь него едва пробивались крики Мэм и возгласы со второго этажа – там, видно, тоже все проснулись. Немудрено – бесплотный огненный дух ревел, как бешеный бык, силясь выбраться из очага.

Бесплотный ли? Приглядевшись, Барт с ужасом увидел, как края топки, обложенные полированным камнем, трескаются, выпирают наружу под напором вполне осязаемого тела. Да и очертания чудовища, поначалу едва угадываемые в пламени, постепенно становятся все отчетливее.

Оцепенев от ужаса, Барт задержался на пороге. Успел разглядеть все в подробностях – до каждого уголька, тлеющего на деревянных половицах, до каждого язычка пламени, пляшущего на боках червя, до каждой струйки дыма, поднимающейся от уже всюю горящих предметов мебели. Картина эта врезалась в мозг, будто раскаленное добела клеймо.

Под грохот обвалившегося камина и треск ломающихся потолочных балок он вывалился на задний двор. Пробежал по инерции на другую сторону, с размаху встретив ладонями стену склада.

Пламя охватило весь дом неожиданно быстро, будто стены были заранее пропитаны горючим раствором. Жадные огненные языки вырывались из окон второго этажа, отдельные сполохи возникали даже на крыше. Мелькнула мысль о по-

житках, которые остались там, в его комнатке на чердаке. Одежда. Лютня. Перечитанная много раз книга про Архипелаг, на которую он копил многие месяцы...

Барт тут же ужаснулся этим мыслям. Там, в огненной западне, гибнет вся его семья, а он думает о каких-то шмотках!

Может, кому-нибудь все же удастся спастись?

Из окна кухни вырвался сноп пламени, мгновенно превратился в огненного червя. Он успел вырасти по меньшей мере втрое, будто подпитываясь от бушующего всюю пожара. Чудовище взвилось на дыбы, как рассерженная кобра, поводило в стороны безглазой мордой.

Да ведь чудищу нужен он, Барт! Оно его высматривает! Эта мысль подействовала на юношу как удар хлыста. Он опрометью бросился прочь от горящего дома, понесся, не разбирая дороги, сквозь ночь.

Что же он наделал? Что же он наделал?!

Год 237-й от Разлома. Где-то на южном побережье

Когда ты молод, дерзок и еще не успел получить от судьбы пару увесистых затрещин, жизнь кажется этакой нескончаемой портовой ярмаркой. Все испытания в ней сводятся к лазанью по скользкому столбу за сапогами или метанию жестких войлочных мячей в фанерные мишени. Ты по-хозяйски расхаживаешь между рядами, побрякивая серебром и медью в потертом кошеле и примеряясь, какое из испытаний тебе под силу. Не хочется ведь выставлять себя на посмешище, да и денег попусту лишаться – тоже.

И даже если ты последний голодранец, и монет в твоём кармане едва ли хватит на пару печеных яблок, легко расхаживать по этой ярмарке, торгуясь почем зря с лоточниками, подмигивая молоденьким торговкам сладостями и чувствуя себя хозяином жизни. До поры, до времени. Пока, наконец, нечто не ткнет тебя носом в грязную и жесткую, как булыжная мостовая, действительность.

И вот ты уже чумазый, голодный и без гроша в кармане скорчился в вонючем закутке под палубой, в котором хранятся запасные снасти, и только и ждешь, что кто-нибудь из матросов вытащит тебя оттуда за шкирку, как паршивого котенка. Юный Твинклдот провел в этом томительном ожидании много часов, пока усталость не взяла своё.

Так и прошла ночь – из тех, что скорее изматывают, нежели дают отдых. Барт завис на зыбкой грани между сном и бодрствованием, не чуя жестких канатных витков, служивших ему ложем, но чутко ловя каждый скрип утлого суденышка, каждый вздох ветра за бортом, каждый всплеск волн. Воздух в крохотном чулане, где он нашел прибежище, насквозь пропитан запахом рыбы и прелой древесины – впрочем, как и везде на корабле. Доски палубы над головой то и дело скрипят под тяжелыми размашистыми шагами матросов, временами можно расслышать чьи-то отрывистые окрики, состоящие в основном из ругательств.

Эх, выбрать бы для побега более солидную посудину. Но, как назло, той ночью это был единственный корабль, собирающийся отчаливать. А Барту было мало просто спрятаться. Он хотел бежать, бежать как можно дальше.

Судя по тому, как изрядно болтает шхуну, они уже покинули тихую бухту Валемира. То, что корабль в открытом море, должно было обрадовать Барта – теперь, даже если его и найдут, уже не страшно. Сойдет в ближайшем порту. Не выбросят же его за борт, в конце концов.

Хотя, даже последний вариант Барта бы не огорчил. Стыд, ужас и чувство вины пожирали его изнутри. Скорчившись в три погибели на бухтах толстого троса, он мелко дрожал и почти безостановочно плакал. Сказать, что ему было плохо – все равно, что сказать, что повешенному вдруг стало трудно дышать.

Трудно, невыносимо трудно в семнадцать лет осознавать, что жизнь кончена. Что ты остался один на целом свете, собственноручно погубив собственную семью. Что сказали бы ему дядя и кузены, вернувшись из недолгого плавания к обугленным останкам особняка и свежим могилам родных? И что сказал бы им он? Смог бы взглянуть им в глаза?!

Нет, пусть уж и его считают погибшим. Он никогда больше не вернется в Валемир! Или вернется только когда искупит свою вину. Хотя, чем её можно искупить?

Пожалуй, если бы он и вправду сейчас умер, это принесло бы ему только облегчение.

Однако судьба, похоже, не собиралась преподносить ему такой подарок, так что пришлось задуматься, что делать дальше.

Как ни странно, голода Барт почти не чувствовал, лишь слабость и легкую тошноту. А вот что давало о себе знать в первую очередь – так это жажда. Одновременно с этим организм требовал и избавиться от ненужных жидкостей.

Юноша прислушался. Наверху царило заметное оживление – матросы топотали по палубе туда-сюда, оживленно переговариваясь. Судно заметно кренилось на левый борт, видимо, разворачиваясь.

Проблему с переполненным мочевым пузырем Барт, отбросив сантименты, решил прямо в чулане, рассудив, что здесь все равно сыро и пахнет не ахти. Затем немного размялся – насколько это позволяли размеры его убежища. Су-

чил ногами и руками, напрягал их, будто пытаюсь раздвинуть стенки своего чулана. Одеревеневшие от долгой неподвижности конечности начали понемногу отходить. Вскоре Барт основательно запыхался. Зато и согрелся немного.

Снова прислушался к доносящейся снаружи переключке матросни. Судя по отдельным выкрикам, которые удалось расслышать вполне явственно, судно готовилось причалить к берегу. Недолгим вышло плаванье – чуть больше суток.

– Пожалуй, оно и к лучшему, – шепотом рассудил юноша. – Сыт я по горло этим корытом!

Встав на корточки, он уперся головой в дверцу чулана – она была наклонной, даже не дверца, а скорее крышка, как у большого короба. Да, собственно, закуток этот и отличался от короба только тем, что его нельзя было сдвинуть с места, поскольку задней стенкой ему служил левый борт судна, а верхней – палуба.

Барт осторожно выглянул наружу. Чулан располагался в самом углу кубрика – пространства между грузовым трюмом и верхней палубой. Здесь, как на любом судне, хранился сухой провиант – кули с мукой, крупой и овощами, бочонки с пресной водой. Тут же был сложен и весь скарб кока – котлы, чарки, весы.

Здесь сейчас темно – свет проникает только из приоткрытого люка, ведущего на палубу. Но Барт достаточно просидел в потемках, чтобы глаза успели привыкнуть и к такому освещению.

– Вроде бы никого, – прошептал он, подбадривая сам себя. Высунул голову наружу, заглядывая на противоположный край прохода, идущего через весь кубрик. Там, как он заметил еще когда пробирался на корабль, располагаются каюты – одна большая, для команды, и несколько поменьше.

Не разглядев ничего подозрительного и там, юноша выбрался из своего укрытия. Ослабевшие ноги так и норовили подогнуться, чему способствовала и неслабая качка. Барт, вихляя, как перепивший сапожник, и хватаясь за что ни попадя, чтобы удержать равновесие, кое-как пробрался на противоположный край кубрика. По пути, впрочем, успел пошарить в мешках с припасами. Наиболее свежими оказались яблоки, загруженные, похоже, в Валемире. Тщательно протерев парочку рукавом рубахи, Барт тут же сжевал их вместе с косточками, не обращая внимания на червоточины и помятые бока.

– Да уж, яблоки на голодный желудок – не самая лучшая идея, – проворчал он под нос, чувствуя, как заурчало в животе.

Но искать еще что-то не было ни времени, ни желания. Он и так уже умудрился опрокинуть мешок с капустой, две большие кастрюли и целую кучу какой-то мелкой утвари. Шуму было столько, что Барт мгновенно покрылся холодным потом, ожидая, что вот-вот сюда спустится кто-нибудь из команды – посмотреть, в чем дело.

Он миновал общую каюту для матросов. Дальше, сразу за

переборкой, оказалась лестница, ведущая к люку, что располагается в центральной части палубы. За лестницей – поперечный, от борта до борта, проход с четырьмя дверями – кают и чуланов. Каюта капитана и некоторые другие помещения располагаются еще ближе к корме, на юте, и пробраться туда можно только через палубу. Впрочем, Барт туда и не собирался.

Он прошмыгнул мимо лестницы и свернул налево. Там обнаружилось небольшое закрываемое плотной ставней оконце, через которое Барт, собственно, и проник на корабль в Валемире.

Повозившись с тугой защелкой, Барт приоткрыл иллюминатор и сразу же увидел приближающуюся полосу каменистого берега – серого и унылого, без единого зеленого пятна. У длинного потрепанного причала сиротливо ютилась пара рыбацких лодок со спущенными парусами. Чуть в стороне можно было разглядеть небольшой поселок, наполовину скрытый скалами. Еще одна лодка медленно шла на веслах совсем рядом со шхуной, и один из рыбаков, выпрямившись на корме и сложив руки рупором, что-то кричал, похоже, отвечая на вопрос со шхуны.

Громко загремела якорная цепь, и до Барта донесся тяжелый всплеск. Та-ак. Стало быть, ближе подходить к берегу не будут. Как же выбраться-то? Видно, придется искупаться...

Барт поежился от одной мысли о холодной морской воде и огляделся. Пора было что-то решать, пока его не застучали.

Вот только что ему делать на берегу? Карманы пусты, как и желудок, и пока что не предвидится возможности наполнить ни то, ни другое. Разве что прихватить что-нибудь с корабля. Только что? Не ржавую же утварь! Вернуться в кубрик и пошарить в вещах матросов?

Барт еще сильнее поежился – уже от мысли, что с ним будет, если кто-нибудь спустится-таки сюда и застукает его за столь неблагоприятным занятием. Нет, туда лучше не соваться.

Барт проверил ближайшие двери. За первой оказался чулан, подобный тому, в котором он провел последние сутки – забитый всяким хламом. За второй – маленькая каюта с деревянными нарами вместо койки, абсолютно пустая. За третьей – еще одна, такая же...

О! А здесь, похоже, кто-то живет! Барт сразу заметил два больших дорожных мешка, выглядывающие из-под накрытой соломенным тюфяком койки. Он замер на пороге, чувствуя, что цепенеет, а колени начинают предательски подгибаться.

– Смелее, смелее! – подбодрил он сам себя. – Чего развел нюни! Времени мало!

Будто получив пинка под зад, он заскочил в каюту и вытянул из-под койки ближайший мешок. Впился ногтями в тугой узел.

«Ну вот, ты уже и вор!» – мелькнула запоздалая мысль, но Барт отогнал её. Да, вор. По сравнению с тем, что он натворил прошлой ночью, это так, мелкие шалости. Как же низко

ты пал, Бартоломью Твинклдот!

Запасная одежда, дорожная чернильница с плотно заворачивающейся крышкой, увесистая книга в черном переплете, куча каких-то бумаг, продолговатый тяжелый сверток, туго перемотанный бечевкой. Кошелек нет.

Барт только было взялся за второй мешок, как снаружи громко скрипнул открываемый люк и раздались тяжелые шаги на лестнице.

Сердце его скакнуло к самому кадыку и замерло. Барт тоже словно окоченел, стоя на коленях и вцепившись в узел второго мешка.

– Да, это Вальбо, дон. Как и договаривались.

– Наконец-то. К счастью, путешествие оказалось недолгим. Это не корабль, а вонючий клоповник!

Услышав этот голос, Барт поначалу не поверил своим ушам. Он слишком часто вспоминал ту сцену в лавке Хорька, пока лежал в чулане, и воображение, похоже, сыграло с ним злую шутку. Нет, этого не может быть. Только не это! Только не...

– Ну, дык... Не привыкли мы благородных господарей перевозить, – с заметной обидой прогудел капитан. – И я не виноват, что раньше не получилось отплыть. Нужно же было починиться. А шлюпку вам сейчас приготовят. Прислать кого-нибудь, чтобы помог вещи погрузить?

– Сам справлюсь.

– Ну, как знаете, дон. Если что – я буду на юте.

– Поторопись со шлюпкой, капитан!

Барт едва не взвыл. Это точно он. Его голос! Верзила в черном балахоне из лавки Дабера!!

Барт, наконец, вышел из оцепенения и бросился вон из комнаты. Но, едва показавшись на пороге, тут же отпрянул назад. Черный, все в том же балахоне с глухим капюшоном, стоял на лестнице, спиной к нему. А вот говоривший с ним верзила в потрепанном кожаном и помятой шапке-треуголке, похоже, заметил движение в трюме и настороженно вытянул шею.

– Что за пакость? Погодите-ка, дон...

Следующие мгновения растянулись для Барта на целую вечность. Впрочем, надо отдать юноше должное – в критические моменты он умел действовать четко и не поддаваться панике.

Он подхватил с пола найденный сверток – в нем могло оказаться что-нибудь ценное. Хотя, в общем-то, выбор у Барта был невелик. Не кальсоны же ношенные с собой уносить! Присел на корточки и, когда на пороге появился капитан, шукой нырнул между его широко расставленными ногами. Оказавшись у него за спиной, резко выпрямился, подтолкнув капитана под зад, да так, что тот не удержался на ногах.

Опрометью бросился по проходу к приоткрытому оконцу – пользоваться лестницей и, таким образом, столкнуться с Черным, ему вовсе не хотелось. Одно резкое движение – и

ставня, прикрывающая оконце, распахнута настежь. Крепко зажав в зубах уворовавший сверток, Барт с ловкостью, о которой в обычной ситуации и мечтать не мог, одним махом протолкнул себя в узкое окно – спиной вперед, ухватившись за верхнюю кромку. Подтянул ноги, оперся правой о нижний край оконца, готовясь оттолкнуться и прыгнуть в воду.

Но тут в левую лодыжку впились чьи-то цепкие, как клещи, пальцы.

Барт заорал – точнее, замычал, все еще стискивая зубами добычу – и отчаянно взбрыкнул, отталкиваясь от борта. Оставив в руках преследователя свой левый башмак, неуклюже шлепнулся в воду. Вверх взмыла целая туча брызг, будто за борт бросили бомбу.

Расслабившись, Барт некоторое время медленно шел ко дну. Подождав, пока мимо проплывет обросший ракушками борт, поднырнул под килем и вынырнул с другой стороны корабля, стараясь всплывать медленно и у самого борта, хотя легкие едва не разрывались от нехватки воздуха.

Вынырнув, перехватил сверток в руку и некоторое время глубоко дышал, прислушиваясь к крикам, доносящимся сверху. Хотя пока никто не свешивается с бортов, высматривая беглеца – это лишь дело времени. Сейчас Черный проверит свою каюту, обнаружит пропажу, они с капитаном выскочат на палубу...

– Шлюпки на воду!! – донесся до него истошный крик.

– Ну, все... – досадливо прошептал Барт, злясь на себя и

на свою неуклюжесть. Вот выбрался бы он из своего чулана минутой раньше – и успел бы покинуть корабль незамеченным!

Он несколько раз широко вздохнул, готовясь нырнуть. Вот только куда податься?

Об этом он задумался уже под водой. Над головой маячит силуэт корабельного корпуса. До берега довольно далеко, и вряд ли он успеет добраться до него вплавь – догонят на шлюпке и вытащат на борт за шкуру, как нашкодившего котенка. Если торчать рядом с кораблем – заметят с палубы.

Находясь на поверхности, он успел заметить в полусотне метров от корабля точащие из воды верхушки рифов. Недолго думая (тем более, что в его ситуации долго думать вообще было вредно), Барт оттолкнулся обеими ногами от борта и поплыл туда, в противоположную от берега сторону. Оставалось надеяться, что преследователи меньше всего ожидают от него чего-то подобного.

Плыл он, пока в глазах не потемнело, явно побивая все собственные рекорды, и к поверхности рванулся только тогда, когда желание вдохнуть – пусть даже и воду вместо воздуха – стало непереносимым. У поверхности перевернулся на спину, лицом к кораблю, и, не переставая загребать руками, несколько раз хватанул смешанного с солеными брызгами воздуха. Снова ушел под воду, и снова плыл, пока хватило сил. До рифов он добрался за несколько приемов. Затем выбрал место, где выпирающие из воды камни надежно за-

слоняли его от корабля.

Сверток жутко мешался, но Барту хватило упрямства не бросить добычу, из-за которой он столько рисковал. Добравшись до относительно безопасного места, он воткнул узел в щель между камней, а сам, держа над поверхностью воды только голову, добрые пару минут жадно дышал, стараясь успокоить бешено колотившееся сердце.

Если его заметили в те разы, когда он выныривал, то к рифам уже плывет шлюпка с Черным на борту. Если нет... Барт, вытянув шею, огляделся.

Бухта – подковообразной формы, довольно обширная, но вход в нее на добрые две трети перегораживают эти самые рифы – целый лес разнокалиберных скал, некоторые едва выглядывают из воды, некоторые вздымаются на высоту человеческого роста, а то и выше. Пожалуй, местами проплыть здесь сложновато не только кораблю, но и лодке. Если попробовать плыть, держась под прикрытием крупных скал... Добраться до дальнего края бухты... Пожалуй, можно попробовать, если, конечно, это еще имеет смысл. Чем дальше от корабля – тем меньше шансов, что его заметят. Барт глубоко вздохнул три раза подряд и, подхватив сверток, снова ушел под воду.

Эх, только бы силенок хватило...

Солнце, весь день прятавшееся за пеленой серых, как нестиранные портянки, туч, соизволило-таки показаться. Небо будто бы сжалилось над измученным промокшим беглецом, распластавшимся на плоской скале, как кальмар на сковородке.

Поймав первые лучи, Барт прищурился, повернул голову набок. Потом, собравшись с силами, приподнялся на локте и глянул наверх. Прореха в облачном покрывале была изрядная, так что можно было надеяться на то, что светило не спрячется еще довольно долго. Хвала Араносу!

Барт стянул мокрую рубаху, жилет и штаны и разложил их на скале сушиться. Сам тоже распластался лицом вверх и закрыл глаза. Его била мелкая противная дрожь – не столько от холода, сколько от усталости.

А ведь хватило все-таки силенок-то! И с корабля его, как видно, не заметили. Выскользнул, извернулся, ушел!

Хотя, чего уж там. Не льсти себе, Бартоломью. Просто повезло. Ты действительно Счастливчик, хотя в свете событий последних дней это прозвище и звучит как издевательство.

Барт довольно долго лежал на солнце, но все никак не мог согреться. Он понимал, что нужно бы встать, хорошенько размяться, разогнать кровь по жилам. А еще лучше – выпить стакан горячего грога. Вот только сил на упражнения уже

не осталось, а за горячий грог, вкупе с горячим же ужином, юноша готов был отдать что угодно. Ирония в том, что отдать-то ему особо нечего. Ботинки – и те потерял.

Остается, конечно, сверток из грубой телячьей кожи, туго перемотанный просмоленной бечевкой. Добыча, из-за которой он едва не попался. Хорошо бы, если это оказался, скажем, набор столового серебра. Это серебро можно будет сбагрить в ближайшем поселке, чтобы, наконец, купить себе чего-нибудь поесть. Иначе, того и гляди, еще одним Твинклотом на земле станет меньше.

Окончательно озябнув, Барт натянул не успевшую полностью высохнуть одежду, уселся на камне, обхватив себя руками и подставив спину солнцу. То, будто бы издеваясь, снова нырнуло в рыхлую пелену туч, и на камни упало несколько крупных, как фасолины, капель.

– Только этого не хватало! – в сердцах прошипел Барт. Судьба, видно, продолжает испытывать его на прочность.

К счастью, небольшую горизонтальную расселину в скале он заметил раньше, чем одежда успела снова промокнуть насквозь. Расселина оказалась неглубокой и очень низкой – в потолок можно было упереться, даже стоя на четвереньках. Но от дождя и ветра защищала отлично.

Понаблюдав за морозящим снаружи дождем, Барт, наконец, принялся развязывать узлы на свертке.

– Посмотрим... – вполголоса бормотал он. Привычка разговаривать с самим собой проявлялась все настойчивее.

Наконец, он справился с бечевкой, осторожно развернул толстую кожу.

– Нет, ну это ж надо... Аранос, хранитель всего сущего, ну за что мне все это, а?

На грубой пористой коже красовался отпечаток огромной ладони, причем было до жути похоже, что это засохшая кровь. Внутри свертка лежало несколько предметов, и от каждого так и веяло неприятностями. Зловещего вида кинжал – узкий, изогнутый, с темным вороненым клинком. Ножны для него – из черной кожи с серебряными клепками. Несколько восьмиугольных блях размером с пряжку для ремня. Из серебристого металла, сплошь покрытые уже знакомыми Барту угловатыми рунами, начертанными игнисом, с крупными красными камнями в центре. Юноша сначала обрадовался, приняв их за рубины. Но, приглядевшись, понял, что это все тот же игнис. Такого ему видеть еще не приходилось – сгустки были чистейшие, полупрозрачные, и размером с ноготь.

И, наконец, та самая штука, которую Чёрный рассматривал у Дабера. Теперь, вблизи, выяснилось, что это искусно выполненная фигурка свернувшейся в кольцо сколопендры. Сделана из темного, почти черного металла. Вдоль всего хребта – будто россыпь гранатовых зерен. Снова игнис. И снова – обработанный, упорядоченный, а не просто въевшийся в металл, как ржавчина.

Барт еле удержался от того, чтобы тут же не вытряхнуть

весь этот скарб наружу, под дождь. Слишком живы были в памяти последствия эксперимента с кольцом. Но потом, по мере того, как он пристальнее приглядывался к жутковатым сокровищам, желание избавиться от них понемногу ушло.

Сначала его внимание привлек кинжал. Рукоятка, сделанная, похоже, из цельного куска оникса, легла в ладонь легко и непринужденно, и оружие сразу сделалось естественным продолжением руки. Барт невольно залюбовался хищной красотой причудливо изогнутого клинка. Лезвие кинжала было волнистым и, если развернуть его к себе, можно было увидеть, что заточка шла с развалом, как у пилы. Барта невольно передернуло, стоило лишь представить рану, нанесенную таким лезвием. Попробовать его на остроту он не решился – и на вид-то – острее дядюшкиной бритвы.

Как ни странно, разглядывая кинжал, юноша несколько воспрял духом. Оружие давало ощущение силы и безопасности, прибавляло уверенности в себе. Хотя пользоваться кинжалом в серьезной стычке Счастливичику не доводилось. Может, как раз в этом все дело?

Остальные предметы... Опасность, таящаяся в них, только подогревала любопытство, манила, как спелые яблоки за забором злого соседа. Одно плохо – пользы от этих зловещих причиндалов сейчас никакой. Их даже не обменяешь на еду – любой рыбак в поселке шарахнется от подобного мракобесия, как от огня. Да-а, покупателя найти будет непросто...

– Клянусь Араносом-хранителем, лучше бы это было сто-

ловое серебро, – пробормотал Барт, засовывая ножны с кинжалом за пояс – так чтобы была видна только рукоятка, да и ту прикрыл жилеткой. Восьмиугольные бляхи и сколопендру снова тщательно упаковал в сверток, перетянул бечевкой и спрятал за пазуху. Одну из блях оставил. Еще раз придирчиво осмотрев со всех сторон, сунул в карман. Похожа на серебряную. Может, все-таки удастся выменять на что-нибудь.

Дождь снаружи явно испытывал его терпение – то почти прекращался, то вдруг обрушивался на камни с новой силой, вставая сплошной шелестящей пеленой. Ветер, изредка прорывавшийся сквозь дырявую стену скал, мощными шквалами сносил в сторону дождевые струи, так что порой Барта даже не спасало его убежище.

Когда небесные резервуары все же иссякли, и вместо дождя вниз полились яркие солнечные лучи, юный Твинклдот сначала не поверил своему счастью. Однако, выглянув наружу, убедился, что его вынужденное заточение действительно подошло к концу. На небе, будто бы в ознаменование этого события, воцарилась шикарная радуга – широченная, как Валемирский тракт.

Барт двинулся в путь – без особой цели, просто стараясь забраться подальше от побережья. Рыбацкий поселок, который он успел заметить со шхуны, находился в полулиге к западу – если Счастливчик, конечно, не разучился ориентироваться на местности. И называется этот поселок Вальбо – опять-таки, если Барту не изменяет слух, а капитану шхуны

– память. О Вальбо упоминал в то памятное утро и старый Дабер. И именно туда направится и Черный – это-то, как любит говаривать Индюк, поймет даже тот, у кого вместо головы – выеденная мышами тыква.

Вспомнив о дяде, Барт еще больше помрачнел. Перед глазами снова встал пожираемый пламенем особняк, который он всю сознательную жизнь называл своим домом. Да, это был далеко не отчий дом – дядюшка Донателло всегда был, мягко говоря, бережливым, особенно когда дело касалось племянника. Барт все детство щеголял в обносках, оставшихся от кузенов, и обретался в крохотной комнатке на чердаке. Но другого дома он не знал, точнее – не помнил. И Индюк, пусть и бывал с ним подчас излишне строг, все же заменил ему отца. И наверняка любил его. В конце концов, доверил лавку на время своего отсутствия! А он...

Кошки, отчаянно скребущиеся на душе, на какое-то время даже отвлекли Барта от мыслей о Черном. Но дела насущные быстро вытеснили из головы дела прошлые.

Идти сейчас в Вальбо было бы самоубийством. Однако Барт очень четко, четче некуда, понимал, что до какого-нибудь другого поселка он уже вряд ли доберется, даже если бы знал, куда идти. Он в жизни еще не бывал в пустошах, но, судя по многочисленным рассказам, одинокий путник здесь долго не протянет, даже если будет держаться трактов. Еще неизвестно, что хуже – нечисть пустошей, или головорезы, промышляющие на дороге.

В общем, выбор невелик. Либо пробраться-таки в Вальбо, чтобы любимыми правдами и неправдами добыть хоть немного еды, либо разлечься прямо здесь, на камнях, и потихоньку начинать помирать. Думается, к вечеру как раз бы управился. Барт вовсе не считал себя нытиком, но пара дней голодухи и длительный заплыв в холодной морской воде сломают кого угодно.

Пробираться в поселок лучше всего ночью. Но до темноты еще несколько часов, и это время можно использовать для разведки. А вдруг повезет наткнуться на какую-нибудь стоящую на отшибе лачугу или ферму? Или выйти на большак и встретить там торговый караван? Хотя, какие караваны в такой глуши...

Скалистый берег, наконец, сменился чахлым редколесьем. Идти по жухлой траве и опавшим листьям было куда приятнее, чем по холодным камням, и Барт слегка повеселел. К тому же, размявшись, он наконец избавился от озноба, да и одежда успела почти полностью высохнуть. Пребывание в морской воде не пошло гардеробу на пользу – и штаны, и рубашка, и жилет были порядком измяты и покрылись белесыми соляными разводами.

Он поднялся на холм, на вершине которого одиноко стоял старый наполовину засохший дуб – пожалуй, единственное в округе дерево приличных размеров. Отсюда прекрасно просматривалась вся бухта и окрестности. Барт разглядел серый парус злосчастной шхуны, маячащий у самого гори-

зонта. Похоже, высадив Черного, судно отправилось дальше.

Самого поселка видно не было, но заметны были немногочисленные струйки сизого дыма, причудливо изгибающиеся под действием ветра и постепенно растворяющиеся в высоте. До источника дыма, судя по всему, не больше часа ходу.

– О! – пожалуй, громче, чем следовало бы, воскликнул Барт, заметив строение, одиноко ютящееся на самом краю роши, ближе к поселку. Старая, уже несколько покосившаяся лачуга из почерневших от сырости досок, сбоку – обширная пристройка с низкой, крытой дерном крышей. Из трубы над пристройкой валит густой черный дым.

Кузница, судя по всему. Аранос, похоже, наконец-то услышал его молитвы! Барт прибавил было ходу, но по мере того, как приближался к жилью, шаги его становились все медленнее.

Что он скажет? Пустите, люди добрые, я вор, только что сбежавший с корабля? И вид-то у него настолько затрапезный, что...

Барт в очередной раз попытался привести в порядок одежду, но вскоре плюнул на это неблагоприятное занятие. Убедился лишь, что кинжал и остальные вещички укрыты надежно. А, была не была!

Из пристройки доносилось звяканье молотка о наковальню – редкое и какое-то вялое, совсем не вяжущееся с ярким солнцем и все еще висящей в небе красавицей-радугой. Больше всего это звяканье напоминало заунывный звон ко-

локола во время похорон.

Барт поежился, но отступить было некуда. Широкая, как ворота, дверь кузни была приоткрыта. Он заглянул внутрь.

У наковальни, вполоборота к выходу, стоял низкорослый кряжистый бородач в испачканной сажей полотняной одежде и длинном кожаном фартуке, испещренном подпалинами. Угрюмый горбоносый профиль четко выделялся на фоне полыхающего багровым заревом горна.

Барта кузнец заметил сразу – его тень пересекла полосу света, падающую на наковальню из приоткрытой двери. Зыркнул бородач так, что Счастливи́чик с трудом удержался от того, чтобы метнуться прочь от кузни.

– Чего надо?! – рявкнул хозяин так, будто его каждые пять минут отрывали от работы всякие там сбежавшие с корабля юнцы.

– Я... Все боги вам в помощь, дон. Извините, что потревожил вас, но я вынужден обратиться за помощью... – ви́тиевато начал Барт и осекся, увидев, что кузнец, прищурившись и не выпуская из руки молота, затопал к дверям.

Приоткрыв створку пошире, бородач смерил Барта взглядом, который при всем желании нельзя было назвать дружеским. Мутные красные глазищи, свежий синяк на левой скуле и стойкий запах перегара говорили о многом.

– Ты откуда взялся, сопляк?

– Я... Мы плыли на корабле, дон. Он... затонул. Напоролись на рифы. Я кое-как выплыл, плутаю уже второй день по

берегу. Слава Араносу, нашел вас, и...

– Чего ты несешь? Какой корабль?

– Он, кажется, назывался «Сирена»... Не помню. Мы сели на него в Валемире... В общем, неважно, дон. Важно то, что я голоден, как пёс, и остался без гроша в кармане, – не выдержал Барт. – Если у вас найдется лишняя краюха хлеба или...

– Вон там – поселок, – прервал его кузнец, указывая в сторону Вальбо. – Сходи, может там кто подаст.

– Но, дон...

– Всё, пшел вон! – кузнец развернулся было, но Барт ухватил его за рукав, чем привел в полнейшее бешенство.

Запоздало ужаснувшись собственной дерзости, Барт втянул голову в плечи и, в любой момент ожидая удара, затараторил:

– Прошу вас, дон! Я же говорю – у меня ни гроша в кармане. Поэтому я и подумал, что, коль уж вы кузнец, то, может быть, вас заинтересует хотя бы вот это...

Он, лихорадочно зашарил по карманам и вытащил серебряную бляху.

Увидев в руках Барта изукрашенную письменами штукювину, кузнец резко изменился в лице. Довольно долго он стоял, тупо уставившись на нее, и Счастливику так и не удалось однозначно истолковать выражение его лица. Во всяком случае, понятно было, что он не в первый раз видит подобное.

Наконец, опомнившись, кузнец схватил Барта за рукав и

рывком затянул внутрь кузни. Выглянул наружу, воровато огляделся и захлопнул дверь, запер изнутри на увесистый засов.

– Откуда это у тебя? – гаркнул он, оборачиваясь к Барту.

Тот судорожно сглотнул, попятился было, но наткнулся спиной на наковальню.

– Я тебя спрашиваю, сопля! Ты что, из Красной руки?

– Э-э... – Барт вспомнил кроваво-красный отпечаток ладони на куске кожи, в который были завернуты вещи Черного. – Ну да, а что?

Кузнец недоверчиво прищурился, но заметно смягчился. Плечи его опустились, огромные кулачищи разжались.

– Не врешь? Что-то ты больно молод...

– Мы... Я... Я путешествовал с моим господином. Я его помощник...

Кузнец продолжал буравить Барта подозрительным взглядом, будто чего-то выжидая.

– Сколько хочешь за это?

– Ну... э-э-э... – Барт понял, как себя чувствовал в свое время Хорек Дабер. Очень паршиво обладать чем-то, чему не знаешь цены. – Вы же понимаете, дон, мне сейчас не до выгоды. Мне бы немного денег, чтобы добраться до ближайшего города. Ну, хотя бы сотни две-три...

– У тебя только одна? – бородач кивнул на бляху.

– Ну... да. К сожалению. Эта-то чудом уцелела. Ну, так что, дон? Три сотни?

Кузнец поморщился, что-то прикидывая в уме. Потом паршивейшим образом ухмыльнулся.

– Да, пожалуй, я просто заберу её у тебя. А потом – драпай отседова, и чтоб я тебя больше не видел. Ну, чего уставился? Сам отдашь, или мне тебя потрясти чуток? А может, у тебя еще чего в карманах завалялось?

Он угрожающе попер на Барта, поднимая молот. Тот метнулся вглубь кузни, прячась за наковальню. Бежать было некуда – единственный выход заперт, и к тому же, чтобы пробиться к нему, надо как-то миновать кузнеца.

– Не зли меня, сопляк! Пришибу ведь! – рявкнул кузнец после пары безуспешных попыток схватить Барта. Тот, проявляя чудеса изворотливости, метался по кузнице, бегая вокруг наковальни и груды сваленного на землю железного лома, перепрыгивая через объемистое корыто с водой для заковки и норовя прорваться к выходу.

– Вы об этом еще пожалеете, дон! – дрожащим от досады голосом выпалил Барт.

Бородач, зарывав, швырнул молот, едва не угодив Счастливику в спину. Тот метнулся в сторону, споткнулся о вязанку дров и, кувыркнувшись, брякнулся оземь.

– А!! – торжествующе заорал кузнец, нависая над ним. Барт едва успел развернуться на спину. В руках у него будто сам собой возник кинжал.

Едва не напоровшись на волнистое лезвие, кузнец вдруг отпрянул, будто увидев ядовитую змею. Барт, выставив кин-

жал перед собой, медленно поднялся.

– Не очень-то это хорошо – встречать подобным образом пришедших к вам за помощью, – процедил он. – Вы меня очень разочаровали, дон...

Он резко дернул рукой, будто собираясь нанести удар. Бородач нервно вскрикнул, отскакивая к стене и не сводя выпученных глаз с острия кинжала.

– Тише, тише, парень! Ты же знаешь, с этими штуками не шутят!

– А я и не шучу. Деньги, быстро!

Бородач злобно оскалился, но, видимо, странный кинжал в руках Барта был для него более чем весомым аргументом.

– Сейчас, сейчас... – он наклонился, зашарил в мешке, стоящем недалеко от выхода. Выудил тощий кошель из дрянной потертой кожи.

– Бросай!

Кошель плюхнулся на землю у самых ног Барта. Тот подобрал его, медленно присев и не спуская глаз с кузнеца.

– А поесть чего-нибудь найдется?

Бородач, что-то пробурчав себе под нос, извлек из мешка краюху хлеба.

– Положи на мешок. Вот так... А теперь – иди туда. Вон туда, в угол.

Угрожая кинжалом, Барт оттеснил хозяина в дальний угол. Потом, прихватив еду, выскочил наружу. Захлопнул дверь, припер снаружи валявшимся рядом обломком оглоб-

ли.

Изнутри полился поток отборнейшей брани. Барт лишь сплюнул себе под ноги и впился зубами в черствую, отчетливо отдающую плесенью булку. Заглотал её, давясь и кашляя, в один присест. Жаль, запить было нечем.

Проклятье! Что делать-то?! Похоже, идея дожидаться темноты и потом уже пробираться в поселок накрылась медным тазом. Вряд ли этот симпатяга досидит тут до ночи. Вырвется гораздо раньше и бегай от него потом по всей округе. Ну что за невезуха?! Куда теперь податься?

Вопрос этот всё бился в голове Барта, как пойманная птица, а ноги уже сами собой несли его в сторону посёлка.

Вальбо оказался в точности таким, каким Барт его и ожидал увидеть – серым, замызганным и насквозь провонявшим рыбой. Единственное, что его удивило – это размеры поселка. Обветшалые кособокие лачуги раскинулись докуда хватало глаз, занимая все пространство, отгороженное от ветров замшелыми скалами. На улицах – если, конечно, эти протоптанные между домами тропинки можно считать улицами – не было брусчатки, так что после дождя здесь шагу нельзя было ступить, чтобы не запачкаться в липкой желтой глине.

Пока он сюда добирался, небо успело снова затянуть тучами, солнце пропало, и все вокруг тонуло в мутном сером сумраке, предвещающем наступление темноты.

– Не дергайся, парень, не дергайся, – беззвучно шевелил губами Барт, шагая по кривым улочкам поселка. Народу ему навстречу попадалось немного – в основном женщины, сплошь костлявые, некрасивые и тоже пропахшие рыбой. На Барта мало кто обращал внимания.

– Не дергайся, – в очередной раз убеждал себя Счастличик. В конце концов, даже если он столкнется с Черным носом к носу. Вряд ли тот успел толком разглядеть Барта там, на корабле. И тем более вряд ли ждет, что он так вот попросту заявится в поселок.

Таверну Барт заметил сразу – это было единственное на

весь поселок двухэтажное строение, к тому же поддерживаемое в относительно пристойном состоянии. На огромной холщовой вывеске, висевшей над входом, как и следовало ожидать, красовалась огромная пучеглазая рыбина. Внизу корявыми буквами и с двумя ошибками было выведено название – «Барракуда».

Поначалу Барт вообще не собирался входить внутрь. Думал поймать на улице какого-нибудь мальчика и дать ему денег, чтобы тот закупил у трактирщика провизии и питьевой воды – столько, чтобы хватило на два-три дня пути. А потом, не мешкая, дать деру отсюда. Но план провалился, так как не попалось никого, кому можно было поручить эту ответственную миссию. Барт попытался было обратиться к одной из рыбачек – сутулой женщине неопределенного возраста, со следами только-только зажившего синяка под левым глазом – но та шарахнулась от него, как от привидения.

В конце концов, мысленно попросив благословения Араноса, Ираны, Кестоса и еще полудюжины богов, которых успел припомнить, Счастливчик толкнул тяжелую дверь и шагнул в «Барракуду».

Немного замешкался на пороге, ошалев от запаха. Поначалу даже решил, будто ошибся дверью и заглянул не в таверну, а напрямиком в отхожее место. Не пройдя и пары шагов, наткнулся на удручающего вида субъекта в потрепанной соломенной шляпе, спящего за ближайшим к двери столом лицом в тарелке. Под лавкой, на которой он развалился, тем-

нела обширная лужа, которая и являлась источником вони.

Впрочем, ароматы, распространяемые типом в шляпе, чувствовались разве что у самого входа. В глубине таверны все забивали другие запахи – кислой капусты, браги, прогорклого сала, на котором жарились какие-то лепешки. И, конечно же, царил надо всем вездесущий запах рыбы.

Барт, щуря слезящиеся от вони и копоты глаза, огляделся. Полутемный зал таверны был почти пуст. Помимо спящего у выхода, наблюдалось всего двое посетителей. Один, тоже едва держащийся на ногах – облокотился о стойку, рассматривая что-то на дне объемистой щербатой кружки. Второй – какой-то бродяга в сером балахоне – чинно восседал за дальним столиком в компании с краюхой хлеба и миской рыбной похлебки.

Трактирщик, как ему и полагалось, находился за стойкой. Был он невысок, лысоват и толст, причем добрые две трети веса по прихоти природы сосредоточились в средней части его туловища, будто бы он на сносях и ожидает по крайней мере тройню. Высоко закатав рукава, толстяк деловито чистил большую рыбину, нимало не заботясь о том, что чешуя брызжет во все стороны, долетая чуть не до середины зала.

Барту, конечно, доводилось бывать раньше в кабаках, коих в порту Валемира было предостаточно. Но по сравнению с «Барракудой» все злачные места, виденные до этого юным Твинкдотом, были просто образцами чистоты и порядка.

– Пожалуй, много здесь брать не буду, – пробормотал

Барт. – Так, на разок-другой перекусить...

Он подошел к стойке, косясь на пьянчугу, который оторвался по такому случаю от кружки и с нездоровым интересом разглядывал нового посетителя.

– Здравствуйте, э-э... дон.

Трактирщик вопросительно взглянул на него, промычал что-то нечленораздельное. Нижняя губа у него – толстая, ярко-красная – сильно выдавалась вперед, что в сочетании с серыми глазами навывкат делало его до смешного похожим на рыбину, которую он чистил. Разве что у рыб не бывает такой многодневной рыжей щетины на щеках.

– Я хотел бы закупить немного провизии, дон, – кашлянув, продолжил Барт. – Хлеб, сыр, может, вяленое мясо.

– Может, рыбы? У меня хренова прорва вяленого тунца, – предложил трактирщик. – Прямо не знаю, куда его девать. Подванивать уже начал...

– А больше ничего нет? – скривился Барт.

Толстяк пожал плечами.

– Тебе сколько надо-то?

– Да немного. На пару дней одному человеку... Да, и бурдюк с водой. И мешок, чтобы все туда положить.

Рыбомордый только хмыкнул и, развернувшись к Барту спиной, принялся рыться в стоящих тут же, у прилавка, ящиках. Похоже, подсобного помещения здесь не было вовсе. Ну что ж, зато зал всегда под присмотром.

Барт встретился взглядом с соседом по стойке и вздрог-

нул. Глаза у того были словно стеклянные – водянистые, бессмысленные. Из уголка губ тянулась, завязнув в бороде, желтая нитка слюны. Несло от пьянчуги так, что самому немудрено было захмелеть. Юноша отодвинулся подальше.

– Может, возьмешь чего, пока я приготовлю? – спросил, не разгибаясь, трактирщик. – Пива?

– М-мм... Может, у вас найдется грог?

– Чего?

– Ну, грог... Горячий такой. С вином.

– Не. Пиво. Будешь?

– Нет, спасибо, я тороплюсь, – отмахнулся Барт, нервно поглядывая в сторону выхода.

Двери трактира распахнулись, как от удара тараном, и в зал ввалилась целая орава оборванцев с красными обветренными мордами и выгоревшими на солнце волосами. В два счета оккупировали два длинных стола в центре зала и затребовали пива. Трактирщик тут же отвлекся от выполнения заказа Барта и принялся наполнять огромные глиняные кружки. Счастливчик хотел было напомнить толстяку, что он первый пришел, но решил, что это бесполезно. Вдохнув, отодвинулся в сторону от стойки, в полутемный угол с едва тлеющей на стене лампадой – как раз туда, где хлебал свою уху бродяга в сером балахоне.

Впрочем, приглядевшись, Барт решил, что поторопился с выводами. На бродягу этот странный субъект не был похож. Да, одежда его была неброской, больше всего похожей на мо-

нашескую рясу, пыльной, но без прорех и заплаток. Пепельно-серые, сильно побитые сединой волосы спадали на плечи длинными волнистыми локонами, лицо – с аккуратной короткой бородой, тоже с проседью – подошло бы какому-нибудь аристократу. Благородный, с небольшой горбинкой, нос с тонко очерченными ноздрями, широкий подбородок, надменный излом бровей... И эти глаза – необычно светлые, почти прозрачные, с цепким, как рыболовный крючок, взглядом.

Незнакомец мимоходом скользнул взглядом по Барту, потом, чуть позже, еще раз. Потом ещё – всё будто бы между прочим, не прерывая трапезы, но Счастливчик невольно поежился. Спohватившись, одернул жилет, из-под которого торчала наружу рукоять кинжала.

– Вот бестолочь! – чертыхнулся он себе под нос, с досадой оглядываясь на трактирщика, который с поразительной для его комплекции быстротой сновал между столами и прилавком, таская рыбакам кружки с пивом.

Задерживаться здесь надолго совсем не входило в его планы. Еще, чего доброго, Черный заявится. Или...

Дверь снова скрипнула, распахиваясь настежь, и на пороге возник злющий, как демон, и почему-то весь перепачканный в земле кузнец. Барт съежился, втянул голову в плечи и начал медленно сползать под лавку.

Бородач прямой наводкой протопал к стойке и, потеснив торчащего там пьянчугу, затребовал пива. Пока трактирщик

наполнял кружку, повернулся, окидывая взглядом полутемную залу...

И почти сразу же встретился взглядом со Счастливым.

– Ах ты, рыбий потрох!! – рявкнул он так, что заглушил даже галдеж рыбацкой ватаги. – Вот ты где!

Косолапо переваливаясь с боку на бок на коротких кривых ногах – ну точь-в-точь как ярмарочный медведь – кузнец ринулся на Барта. Тот, недолго думая, юркнул под стол, пихнул ногой лавку, роняя ее под ноги преследователю. Бородач благополучно попался на уловку и под дружный гогот завсегдатаев загремел костями по грязному полу. Барт же, выскочив из-под стола с другой стороны, рванул к выходу.

– Держи вора!! – завопил кузнец, барахтаясь на полу в безуспешных попытках подняться. – Кошель у меня утром спёр, поганец!!

Один из рыбаков – красномордый, обросший жесткой, как у кабана, щетиной – ухватил убегающего Барта за штанину. Тот дернулся было, но быстро понял, что хватка у моряка мертвая. Выхватил кинжал.

– Ах ты, сволочь! – взвыл красномордый, зажимая второй рукой длинный порез на тыльной стороне ладони. – Держите его!!

Барт, вырвавшись из захвата, поднырнул под рукой второго моряка, попытавшегося преградить ему дорогу, избежал подножки третьего и двумя заячьими прыжками оказался у выхода. Дверь, будто бы сама собой, призывно распахнулась

ему навстречу.

Счастливичик не успел затормозить и со всего ходу врезался в возникшего на пороге посетителя. Все равно что налететь на стену. Юношу отбросило назад, а хлесткий удар по задней стороне голени окончательно свалил с ног. Ушибленную поясницу пронзила резкая боль, но Барт, не обращая на нее внимания, по инерции кувыркнулся назад, вскакивая на ноги. Голодный, всклокоченный, оскалившийся от боли и страха, он походил на окруженного собаками волчонка. Сильно, до ломоты в пальцах стиснув влажную от вспотевших ладоней рукоять кинжала, он едва не ринулся снова вперед, на преградившего ему путь незнакомца. Но едва не выронил оружие, когда разглядел, кто перед ним.

Новый гость «Барракуды» шагнул через порог, громко и четко, как копытом, громыхнув о доски пола тяжелым сапогом. Черный плащ с капюшоном почти полностью скрывал его фигуру, обволакивал широкими складками. Лица под капюшоном не разглядеть – сплошная чернота, будто бы сама Жнец пожаловала в убогий рыбацкий трактир.

Вдруг стало очень, очень тихо. Лишь странный субъект за дальним столом продолжал мерно постукивать деревянной ложкой, доедая похлебку. Его, похоже, происходящее в зале оставило равнодушным.

– Ах, это ты, крысёныш... – прогудел Черный и шагнул к Барту, странным образом умудрившись одним махом преодолеть разделяющее их расстояние. Счастливичик и вздох-

нуть не успел, как рука в черной кожаной перчатке оказалась у него на горле. Еще миг – и он, корчась и хрипя, повис в воздухе. Жуткий тип легко держал его одной рукой, будто тряпичную куклу.

Какое-то время – как показалось Барту, целую вечность – он молча разглядывал его, будто ему доставляло удовольствие смотреть, как юноша извивается, пытаясь разжать мертвую хватку, мычит и пускает слюни. Кинжал Барт выронил и тот вонзился в пол рядом с ногой Чёрного.

Посетители кабака, даже самые пьяные и громогласные, затихли. Кажется, даже дышать перестали. Помощи ждать неоткуда.

– Полно тебе, Сандро. Оставь парня в покое. Или уж добей, чтоб не мучался, – раздался, наконец, чей-то голос.

Сказано было негромко, но говорившего, похоже, слышали даже в дальних углах зала.

Черный повернул голову... И выпустил Барта. Тот бесильно рухнул наземь, закашлялся, упираясь в пол дрожащими руками. Перед глазами плясали цветные пятна, а горло будто по-прежнему стискивали стальными пальцами. Воздух, врываясь в легкие, шипел и булькал, как кипящая похлебка.

Черный отпихнул Барта ногой и шагнул вперед. Юноша, воспользовавшись моментом, отполз в сторону, к стене, рванул ворот рубахи, освобождая горло. О нем вроде бы забыли, и это его вполне устраивало.

Субъект в сером балахоне уже почти расправился с ухой и деловито вымакивал остатки куском хлеба, исподлобья поглядывая на жуткого гостя. Страх в его глазах не наблюдалось. Лишь ожидание и... что-то похожее на усмешку. Хотя, может, Барту показалось. Лично он, например, не находил в Черном ничего смешного.

– Ты! – наконец, каркнул пришелец. В голосе его – гулком, будто из печной трубы – явственно чувствовалась угроза.

– Я, – не стал отпираться любитель похлебки. Барт про себя уже окрестил его Серым.

– Да уж, тебя можно встретить в самых неожиданных местах, любитель поковыряться в падали, – пророкотал Черный.

– Ну, так и падаль порой оказывается в самых неожиданных местах, – усмехнулся Серый. – Взять, к примеру, тебя, Сандро.

Черный дернулся, как от удара, прорычал что-то невнятное и порывистым движением отбросил назад капюшон. По залу прокатились испуганно-удивленные возгласы. Барт и сам едва не взвизгнул в голос, увидев лысый, как коленка, череп и изуродованное застарелым ожогом лицо. Особенно страшна была нижняя половина: с левой стороны рта вместо губ – рваная рана с почерневшими, сморщенными краями, сквозь которую видно неровные желтые зубы. Как это он умудряется внятно разговаривать с такой пастью?!

– Ты, как всегда, неоправданно дерзок, Пилигрим, – оше-

рился Черный в жуткой ухмылке. – Но я рад, что мы наконец-то встретились снова. И в этот раз даже не надейся сбегать!

Серый равнодушно пожал плечами, отвлекся, наконец, от похлебки и скучающим взглядом окинул убогий зал. Не сделал ни единого движения, даже в лице не изменился, но...

Завертелось, как любил говаривать Матео, сын торговца сладостями и один из вечных соперников Барта.

Стол, за которым сидел Серый – массивный, сколоченный из старых, почерневших от времени досок – вдруг взметнулся вперед и вверх, будто бы невидимый великан щелкнул по нему пальцем. Сила, пославшая в полет этот вовсе не предназначенный для метания предмет, была такова, что он треснул еще в начале броска. Черный, взмахнув руками, вдруг исчез, оставив после себя лишь струи черного дыма, и стол пролетел мимо того места, где он только что стоял.

Серый был уже на ногах – напряженный, слегка сторбившийся. Сгустки живой тьмы метнулись в его сторону, и из них вынырнул Черный. В руках его был причудливой формы клинок, очень напоминающий кинжал Барта, только больший по размеру.

Серый распахнул полы своего балахона, взмахнув ими, как крыльями. В его правой руке возник пистолет. Грянул выстрел, за ним – еще один, ещё и ещё. Между грохотом выстрелов – звонкие щелчки прокручиваемого барабана.

Барт слышал про такие штуки, но никогда не видел. Мно-

гозарядные пистолеты с особыми капсюльными патронами. Вершина оружейного искусства Бакши. Стоят целое состояние. Откуда такой у этого бродяги?

Обгорелый уродец, снова вынырнув из тьмы, бросился на Серого, взревев, как тигр... Хотя, пожалуй, даже рык разъяренного хищника показался бы безобидным мяуканьем по сравнению с тем, что выдал Черный.

Барт сжался, закрывая голову руками. Последнее, что он успел заметить – как из рукава Серого вырывается нечто, похожее на длинное серебристое щупальце.

Что-то полыхнуло, раздался жуткий треск, и с потолка посыпалась труха и мелкие обломки. Рядом с Бартом шмякнулся с потолка массивный масляный светильник. Несколько жгучих капель попали юноше на плечи и спину, и он зашипел, как рассерженный кот, поспешно отползая в сторону. Едва не напоролся на торчащий из пола кинжал. Когда гладкая ониксовая рукоять снова, как влитая, легла в ладонь, Барту даже несколько полегчало.

Двигаясь вдоль стойки, Барт вскоре обнаружил проход, ведущий прямиком на другую сторону, во владения толстобрюхого трактирщика, и не преминул им воспользоваться.

В зале творилось что-то невообразимое. Светильники, и без того немногочисленные, затухли либо разбились в первые же мгновения схватки, тьму освещали лишь вспышки выстрелов и заклинаний. И, судя по всему, по части магии оба странных гостя – и Серый, и Черный – далеко ушли от

тех кудесников, что выступают с фокусами на ярмарках. Гро-
мыхало и бухало, как во время грозы, потолок трактира так и
норовил рухнуть, воздух наполнился запахом гари. Трактир-
щик, скорчившись на полу и крупно дрожа, причитал, время
от времени срываясь на визг. Барт, разглядев в свете очеред-
ной магической вспышки котомку, в которую тот начал уже
складывать его заказ, подхватил её и пополз к выходу.

Выглянув из-под прилавка, тут же увидел дерущихся ма-
гов. Пламя, охватившее дальнюю стену трактира и разгорав-
шееся все сильнее, достаточно освещало ту часть зала, что-
бы увидеть, что Серый ранен – все лицо его в крови – бле-
стящей и при таком свете кажущейся очень темной, почти
черной.

В руках у Серого – какой-то обломок доски, скорее всего,
от столешницы. Им он заблокировал удар клинка, и пытает-
ся отвести от себя острие. Черный налегает все сильнее. Ру-
ки Серого заметно дрожат, вот он подпускает клинок ближе,
еще ближе... Острие почти касается лица... Последнее уси-
лие – и лезвие режет его по щеке, по шее.

Барт оцепенел с глупой миной на лице – сморщившись,
будто в ожидании удара.

Но Серый – откуда только силы взялись – вдруг отбросил
Черного назад, и, не дав тому опомниться, ударил длинным
серебристым хлыстом, выскользнувшим из рукава. Хлыст
зашипел, вспарывая воздух, хлестнул Черного по лицу, об-
мотался вокруг головы, шеи. Черный закричал – хрипло,

надрывно. Страшно.

Крик этот будто бы подстегнул Барта, и он, все так же, на четвереньках, в кровь сбивая колени, поспешил к выходу. Распрямился лишь у самых дверей и вывалился за порог, будто получив пинка. Вопль Черного звенел у него в ушах, преследовал его всю дорогу, пока он, оскальзываясь босыми ногами на глине, неслился по темным вонючим улочкам поселка.

В «Барракуде» еще раз гроыхнуло, ощутимо сильнее, чем в прошлые разы. Вывеска с намалеванной на ней рыбиной покосилась, а потом и вовсе сорвалась с креплений, шумно рухнув в грязь.

Потом все стихло.

Год 237-й от Разлома, осень, пустоши у южного побережья Валемира

Барт не помнил, как выбрался из Вальбо. Как бежал, не разбирая дороги – долго, пока окончательно не выбился из сил. Не помнил, как набрел на эту пещерку под вывороченной с корнем осиной. Даже не пещерку, а нору, в которую он с трудом поместился, скорчившись в три погибели.

Поначалу, разгоряченный, задыхающийся от бега и пережитого ужаса, он долго не мог прийти в себя. Потом, когда ночная сырость взяли свое, изрядно продрог. Не помогли даже припасы, прихваченные из «Барракуды» и съеденные в один присест. Видимо, начало сказываться утреннее купание в холодной воде. Так что к тому времени, когда из-за пелены сизых туч выглянула луна, Барт занимался тем, что мёрз. Иначе и не скажешь – все мысли были о том, как бы согреться. Зарывшись в опавшую листву, он свернулся в клубок, обхватил руками колени и дрожал, временами громко клацая зубами.

Неплохо было бы вылезти из норы и размяться, разогнать кровь по жилам, но вылезать туда, во тьму, наполненную шелестом, скрипом ветвей и целым океаном каких-то малопонятных и таинственных звуков, Барт так и не смог себя заставить. Будто бы вернулись детские годы, когда он так бо-

ялся темноты, что вечерами долго не мог заснуть и укрывался старым клетчатым одеялом с головой, оставляя лишь маленькую щелочку, чтобы не задохнуться.

Да видят боги – он бы сейчас полжизни отдал за то старое клетчатое одеяло!

Когда вышла луна, изрядно посветлело. Барт повернул голову, взглянул на пятнистый светящийся диск, почти идеально круглый. До полнолуния оставались считанные дни. Барт хлюпнул носом, поворочался, шурша листьями, как огромный ёж. Снова выглянул наружу.

Небо в свете луны сделалось темно-серым, будто свинцовым. Угольно-черные силуэты деревьев четко выделялись на его фоне – какие-то странно изогнутые, узловатые, как из ночных кошмаров. Чуть поодаль светлела полоска тракта – вернее, той размытой вздым колеи, что могла претендовать на звание дороги только в такой глуши. На покосившемся столбе, врытом на повороте к Вальбо, наверное, когда-то был указатель, но теперь это был просто столб, торчащий, как одинокий гнилой зуб во рту у нищенки.

Барт поежился, выпростал руки из подмышек, яростно потер ладони друг о друга, стараясь согреться. Пальцы замерзли до ломоты в суставах и плохо слушались. Кожа на руках бледная, синюшная, как у ощипанной курицы. Больно глотать, но это уже последствия близкого знакомства с Чёрным.

Тут-то он и заметил на рукаве странный багровый отсвет.

Уставился на него, как завороченный. Медленно повернулся... Отстранил руку от тела...

Руны на рукояти кинжала, заткнутого за пояс, полыхали ярким, пульсирующим светом, живо напоминая недавнюю сцену с кольцом, брошенным в камин. Барт, несмотря на холод мгновенно покрывшись испариной, выбрался из норы, с трудом разгибая затекшие конечности. Двумя пальцами, будто боясь запачкаться, вытянул кинжал из-за пояса и отбросил от себя. Зашарил по карманам, выудил добытую у Черного серебряную бляху. Руны на ней тоже всю полыхали красным, а кристалл игниса в центре походил на раскаленный уголек.

– А-а-а, проклятье... – зашипел он, отбрасывая и бляху. Отбежал на пару шагов. Игнис пламенел в траве ярко-красными каплями, будто кто-то окропил землю светящейся кровью. Впрочем, он не пульсировал, как то кольцо в огне. Может, ничего опасного?

Любопытство взяло верх. Да и жаль было бросать добытые с таким риском вещи. Ну, светятся, что ж с того? Выглядит безобидно – во всяком случае, пока. Никаких там огненных червей и прочих неожиданностей.

Он простоял так довольно долго, пока на лунный диск не набежала туча, и все не погрузилось во тьму. Красные огоньки, казалось, вспыхнули еще ярче, но потом начали тускнеть и гаснут. Барт зашарил руками в траве, отыскивая пропажу, но в такой темени сделать это было ох как непросто. Кинжал

он нашел почти сразу, сверток тоже. А вот серебряная бляха как сквозь землю провалилась. Барт, осторожно передвигаясь на корточках, долго шуршал сухими листьями, но все без толку. Пришлось возвращаться в свою нору.

Луна вскоре показалась вновь – после короткого, но весьма неприятного дождичка, превратившего убежище Барта в грязную яму. Счастливчик, чертыхаясь, выбрался наружу и тут же увидел тлеющий огонек игниса в траве.

– Луна... – прошептал он. Задрал край жилетки. Рукоять заткнутого за пояс кинжала тоже расцвела багровым пламенем. – Это всё из-за луны...

Подобрал с земли бляху, спрятал в карман. Огляделся.

До рассвета, судя по всему, оставалось недолго – небо на востоке заметно просветлело, звезды потускнели, почти слились с серовато-сизым фоном. Из-за опускающегося на землю тумана еще больше похолодало. Барт взглянул в сторону поселка и вздрогнул.

По дороге кто-то ехал. Лошадь неторопливо брела по размытой колее, понуро склонив голову. Всадник, закутанный в просторный плащ с капюшоном, не торопил её, ехал, как-то странно скособочившись в седле, будто придерживая что-то за пазухой.

Барт, пригнувшись, шмыгнул в сторону, спрятался за массивным камнем, лежащим у самого края дороги, рядом с покосившимся столбом.

Кто этот всадник? Вряд ли кто-то из местных. Сразу же,

едва увидев его, Барт почему-то решил, что это – тот самый Серый из «Барракуды». Хотя, конечно, под плащом мог скрываться кто угодно. Даже...

Нет, Черного бы Барт узнал бы сразу. К тому же, хотелось надеяться, что жуткий тип не выжил в той схватке.

Барт во все глаза наблюдал за приближающимся путником. Луна снова скрылась за тучами, так что теперь всадник представлял собой размытый темный силуэт, приближающийся медленно и почти беззвучно, как привидение. Странно. Обычно на лошадиной сбруе полно всяких блях, застежек, колец, а то и специально навешанных колокольчиков, которые постоянно звякают во время езды.

Незнакомец был все ближе. Вот уже стали слышны чавканье копыт, выдергиваемых из мокрой глины, фыркание лошади, поскрипывание седла и сбруи. Всадник миновал камень, за которым укрылся Барт, проехал, едва не коснувшись стремянем, старый дорожный столб.

Счастливчик медленно, неуверенно распрямился. Раскрыл было рот, чтобы окликнуть всадника, но нарушить эту тягучую, почти осязаемую предрассветную тишину казалось чудовищным кощунством. Страх сковывал, сдавливал ледяным обручем горло, еще болевшее после мертвой хватки Черного. Барт выбрался из-за камня, выбежал, оскальзываясь на холодной глине, на дорогу.

– Кхм... Г-господин! – хрипло окликнул он, удивляясь собственному голосу, больше похожему на карканье.

Лошадь громко фыркнула, перебирая копытами. Всадник резко развернулся в седле, и в воздухе что-то свистнуло. В сторону Барта метнулась шипящая серебряная плеть. Он отпрянул, едва не завалился на спину, в последний момент ухватившись за сырой осклизлый столб. Блестящее металлическое щупальце с клином на конце, чуть не расцарапав ему щеку, вонзилось в этот же столб в пяди от его головы. Барт замер, вытаращив глаза. По телу пробежала горячая волна запоздалого ужаса.

– Хорошая реакция, сынок, – раздался знакомый голос. – Но не делай так больше.

Серый – а это был он – дернул щупальце на себя, и оно, извиваясь, втянулось в рукав, напоследок щелкнув раздвоившимся клинком, как клювом.

– В-вы... Вы... Меня напугали, дон... – пробормотал Барт и закашлялся. В горле першило так, будто он проглотил пригоршню иголок. Разговаривать было больно, даже шёпотом. Проклятый Чёрный!

– Ты меня тоже, – признался всадник. – Говори. Но предупреждаю, я не настроен на длинную беседу.

– Да и мне не до того, господин, – невесело усмехнулся Барт, снова пытаясь откашляться. Безрезультатно. – Меня зовут Бартоломею Твинклдот...

Серый представляться и не подумал. Сидел в седле неподвижно и безмолвно, как истукан.

– Так вот, я... – замялся Барт. – Я потерпел кораблекру-

шение. Второй день плутаю по этому берегу без гроша в кармане, без еды...

– Откуда ты?

– Из Валемира... Но мне... – он снова кашлянул, болезненно поморщился, потирая горло. – Мне нельзя туда возвращаться.

Серый хмыкнул.

– Потрясающая история. Что ты от меня-то хочешь, сыннок?

Барт едва сдержал слёзы.

– Заберите меня отсюда, господин!

Серый долго молчал, разглядывая Барта. Счастливчику тоже было не до разговоров – он вдруг с ужасом понял, что каждое последующее слово дается ему все с большим трудом. Похоже, Черный здорово повредил ему гортань. Как бы вовсе не потерять голос...

– Сдается мне, ты многого не договариваешь, Бартоломью Твинклдот... – сказал, наконец, Серый.

– Поверьте, господин, если вы заберете меня отсюда... – прохрипел Барт. Откашлялся. Шмыгнул носом. – И если я не сдохну по дороге от проклятого насморка или воспаления легких... то я расскажу вам все, что захотите. Даже то, что обычно... утаивал на исповедях отцу Миро в святилище Араноса.

Серый усмехнулся. Снова надолго замолчал.

– Мне нечем заплатить вам, господин... – решился, нако-

нец, Барт. – Но у меня есть вот это...

Он показал серебряную бляху.

– Вижу, – буркнул Серый. – А за поясом у тебя арранийский крис. Судя по форме рукояти, это даже не просто крис, а жреческий никталус.

– Ну... наверное, – пробормотал Барт. Так и есть, этот странный маг следил за ним в таверне. Вот ведь глазастый!

– Не каждый день натыкаешься на юнца, у которого карманы набиты вещами, на поиски которых кое-кто тратит годы...

– Я отдам вам все, только вытащите меня отсюда! – просипел Барт. – Ну... Или продам...

Серый удивленно хохотнул.

– Я недорого возьму, – продолжил Счастливчик. – Мне бы только немного денег... Чтобы путешествовать... Прикупить чего-нибудь из одежды...

– Да, с одеждой у тебя полная незадача, как я посмотрю...

Серый снова замолчал. Его лица не было видно под капюшоном, но Барт чувствовал на себе пристальный, изучающий взгляд.

– Ладно. Садись сзади. Только одно условие...

– Да, господин?

Серый вытянул руку.

– Крис.

Барт неохотно потянулся к кинжалу.

– Быстрее, Бартоломыю, пока я не передумал. Мне совсем

не хочется, чтобы позади меня ехал кто-то с арранийским клинком за пазухой.

Юноша, скрепя сердце, передал оружие Серому.

– Вот и отлично. Это очень опасная штука, поверь. Раны от таких не заживают... Ну, запрывивай.

Барт с трудом забрался на круп лошади, позади седла, ухватился за плащ Серого.

– Осторожнее, – прошипел тот, когда он случайно задел его бок.

– Вы ранены, господин?

– Так, ерунда. Но довольно болезненно. Ладно, поспешим. Мне совсем не хочется задерживаться в этой дыре.

– Мне тоже...

Наездник тронул поводья, и лошадь, фыркнув, побрела по дороге неспешным, монотонным шагом. Барт оглянулся назад, где в свете восходящего солнца уже можно было разглядеть окраинные строения Вальбо. Захотелось стегануть чем-нибудь флегматичную кобылу Серого, чтобы та перешла с неспешного верблюжьего шага хотя бы на рысь.

– Не ёрзай, Бартоломью, – бросил через плечо Серый. – Иначе пойдешь пешком.

– Извините, господин... Кстати, вы забыли представиться. Серый промолчал.

Барт вздохнул, понимая, что от дальнейших расспросов лучше воздержаться, хотя любопытство так и переполняло его. Впрочем, боль в горле тоже не способствовала продол-

жительным беседам, так что тут все подобралось одно к одному.

Дальше они поехали молча. Солнце выползло из-за горизонта, залив окрестности не по-осеннему ярким светом, в два счета разгоняя сгустившийся было туман. Здорово потеплело. Глинистая размытая колея, идущая от Вальбо, сменилась более сносной дорогой, и лошадь сразу же пошла шибче. Барт оглянулся в последний раз на каменистую пустошь, тянущуюся до самого моря, на очередной покосившийся и потемневший от дождей дорожный столб. Его вдруг будто шилом пронзило ощущение потери. Будто только сейчас до него дошло, что он уже никогда не вернется к тому, что знал. Что впереди – неизвестность, новая, совсем другая жизнь. Жизнь, к началу которой он не очень-то и готов.

Счастливчик – хотя после событий последних дней он готов уже был отказаться от этого прозвища – опустил голову, сосредоточившись на созерцании грязного плаща своего попутчика.

И больше не оглядывался.

Часть вторая. Коготь

1

Год 237-й от Разлома, Валемир, осень

В воздухе вилась пакостная осенняя морось. Вроде и не настоящий дождь – так, брызги. Но вполне хватило, чтобы одежда промокла насквозь еще на полпути от дома Локрина до кордегардии. Старый капитан чертыхался себе под нос, разглядывая маячащую впереди спину Брина, его смешные вихры на затылке, царапину на шее.

По пути ни о чем не расспрашивал, хотя внутри все кипело от досады и беспокойства. В кои-то веки не вышел лично в утреннюю смену – и на тебе, три трупа! Двое гражданских. И один из стражников. Кто убит, не спросил сразу, и теперь гадал, припоминая, кого посылал нынче в патруль. Кого из них не уберег? К кому домой придется нести страшную весть? Эрин? Толстяк Паул? Тонио?

Эрин ждал их на улице, перед входом в кордегардию. Раскрасневшийся, без капюшона. Намокшие усы повисли длинными пегими сосульками. Завидев идущих, дернулся было навстречу, но, поймав взгляд Локрина, лишь кивнул в знак приветствия и скрылся за дверями. Капитан вошел следом. За ним, едва не наступая начальству на пятки – Брин. Юно-

шу так и распирало от волнения и любопытства. Да, пожалуй, это первое крупное происшествие за все время его службы...

Локрин хотел было отослать юнца, но потом махнул рукой. Сразу, с порога, скомандовал Эрину:

– Говори.

– Особняк Лерано, – в своей обычной отрывистой манере выпалил тот. – Двое убито. Сам хозяин. Его в кровати нашли, глотка вскрыта – от уха до уха. Похоже, что прямо во сне. И в саду труп. Один из охранников поместья. Но на этого уже потом наткнулись...

Локрин слушал доклад, неторопливо вышагивая из угла в угол по скрипучим, как несмазанная телега, половицам.

– С чего началось-то? Какого демона вы вообще туда сунулись? – буркнул Локрин,

Поместье – на самом краю портового района Валемира, уже на твердой земле, и официально даже не входит в зону патрулирования их отряда, хотя и находится по эту сторону стены, отгораживающей портовый район от большого города. Мало того, Андреас Лерано при жизни мог позволить себе личную охрану. В саду и в доме постоянно дежурило с полдюжины головорезов.

– Мы с Паулом неподалеку были. И тут – крики! Женщина кричала, жена. Глядим – кто-то из окна сиганул. Нам повезло – он ногу подвернул. Довольно серьезно. Убежать не смог. Тут мы его и повязали. Из дома еще охранники выбежали,

помогли. Дармоеды, чтоб их...

– А... Паул?

Эрин неожиданно вспыхнул, крепко саданул кулаком по столешнице.

– Эх, кур-рва! Проглядел я, капитан! Нет, ну ведь до чего изворотливая тварь, а! Мы на него вдвоем навалились. Я в охалку сгрёб, Паул с верёвкой. А этот... У него в носке ботинка клинок был. И – сразу в горло. Ничего не успели сделать...

Локрин только сейчас разглядел в дальнем, неосвещенном углу накрытое рогожей тело. Скрипнул зубами, подавив желание выругаться.

– А этот где?

– В подвале. Мы его раздели до исподнего и связали. Чтоб уж без фокусов.

– Пойдем, посмотрим, – скомандовал капитан. – Брин, захвати фонарь.

Юнец встрепенулся, отрывая взгляд от тела на лавке, подхватил один из светильников со стола и первым бросился к двери в подвал.

Собственно, не будь там крошечного оконца под самым потолком, это и не подвал был бы, а погреб. Оконце пробито в дальней стене, прямо напротив лестницы и служит в первую очередь воздуховодом. Света от него даже в полдень хватает только на то, чтобы различить очертания предметов.

Хотя глядеть-то тут особенно не на что. Две камеры, от-

гороженные от прохода толстыми железными прутьями. Два колченогих табурета у дальней стены, под самым окном. На одном из них – плоска с огарком толстой, как полено, свечи.

Тонио – долговязый, нескладный, с волосами цвета прелой соломы и лицом без возраста – стоял напротив дальней камеры, неторопливо похлопывая по ладони дубинкой, обернутой сыромятным ремнем. Увидев начальство, подобрался, спрятал руки за спину. Локрина он уважал и побаивался, как и все остальные. Впрочем, страх этот, как и у остальных, смешан с почти сыновней любовью и почитанием. Старик Локрин не из тех, что отсиживается за чужими спинами, а за людей своих болеет, как за родных. Сироте Брину он и вовсе заменил родителей, подобрав мальчишку после кораблекрушения где-то западнее Валемира.

– Ну, что там у нас...

Локрин забрал у Брина фонарь, приподнял его повыше. Эрин остановился чуть поодаль, всем видом показывая, что ему даже смотреть лишний раз не хочется на этого гада в камере. Брин, смешно вытягивая шею, выглядывал из-за спин старших.

– Твою ма-ать... – присвистнул Локрин и подался вперед, едва не коснувшись лицом ржавых прутьев.

Пойманный без движения валялся на нарах в неестественной, изломанной позе. Руки были связаны за спиной и притянуты к ступням. Во рту торчал внушительных размеров кляп. Из одежды на пленнике лишь набедренная повязка,

так что можно в подробностях разглядеть затейливую вязь татуировок, покрывающую руки от запястий до самых плеч и переходящих на грудь, шею, спину. Татуировки нанесены иссиня-черной краской, другую было бы не разглядеть – кожа у убийцы темная, желтовато-коричневого оттенка, как речная глина.

– Рот-то зачем заткнули? – спросил капитан.

– Так ведь кусается, сволочь, – сплюнув на пол, процедил Тонио. – Пришлось его вовсе вырубить, чтоб не буянил.

– Ну, это ты мастер, – буркнул Эрин. – Связанного-то чего не вырубить? Я бы на тебя там, в саду, посмотрел...

– Да пошёл ты, – не мудрствуя, огрызнулся долговязый и повернулся к Локрину. – Что делать-то с ним будем, капитан?

– Открой-ка клетку.

– Может, не надо? – осторожно спросил Эрин – Говорю же – изворотливая тварь. Как бы не выкинул чего...

– Открывай, говорю.

Локрин перехватил фонарь левой рукой, правой вытянул из ножен корд.

Ключ пронзительно, пробирая до самых печёнок, скрежетнул в скважине.

– Да чего там смотреть-то, капитан? – поддакнул Эрину Тонио. – Сдать душегуба имперцам, да и дело с концом. Уже к вечеру, небось, на виселице болтаться будет.

– Проверить хочу, – глухо отозвался Локрин.

– Чего проверять-то?

Капитан поставил лампу на край нар и свободной рукой повернул пленника на спину. Прищурился, разглядывая рисунки у него на груди.

– Не может... Неужто... – пробормотал он, едва ли не носом водя по татуировкам. Потом выпрямился, развернулся к остальным. Глаза лихорадочно блестели, отражая неровное пламя свечей. Взгляд был слегка шальным, будто пьяным.

– Ну, держи теперь кошелю шире! Такую награду за поимку отхватим – за год не истратить! Эх, если б не Паул, сказал бы я, что Аранос-хранитель нас милостью своей одарил...

– Да кто это, капитан? – не выдержал Брин, проталкиваясь к решетке.

– Сами-то не допёрли ещё? Олухи! Второй год ведь канцелярия листовки малюет с приметами. Ну?!

Стражники уставились на связанного, будто только сейчас увидели. Высокий рост, коричневая кожа и характерный разрез глаз выдавали в нём уроженца островов Тхай. По обычаям тхайцев, голова почти полностью обрита наголо, а длинные волосы на затылке собраны в хвост. Волосы – это видно даже в темноте – выкрашены в ярко-красный цвет, какого не бывает от природы. Шею пленника стягивает странный амулет в виде паука. Цепочка слишком короткая, так что вдавливается в кожу. Сам паук – крупный, с брюшком размером с серебряную монету в десять лир – кажется, и вовсе врос лапками в ямку между ключицами. Татуировки на теле по

большей части состоят из тайских иероглифов, но на груди искусно выколота парящая птица.

– Может, это и совпадение. Но слишком много сходится. Много ли по материку шастает тхайцев из рода Буревестника? Это он, точно вам говорю! Рахт айн Каррейда ... тьфу, как там...аэн Сейларанн. Ну, или, если короче...

– Коготь?! – разом выдохнули Эрин с Тонио...

Год 223-й от Разлома. Острова Тхай

– Коготь! Ещё раз! Блок! Прыжок нарра! Блок!.. Ар-рх, больно же! Я сказал – блок! Ты чем слушаешь, Рахт?!

– Ты раскрылся. Зачем мне блокировать, если можно напасть?

– В настоящем бою я бы так не раскрылся! Мы же просто тренируемся, разве нет? Защиту отрабатываем, между прочим! Которая у тебя хромает.

– Ничего у меня не хромает!

– Да ну? Проверим? Только учти – поддаваться не буду!

– Ха!

– Ну, тогда держись, братишка...

Деревянные мечи сухо стукнулись, скрестившись самыми кончиками. Бойцы – оба покрасневшиеся, взъерошенные – на мгновение замерли, будто стараясь услышать биение сердца противника. Напряженные, сосредоточенные. Оба – совсем ещё мальчишки, едва ли отмерившие двадцать зим. Высокие, поджарые, бритоголовые. На обоих – просторные тренировочные санно из тонкой светлой ткани, прилипшие к спинам от пота. Сейчас юноши похожи друг на друга, как близнецы. Только у того, что чуть повыше и, видимо, чуть старше, глаза серые, как талый снег, а у второго – черны и блестящи, как полированные кусочки оникса.

– Хэй! – гортанно вскрикнул старший, вскидывая меч. Но напал первым черноглазый. Молча, но с таким исступлением, будто собирался закончить поединок одной-единственной атакой. Он обрушил на противника град ударов, каждый из которых, попади он в цель, грозил немалым уроном, хоть меч и был всего лишь деревяшкой.

Впрочем, сероглазого это несколько не смутило. Он с легкостью парировал удары, плавными, скользящими шагами уходя с линии атаки. А когда черноглазый чуть сбавил темп, ответил молниеносным выпадом, самым концом меча звонко шлепнув противника пониже спины.

– Защита, Рахт! – усмехнулся он.

Черноглазый, лишь поморщившись от боли, снова бросился в атаку. Мечи, сталкиваясь, трещали, и удивительно было, как они не разлетаются в щепки. Улыбка быстро слетела с лица сероглазого, и он, теснимый яростными атаками соперника, вынужден был отступить на несколько шагов. Это ещё больше воодушевило черноглазого, и он ринулся вперед.

Ошибка. Одна из тех, что в реальном бою стоят жизни. Сероглазый развернул меч, будто бы собираясь ставить блок от наносимого сверху удара. Но, едва деревянные клинки соприкоснулись, плавно повел его к себе, одновременно разворачиваясь. Сила и ярость, которую младший вложил в удар, неотвратимо повлекла его вперед – он «провалился». Старший не преминул воспользоваться этим. Следующее его дви-

жение было мгновенным – разворот и наклонный удар по ноге, с обратной стороны колена. Черноглазый рухнул на спину, отчётливо лязгнув зубами. Тут же попытался подняться, но уперся в закруглённый конец меча, замерший на волоске от его груди – старший, как полагается, завершил поединок добивающим движением.

– Вот так-то, – улыбнулся сероглазый. Убрав оружие, протянул брату руку, – Давай помогу. Не сильно ушибся?

Младший кувыркнулся назад, пружинисто вскакивая на ноги. Деревянный меч полетел в сторону, глухо стукнулся о камень на краю площадки. Сам же боец, не оборачиваясь, зашагал прочь.

– Рахт! – окликнул его победитель. – Ну, брось! Чего ты? Догнав брата, положил ему руку на плечо, пытаясь остановить.

– Сам виноват! Я же предупреждал – поддаваться не буду. Черноглазый стряхнул руку с плеча и зашагал быстрее, буркнув сквозь зубы:

– Отцепись!

Старший, обогнал его, преградил дорогу.

– Слушай, хватит уже! У тебя сейчас дым из ушей повалит! Интересно, это айна угадала с именем, или ты сам стремишься ему соответствовать? Ведь и впрямь горяч, как огонь!

– Сказал же – отцепись! – Рахт остановился, набычился, исподлобья наблюдая за братом.

– За крабами-то идём? Если не наловим к вечеру – Артанг нам точно плетей всыплет. Этак по дюжине на брата...

– Вот и лови их сам!

– Эй-эй, попридержи язык! Или мне тебя ещё разок проучить?

Черноглазый насупился ещё больше, сгорбился, сжимая руки в кулаки. Старший примирительно поднял руки:

– Ладно, не злись. Драться мне уже надоело. А с крабами... Ты же знаешь – один я не наловлю, сколько нужно. Да и ты говорил, что место хорошее нашёл. Ну, так что, идём?

– Лови своих крабов сам, Райс! – упрямо повторил Рахт.

Сероглазый вздохнул.

– Ну, а ты куда собрался?

Младший промолчал и, обогнув брата, зашагал вперёд.

– Ты ведь на Язык, верно? – окликнул его тот. – Ну, ладно, пойдём. Я тоже хочу посмотреть.

Он догнал черноглазого, и дальше они шли вместе.

Через тренировочную площадку с утрамбованной до каменной твёрдости землёй. Мимо соломенных тренировочных чучел, стоек с деревянными мечами, шестами и подбитыми войлоком защитными фуфайками, которые нужно надевать на тренировку. Видел бы Артанг, что они опять дерутся без защиты – им бы не поздоровилось. Хотя наверняка он знает. Ну, или догадывается, но не будет подавать вида то тех пор, пока – или если – кто-нибудь из них не пострадает. Он им доверяет. Райс – лучший из молодых бойцов, гордость

и надежда рода. Да и Рахт не сильно от него отстаёт, хотя и младше на три зимы. Они уже настоящие воины, и скоро Артанг перестанет быть их учителем. Просто потому, что их нечему будет учить.

По узкой дорожке, выложенной тщательно подогнанными друг к другу плоскими камнями. Между приземистыми постройками без окон, соединёнными между собой крытыми переходами. Жилища безликих. Сразу за ними – склады. Отдельный для провизии, для глиняной утвари, для одежды и тканей, для оружия. Между ними – тоже крытые переходы. Тёмное, затянутое облаками небо выглядывает из редких окошек открытых двориков, как вода в затянутом ряской пруду. Скаты крыш и навесов на нижней кромке плавно загибаются вверх, образуя водостоки, по которым дождевая вода устремляется в установленные во дворах бочки. Пресная вода на островах – слишком большая ценность, чтобы позволять ей просто уходить в землю.

Дошли до толстой каменной стены, заштукатуренной с обеих сторон глиной. Стена огораживает весь посёлок, оставляя для прохода двое ворот – восточные и южные. Прорёмы ворот небольшие, почти круглой формы, закрываются тяжёлыми створками, сделанными из цельных бревен. Запираются они каждый вечер, и всё время у ворот и по периметру стены стоят на страже вооруженные воины. Порядок соблюдается неукоснительно, хотя при жизни братьев посёлок ни разу не подвергался нападению. Райс, входя под арку во-

рот, сдержанно кивнул стоящим на карауле воинам. Те кивнули в ответ, здороваясь с ним, как с равным.

По извилистой пыльной тропинке – мимо крохотных полей, для удержания влаги огороженных невысокими земляными валами. На полях бесформенными силуэтами маячат безликие – в серых балахонах, в широкополых соломенных шляпах, защищающих от дождя и солнца. В одинаковых масках из гибкой коры, плотно подогнанных к лицу. Рабы. Пленники, дезертиры, преступники, заложники, взятые из других кланов как гарантия мира. Те, кто лишился права даже на собственное лицо и собственное имя.

Под их ногами ровными рядами выстроились кустики бобов, которые они тщательно окучивают и заботливо охраняют от сорняков, грызунов и насекомых, а если позволяют запасы воды – и поливают. Каждый день, если только не заняты другой работой. Но в этом году, несмотря на все старания, бобы выглядят неважно – чахлые стебли так и клонятся к серой, как пепел, земле. Богатого урожая нынче, похоже, ждать не приходится.

По каменистому спуску – на укрытое жёлтым покрывалом песка побережье. Мимо старого деревянного пирса – снизу чёрного от воды и улепленного ракушками, а сверху – серовато-белого от морской соли. Доски настила уютно поскрипывают под ногами, отполированные сотнями рук поручни слегка пошатываются, подаются под нажимом, но еще достаточно надёжны.

Они постояли немного на пустом пирсе, глядя на лениво перекатывающиеся серые глыбы волн. Вдалеке, у самого горизонта, можно различить несколько узких треугольных парусов. Рыбацкие лодки. А чуть севернее едва заметным пятном темнеет Пайр – соседний остров. В такую погоду, если не знать, что он там – и вовсе не увидишь.

Потом они молча развернулись и прошли вдоль берега на север. У Головы нарра – вытянутой треугольной скалы, и впрямь напоминающей голову пресмыкающегося – повернули налево и снова зашагали вглубь острова. Сначала по крутому скалистому склону, потом ступили в тень деревьев, и под ногами мягко стелилась трава. Это лес Айхар, занимающий почти четверть острова, уходящий всё выше по склону, к священному Тхай-Наррахт – Пику Огнедышащего Ящера. Так далеко идти, конечно, нельзя – склоны Тай-Наррахт запретны. Но где-то там, у самого его подножия, в самом сердце острова, расположился храм Найр-Найр-Хош – храм Девяноста Девяти Мечей.

До него дня три пути, но владения рода Сейларанн – Буревестников – заканчиваются куда раньше. Северная граница проходит здесь, в лесу Айхар, вдоль глубокого ущелья, по дну которого течёт ручей, а на другую сторону перекинут навесной мост. Дорога, идущая через мост, теряется в лесу на другой стороне. Это владения рода Нарров – Ящеров. Там братья были всего однажды – недавно, во время очередного Праздника луны.

Если пойти от моста на запад, ещё дальше вглубь острова, и вскарабкаться по заросшему колючим кустарником склону навверх, то выйдешь как раз к Языку.

Пропасть, что восточнее соединяется мостом, здесь гораздо шире – пожалуй, больше полёта стрелы. При этом южный склон расположен куда выше северного, так что лес на той стороне не мешает обзору. В хорошую погоду отсюда виден и посёлок Ящеров, и дорога, ведущая от него дальше вглубь острова. Хорошо виден и сам Тай-Наррахт – чёрный, как обугленная головня, по форме похожий на обломанный акулий зуб.

Особенно хороший вид открывается, если забраться на продолговатый скалистый выступ, нависающий над самой пропастью и похожий на высунутый язык. Рахт, обогнав брата, устремился на выступ и уселся на самом конце, свесив ноги вниз.

– Брр, Рахт! – поежился старший. – Сколько раз говорить – не делай так! Мне даже смотреть на тебя жутко!

Сам он расположился в паре шагов за спиной брата, на безопасном расстоянии от края.

– В чём дело? Бесстрашный Райс чего-то испугался? – жёстко усмехнулся черноглазый.

– Только дурак ничего не боится! – буркнул Райс. – Так что не будь дураком – слезай оттуда. Вниз брякнешься – мокрого места не останется.

Рахт, продолжая сидеть, упёрся ладонями о землю, вы-

прямил руки и покачался на них, держа ноги под углом к туловищу.

– Вот засранец! – чертыхнулся сероглазый. – Ну и ладно. Свалишься – сам виноват будешь.

Они довольно долго сидели молча, глядели вниз.

– Видишь что-нибудь? – спросил, наконец, старший.

Рахт покачал головой.

– Я тоже. Может, они уже у Нарров? Тогда, наверное, у нас будут завтра или послезавтра.

– Я знаю...

Снова надолго замолчали. Потом младший, не оборачиваясь, спросил:

– Боишься?

– Испытания? Немного. Хотя я ещё в прошлый раз понял, что буду следующим. А уж последние пару зим...

– Будут же ещё претенденты ... Не знаешь, кто?

Райс задумался.

– Ахан. И, скорее всего, Сэйн. Или Авер. Они достаточно хороши.

– Но не для Храма.

– Да. Ты же знаешь, в Храм возьмут одного. А участвовать в Испытании можно только один раз.

– Угу. Один победитель и два-три подставных неудачника.

– Зачем ты так, Рахт? Ты же знаешь – всё не так. В конце концов, попасть в Храм – это не главное. Участвовать в Испытании – уже честь. Ахан наверняка получит под коман-

дование пятерых, а то и десятерых. А если особо отличится – может заработать и какую-нибудь метку. Помнишь, в прошлый раз Кай получил Три клыка?

– Помню. Но Воин Храма – это совсем другое...

Райс потрепал брата по плечу.

– Не кисни, Рахт! Через пять зим – новое Испытание. И ты точно станешь следующим. К тому времени уже никто не сможет с тобой тягаться, вот увидишь. Разве что этот Артангов любимчик, Найл. Но ты и его уделаешь, тебе бы только защиту отработать...

Рахт усмехнулся.

– ...Да прыги поубавить. Горяч слишком, братишка. А голова у воина должна быть холодной.

– Да знаю я...

– Тебе остаётся просто подождать.

– Угу...

– Ну, так чего киснешь? Ты сам не свой с тех пор, как мы вернулись от Нарров. Чего ты там такого увидел?

– Не чего. Кого.

– А-а... – старший оживился, подвинулся ближе к брату. – Дай-ка угадаю... Ты про ту ай-мин, что исполняла танец с мечами? Как же её звали-то...

– Нет.

– Нет? Но я там больше никого симпатичного не заметил! Там вообще женщин было мало. Разве что ты запал на кого-нибудь из безликих? Тогда учти – иногда лучше не сни-

мать маску. Чтобы не разочаровываться. Да и не очень-то нужно видеть во время этого дела лицо...

– Да ну тебя! – Рахт поёрзал на камне и, хотя по-прежнему не оборачивался, было видно, что покраснел. Уши выдавали.

– Ну, давай, рассказывай уже! Всё-таки безликакая?

– Нет.

– А кто?

– Она... Её зовут Ахти.

– Ахти? Так ведь она ещё соплячка совсем! Хотя... Ладно-ладно, прости, – спохватился Райс, поймав разгоревшийся гневом взгляд брата. – Она и правда вырастет в настоящую красавицу. Но... Она же айнадар.

– Понял, не дурак.

– Да уж, Рахт, – покачал головой сероглазый. – Ты не ищешь лёгких путей. Хотя айна наверняка одобрила бы твой выбор. Союз с Наррами был бы очень выгоден роду.

– Да плевал я на союз с Наррами! Я хочу её. И... мне показалось... Она так на меня посмотрела...

– Да, брат, ты влип. Ну, ничего. Если эта блажь не пройдёт в ближайшие пару лун – а я, кстати, думаю, что пройдёт – то тебе и правда одна дорога. Поступишь через пять зим в Храм, еще через пять выйдешь оттуда весь в почётных метках с головы до ног. Будешь завидный жених. Да и айнадар твоя подрастёт к тому времени...

– Десять зим...

– Да. Может показаться вечностью. Но другого пути нет.

Если сунуться к Наррам сейчас – они на смех нас поднимут. Ты уж не обижайся. Тебе надо запастись терпением. Целым океаном терпения, брат.

– Я понимаю, – опустил голову Рахт.

Айнадар – это старшая дочь айны, правительницы рода. Её единственная наследница. Все дочери, рождающиеся у айны позже, отдаются на воспитание безликим, и со временем либо пополняют их ряды, либо становятся ай-мин – женщинами-воительницами. Власть к айнадар переходит после того, как она получает мужа и рождает первого ребёнка. Тогда действующая айна становится ай-нам – нянькой и советницей. Она по-прежнему уважаема и почитаема родом, но теперь остаётся в тени.

Но представить Силан, айну Нарров, ушедшей на покой... Нет, пожалуй, такого не случится – ни через десять зим, ни через двадцать. Эта женщина упряма и воинственна, как какой-нибудь рыжебородый Сын медведя из Ледяных земель. Наверняка она ещё долго не будет допускать к дочери женихов.

– Она совсем не такая, как мать, – вдруг сказал Рахт. – Она...

– Да помню я. Сухая былинка с во-от такими печальными глазищами... Ладно, не сопи ты так. Уже опять загорелся!

– Зря я тебе рассказал...

Сероглазый устало усмехнулся и, положив руку на плечо младшему, немного помолчал.

– Забудь её, брат. Лучше забудь.

Рахт вздохнул.

– Ладно, хватит уже здесь рассиживаться, – пробурчал старший, потягиваясь. – Пойдём. За крабами пора, а перед этим домой заскочить за снастями.

– Пойдём, – чуть помедлив, отозвался Рахт и тоже поднялся.

Перед тем, как снова углубиться в чашу, он обернулся и бросил последний взгляд в пропасть.

Где-то там, далеко-далеко внизу, тревожно рокотал водопад.

3

Его разбудил бой барабанов.

Сначала несколько утробных, раскатистых, как отзвуки грома, ударов, отзывающихся неприятной дрожью во внутренностях. Это ро-пай – исполинское чудовище высотой в три человеческих роста, установленное на центральной площади. Вокруг него даже возведен специальный помост – бить нужно ближе к центру, с земли не достать.

Рык ро-пая подхватили барабаны поменьше. Их ритм быстрее, хотя и не выбивается из общего величавого настроения, заданного гигантом. Чуть позже к старшим братьям присоединяются и малые барабаны, вклиниваясь в общий говор короткими рваными фразами. Всё вместе образует чёткий, впечатывающийся в мозг звуковой узор. В нём нет слов, однако он будоражит душу, заставляет сердце трепетать и рождает в воображении сонм ярких, отчётливых образов. У каждого они, наверное, свои. Рахту, например, всегда видятся неисчислимые полчища грозных воинов, мерно вышагивающих под ритм ро-пая. Неисчислимая, неотвратимая, непобедимая сила...

– Рахт!

Юноша вздрогнул, обернулся в сторону темнеющего в стене проёма. На пороге стоял Райс, одетый в парадное санно с длинными рукавами, чёрное с красным – родовые цвета

Буревестников.

– Ты чего дрыхнешь? Оглох?! – прошипел брат.

Рахт замысловато выругался, выбираясь из постели. Спал он, как и все воины, на тощем тюфяке, набитом высушенными водорослями. Тюфяк длинный, в два роста, и служит одновременно и одеялом – просто складываешь вдвое и накрываешься верхней половиной.

Повседневная одежда тайских юношей проста – широкие штаны, просторное санно из легкой ткани да сандалиии из сыромятных ремешков. Чтобы облачиться, обычно хватает нескольких биений сердца. Чего не скажешь о парадном одеянии.

Рахт, не переставая, ругался сквозь зубы, коря себя за нерадивость. Расставив руки в стороны, он крутился на месте, обматываясь широким поясом – ярко-красным, как свежая кровь.

– Тихо, не торопись! – шикнул на него брат, придерживая свободный конец пояса. – Туже надо! Давай назад!

Рахт, едва не взыв от досады, завертелся в другую сторону.

– С обувкой разберись пока, – буркнул Райс, разглаживая ткань. – И не суетись. Время еще есть...

Наружу они выбрались как раз вовремя. Многоголосый бой барабанов резко стих. И – почти сразу же, едва успели растаять в предрассветной тиши отголоски последних ударов – заговорил ро-пай. На этот раз удары были мерными,

как стук сердца, и такими же сдвоенными. Будто и вправду огромное сердце трепещет в ожидании чего-то.

Братья неслись по темным переходам поселка бесшумно и стремительно, как тени, но перед центральной площадью сбавили темп и постарались проскользнуть на свои места в строю незамеченными.

Центральная площадь – как зрачок в глазу – идеально круглая, и расположена действительно в самом центре цитадели Буревестников. С севера она граничит со стеной, огораживающей владения айны, с запада и востока – с жилищами самых знатных воинов. Вниз, напрямик к южным воротам, ведет самая широкая в поселке улица. Сейчас вдоль неё, по обе стороны, выстроились воины в парадных чёрно-красных одеждах. Большинство вооружено боевыми шестами или копьями. Стоят неподвижно, как статуи, уперев оружие в землю и чуть наклонив вперед, так что красные ленты, которыми оно украшено, свисают, как приспущенные флаги.

Алые ленты повсюду – они свисают с кромок крыш, с шестов, вбитых в землю по периметру площади, с опор помоста. Сделанные из легкой ткани, они колышутся от малейшего движения воздуха, как прибрежные водоросли в струях переменчивого течения. Своим ярким цветом они резко выделяются на фоне серых глинобитных стен и потемневших от времени досок, пламенея, как свежая кровь на песке. Вглядываясь в трепетание лент на ветру, Рахт вдруг почувствовал необъяснимую тревогу. Удары барабана лишь уси-

ливали эффект, и вскоре юноше начало казаться, что это не ро-пай, а его собственного сердце бьётся так громко.

На улицах, пожалуй, все мужское население поселка. На площади – лучшие из лучших. Шесть отрядов по сорок воинов. Не очень много, но вполне достаточно для того, чтобы сохранять за собой право владеть тем клочком острова, что зовётся Землями Буревестников. Хотя, если верить рассказам нянек, когда-то эти земли были куда обширнее...

Трон айны выставлен на высоком деревянном помосте на северном краю площади. Задняя часть помоста огорожена частоколом высоких шестов, на каждом из которых трепещет сразу по дюжине коротких алых лент, так что кажется, что они охвачены огнем. Сама Каррейда – айна буревестников – уже на месте. Неподвижная хрупкая фигура в белоснежной накидке с капюшоном, почти полностью скрывающим лицо. Маленькие сухие ладони крепко сжимают лежащий на коленях жезл, выточенный из моржового клыка. Айна уже немолода. Рахт был последним её ребёнком.

Братья стоят в колонне молодых бойцов. Райс – в первом ряду, буквально в нескольких шагах от лестницы, ведущей на помост айны. Рядом с ним – Авер, Сейн, Ахан и другие лучшие ученики Артанга. В основном все гораздо старше Рахта. Сам Рахт – в третьем ряду, с самого края. Это значит, что ещё немного – и он будет достоин перейти во второй ряд. Это случится уже совсем скоро, ведь ученики из первого ряда после Испытания займут совсем другие места.

Тишина нарушается только боем барабана и шорохом трепещущих на ветру лент. Уже достаточно рассвело для того, чтобы не нужны стали факелы, однако из-за низких облаков, скрывающих восходящее светило, кажется, что посёлок находится внутри огромной пещеры, в которой вечно царит серый полумрак.

Все Буревестники замерли в ожидании.

Вскоре в паузах между ударами ро-пая стали слышны другие звуки. Чья-то тяжелая поступь. Скрип упряжи. Раздраженное шипение ездовых нарров.

Показался авангард длинной процессии. Двое воинов в оранжевых одеждах Храма, верхом на свирепых двуногих наррах с длинными, усеянными костяными наростами хвостами. Въехав на площадь, они разделились, и каждый описал полукруг вдоль переднего ряда воинов, остановившись у самого помоста айны. Когти ящеров отчетливо скрежещут по камням мостовой, и от этого звука у Рахта мурашки забегали вдоль хребта.

Едва показался первый из наездников, по рядам молодых воинов прошелестел легким бризом благоговейный шёпот.

– Джайрах... Джайрах Сожжённый...

Глава Тонг-Хош, школы Чёрного клинка, оказался длинным, худым, как палка, с гладко выбритой головой и широким беззубым ртом. Лицо его походило на испеченный в углях клубень – бурого цвета, все покрыто бороздами и рытвинами. Тем страшнее сверкали на нём глаза – почти круг-

лые, без ресниц и бровей, выпученные, будто от гнева или изумления.

Тонг-Хош тоже считается частью Храма девяноста девяти мечей, хотя вряд ли среди юношей Буревестников кто-то хотел бы попасть туда. Чёрные клинки – это палачи. Безымянные убийцы, способные появляться и исчезать бесследно и беззвучно, как тени. Их боятся, их ненавидят, ими пугают маленьких детей. Сами разговоры о них считаются чем-то грязным, постыдным и опасным. Все соблюдают это табу, но все понимают, что тонг-хош – неотъемлемая часть жизни Тхай. Если бы услуги Черных клинков не были нужны, не было бы и Школы.

Рахт не слышал, чтобы раньше Джайрах присутствовал на испытаниях Храма. Хотя, конечно, он никогда не спрашивал об этом у Артанга напрямую, а сам учитель не стал бы заговаривать об этом первым.

На втором нарре восседал пожилой воин с волосами цвета морской пены. Это Арай, один из прославленных героев войн с Большой землей – западным континентом, отделяемым от островов Тхай лишь узкими проливами. Там живут вероломные люди с черными сердцами и кожей, бледной, как у медуз.

Левая рука седовласого с обмотанными вокруг ладони концами поводьев лежала на луке седла спокойно и расслабленно, но чувствовалось, что, стоит нарру сделать неверный шаг – поводья натянутся, как тетива, и шипы на узде вопыют-

ся в болезненные места на морде и шее ящера, заставляя его повиноваться.

За наездниками следовал отряд пеших воинов в парадной броне, делающей их похожими на вставших на дыбы жуков. Отряд немногочисленный, едва ли больше дюжины бойцов. Но каких бойцов! Почти у всех нагрудники украшены оранжевым кругом с тремя мечами, сложенными в иероглиф «Хош». Высшая степень мастерства. Нечто большее, чем просто человек, вооруженный клинком. Собственно, Меч Храма может выйти в бой и вовсе безоружным, но это не добавит шансов его противникам.

Рахт, с трудом сохраняя подобающую неподвижность, во все глаза наблюдал за процессией. Та ленивым потоком оранжевой лавы вытекала из жерла улицы на свободное пространство площади.

Черноглазого юношу интересовали не жрецы в немислимых головных уборах из самоцветов и птичьих перьев, не полуобнаженные ай-мин, не несущие паланкин со Старейшинами безликие в масках из чистого золота. Даже не сами Старейшины, едва различимыми силуэтами маячащие за полупрозрачными занавесами паланкина.

Он смотрел только на воинов. Когда-нибудь он должен стать таким же. Может, даже занять место одного из них. Сейчас это казалось немислимым, невозможным, даже смешным... и оттого еще более желанным.

Три паланкина остановились напротив помоста айны, и

безликие медленно опустили их на мостовую, оставшись при этом стоять, преклонив правое колено. Наездники остановились в просветах между паланкинами, послушные ящеры склонили уродливые морды к самой земле.

Старейшины Храма – похожие друг на друга, как близнецы – поджарые старики с длинными белоснежными волосами, резко контрастирующими с темно-коричневой кожей. Их одежда тоже оранжевая, но с большим белым кругом на спине.

Рахт уже видел старейшин пять лет назад, во время предыдущих Испытаний. Еще тогда они не произвели на него никакого впечатления. Да, когда-то они были доблестными воинами, но сейчас-то они только и могут, что сидеть с каменными мордами и многозначительно кивать. И почему-то именно эти старые развалины вершат судьбы лучших молодых воинов, а вместе с ними – и их кланов.

Как и остальные юноши, Рахт неотрывно следил за каждой деталью церемонии, но мысли его витали все дальше и дальше. Он почти полностью пропустил мимо ушей приветственные речи, обращение посланников Храма к Сейлараннам и прочую говорильню, хотя остальные собравшиеся на площади, похоже, ловили каждое слово.

А в голове юноши крутились обрывки рассказов Артанга о Храме и Испытаниях. Рахт всегда задавал старому учителю много вопросов. Ответом на большинство из них служили болезненные удары деревянным мечом или долгие часы

стояния на торце столба, вкопанного в землю. Видимо, Рахт задавал совсем не те вопросы, какие подобает. Артанг не раз говорил, что юноша слишком дерзок, и помыслы его обращены в неверную сторону.

– Это все равно, что держать меч за острие, а не за рукоять, – ворчал учитель. – Твой ум остр, но это может только навредить тебе, если не научишься держать язык за зубами.

Рахт с раннего детства привык к подобным замечаниям, но ничего поделаться с собой не мог. Он всегда видел чуть дальше и чуть глубже, чем сверстники и даже многие из взрослых. А может, просто смотрел под другим углом. Тот самый дух непокорности, что с самого рождения осложняет ему жизнь, отражаясь в беспокойном и вспыльчивом нраве, никогда не позволял Рахту принимать на веру чужие слова. Даже если слова эти исходили от самой айны. Выслушав чужие суждения, он лишь делал вид, что соглашается с ними. Сам же разбирал каждую фразу по косточкам, как рыбак точными ударами ножа потрошит рыбу – отсекая все ненужное и отделяя от костей и потрохов нежные розовые ломти суши.

Вот и сейчас, наблюдая за церемонией приема посланников Храма, он не просто глазел на легендарных бойцов, как это делали большинство из стоящих рядом юношей. Он думал о том, что Испытание включает в себе нечто гораздо более важное, чем представляют себе эти бритоголовые сопляки.

– Огнедышащий дракон стал дряхл и неповоротлив, –

бормотал как-то набравшийся рисовой водки Артанг. В последнее время это происходило с учителем все чаще. Еще немного – и об этом узнает айна.

– Лава в его жилах превратилась в дым, а пламя из пасти уже не испугает и ребенка...

– Почему ты так говоришь, учитель? – осторожно спросил тогда Рахт, благоразумно прячась в тени позади Артанга. Если бы тот увидел, кто спрашивает, наверняка пришел бы в ярость и не ответил.

Но старик был пьян и слишком погружен в свои мысли.

– Я помню времена, когда жив был мой отец, – хрипло продолжил он. – Как он уводил в море сотни воинов на танкаках под парусами цвета крови. Когда они возвращались, корабли шли тяжелые, неповоротливые, как самки нарров перед кладкой. Трюмы их ломились от добычи. Буревестники держали в страхе все прибрежные города Большой земли, уходили далеко в пустоши. Объединяясь с кланом Нарров и кланом Зеленого камня, наши отцы громили белокожих, брали их серебро, их женщин, их диковинную одежду. Они доплывали вдоль южных берегов до самого Разлома. Держали в страхе все побережье...

Рассказы о славных былых временах были для учителя обычным делом и успели набить у учеников оскомину. Рахт снова вкрадчиво, вполголоса, спросил:

– Почему же сейчас не так? Белокожие стали слишком сильны?

– Белокожие слабы! – рывкнул Артанг, опрокидывая опустевший кувшин. – Их земля не рождает воинов! Все они сплошь трусливые и изворотливые торгаши, не знающие, что такое честь, что такое открытый бой! Их оружие – грязное, подлое оружие трусов, убивающее издалека. Мой отец мог в одиночку одолеть дюжину белокожих быстрее, чем пущенная вверх стрела вернется обратно на землю. Воины, сражавшиеся с ним бок о бок, были почти такими же умелыми и отважными, и никто не осмеливался становиться на их пути!

Он вдруг закашлялся и замолчал, опустив голову. Замолчал надолго. Рахт, переминаясь с ноги на ногу, не мог решить – то ли окликнуть старика, то ли потихоньку уйти.

– Их привезли на последнем уцелевшем корабле, – неожиданно поднял голову учитель. – В тот раз в поход выдвинулся огромный отряд – Буревестники, Нарры, Дельфины, клан Зеленого камня, Альбатросы... Ждали большой добычи. Но Валор – новый хозяин Большой земли – подтянул все свои силы, а на кораблях его были пушки. Тогда мы еще не знали, что это такое... Не было боя. Белокожие не подпускали наши корабли ближе, чем требовалось для залпа из орудий. Тело отца было все изрешечено картечью, вместо лица – сплошная яма. Бессмысленная, позорная смерть...

Об этом Артанг тоже уже рассказывал, правда, не так подробно. Но только в этот раз Рахт вдруг все понял. Его будто клинком полоснуло.

Тхай обречена. С тех пор, как на Большой земле власть

поднял под себя один император, города на побережье, как и внутренние поселения, разбросанные среди пустошей, перестали быть разрозненными. Они перестали грызть друг друга в междоусобных стычках, постепенно обзавелись береговыми укреплениями и хорошо вооруженными флотилиями. Большая земля перестала быть добычей. И придет время – добычей станет Тхай.

Ну, а пока... Пока кланы Тхай практически заперты на своих скалистых бесплодных островах. Разлом далеко, и разрушения, вызванные им двести лет назад, не отразились на островах напрямую. Однако огромные облака пыли и пепла, выброшенные в воздух, затмили небо по всему миру, дав начало Черной зиме, которая длилась несколько лет. Острова Тхай стали почти бесплодными. С тех пор большинство кланов вот уже несколько поколений жили лишь за счет набегов на окрестные земли. Брать добычу в бою было делом почётным, путь воина был путем славы, богатства, власти. В конце концов, только лучшие воины могли стать фаворитами айн – священных правительниц кланов.

Но набеги на Большую землю – в прошлом. Пиратство в открытом море тоже становится безнадежным делом – торговые суда вооружают все серьезнее, а побережье патрулируют военные корабли валорского флота. Не помогают ни знаменитые быстрходность и маневренность тхайских таннаков, ни то, что уже многие из них оснащаются трофейными пушками.

Искать другую добычу... Острова диких людей на юге – белокожие зовут их Архипелагом Тысячи островов – слишком далеко, чтобы наведываться туда регулярно. Северные части материка слишком пустынные, а в прибрежных водах столько скал, что плавать там отваживаются немногие. Смерть в морской пучине – тоже позорна для воина.

У воинов Тхай не остается противников, с которыми они могли бы сразиться в привычном для них бою. И на своих островах они всё больше напоминают хищных пауков, брошенных в кувшин с узким горлышком...

Вдруг снова грянул ро-пай. Рахт вздрогнул от неожиданности – задумавшись, он совсем перестал следить за происходящим. Приветственные церемонии были позади. Вот-вот айна объявит претендентов на Испытания.

Возможно, когда-то Испытания и были не больше, чем ритуалом, и интересовали только желающих побыстрее прославиться юнцов. Но теперь... Рахт смотрел, с каким волнением стареющая айна отвечает на вопросы посланников Храма. Вряд ли это замечал кто-то кроме него. Но он-то все-таки был её сыном. И хотя быть сыном айны практически означает быть сиротой, одно преимущество у Рахта и его кровных братьев было. Редкие встречи с ней без церемоний – тогда, когда она позволяла себе быть не священной Матерью рода, а просто мамой. К сожалению, чем взрослее становился Рахт, тем реже случались эти встречи. Но тем не менее юноша был одним из немногих, кто мог сказать, что знает Каррейду. И

он видел – айна Буревестников дрожит от напряжения. Для неё Испытания значили не меньше, чем для тех, кто будет участвовать в них. А может, и больше.

Когда пауки заперты в кувшине, рано или поздно в живых останется сильнейший. А пока смертельная драка не началась, в наибольшей безопасности тот, кто страшнее раздувается и шевелит жвалами. Нельзя выглядеть добычей.

Айна, наконец, начала называть имена.

Всё более или менее предсказуемо. Юркий и стремительный, как маленькая ящерка, Сейн. Могучий Авер – почти на голову выше своих сверстников, с такими широкими плечами, что голова кажется слишком маленькой. Сероглазый Райс – гордость рода, несомненно, будущий победитель Испытаний. Юноши по очереди выходили из строя и становились рядом с помостом. Рахт, замерев, наблюдал за их лицами. Держатся все хорошо, лишь замершие на скулах желваки выдают волнение...

– Рахт! – зашипели на него из заднего ряда. – Ты чего?

Он снова вздрогнул и даже чуть мотнул головой, отбрасывая ненужные мысли. Посмотрел на замершую в ожидании айну, зацепился взглядом за алые ленты, трепещущие на крышах опустевших паланкинов старейшин. Было тихо, и Рахту вдруг показалось, что все сотни людей на площади смотрят только на него. Будто он сделал что-то неопишное, невероятное, постыдное.

Рахт оцепенел, не понимая, что происходит.

– Да иди же ты, болван! – снова прошептал кто-то позади него и ощутимо толкнул в спину. – Айна назвала тебя!

Рахт только сейчас заметил, что стоящие впереди него юноши чуть расступились, освобождая проход. Чуть пошатываясь, будто идя по натянутому канату, он двинулся вперед, к помосту, встал рядом с Авером.

– Да будет так, – кивнула айна и отступила на шаг назад, давая слово одному из старейшин. Тот обвел взглядом четверку претендентов, но говорить ничего не стал, лишь сделал знак барабанщику.

Ро-пай бухнул в последний раз, объявляя начало Испытаний.

– Почему?! Почему я?

Рахт яростно утирал рукавом белоснежного ритуального санно бегущие из глаз слёзы, но они продолжали литься сплошным потоком. Ему было стыдно, от злости на самого себя хотелось бить кулаком в глиняную стену, но он ничего не мог с собой поделать.

– Тише, тише, брат! Да что с тобой? – шипел Райс, то и дело оглядываясь через плечо – не зайдет ли кто. Он стиснул плечи черноглазого, хорошенько встряхнул юношу, так что у того голова мотнулась назад.

Рахт оттолкнул его, едва не свалив с ног. Раздраженно прошелся по тесной комнатухе с голыми стенами и циновками из высушенных водорослей на полу. Замер у крохотного, забранного деревянной решеткой оконца.

– Прости, – сказал он, не оборачиваясь.

– Успокоился? – скрестив руки на груди, спросил старший.

Рахт не ответил.

– Ты объясни – чего ты так взвился? Хорошо хоть, мозгов хватило помалкивать там, на площади! Опозорил бы айну перед всем поселком, перед посланниками...

– Да знаю я! – отмахнулся черноглазый. Он по-прежнему стоял неподвижно. Падающий наискосок сверху свет распо-

досатил его санно узором оконной решетки.

– Ты не рад решению айны? Ты ведь так хотел отличиться, вчера сам говорил! И вот – ты самый молодой Буревестник, которого когда-либо выставляли на Испытания! Это большая честь!

– Знаю я.

– Ну, так что тогда?! – не выдержал Райс.

– Я хочу... стать клинком Храма, – глухо, будто выдавливая из себя слова, произнес черноглазый.

Райс вздохнул. Вслед за братом промерял шагами комнату, остановившись у противоположной от окна стены.

Они довольно долго стояли молча, слушая доносящиеся снаружи оживленные перебранки Буревестников, стук молотков, радостные вопли ребятишек. Испытания скоро начнутся – идут последние приготовления.

– Знаешь, брат... – сказал, наконец, Райс, оборачиваясь в сторону окна. – Я должен стать Клинком. Все этого ждут, и я не могу подвести айну. Поэтому я постараюсь пройти через все, что там приготовят старейшины. Но если у меня что-то не получится...

Рахт чуть повернул голову, но так и не оглянулся. Замер, широко расставив ноги и стиснув кулаки.

– Если боги распорядятся так, что мне не быть Клинком, – продолжил сероглазый. – То я даже рад, что ты сегодня будешь рядом. Если постараться – сможешь занять моё место.

– Не займу я твое место, – буркнул Рахт. – Я, как всегда, буду вторым после тебя.

Райс снова вздохнул. Подошел к брату, встал в шаге от него.

– Неужели всё из-за той девчонки из Нарров?

– Не только.

Старший улыбнулся.

– Ну да. Тебе ведь подавай все и сразу, и на меньшее ты не согласен. Ты всегда был таким.

Рахт не ответил, только сильнее поджал губы.

– Все у тебя будет. Со временем. Но не о том ты сейчас думаешь. Для нас сейчас главное – это Испытания. А уж что кому уготовано, и кто на что способен – будет понятно на закате.

– Знаю, – кивнул Рахт. Голос его стал мягче.

– Ну так что? Удачи, братишка? – Райс наклонил голову, пытаясь заглянуть брату в глаза.

Взгляды серых и черных глаз, наконец, встретились, и черноглазый вдруг осветился изнутри искрящейся открытой улыбкой.

– И тебе удачи, брат!

Они обнялись и Райс, рассмеявшись, потрепал младшего по бритой голове. Снаружи гулко громыхнул ро-пай – один раз, второй, третий.

– Пора! – встрепенулся Рахт. Они бросились наружу.

Солнце взошло уже высоко. В узких проходах между зданиями все равно царит тень и прохлада, но центральная площадь залита светом. От алых лент рябит в глазах. Народу на площади и вокруг нее – не протолкнуться. Основная часть населения поселка – здесь, даже рыбаки и сборщики черепаших яиц и яиц нарров, обычно по несколько дней пропадающие на промысле.

В ожидании начала Испытаний четверка претендентов коротала время в небольшой пристройке, относящейся ко дворцу айны. Они успели получить напутствия старого Артанга, немного размяться с деревянными мечами, поесть и облачиться в ритуальные одежды. За это время по указаниям старейшин на площади велось бурное строительство – деревянный помост был расширен, а в его центре появилось клетка из высоких шестов толщиной в руку, выстроившихся на расстоянии в пару ладоней друг от друга. Внизу шесты были закреплены намертво, сверху – лишь связаны веревками. По форме клетка напоминала бурдюк, но с двумя горловинами – узкими проходами, забранными решетками, связанными из таких же жердей. Горловины располагались на противоположных краях клетки.

На выходе из здания их встретил Артанг, зыркнул строго, призывая к серьезности и степенности. Юноши расправили плечи и взошли на помост с величавой грацией старейшин. Их белоснежные санно издали бросались в глаза на фоне серых глиняных стен и алых лент. Артанг объяснил, что чем

дольше удастся сохранить эту одежду незапятнанной – тем лучше.

Старейшины вместе с айной восседали на специально выстроенном возвышении на правом краю помоста. Пока они – лишь почетные наблюдатели. Управлять Испытаниями будут прославленные воины храма – Арай и Джайрах Сожженный.

Рахт, с трудом сохраняя подобающее спокойствие, метался взглядом по площади, пытаясь определить, с чего начнут. Он помнил, что на прошлых испытаниях было много огня – претендентов заставляли проходить по горящим углям, прыгать через ряды пылающих колец, даже сражаться подожженными деревянными мечами. Но в тот раз не было Джайраха. А что-то подсказывало Рахту, что Сожженный не очень-то любит огонь.

Непрерывный бой барабанов раздражал юношу. Как и негромкий, но отчетливый гул перешептывающихся, перебрасывающихся шуточками зрителей, их взгляды, неотрывно следующие за претендентами.

Скорее бы уже все началось.

Четверка юношей в белых одеждах заняла свое место на помосте. Скосив глаза, Рахт украдкой взглянул на айну, сидящую под легким плетеным навесом рядом со старейшинами. Каррейда была без капюшона, волосы, украшенные белым цветком, уложены назад, открывая всё еще красивое лицо и тонкую шею.

Рахт вдруг вспомнил Ахти. Он и видел-то её вблизи всего

раз. Но нежное бледное личико и огромные печальные глаза так запали в душу, что вот уже который день он засыпает с мыслями о ней.

Райс прав. Нужно забыть о ней. Буревестники – уважаемый в Тай клан, и достойный воин Сейларанн может рассчитывать на многое. Но не на айнадар рода Нарров. Самого многочисленного, ведомого самой жесткой и хитрой айной, одной из тех, благодаря которым Тай все еще внушает страх и уважение даже у белокожих с Большой земли.

Забыть... И снова прав старший брат – Рахт не сможет этого сделать. Он должен добиться её. Он скорее сдохнет, но никогда не сможет довольствоваться меньшим.

Голос седовласого Арая оказался зычным, как звук боевого рога варваров с Ледяных островов.

– Итак, передо мной – четверо молодых Буревестников! Все они имеют дерзость считать, что готовы стать учениками Найр-найр-хош. Но, как и всегда, Храм возьмет лишь одного ученика от клана. Самого достойного.

Арай прошелся мимо короткого строя претендентов. Несмотря на молочно-белые волосы, он не выглядел стариком. Морщины на темном, цвета речной глины, лице легли только в уголках глаз – напряженно прищуренных, будто он целится из лука в крохотное кольцо вроде тех, что вдеваются в мочки ушей.

– Но сначала, – продолжил седовласый. – Сначала я хочу увидеть, действительно ли передо мной бойцы, а не кучка

сопляков, которых едва научили отличать меч от мотыги.

Подскочили двое безликих в золотых масках, бросили перед юношами тяжелые деревянные мечи.

– Настоящий боец всегда встречает опасность лицом к лицу, – Арай кивнул, давая знак, что можно поднять оружие. – Он не дрогнет, даже если знает, что не сможет победить.

На помост выскочила целая дюжина бойцов. Не сейлараны. Из тех, что прибыли вместе с посланниками. В броне из жестких пластин, сработанных из дубленых воловьих шкур и черепаших панцирей. На груди у каждого – белый круг с иероглифом Хош.

Дюжина Клинков против четырех мальчишек? Рахт не успел даже удивиться – в два биения сердца замкнув четверку в кольцо, воины выхватили мечи. Слава богам, тоже деревянные.

Это был не бой – скорее избиение. Поначалу мальчишкам удавалось блокировать большинство ударов, но с каждой волной атаки Клинков становились все жестче. Тренировочные мечи встречались с таким треском, будто вот-вот разлетятся на щепки.

Первым разоружили Авера. Гигант отбивался храбро, но был недостаточно быстр. Его подсекли ударом по голени. Упав на колени, он парировал еще пару атак, но Клинки подоспели с двух сторон. Еще один удар по предплечью – и он выронил меч. Вжал голову в плечи, скрещенными руками прикрыл грудь и живот. Впрочем, безоружному ему доста-

лось всего пара увесистых шлепков, и потом ему дали покинуть круг.

Сейн был, как всегда, стремителен и ловок, как пума, и умудрялся избегать, казалось бы, неотразимых атак. Но продержался немногим дольше. Меч из его руки выбили мощнейшим ударом по самому основанию, чуть повыше узкой гарды. Сморщившись, он затряс ушибленной кистью. Левую руку умиротворяющее вытянул перед собой, склонил голову. Джайрах кивнул Клинкам – и юношу тоже выпустили из круга.

Часть воинов отошли в сторону следом за ним. Двое оставшихся в круге Буревестников держались близко, спиной друг к другу, и чтобы окружить их, дюжины бойцов было слишком много. Оставшиеся восемь рассредоточились, дабы не мешать друг другу, и с новой силой бросились в атаку.

Рахт пропустил несколько болезненных ударов по бедрам и корпусу – ни одного прямого, просто выпады противников были так сильны, что блоки продавливались. Каждый раз, когда его меч скрещивался с мечами воинов Храма, пальцы немели от тупой вибрирующей боли, и деревянное оружие едва не вываливалось из рук. А Артанг еще говорил, что сила в бою не главное – важнее сноровка!

Пот застилал глаза, в груди жидкой лавой плескалась злость и досада. Он терпеть не мог проигрывать, ненавидел быть битым и плевать хотел на все мудрствования Артанга о том, что боец должен уметь держать удар.

– Держись, держись, братишка! – выкрикнул Райс, молниеносным веерным взмахом отбивая удар сразу двух противников и заодно прикрывая младшего с левого фланга.

Сероглазый был хорош. Держался уверенно, движения – отточенные, продуманные. Да что там – временами просто красовался. Рахт же, рыча и скрипя зубами, едва успевал поднимать меч, чтобы заслониться от удара.

Один из Клинков, вырвавшись вперед остальных, попытался подсесть юношу косым ударом по голени. Движение получилось нарочито широким, позёрским. Если бы черноглазый пропустил этот удар – пожалуй, и впрямь получилось бы красиво. Но он среагировал вовремя, и к тому же увидел уязвимое место противника, так что сделал то, что остальные даже не пытались.

Он напал сам. Как всегда говорил в таких случаях Артанг, «без головы» – без шанса уйти в защиту в случае неудачи, без оглядки на возможные атаки с фланга, без сомнений в том, что финт вообще получится.

Он не отбивал удар, просто подпрыгнул. Прошедший понизу меч по инерции ударился концом в землю, и Рахт, приземляясь, постарался попасть ногой в середину клинка. Под его весом противник выпустил меч, но успел провалиться, согнуться вперед. Черноглазый, вложив в удар всю ярость, обрушился на открывшиеся плечи и шею.

От удара у Клинка лопнул наплечник из черепашьего панциря, а сам воин с глухим стоном рухнул на четверень-

ки. Толпа, собравшаяся на площади, взорвалась радостными криками, в которых угадывался многократно повторенный боевой клич Буревестников.

На Рахта тут же насели двое бойцов слева, и он едва успевал реагировать на посыпавшиеся на него удары. Забили бы вконец, если бы не пришедший на выручку Райс.

– А ты, я смотрю, разозлился, братишка! – подзадо-
рил Рахта сероглазый, воспользовавшись передышкой между атаками. С рассеченной левой брови у него сочилась кровь, прилипшее от пота санно порвалось на плече. Рахт и сам выглядел не лучше – с перекошенным, потемневшим от злости лицом, багровыми следами от ударов на обнаженных руках.

Они закружились, почти соприкасаясь спинами, вода из стороны в сторону деревянными мечами. Разгоряченные, напряженные, оскалившиеся, как загнанные в угол волчата. У одного глаза – как кусочки отполированного черного оникса, у второго – цвета талого снега. Один – не по годам рассудителен, храбр и умел. Второй – вспыльчивый, своенравный, упрямый. Гордость и надежда учителей – и их постоянная головная боль. Не похожи друг на друга ни в чем. Но с первого взгляда понятно, что это братья.

Прежде, чем окружившие юношей воины перешли в очередную атаку, вдруг бухнул ро-пай.

– Достаточно! – каркнул Арай.

Воины Храма с видимой неохотой покинули помост. Уже

оставшись в одиночестве, Рахт и Райс продолжали стоять спиной к спине, подняв для защиты мечи – будто не верили, что все кончилось. Лишь когда подоспели безликие и забрали у них оружие, они, наконец, выпрямились. Повернулись в сторону айны. Бритые головы склонились в поклоне.

Айна едва заметно кивнула в ответ, старейшины остались невозмутимы. Зато зрители, окружающие помост, еще долго шумели, как растревоженный пчелиный улей. Седовласому даже пришлось дать знак еще раз ударить в барабан.

– Что ж, не так уж плохо! – провозгласил он, вызвав еще одну волну радостных криков. – Я вижу достойных сыновей Сейлараннов!

Выстроившиеся на помосте юноши украдкой переглянулись. Арай еще немного подождал, добиваясь полной тишины. Когда толпа совсем стихла, махнул рукой стоящему на краю помоста Джайраху и зычно выкрикнул:

– Так пусть же испытания начнутся!

Рахт, шмыгнув носом, выругался и ехидно прошептал:

– А, так это мы разминались?

Райс шикнул на него, ощутимо толкая плечом. Черноглазый пихнул его в ответ, и они чуть не устроили обычную потасовку, но вовремя спохватились. Джайрах Сожженный медленным широким шагом прошелся по краю помоста и остановился перед юношами.

Он пристально оглядел каждого претендента, чуть дольше задержав взгляд на сероглазом Райсе.

Рахт старался глядеть прямо перед собой, не пялиться на страшные шрамы, уродующие лицо и шею Клинка. Не удержался, и тут же напоролся на колючий взгляд круглых, лишенных ресниц глаз. Дернул подбородок вверх, но взгляда не отвел.

Джайрах обернулся в сторону матери рода.

– Ты воспитала прекрасных сыновей, Каррейда.

Голос у него был хриплый, почти рычащий – казалось, он вот-вот зайдет в приступе кашля. Айна медленно кивнула, улыбнувшись одними губами.

– Но ты ведь знаешь – нам нужен только один.

Снова учтивый кивок.

– Так к чему тянуть время? – Джайрах демонстративно развел руки и развернулся в сторону зрителей. Он обвел площадь задумчивым взглядом, в котором явственно сквозили скука и презрение. Молчал он долго. Собравшиеся перед помостом зрители притихли, недоуменно переглядываясь.

– Храм девяноста девяти мечей стоит на склонах священной Тай-Наррахт больше тысячи лет, – продолжил, наконец, Сожженный. – К сожалению... а может, и к счастью... большинство жителей Тай позабыли, для чего он был возведен.

Заложив руки за спину, он прошелся по самому краю помоста.

– Столетиями Храм забирал сыновей кланов для своих нужд. Это была дань. Священная обязанность, от которой не увиливал никто. В разгар войны между двумя кланами по-

сланник Найр-Найр-хош мог явиться за лучшими воинами – и никто не смел ему отказать, даже если он забирал командиров войск. Когда-то айны оплакивали своих сыновей, отправляя их к подножию Тай-Наррахт. Потому что оттуда мало кто возвращался.

Сожженный снова замолчал. В воцарившейся на площади тишине гулкие звуки его шагов по деревянному помосту разносились далеко. Эта поступь внушала Рахту ощущение чего-то страшного и неотвратимого. Он неотрывно следил за воином, ловя каждое его слово.

– Все меняется, – снова заговорил Джайрах. – Мне страшно представить, что будет, если Храму вдруг снова придется вспомнить о своем истинном предназначении. Будет ли он готов к этому?!

Сожженный, выпучив глаза, развернулся на месте волчком, будто выискивая среди собравшихся того, кто ответит на его вопрос.

– Испытания... – губы Джайраха скривились в презрительной усмешке. – Священную дань Храму превратили в балаган. В зрелища на угоду толпе! В способ показать силу перед соседними кланами, чтобы те не спешили вцепиться вам в горло!

Рахт украдкой покосился на старейшин храма, восседающих рядом с айной. Те сидели неподвижно, как статуи, будто бы дерзкие речи Сожженного их совершенно не трогали. Лишь стоящий неподалеку Арай неодобрительно качал го-

ловой, но скорее с грустью, чем с негодованием.

– Сегодня мне поручили выбрать среди вас достойного, – продолжил Джайрах, оборачиваясь к юношам. – И я это сделаю. Но не ждите долгих зрелищ. Испытание будет только одно. Пора вспомнить, как это делали наши предки.

Он неуловимым движением выхватил меч из ножен на спине. Великолепно сработанный клинок блеснул на солнце, как зеркало.

– Это ай-хош – меч, выкованный знаменитыми оружейниками Храма. Прошедший испытание получит его в знак того, что теперь он – Клинок Храма. Не за этим ли вы пришли сюда, щенки?

Рахт, затаив дыхание, следил за мечом. Узкий, чуть изогнутый клинок с длинной рукоятью, пригодной для хвата обеими руками, с маленькой квадратной гардой и небольшим цилиндрическим навершием с темным камнем на торце. Выглядит неброско, но стоит десятка обычных мечей. По слухам, ай-хош перерубает вражеские клинки, как деревянные палки, и способен пробить доспех из железных пластин, не получив даже зазубрины на лезвии. Оружейники Храма варят свою сталь, пользуясь неистовым жаром истекающего лавой Тай-Наррахт, и руду добывают там же, в недрах священной горы. С этой сталью не сравнится никакая другая, даже белокожие с Большой земли склоняют головы перед мастерами Храма.

Да, он хотел, чтобы этот меч принадлежал ему.

– Ну, так что ж... – Джайрах прошагал в середину помоста. Двое безликих в золоченых масках открыли ему проход в клетку.

– Вы хотите этот меч? Так придите и возьмите его!

Клинок с хрустом вонзился в доски помоста в самом центре клетки. Джайрах покинул её, и безликие торопливо заперли за ним выход.

Несколько безликих подкатили ко второму входу в клетку большой деревянный ящик на колесах. С кучей предосторожностей открыли решетку, с помощью длинной палки с крюком на конце один из рабов сбил засовы на боковой стенке ящика. Та упала вниз, как подъемный мост на воротах замка.

Толпа на площади замерла в ожидании. В тишине были четко слышно, как что-то скрежещет по доскам.

Наружу из ящика медленно, как тягучая капля смолы, выкатилось длинное гибкое тело – серовато-зеленое, с расплывчатыми поперечными полосами черного цвета, с гребнем мелких треугольных шипов вдоль хребта. Треугольная змеиная морда с россыпью ярких желтых пятен и массивными костяными наростами в основании черепа, расходящимися в стороны, как лучи морской звезды. Широкий, будто расплющенный хвост, раздваивающийся на конце...

– Хисс! – в едином выдохе прошелестела толпа.

Хисс был крупным – не меньше шести локтей в длину. Потрясенный вниманием к своей персоне, он раздраженно

зашипел, выпрямляя безногое тело в боевой стойке – верхняя половина туловища поднялась вертикально, костяные наросты на голове, стянутые между собой полупрозрачными перепонками, зашевелились, распрямляясь в широкий веер. В таком положении морда твари доходила до плеча взрослому человеку. Холодный взгляд немигающих желтых глаз с вертикальными зрачками был устремлен куда-то вдаль, в одному хиссу известную точку.

Безликие аккуратно, но быстро откатили освободившийся ящик назад и захлопнули клетку.

– Я думал, эти твари давно вымерли, – шепнул Рахт.

– Все так думали, – отозвался брат дрогнувшим голосом.

– Ага, – поддакнул Сейн. – И лучше бы это оказалось правдой.

– Да чего такого-то? – пожал плечами Рахт. – Подумаешь – змея-переросток!

– Вы как знаете, а я туда не полезу, – отозвался здоровяк Авер. – Я еще не совсем из ума выжил! Он же ядовитей, чем сотня медуз!

Толпа на площади гудела, из её недр то и дело доносились возмущенные выкрики. Айна, позабыв о приличиях, вскочила со своего места, будто собираясь броситься на Джайраха с кулаками. Вовремя спохватилась, и замерла, стискивая обеими руками свой жезл. Растревоженный громкими звуками хисс раздраженно дергался в клетке, раскачиваясь, как огромный маятник. Его шипение стало походить на стрекот

деревянной трещотки.

Джайрах же будто бы вовсе потерял интерес к происходящему. Развернувшись спиной к зрителям, он задумчиво глядел на мечущуюся в клетке тварь.

Наконец, подал голос ро-пай – один глухой раскатистый удар, второй, третий. Когда в воздухе растворились последние отзвуки ударов, на площади установилась такая тишина, что Рахту почудилось, будто все слышат, как неистово бухает сердце в его груди.

– Ну, что? – осведомился Сожженный, повернув голову к юношам. – Кто решится?

– А какое оружие нам выдадут? – спросил Сейн, видя, что остальные претенденты медлят.

– Оружие? – хохотнул Джайрах. – А тебе разве мало клинка, который там, внутри?

Он снова прошелся взад-вперед по помосту.

– На самом деле, юноши, задача проста. Нужно войти в клетку и забрать меч. Я не выдаю вам оружия, потому что тогда у вас возникнет соблазн его применить.

Видя, как вытянулись лица юношей, Джайрах усмехнулся.

– Хисс опасен, а будучи раненым, становится еще опаснее. И, хотя он так стар, что его жала стерлись почти до основания, яда в нем еще хватит, чтобы прикончить вас. Так что я советую не злить его. Нужно просто забрать меч.

Он исподлобья взглянул на мальчишек своими страшными круглыми глазами.

– Ну, кто готов? Ты?

Он указал на Авера.

Здоровяк, переминаясь с ноги на ногу, покосился в сторону клетки.

– Это всё... нечестно, – глухо выдавил он. – Я так не согласен.

– Как знаешь, – пожал плечами Джайрах. – Можешь идти.

Авер обернулся в сторону айны. Та медленно, едва заметно, кивнула.

– Топай, топай! – раздраженно дернул головой Сожженный. – Не заставляй меня ждать!

Склонив голову и стараясь ни с кем не встречаться взглядом, здоровяк пошел прочь с помоста.

– Ну, может, кто-то сам вызовется? – скривив в ухмылке черные потрескавшиеся губы, спросил Джайрах.

– Я пойду! – неожиданно даже для себя самого выпалил Рахт, на пару биений сердца опережая брата. Шагнув вперед, они столкнулись плечами. Сероглазый искоса зыркнул на младшего и прошипел:

– Ты что творишь?!

Рахт стиснул зубы и смотрел только на Сожженного. Того, похоже, ситуация искренне забавляла.

– Меч в клетке один. Хисс тоже. А вас, выходит, сразу двое? Или даже трое?

Оставшийся позади Сейн обернулся через плечо на клетку с хиссом и тихонько покачал головой.

– Хм... – Джайрах потер подбородок. Взгляд его круглых глаз перебежал от одного брата к другому, ни на ком не задерживаясь. – Оба по-своему хороши. Но пускать вас в клетку вдвоем – значит попросту убить обоих...

Он прошелся туда-сюда по помосту, остановился, развернувшись спиной к претендентам. Взгляд его устремился куда-то вдаль, поверх стен, будто оттуда должен был прилететь одному ему известный сигнал. Зрители на площади затаили дыхание. Впрочем, Джайрах и без того смотрел на собравшихся, как на пустое место. Похоже, для него пока существовал только небольшой участок помоста, на котором он стоял рядом с юношами. Остальное – дым, нечто, не требующее и недостойное его внимания.

Айна подалась вперед, явно порываясь покинуть свое место, но один из старейшин мягко взял её за локоть. Сейчас они – лишь зрители. Все, что касается хода испытаний, решает Джайрах Сожженный.

– Бой! – не оборачиваясь, коротко бросил Джайрах. – Бой на мечах. До первой крови либо пока один из бойцов не сдастся. Хотя...

Он улыбнулся, обнажив почерневшие зубы.

– Хотя, я думаю, сдаваться тут никто не собирается.

– Рахт, отступись! – процедил сероглазый, не поворачиваясь к брату. – Это моё испытание!

Младший лишь ещё крепче стиснул зубы.

– Я ведь побью тебя перед всеми – перед всем поселком,

перед айной...

– Посмотрим...

– Вот что, братец! – не выдержав, обернулся Райс. – Кончай дурить!

– Эй, эй! – прервал их Сожженный. – Я сказал – бой на мечах, а не на языках. Вы оба вызвались. Назад дороги нет, если не хотите, чтобы я посчитал одного из вас трусом.

Он коротко хлопнул в ладоши. Безликие в золотых масках выбежали на помост, неся большой кусок светлой ткани, парусом раздувающийся на ветру. Расстелили ткань на свободном участке помоста, перед самой клеткой, закрепили по краям, пришили короткими кинжалами. Двое подбежали к юношам, развели по разным краям арены и начали готовить к бою.

Верхние части санно были отброшены, сандалиии – тоже. Юноши остались обнаженными по пояс, в просторных полотняных штанах, доходящих до середины голени. Безликие тщательно обтерли бойцов влажной тканью, рассеченную бровь Райса прижгли соком боли-дерева. Мечи принесли бойцы из отряда, прибывшего со старейшинами – те самые, что нападали на юношей перед испытаниями. Клинки оказались длиннее и чуть тяжелее, чем те, к которым привыкли юноши, и явно тоже работы оружейников Храма.

Приняв оружие, Рахт, как замороженный, скользил взглядом по украшенному гравировкой клинку. На брата, неподвижно застывшего по ту сторону арены, он старался не

смотреть. На айну, нервно перебирающую пальцами свой скипетр – тоже. А на возбужденно гудящую толпу перед помостом ему, как и Джайраху, было плевать. Да, наверняка Райс сейчас отстегает его, как мальчишку. Во время тренировок он всегда побеждает. Но сероглазый ошибается, если думает, что Рахту будет стыдно.

Стыдно всегда быть вторым. Стыдно иметь возможность рискнуть, и не сделать этого. На Испытание вызывают раз в жизни. И, раз уж айна решила, что время Рахта пришло – он пойдет до конца.

Джайрах встал на краю арены.

– Готовы?

Райс кивнул и шагнул босой ногой на ткань. Замер в боевой стойке, подняв клинок. Несмотря на молодость, он был настоящим воином. Перевитый тугими жгутами мускулов торс, уже украшенный несколькими боевыми татуировками. Эффектный шрам на левом бицепсе – от когтей пумы, которую он добыл полгода назад в одиночку на севере от владений рода. Меч – как продолжение руки.

По сравнению с ним костлявый и по-юношески угловатый Рахт выглядел просто мальчишкой. Поджатые, будто от обиды, губы и свежий синяк на скуле только усиливали впечатление. Вот только вряд ли кто-то из Буревестников рискнул бы над ним смеяться. Особенно увидев эти горящие холодным пламенем глаза.

– Тот, чья кровь первой окропит эту ткань под ногами –

проиграет, – провозгласил Джайрах.

Рахт, напряженно сгорбившись, ступил на ткань. Почти сразу же бухнул удар барабана, объявляя начало боя.

Братья, подняв мечи, закружили по помосту.

– Глупо это все, брат, – вполголоса произнес Райс. – Со всем не так я представлял себе эти испытания.

Рахт молчал, неотрывно следя за клинком сероглазого. Пальцы его, стискивающие шершавую рукоятку, покрытую кожей ската, немели от напряжения. Ему пока редко доводилось драться настоящим мечом.

– Сдавайся, Рахт. Это не будет трусостью.

– Нет!

Старший покачал головой. На скулах заходили ходуном желваки.

– Ну, тогда держись, братец. И... будь осторожен.

Райс пошел в атаку.

Серия красивых, размашистых выпадов – скорее из арсенала тренировочных танцев с мечом, чем нечто, годящееся для реального боя. Черноглазый с легкостью парировал удары. Контратаковал. Райс встретил меч быстрым хлестким ударом – клинки зазвенели так, что звук подхватило эхо.

Снова атака старшего. Меч порхает вокруг него, будто сам по себе. Удары обрушились на младшего, как каменная осыпь со склона – один за другим. Сверху, справа, слева, снова сверху – с разной силой и разным интервалом. Рахт, пытаясь поймать рваный ритм, с трудом парировал удары,

отступая к самому краю арены. Поймав крохотный перерыв между атаками, напал сам – в прыжке, вкладывая в удар вес тела. Райс на мгновение отступил, уходя с линии атаки, не парируя мощный удар, а просто пропуская его мимо. И тут же коротким неуловимым движением ударил в незащищенное место.

Черноглазый зарычал, зажимая ладонью порез на правом бицепсе. К коже будто бы прижали раскаленный уголек.

– Все кончено, брат, – отступая на пару шагов и опуская меч, кивнул сероглазый.

Рахт отнял ладонь. Порез был в палец длиной и довольно глубокий, но рука двигалась свободно. Кровь сочилась из раны медленно, стекая по коже горячими щекотными каплями. Ни одна из них пока не упала на землю.

Зарывав, черноглазый снова бросился вперед. И, как всегда, его ярость встретилась с холодным, трезвым мастерством старшего. Бешеный град ударов прошел мимо цели, а левый бок обожгла боль от следующего пореза.

– Заканчиваем, Рахт! – уже громче, с заметным раздражением в голосе выкрикнул Райс. Бросил взгляд на стоящего у края арены Джайраха. Но Сожженный не давал сигнала к завершению боя.

Рахт мотнул головой, стряхивая горячие едкие слезы. Подняв меч, снова ринулся вперед.

Короткий перезвон клинков, обрывающийся яростным вскриком. Еще один длинный порез на груди.

Снова перезвон, почти звериное рычание, отчаянный возглас сероглазого. Расплывающееся красное пятно на бедре младшего, медленно набухающая от крови светлая ткань штанов.

Отбив следующую серию атак, Райс попытался свалить брата наземь своей коронной подсечкой.

Не вышло. Рахт, будто ждал этого, скользнул в сторону и достал-таки брата кончиком меча. На плече сероглазого заалели капли крови.

Старший, шипя, как хисс, растер кровь по плечу, чтобы капли не сорвались вниз. Оскалившись, поднял меч.

– Ну, все, братишка! Игры кончились!

Он ринулся вперед. Рахт с трудом отразил удары – размазанного в стремительном движении клинка он не видел, тело реагировало само, не дожидаясь команд разума. Старший завершил ураганную атаку ударом ногой с разворота. От мощного толчка в грудь Рахт едва удержался на ногах, отступил на несколько шагов. Споткнулся о складку ткани и едва не рухнул. Оперся левой рукой в доски помоста – уже за границей арены.

Сероглазый, воспользовавшись заминкой, подлетел к нему, намереваясь вышибить за пределы арены. Рахт едва успел оттолкнуться от пола и встретить брата косым ударом снизу.

Наверное, они были слишком разгорячены схваткой.

Наверное, клинки Храма были ощутимо длиннее, чем те,

к которым привыкли братья.

Наверное, Райс, обычно холодный в бою, на мгновение потерял контроль над собой и забыл о защите.

Клинок Рахта взметнулся, не встретив сопротивления. Райс остановился, будто налетев на стену, руки его взметнулись к рассеченному горлу, из которого щедро, как из разбитого кувшина, брызнула кровь. Алые капли горячим дождем окропили лицо и грудь Рахта.

Время на миг остановилось.

– Брат!! – заорал черноглазый. Отброшенный клинок звякнул, ударившись об один из кинжалов, вонзенных в ткань на краю арены. Рахт бросился вперед, подхватывая старшего, падающего, как подрубленное дерево.

Райс обхватил горло обеими ладонями, будто пытаясь сам себя задушить. Кровь неудержимым пульсирующим потоком струилась между пальцами. Юноша рухнул на колени.

– Брат... – прошептал Рахт, вцепившись ему в плечи так, что кончики пальцев вдавились глубоко в кожу.

Райс что-то прохрипел в ответ, и изо рта его хлынула кровь. Он повалился на спину, увлекая за собой младшего. Толпа ревела. В паре шагов от юношей потревоженный хисс метался по клетке, шипя как кипящее варево в котле. Пару раз, требуя тишины, бухнул ро-пай.

Рахт ничего не слышал. Мир исчез для него, сузился до глаз цвета талого снега, которые смотрели уже не на него, а сквозь него, в какие-то неведомые дали.

Когда он очнулся, то первое, что воспринял – это крик, похожий на отчаянный стон раненого. Его собственный крик.

Тело сероглазого обмякло, и Рахт, наконец, отпустил его, дав упасть на пропитанную кровью ткань. Крови было много – когда он поднял руки, то они были красными по самые локти. Он долго не мог отвести от них взгляд.

– Что ж, ты победил, мальчик, – прогудел над головой голос Джайраха. – Ты рад?

Рахт, медленно, будто спросонья, поднял голову, невидящим взглядом уставился на воина. Сожженный молча смотрел ему в глаза, и было трудно прочесть выражение его изуродованного лица.

– Ты... – прохрипел юноша. – Ты – подлый выродок! Урод!! Это из-за тебя! Из-за тебя!!

Он вскочил на ноги. Перед глазами все плыло, крики родичей доносились будто из-под воды. Лица людей в толпе, там, за краем помоста, были похожи на одинаковые мутные пятна.

– Ну, что смотрите? Что смотрите?! – заорал на них Рахт, срывая глотку. Те, что были поближе, отшатнулись от помоста, как откатывающаяся волна прибоя.

– Будьте вы все прокляты! – зарычал, давясь слезами, черноглазый. – Будьте прокляты! Да пожрет вас пламя Тхай-Наррахт! Пусть...

– Возьми себя в руки, сейларанн, – с долей угрозы про-

гремел позади Джайрах Сожженный. – Ты и без того будешь жалеть о своей глупости весь остаток жизни.

Рахт медленно обернулся. Лицо его, оскаленное, блестящее от крови и слёз, было похоже на маску злого бога. Глаза же, и без того темные, казалось, вовсе превратились в два провала в черную бездну.

Он наклонился и поднял окровавленный меч.

– Ты хотел, чтобы мы дрались, старик, – выплевывая слова сквозь стиснутые зубы, проговорил он. – Ты хотел испытаний? Хотел посмотреть, насколько я хорош? Сейчас увидишь!

Он ринулся вперед с ревом, в котором едва угадывался человеческий голос. Несколько шагов, разделяющих его с Джайрахом, он, казалось, преодолел, не касаясь земли, налетел на Сожженного убийственным вихрем.

Никто не понял, что произошло. Не успели разглядеть даже те, кто стояли в первых рядах, ближе всего к помосту. Рахт отлетел от Джайраха спиной вперед, будто отброшенный взрывом. Со всего маху грохнулся рядом с остывающим в луже крове телом Райса. От удара коротко взвыл, изогнувшись дугой, и тут же обмяк. Рукоять меча выскользнула из пальцев, и клинок тихо стукнулся о покрытые тканью доски помоста. Но звук этот, наверное, слышали все – такая тишина воцарилась на площади.

Джайрах мрачно смотрел на распластанные на помосте тела. Обернулся в сторону айны, которая замерла на полпути

от своего навеса к арене. Лицо её было серым.

– Похоже, нам придется пока отложить Испытания, – почтительно склонив голову, медленно проговорил Джайрах.

Айна, вздрогнув, отвела взгляд от окровавленных тел. Губы ее разомкнулись для ответа, но его не последовало. Она лишь медленно, будто преодолевая какую-то силу, кивнула.

– Он хорошо владел луком. Еще в том возрасте, когда мальчишки только учатся правильно натягивать тетиву, он мог загнать стрелу в мишень размером с орех.

Голос доносился издали, сквозь шипящий в ушах шум прибоя. Постепенно становился все четче, а шум, наоборот, отступал, давая услышать другие звуки. Потрескивание горящих факелов. Упругие сдвоенные удары в барабан – в ритм бьющегося сердца. Шорох трепещущей на ветру ткани.

– Но, когда настала пора приниматься за движущиеся цели, у него долго не получалось. У многих из его друзей половина стрел уже исправно ложилась в маятник, как его ни раскачивай. Он же все не мог попасть. Он злился. Он не умел быть хуже, чем другие. А однажды, когда кто-то посмеялся над его промахами, бросил лук и больше не приходил тренироваться со всеми.

Рахт, наконец, узнал голос. Артанг. Старый добрый учитель Артанг. Он хотел улыбнуться, но рот туго стягивала повязка из свернутого куска ткани. Он попытался пошевелиться. Напрасно. Спеленали, как младенца, едва удается пошевелить ступнями. Открыл глаза. Сквозь светлую ткань, которой он накрыт, можно лишь различить желтые пятна света от факелов, установленных левее от него. Артанг стоит где-то в изголовье, продолжает рассказывать.

– Он стрелял по ночам, воткнув рядом с маятником факелы. Я узнал об этом только через несколько дней. Однажды на рассвете я нашел его спящим прямо на стрельбище. Его пальцы были в кровь стерты тетивой. А еще через несколько дней он пришел тренироваться с остальными, и его стрелы летели в маятник без промаха.

Рахт хорошо помнил те времена. Правда, Артанг умолчал о том, что всыпал ему тогда десяток палок за упрямство.

– Он был хорошим учеником, – помолчав, закончил старик.

Рахт поерзал на жестких досках. Пахло дымом, лепестками цветов и едкой мазью из боли-дерева, которой прижигают раны. Многочисленные ушибы и порезы саднили, казалось, что все тело – сплошная источающая боль рана. Но эта боль не могла даже сравниться с той, что рвала его тупыми когтями изнутри. Рахт зажмурился, чувствуя, как от уголков глаз к ушам побежали горячие струйки слез.

Брат...

– Однажды мы все вместе собирали дикий мед в лесу Айхар. И нашли попавшего в силки детеныша пумы. Он был уже довольно большой, и рычал на нас, когда мы пытались приблизиться. Мы хотели уйти, потому что рядом могла оказаться мамаша...

Говорил Сейн. Рахт не сразу узнал его голос – юноша будто бы давился словами.

– Но Рахт не ушел. Пока он вынимал детеныша из ловуш-

ки, тот ему все руки и живот разодрал. Но он не отступился. Он все-таки высвободил его и отпустил на свободу... Он был добр.

Эту историю Рахт тоже хорошо помнил. Сейчас бы он никогда так не поступил. Глупо выпускать на свободу пуму, которая со временем может напасть на кого-нибудь из поселка. Но тогда он не смог пройти мимо.

Над головой раздался следующий голос, с очередной историей.

Что происходит? Он, насколько позволяли опутывающие его веревки, пошевелился под покрывающей его тканью. Ухо защекотали мягкие лепестки, которыми было усыпано его ложе. От их сладковатого запаха кружилась голова и немело в груди, как при падении с высоты. А еще хотелось спать.

Рахт знал этот запах. Алые лепестки ай-карры – цветка, растущего по всему острову. Снимают боль, делают человека вялым и сонно улыбающимся. Брошенные в огонь, дают дурманящий красноватый дым. Таким дымом окуривают дома, чтобы изгнать злых духов.

А еще лепестки ай-карры жгут на похоронах.

– ... и он остался один. Но все равно долез до самой вершины и достал из гнезда эти перья. А чтобы спуститься оттуда, ему пришлось прыгать с водопада. Мы кричали ему, чтобы он не прыгал. Мы хотели позвать старших, чтобы они спустили его оттуда. Но он прыгнул. Он был храбрым.

Рассказывал, кажется, Ахар. За ним последовал Авер, по-

том Кайдар. Историй было много – коротких и длинных, иногда смешных, иногда грустных. Но у каждого находилось несколько хороших слов. Рахт был удивлен. Сверстники не очень-то любили его из-за вспыльчивого нрава. Но теперь...

Теперь он умер для них. И, как того требует обычай, все они вспоминают о нем хорошее.

Сквозь ткань, закрывающую лицо, ничего не было видно, но Рахт прекрасно знал, как все выглядит со стороны. Высокий погребальный помост с заготовленными вязанками хвороста для костра. В круге пляшущего света факелов – тело, покрытое светлым саваном и усыпанное большими, в пол-ладони, алыми лепестками. Безмолвные фигуры родичей, маячащие на границе света и тени.

Возможно, на помосте два тела. Даже скорее всего. Да, так правильно. Предателя и братоубийцу нужно хоронить вместе с жертвой.

Страх не было. Возможно, Рахт просто надышался испарений ай-карры. Но он слушал звучащие над ним речи отстраненно, будто говорили не о нем. Он словно стоял где-то там, вместе со всеми, за границей освещенного круга, а не лежал под саваном на погребальном костре.

Когда закончились рассказы, остался только барабан. Его гулкий голос далеко разносился в ночи. Вскоре к нему присоединился протяжный голос кого-то из старших, затянувший заунывную песнь. Родичи пели, и их голоса звучали все тише, отдаляясь от костра.

Рахт замер. Он однажды видел похороны, и знал, что какое-то время пробудет один. Огонь разожгут только на расвете, когда небо на востоке только-только начнет розоветь. Красноватый дым будет подниматься высоко над поселком, растворяясь в утренней мгле.

Смерть, скорее всего, будет легкой. Он задохнется от этого дыма прежде чем языки пламени доберутся до савана.

Рахт стиснул зубы, вгрызаясь в кляп. Втянул ноздрями дурманящий запах ай-карры. Слезы неустанно текли по вискам, щекоча кожу.

Старый Артанг, как всегда, был прав. Гордыня и упрямство не приносят ничего хорошего. Всю свою короткую жизнь Рахт стремился быть первым. Во что бы то ни стало. Готов был пробивать лбом стены, насмерть стоять на своём, зубами прогрызать себе путь среди врагов.

Все напрасно. Один взмах меча – и две жизни оборваны разом.

Рахт не слышал приближающихся шагов, поэтому невольно вздрогнул, когда у самого уха раздался голос. Голос был похож на воронье карканье – хриплый, клокочущий в горле. Рахт сразу же узнал его.

Сожженный.

– Я знаю, что ты давно очнулся. Это хорошо. У тебя уже было время подумать. Осознать, что с тобой произошло...

Рахт повертел головой, пытаясь хоть что-то разглядеть сквозь ткань. Но по-прежнему были видны лишь оранжевые

пятна горящих факелов.

Что нужно этому чудовищу? Ему мало того, что он сделал? Хочет еще и поиздеваться напоследок?

Джайрах молчал. Рахт замер, прислушиваясь. Уже ушел? Зачем он приходил?!

– Ты мертв, мальчик, – продолжил Сожженный, когда Рахт уже устал прислушиваться и бессильно откинул голову на доски. – Твое сердце еще бьется, кровь еще бежит по жилам, боль еще терзает твоё тело и душу. Но для твоего клана тебя больше нет.

Рахт ничего не мог ответить, дергаться было бессмысленно. Джайрах был последним из людей, кого бы ему сейчас хотелось слушать. Но ничего другого ему не оставалось.

– Тебя могли бы подвергнуть изгнанию. Отсечь руку. Обратиться в безликого и продать в другой клан. Но Каррейда предпочла именно это. – Джайрах ненадолго замолк. – Я понимаю её. Сегодня ты нанес клану такой удар, от которого сложно будет оправиться. Наверняка ты даже сам не понимаешь до конца, что ты натворил.

Рахт яростно промычал сквозь кляп самые грязные ругательства, какие знал.

– Да, да, – было слышно, как Джайрах усмехнулся. – Ты винишь меня в смерти твоего брата. Но вот что я тебя скажу, мальчик...

Он, видимо, наклонился чуть ниже, потому что голос раздался над самым ухом.

– Его погубил ты. Твоя дерзость и твоя гордыня. Ты влез туда, куда тебе не было пути. Ты хорош. Но такому, как ты, никогда не быть Клинком Храма. Потому что ты даже не представляешь, что это такое на самом деле. Тебе, как и остальным щенкам, видно, кажется, что это путь к славе и богатству. Да, в последние годы Клинки, чтобы не заржаветь без дела, поступают на службу в кланы, и их услуги стоят недешево. Но правда в том, что их в любой момент может призвать их долг. Они вернуться в Храм, чтобы исполнить истинное свое предназначение. И, скорее всего, большинство из них погибнет. Просто канет в бездну, не получив даже такого вот погребального костра напоследок.

Рахт мотнул головой, отворачиваясь. К чему вся эта болтовня? Зачем Сожженный мучает его?

– Но, знаешь, мальчик... Судьба иногда бывает в игривом настроении. Её шутки, к сожалению, обычно жестоки. И одну из них она сыграла с тобой. Ты ведь хотел попасть в Храм? Ты можешь сделать это. Восстать из мертвых.

Рахт оцепенел. Джайрах издевается над ним? Или...

Нет. Только не это! Лучше уж гореть живьем на погребальном костре!

– Ты можешь стать одним из тонг-хош, мальчик. Чёрным клинком.

Рахт заерзал всем туловищем, замотал головой, сминая под собой слой лепестков ай-карры.

– Знаю, знаю. О тонг-хош ходят разные слухи. Не мне об

этом рассказывать – ведь большинство из них сочиняю я сам. Пойми, мальчик – все не так просто. И совсем не так, как кажется на первый взгляд. В жизни обычно так и обстоит, и ты еще поймешь это.

Рахт что-то коротко промычал сквозь кляп.

– Не утруждайся. Я и не жду от тебя ответа. Сейчас. До рассвета еще есть время, и я подойду к тебе позже, перед тем, как зажгут костер. И спрошу тебя снова. Спрошу по-настоящему. Простой выбор – между жизнью и смертью.

Джайрах снова склонился к самому савану, перешел на шепот.

– Ты думаешь, что я жесток. Но сейчас, наверное, во всем мире никто не понимает тебя так, как я. Я ведь тоже давно мертв и давно похоронен. У меня нет ни клана, ни айны, ни братьев. В одну из ночей для меня все сгорело дотла. Нет больше Джайраха из рода Дельфинов. Остался только Джайрах Сожженный.

Рахт вздрогнул, когда твердые пальцы самими кончиками коснулись сквозь ткань его лба.

– Я вернусь. И спрошу тебя снова.

Рахт снова не слышал шагов, но знал – Джайрах ушел. Он снова остался один в окружении горящих факелов.

Из темноты, из-за пределов освещенного круга доносились подхваченная множеством голосов погребальная песнь.

Год 237-й от Разлома, осень, портовый район Валемира

Дверь скрипнула, и на пороге караульной появился Локрин – злой, взъерошенный, покрасневшийся, будто бежал от самой имперской казармы. Брин, задремавший на лавке после плотного обеда, вскочил, поспешно протирая глаза. Он не ожидал, что капитан вернется так быстро. Если тот поймет, что Брин опять дрых днем – устроит такую взбучку, что пару дней садиться больно будет.

Но капитану было, похоже, не до того. Он окинул быстрым взглядом пустующие оружейные стойки, неприбранную после обеда посуду на широком столе, заспанную физиономию младшего.

– Где все?

– Так, это... В патруле, капитан, – развел руками юноша. – Эрин еще оставался, но тут прибёгла какая-то торговка, верещала тут как резаная. Там драка на площади, несколько лотков погромили, вроде как прибили кого-то... Эрин мне сказал оставаться, а сам...

– Ладно, ладно, – отмахнулся Локрин. – А это что за свинство?!

Он рванул стол на себя, оловянные миски и ложки со звуком посыпались на пол.

– Сколько раз говорил – убирать за собой сразу!

Брин вжал голову в плечи, пробормотал что-то неразборчиво. Эх, хотел же сначала убрать, а потом лечь вздремнуть...

Но кто ж знал, что капитан так быстро вернется!

– Вот что, – капитан торопливо запинал грязные тарелки под лавку и оглянулся в сторону выхода. – Дуй-ка ты, наверное, за Эрином. Пусть бросает все и сюда несётся. Пленного кто сторожит?

– Никто.

– Как никто?!

– Ну, то есть, Тонио сторожил, но его смена же кончилась, он домой пошёл, отсыпаться.

– Да что за бардак-то! – взревел Локрин, в сердцах наподдав по миске так, что та с лязгом ухнула в обитую железными пластинами дверь. – Его кто отпускал?!

Брин хотел было сказать, что капитан и не давал никому распоряжения караулить пленного. Да и чего его караулить-то – связанного да за решетку запертого? Но, видя, в каком раздрае старик, решил не рисковать.

– Ну, чего встал-то? Бегом!

Юноша, торопливо кивнув, бросился наружу.

Еще спускаясь с крыльца кордегардии, он увидел всадников, въезжающих под воротную арку со стороны большого города. Трое. Тот, что впереди – похоже, какая-то важная шишка, и двое в качестве охраны. Все в выпуклых кирасах

с гербом – белой осадной башней на черном фоне.

Брин, как и любой коренной житель Валемира, недолюбливал валорцев. Дело было не в ненависти к оккупантам – он был слишком молод, и о былой независимости портового города-государства знал только из рассказов старших. Но с бесцеремонностью и чванливостью подданных императора Валора уже успел столкнуться. Особенно этим грешили вояки, а с ними-то страже чаще всего и приходилось иметь дело.

Подтянув ослабший пояс, он припустил в сторону моря, к торговой площади. Оглянувшись на бегу, увидел, что всадники остановились у входа в караульную. Ну, точно, не иначе как за пленником явились!

Брин поднажал. Брусчатка мостовой быстро сменилась пружинящими под ногами досками понтона. Подступал прилив, и вода заметно поднялась, хлюпала совсем близко, лениво облизывая толстые каменные столбы опор.

Он с разбегу ворвался в лабиринт шатких мостков, каналов, застроенных каменных островков и зданий, возвышающихся на высоких сваях. Путь к площади привычно срезал через таверну «Плавучий остров», заскочив в нее с одного входа, под ворчание хозяина пробежав через подсобки и кухню и выбежав через черный ход. Мимо часовни Девы Ветров, мимо сгоревшей прошлой ночью лавки Твинклдотов – выбежал напрямик на центральную площадь. Она раскинулась на самом крупном островке суши, и даже замощена, как на большой земле – гладкими выпуклыми булыжниками.

Сейчас, в разгар дня, на рынке не протолкнуться. Экономя место, торговцы сидят чуть ли не друг на друге, оставляя для покупателей лишь узкие проходы. Галдеж, как всегда, стоит несусветный.

Брин, привставая на цыпочки, вертел головой, выискивая в толпе темно-синие плащи стражников. Дорогу ему мало кто уступал – покупатели грудились вокруг прилавков, придерживая кошельки и до хрипоты споря с торговцами и друг с другом. Юноша, отчаянно работая локтями, пробился к более широкому проходу, и, наконец, расслышал знакомый голос.

Эрин матерился, на чем свет стоит, перекрывая даже гул толпы. Похоже, дело худо.

В центре рынка располагается знаменитый Дельфиний фонтан, вокруг которого огорожено довольно большое пространство, где нельзя ставить лотки. Зато здесь расставлены скамейки и сооружен небольшой помост, где каждый день дают представления заезжие трубадуры, маги-фокусники, а то и просто хохмачи с тряпичными куклами, изображающими разных персонажей – от потешного Карлито-простачка до императора Валора.

Сейчас сцена пуста, но давка перед ней образовалась нешуточная. Зеваки обступили нечто плотным кольцом, пробиться через которое Брину удалось, только достав обернутую сыромятными ремнями дубинку.

На сырых после недавнего дождя булыжниках мостовой

лежал, распластавшись, как морская звезда, грузный, пожилой уже мужчина в полосатых штанах и грязном сером камзоле немодного нынче покроя – длинного, до колен, с двумя рядами больших медных пуговиц. Брин не сразу заметил расплзающуюся из-под тела обширную красную лужу. Рана, похоже, была нанесена со спины – спереди все было чисто. Мужчина был еще жив – посиневшие губы на пепельно-сером лице шевелились. На него уже никто не обращал внимания – все равно не жилец. Зеваки, охая и причитая, наблюдали за тем, как Эрин и другой стражник – Брок по прозвищу Рыбоглазый – пытаются скрутить двоих темнокожих молодчиков в широких матросских штанах и блузах из грубой ткани. Матросня отбивалась ожесточенно – лягались босыми ногами, кусались, извивались, норовя выскользнуть из рук.

Брин, с трудом протиснувшись между двумя дородными торговками, рванул на помощь.

Как раз вовремя – одному из матросов удалось оттолкнуть Брока, и тот, споткнувшись, брякнулся задницей на мостовую. Но не успел лиходей и развернуться, как Брин налетел на него с разбегу, сшибая с ног. Втроем стражники смяли злополучную парочку, и разъяренный Рыбоглазый хорошенько прошелся по спинам матросов дубинкой.

– Все, вяжем их! – выдохнул Эрин, когда задержанные уже еле трепыхались от ударов.

Брок, убрав дубину, отстегнул притороченный к поясу мо-

ток крепкой веревки.

– А ты чего здесь, малой? – Эрин согнулся, упираясь руками в колени и шумно выдыхая. На Брина смотрел исподлобья.

– Капитан вернулся! И с ним трое имперских! За Когтем пришли, как пить дать!

– Ох, курва!

– Капитан сказал – чтобы вы прям бегом в караулку...

Один из затихших было матросов вдруг прямо на четвереньках рванул в сторону, поднырнув под рукой Брока. Эрин с поразительной для его возраста и комплекции сноровкой бросился наперерез и осадил беглеца увесистой оплеухой, так что молодчик плюхнулся лицом в мостовую.

– Чего ж ты раззявился-то, Рыбоглазый?!

– Да где ж тут уследишь, за двумя-то! – огрызнулся Брок. – Знают, демоны, что на виселицу пойдут!

Он был прав – за убийство в Валемире судят крепко. Тем более залетную пьяную матросню. Повесят без разговоров, другим в назидание. Иначе в этом бедламе, что зовется Портовым районом, порядка не удержишь.

– Эх, курва! Ну как не вовремя! – Эрин в сердцах пнул того из убийц, что уже лежал на земле связанным и зло скалился на стражников, выплевывая ругательства на каком-то раскатистом наречии. Судя по загорелой дочерна коже и курчавым черным волосам – выходец откуда-нибудь с Зуулистана.

– Значит, так! – выдохнув и приглаживая вислые усы, ре-

шитительно рывкнул Эрин. – Ты – обратно к капитану! Мы – за тобой. С этими придется, конечно, повозиться, но постараемся поскорее. Давай, дуй!

Брин, вздохнув, развернулся и, расталкивая зевак, побегал обратно, к воротам на большую землю.

Капитан, конечно, пуще прежнего разозлится, но он-то, Брин, что может поделаться? И правда – все так не вовремя!

Перед крыльцом кордегардии Брин остановился, постарался хоть немного отдышаться и привести себя в порядок. Шумно выдохнув, взбежал по скрипучим ступеням.

– Куда прешь, щенок! – осадил его имперский.

У входа в караульную стояли двое в гербовых кирасах – похоже, из тех, кого Брин увидел, еще когда побегал за Эрином.

– Чего?! – возмутился Брин. – Ты чего тут раскомандовался, тупорылый?

Локрин строго-настрого запретил страже собачиться с имперскими вояками, но тут уж любого бы расперло от негодования. Это ж надо – не пускать стражника в собственную казарму!

Имперец – ненамного старше самого Бриана, с неровными черными усиками и едва пробивающимся пушком на подбородке – шагнул в сторону, загораживая дверь. Второй и вообще положил руку на оголовок висящего на поясе корда.

– Давай-давай, топай, малец! Нельзя сюда!

– Да вы чего, охренели совсем?! – вконец взъярился Брин,

сжимаемая кулаки. – Я по приказу капитана!

Он попробовал было потеснить имперцев, но те вдвоем без труда отшвырнули его. Зашипела выскальзывающая из ножен сталь – оба выхватили короткие широкие корды. У Брина от изумления челюсть отвалилась. Даже ярость и возмущение куда-то пропали.

– Вы это чего, а? – растерянно пробормотал он, глядя на острия клинков.

Тут в дверь бухнули изнутри, и тяжелая створка чуть не сшибла перегородивших проход стражников.

– Чего тут? – сварливо осведомился появившийся на пороге Локрин. Увидев оружие, схватил ближайшего имперца за отворот плаща и притянул к себе.

– А ну железяки в ножны, паскуды! – процедил он сквозь зубы, выплевывая слова прямо в лицо вояке. – Иначе пинками сейчас обратно за ворота отправлю!

– Капитан! – донесся голос из караульной. Говоривший произносил слова слегка нараспев, будто с ленцой или скукой. – Я бы вас попросил воздержаться от резких движений. И хочу отметить, что командовать солдатами империи – не в вашей компетенции.

– Я те шас покажу контенцию! – рывкнул Локрин, еще крепче рванув перепуганного имперца за плащ. Явственно послышался треск ткани. – Чтобы какие-то имперские щенки на моих людей в моей же казарме пасть разевали?! Брин, чего встал? Заходи!

Капитан оттолкнул имперца так, что тот едва не повалился на спину. Второй сам благоразумно попятился назад. Локрин махнул рукой Брину. Тот, расправив плечи, последовал за капитаном. У входа едва не налетел на него, потому что Локрин остановился и вполголоса спросил через плечо:

– Эрин-то где?

– Сейчас они с Броком подбегут, там убийство на площади, двоих душегубов повязали, тащат их сейчас сюда, – горячо затараторил юноша заговорщическим шепотом.

Ввалившись в караульную, Брин невольно замер у порога.

Потолка как такового в караулке не было – лишь несколько массивных балок, к которым крепились стропила двускатной крыши. Вдоль дальней от входа стены между балками было прокинуто несколько досок, на которых, скрытое полумраком, валялось всякое тряпье и железный хлам вроде прохудившихся шлемов, ведер, бердышей без рукояти и малопонятных проржавевших штукovin, назначения которых Брин даже не представлял.

Вокруг одной из центральных балок была обмотана толстая цепь, к которой крепился железный крюк вроде тех, что используют на бойне. Обычно на этом крюке болталась массивная масляная лампа. Сейчас же за него был подвешен вчерашний пленник. Подвешен за ручные кандалы, при этом руки были заведены за спину, так что таец раскорячился, как на дыбе. Пальцы его босых ног едва доставали до вытасченного на середину комнаты стола. Под темной кожей отчетли-

во проступили тугие жгуты напряженных до предела мышц. Да уж, так долго не повисишь.

Лица пленника было не разглядеть – в такой позе он не мог поднять головы, выкрашенные в алый цвет волосы свисали, как спутанный пучок водорослей.

– А я говорю – он это! Он, кому же ещё! Коготь! – видно, продолжая прерванную перебранку, горячился Локрин.

Имперец – холёный красавец лет тридцати, с тонкими полосками усов и бородки на гладком лице – слушал его со скучающей миной.

– Да остыньте вы, капитан! – недовольно искривив тонкие губы, ответил он. – Я же сказал – разберёмся...

– Разбирайтесь! Но пока бумагу не подпишете, что это мы, стража порта, повязали этого гребаного тхайца – я его вам не отдам!

– Вы мне не доверяете, капитан? – все так же лениво осведомился красавчик, задирая подбородок.

– А с чего бы это вдруг? Бумагу в канцелярии завсегда составляют, даже когда воришку какого занюханного поймаешь. А тут душегуба, которого по всей империи ищут, вы хотите просто так забрать?

– Я же вам предлагаю – проследуем все вместе до канцелярии, и там, по всем правилам...

– Ага, и получится, что это вы его доставили, а старый Локрин так, увязался, как шавка за телегой! Себе награду присвоить задумали? Хрена с два! Сейчас мои люди подойдут,

и я сам приволоку душегуба в канцелярию!

Капитан, как обычно, был страшен в гневе, и Брин, наблюдая за ссорой, благоразумно держался у стенки и старался быть тише воды.

– Да что вы заладили – награда, награда, – поморщился щеголь. – Ваше дело – оберегать покой граждан от преступников, а не гоняться за наживой.

– Наживой?!

Это имперец, конечно, зря сказал... Брин попятился еще дальше, забиваясь в самый угол.

– Да я... – задыхаясь от ярости, прохрипел Локрин. – Да я с молодых ногтей, шкуры не жалея... Да ты, сопляк, еще не родился, когда меня уже старшим патруля ставили! Двадцать девять лет службы! А вот это ты видал?!

Капитан рванул ворот поддоспешника, открывая шею, на которой болтался разлапистый, с ладонь размером, серебряный якорь, инкрустированный самоцветами – орден, врученный Локрину Паоло Верджи, герцогом Валемирским, больше двадцати лет назад, еще когда Валемир был независимым. Напоказ его при новой власти капитан уже не носил, но и отказываться не собирался. История, в результате которой он получил орден, и впрямь была любопытной, если, конечно, не слушать её в исполнении старика раз этак в тридцатый.

– Ладно, ладно, остыньте, капитан, – пятась от разгневанного стражника, пробормотал имперец. – Если настаиваете – давайте допросим задержанного прямо здесь.

– Да как же – допросишь его! – фыркнул Локрин. – А вот это вы видели?

Он схватил пленника за волосы, задирая лицо вверх, и стиснул его челюсть своими жесткими, как крабьи клешни, пальцами. Тхаец глухо зарычал.

– Пасть открой, паскуда! Открывай, сказал! О! Полюбуйтесь, полюбуйтесь, господарь Терендорф!

Имперский, брезгливо морщась, взглянул на пленника.

– Что это? У него что, язык отрезан?

– Начисто! Под корень! Это так у них, у Черных клинков тхайских, заведено, значит. Чтобы, значит, даже если поймают, не сболтнул чего. Ты его хоть пытай – толку чуть.

Имперец скривился, поглядывая на приоткрытую дверь.

– И это, промежду прочим, тоже сходится, – с нажимом произнес Локрин, отпуская тхайца. – В листовках-то о розыске тоже говорится, что он немой – жестами изъясняется.

– Мы разберемся, – устало повторил щеголь, не встречаясь взглядом с Локрином. – Но, если вы и дальше будете противиться транспортировке задержанного в имперскую тюрьму... я буду вынужден... применить мои... полномочия....

Красавчик волей-неволей пятился от Локрина, и голос его становился все менее уверенным. Да уж, когда на тебя угрожающе прёт некто такого роста и комплекции, да еще сплошь запакованный в броню, трудно диктовать свои условия.

Имперец попятился, судорожно хватаясь за кинжал. Ещё миг – и острый, как шило, клинок замаячил перед самым носом капитана. Теперь уж тот, оторопев от такой наглости, подался назад, нашаривая на поясе рукоять корда.

Брина будто холодом обдало. Если, не приведи Аранос, капитан сейчас всерьёз схлестнется с имперцем, страшно даже представить, чем это кончится.

Но щеголь оказался не промах. Перехватил руку Локрина, не давая ему вытащить корд. Приставил лезвие своего кинжала к неприкрытой шее капитана и начал теснить его к середине комнаты. Тот, птясь, опрокинул обеденную скамью и едва не завалился на спину, но уперся копчиком в стол, над которым висел пленник. По пути, правда, успел таки врезать красавчику по морде, и на щеке имперца заалел длинный порез – перчатки стражников делаются из жесткой кожи, с небольшими шипами на тыльной стороне ладони.

– Что это за выходки, старый болван?! Сейчас прирежу тебя – и буду прав! – сквозь зубы процедил имперец, приподнимая небритый подбородок капитана клинком. Тот, побагровев от злости, что-то прорычал в ответ, но лезвие кинжала, еще плотнее прижатое к коже, заставило его замолчать. Отклоняясь от клинка, капитан почти завалился спиной на стол, и чтобы сохранить равновесие, ему пришлось убрать руку с рукояти корда и упереться в столешницу. Второй рукой он перехватил запястье имперца, не давая ему дальше давить на лезвие.

Брин в растерянности таращился на потасовку, не зная, что делать. Помочь капитану? Тогда он точно прибьет имперца, а это – верный путь на виселицу. И Брин, если поможет, будет болтаться рядом. Но что же теперь – просто стоять и глядеть на то, как какая-то крыса из имперской канцелярии угрожает капитану?! Рука сама собой потянулась к дубинке...

Пленник, до этого безжизненно болтавшийся на своем крюке, будто освежеванная баранья туша, вдруг качнулся вперед и, подогнув ноги, уперся ступнями в спину капитана. Еще миг – и он, выгнувшись вперед, просто-напросто встал на плечи Локрина, на пару мгновений получив твердую опору под ногами. Больше ему и не потребовалось. Одно быстрое змеиное движение, мерзкий влажный хруст – и руки его, скованные за спиной и задранные вверх, перекрутились в плечевых суставах так, что оказались просто поднятыми над головой.

Брин видел подобный трюк в исполнении одного акробата из бродячего цирка, но никогда бы не поверил, что можно перевернуть его в таких условиях. Сейчас же он не успел даже удивиться – тхаец спрыгнул со своего крюка и одним движением свернул Локрину шею – только позвонки хрустнули. Мягко, как кошка, соскользнул со стола. Тело капитана грузно повалилось на пол, под ноги имперцу. Тот, воткнув стилет в столешницу, выставил перед собой ладони и попятился назад.

– Спокойно, парень, спокойно... – тихо проговорил имперец, задирая пониже рукав на левом запястье. Там виднелась какая-то метка – Брин не успел разглядеть, какая.

Коготь, чуть сгорбившись, несколько мгновений разглядывал канцелярского. Потом метнулся к выходу.

На пути его не осталось никого, кроме Брина. Парень, пятясь, поднял обернутую ремнями дубинку – скорее прикрываясь, чем замахиваясь для удара. Тхаец походя, не сбавляя темпа, выбил жалкое оружие из его рук. Шваркнул молодого стражника спиной о стену, зажал ему левой рукой рот. Острый юношеский кадык судорожно дернулся вверх, да так и застыл там.

На короткий миг они встретились взглядами. Чёрные, как отполированные кусочки оникса, глаза, горящие холодным пламенем отчужденности и какой-то запредельной, могильной тоски. И расширившиеся от ужаса светло-серые, прозрачные. Как речная вода или подтаявший снег.

Рыкнув, будто от боли, тхаец оттолкнул юнца и выскочил на улицу.

Брин, едва устояв на ослабевших ногах, потер шею, стараясь избавиться от кома, засевшего в горле и не дающего произнести ни слова. Снаружи донеслись испуганные возгласы стоявших снаружи имперцев. Похоже, тхаец миновал и их, не особо задерживаясь.

Но Брину было не до того.

– К-к-капитан, – наконец, прохрипел он, склоняясь над те-

лом Локрина и не решаясь прикоснуться к нему. Остановившийся взгляд старика был устремлен куда-то вверх, в темноту, затаившуюся под крышей. Брин, сглатывая нахлынувшие рыдания, потянулся, чтобы прикрыть мертвецу веки.

Рука в тонкой щёгольской перчатке зажала ему рот, задирая голову вверх. Острое, как у бритвы, лезвие скользнуло по горлу, алые капли веером брызнули на пол, на лицо распластавшемуся перед Брином капитану.

– Глупый мальчишка! Зачем ты только сунулся сюда... – прошипел имперец. Брезгливо отдернув руку, толкнул юношу вперед, повалив на живот, и бросился к выходу. На крыльце едва не столкнулся с Эрином и Броком Рыбоглазым.

– Где тхаец?! Вы его видели? – заорал на них имперец, утирая, наконец, кровь на рассеченной капитаном щеке.

– Господин Терендорф, он туда побежал! К морю! – захлебываясь от волнения, закричал один из тех имперских, что сторожили выход из кордегардии. Второй неподвижно лежал на крыльце, раскинув руки в стороны. Кираса с белой башней, намалеванной на груди, была обильно забрызгана красным.

– За ним!!

Дальше, вниз по улице, раздавались испуганные возгласы. Заголосила какая-то торговка рядом с опрокинутым беглецом прилавком. Тыквы, кочаны капусты, помидоры и прочая снедь обрушились на мостовую, как из рога изобилия.

Имперец, а за ним и портовые стражники устремились в

погоню.

Брин, скорчившись на полу в караульной, еще какое-то время слышал доносящиеся с улицы крики, и даже узнал знакомый голос Эрина. Но потом будто ушел под воду, и все звуки стихли, сменившись низким гулом в ушах.

Он лежал, зажимая рассеченное горло ладонью и чувствуя, как жизнь липким горячим потоком просачивается сквозь пальцы. Страшно. До тошноты, до одури страшно. Сердце судорожно ворочалось в груди, глаза застилала мутная пелена слез. Когда удавалось сморгнуть, взору открывались грязные доски пола со следом от раздавленного таракана. Вовсе не та картина, которую хочется наблюдать в последние мгновения.

Собравшись с силами, Брин отнял ладонь от раны, уперся ею в пол и перевернулся на спину. Дверь в караулку была распахнута настежь, и свет, льющийся снаружи, показался ему нестерпимо ярким. Он зажмурился и поднял было руку, чтобы прикрыть глаза. Но на это уже не хватило сил.

Так его и нашли – с лицом, обращенным к выходу. Рядом с ним на полу багровел отпечаток ладони.

Год 237-й от Разлома, Пустоши, рыбацкий поселок Вальбо

Неуклюже хлюпая сапогами по раскисшей грязи, Мо забежал под навес возле входа в харчевню. Мог особо и не торопиться – от вездесущего дождя навес не спасал, скорее наоборот. Слой старой прогнившей соломы промок насквозь и теперь с него не просто капало, а лилось вниз целыми струями. Относительно сухо было только у самой стены, рядом с дверями – там, где сидел на скамье пузатый Хек и с мрачным видом ковырялся с каким-то куском доски. Приглядевшись, Мо понял, что тот малюет новую вывеску.

– Боги тебе в помощь, досточтимый Хек! – переминаясь с ноги на ногу, промямлил Мо.

Трактирщик поднял на него водянистые глаза и еще сильнее выпятил свою толстую рыблю губу.

– Чего надо?

Не дожидаясь ответа, схватил стоящую рядом на скамье пузатую бутылку и отхлебнул из горлышка.

Мо, вытянув шею, судорожно сглотнул.

– Так это, Хек... Выпить бы. Со вчерашнего дня ни россинки...

– Ха! А я-то думаю – кто это ко мне приперся? Я тебя тверёзым и не признал, Мо.

Рыбак заискивающе заулыбался, показывая коричневые и изрядно поредевшие зубы.

– Дык это... Я и сам себя не признаю, хе-хе...

Он покосился на заколоченные крест-накрест дверь в таверну и окошко рядом с ней.

– Ещё не открылся?

– Я погляжу – мозгов у тебя, как у трески! Чего я, по твоему, снаружи-то торчу?

– А... ну да. А как там... этот? – Мо невольно перешёл на шёпот.

Трактирщик обернулся в сторону двери, будто к чему-то прислушиваясь.

– Вчера еще весь день стонал, на помощь звал. Нонче пока не звука. Молю Араноса, чтобы этот страшила уже сдох.

– А тот, второй?

– Нету. Его старая Хельга перевязала, уложила у себя, но он той же ночью исчез куда-то, еще до рассвета.

Мо покивал, не сводя глаз с початой бутылки.

– Так это, Хек... Как насчет выпить-то?

– Нету! – отрезал трактирщик, снова прикладываясь к горлышку.

На лице пьянчуги отразилось такое страдание, что даже самый лютый головорез облился бы слезами от жалости.

– Ну, может, все-таки можно...

– Можно! – охотно согласился толстяк. – Давай так – я тебя запущу внутрь, ты проверишь, живой ли там этот колдун.

И тогда бутылку чистейшего, ни разу не разбавленного рома тебе отвалою.

На рыбака было больно смотреть – настолько противоречивые чувства его терзали. Он был вчера в «Барракуде» и самолично видел страшного чёрного мага и его схватку с другим магом – в сером балахоне. Страху натерпелся такого, что портки до сих пор не просохли. Но выпить хотелось так, что он убить готов был за бутылку любой сивухи, хотя вообще-то всегда слыл парнем безобидным.

– Так это, Хек... – вдруг прозрел он. – А хлебнуть дашь сначала? Ну, для храбрости?

– Ага, нашёл дурака! – хохотнул трактирщик. – Проваливай!

– Ну, Хек... – заканючил рыбак, едва не падая на колени. – Ну, два глотка! У меня кишки все в узел сворачивает, помру щас!

– Какой я тебе Хек! – огрызнулся толстяк. – Хек... Сам ты... палтус паршивый. Гектор я! А для тебя – дон Гектор Фарендот! Усёк?

– О, Ирана милостивая! – Мо, выпучив глаза от страха, попятился к стене.

– Вот так то! – довольно хмыкнул трактирщик, снова отхлебывая из бутылки. Потом заметил, что смотрит рыбак во все не него, а куда-то на улицу.

Обернувшись, он и сам не удержался от испуганного взгляда.

Сквозь завесу мелкого морозящего дождя напрямиком к «Барракуде» шёл какой-то чужак. Чужаков в Вальбо и так-то не жаловали. А уж на этого достаточно было разок взглянуть, чтобы понять – жди неприятностей.

Явно чужестранец – темнокожий, со спутанным хвостом кроваво-красных волос. Из одежды – только бесформенный шерстяной балахон, похожий на жреческий, и короткие, до голенищ угвазданные в грязи сапоги, судя по походке – сильно не по ноге. На запястьях болтаются тяжелые железные браслеты кандалов с короткими обрывками цепи, когда-то их связывающей.

Незнакомец сильно прихрамывал на левую ногу, но, несмотря на это, шёл довольно быстро. Улица позади него была пуста – ни запряженной лошади, ни повозки. Непонятно было, как он вообще появился в поселке. Не пешком же пришёл? Тут во все стороны на полдня пути – ни души. Глушь.

Несмотря на то, что оружия у чужака не было видно, у трактирщика неприятно похолодела спина и захотелось за кого-нибудь спрятаться. От красноволосого так и веяло смертью.

– Зд-дравствуй, добрый человек! – пробормотал Мо, когда чужак поравнялся с ними.

Красноволосый на него даже не взглянул. Завернул под навес. Для этого ему пришлось пригнуть голову – росту он был немалого. Остановился рядом с заколоченной дверью.

Опустил голову, будто к чему-то прислушиваясь.

Мо и трактирщик затравленно переглянулись. Мо потихоньку, вдоль стенки, уже крался прочь от двери. Толстяку же деваться было особо некуда.

– Замечательный день, не правда ли, дон? – осклабил-ся трактирщик, заглядывая в лицо незнакомцу. – Вы хотите войти? Если что – я сейчас мигом сбегая за топором, откроем двери и...

Красноволосый молча ухватился за доски, удерживающие дверь, рванул. Жалобно взвизгнули выдираемые из дерева гвозди, хрустнул кусок выломанного с мясом косяка. Распахнув двери, чужак шагнул внутрь харчевни.

Едва он скрылся за порогом, Мо, а за ним и сам трактирщик рванули прочь. Далеко, впрочем не убежали, но предпочли наблюдать за выходом с противоположной стороны улицы, укрывшись за невысоким плетнем.

В зале таверны было темно, как в пещере. Свет пробивался от раскрытой двери и через щели в прикрытых ставнях, но его не хватало даже на то, чтобы различить очертания предметов. Красноволосый немного постоял на пороге, потом медленно двинулся вглубь залы, огибая поваленные столы и лавки, переступая через валяющуюся на полу посуду. Несмотря на хромоту и внушительный рост, ступал он едва слышно.

Пахло дымом и жжёной роговиной, и запах этот заглу-

шал все остальные. Потрявоженные сквозняком от двери, тихонько скрипели покачивающиеся на крючьях подвесные светильники.

Из дальнего конца залы донесся шорох.

– Это ты?

Красноволосый с трудом узнал голос. Затаившийся в темноте явно очень ослаб.

Он остановился.

– Стой где стоишь, – каркнул голос из темноты. – Сейчас...

Что-то брякнуло, кляцнуло, в углу вспыхнуло несколько ярких искр, и на полу расцвело пятно желтоватого света, исходившего из старого масляного светильника. Светильник стоял рядом со столом с подломившимися с одной стороны ножками – так, что столешница упиралась одним краем пол. Опираясь на стол спиной, рядом с лампой лежал рослый человек в черной рясе с откинутым назад капюшоном. У человека не было лица. Вместо него – жуткая маска из едва подсохших рубцов на многочисленных ранах. Или, скорее, на одной сплошной ране, широкими полосами избородившей всю голову.

Другой на месте красноволосого содрогнулся бы. Но он знал, что то, что было под раной, было немногим лучше.

– Где ты шлялся, грязный тхайский выродок?! – прошипел этот живой мертвец, скаля зубы в рваном отверстии, которое когда-то было ртом. – Ты должен был догнать меня

ещё вчера!

Красноволосый сделал несколько быстрых плавных пассов пальцами, будто играл на невидимой флейте. Язык глухонемых.

– Проклятье! Ты провалился? Но ты успел завершить дело? Лерано мёртв?

Красноволосый кивнул.

– Ну, хоть это тебе можно доверить, – фыркнул раненый. – А как тебе удалось бежать?

Снова пара знаков пальцами.

Красная. Рука.

– А, помог кто-то из наших... Что ж, повезло. А мне вот, как видишь, не очень.

Уродец хрипло расхохотался. Звук был жутковатый – будто в горле его булькала какая-то густая жидкость.

Красноволосый невозмутимо смотрел на мага, продолжая стоять в отдалении, на самом краю освещенного лампой пятна.

Когда-то этот человек напоминал ему другого. Того, которого он тоже долгое время ненавидел и боялся. Человека, у которого тоже была страшная рана на месте лица.

Прошло время, и он перестал их сравнивать. Было ошибкой считать их похожими.

На место ненависти и страха к Джайраку Сожженному со временем пришло уважение и почти сыновья любовь. Внешность и дурная слава оказались обманчивы. Человек же, ле-

жавший сейчас перед ним, внутри был еще более мерзким, чем снаружи.

– Что, небось радуешься, что так всё обернулось, а? – внезапно оборвав свое натужное хихиканье, маг зло зыркнул на тхайца. Ярко сверкнули белки глаз, выделяющиеся в черно-багровом месиве струпьев.

– Небось, ждешь, что я испущу дух здесь, как последняя собака, и ты наконец от меня освободишься?

Красноволосый не шевелился.

Маг грязно выругался и взметнул в его сторону руку со скрюченными, как птичьи когти, пальцами.

– Не дожدهшься!

Таец глухо зарычал и упал на колени, вкидывая руки к горлу.

– Я всё еще твой хозяин, слышишь? И, если уж я буду подыхать, то и тебя прихвачу с собой, понял?!

Чёрный повел скрюченными пальцами к себе, будто подтягивая поводок, и тхаец, рыча от боли и злости, пополз к нему на четвереньках, одной рукой держась за горло. Там, в самой ямке между ключицами, мелко тряс мохнатым брюшком крупный черный паук со светящейся багровой каплей игниса на спинке. Лапками паук глубоко врос в плоть тайцу, и когда маг подтягивал красноволосого к себе, можно было разглядеть, как лапки эти вздымаются под кожей, как толстые раздувшиеся вены. Лапы были непропорционально длинными, в добрую пядь, и обхватывали всю шею и грудь

тайца.

Маг сжимал и разжимал дрожащие от напряжения пальцы, и лапы паука, вторя ему, ходуном ходили под кожей тайца, расплывающейся изнутри бурыми кровоподтёками. Сам красноволосый опрокинулся на спину и оцепенел, выгнувшись дугой и царапая пальцами грязные доски пола. Вместо крика из его горла вырывались лишь сдавленные хрипы.

– Что, чуешь, падаль? Чуешь?! – хрипел, вторя ему, сам маг. Наконец, исчерпав свои силы, он в изнеможении откинулся на спину и прикрыл глаза. Тхаец, избавленный от его невидимой хватки, рухнул на пол и тоже затих. Валялись они так довольно долго. Пламя в светильнике стало слабым и неровным – похоже, заканчивалось масло.

– Эй, ты... – повернул голову Чёрный. – Коготь! Эй, ты живой там?

Красноволосый, упершись заметно дрожащими руками в пол, медленно поднялся.

– Ну да, чего с тобой сделается, – хмыкнул маг. – Вставай, вставай!

Тхаец выпрямился, глядя перед собой.

– Ненавидишь меня, да? – прохрипел маг. – Знаю, знаю. Если бы ты мог, ты бы зубами мне в глотку вцепился. Но знаешь, что?

Он сделал паузу, будто рассчитывая, что немой и впрямь ответит.

– Хочешь, я отпущу тебя?

На мгновение красноволосый потерял самообладание и дернулся, взглянув на мага. В ответ тот затрясся в издевательском смешке, перешедшим в натужный кашель. Красноволосый снова превратился в статую, терпеливо дожидаясь, пока маг закончит корчиться в конвульсиях. Судя по тому, как тот держался за живот, изуродованным лицом его раны не исчерпывались.

– Да нет, нет, – отхаркиваясь красным, помотал головой раненый. – Ты не ослышался. Я избавлю тебя от этой штуки... Ты снова станешь свободным, паршивый выродок.

Маг вынул откуда-то из складок своего балахона короткий меч с широким, в ладонь, вороненым клинком, украшенным ярко-красной, заметной даже при таком освещении гравировкой. По форме клинок напоминал застывший язык пламени, но в то же время в этих плавных изгибах чувствовалась точность расчета и филигранное мастерство исполнения. Гарды у меча не было – сам клинок внизу расширялся и отходил узорным отростком вниз, прикрывая рукоять спереди.

Когтю уже доводилось видеть этот меч раньше, и он вызывал у него необъяснимый холодок в груди – нечто, что можно было бы принять за страх. Если бы он вообще ещё способен был чувствовать страх.

Маг вонзил клинок в пол и опёрся на него, держась за рукоять. Красноволосый подумал было, что он пытается встать, но Чёрный просто подался вперед, садясь прямо.

– Есть один человек... – он не поднимал головы, так что голос звучал глухо, как из бочки. – Его зовут Леонард Кроу. Он уже давно досаждают нам. Вздумал возродить орден Серых пилигримов, болван...

Чёрный надолго закашлялся. Тхаец терпеливо ждал.

– Этот будет твой последний приказ, – продолжил, наконец, раненый. – Избавишься от Кроу – и моё заклятье спадет. Возьми мой меч. И вот это... Серебро открывает многие двери.

Кошель тяжело брякнул об пол.

Красноволосый неуверенно двинулся вперед. Маг молча наблюдал за ним исподлобья. Оставив свой странный клинок вонзенным в пол, немного отполз в сторону.

Тхаец принял меч. Клинок оказался гораздо тяжелее, чем можно было подумать, и от него ощутимо веяло холодом.

– Береги этот меч, – предупредил Чёрный. – Он – единственный в своём роде. И он уже испробовал крови Кроу. Так что приведет тебя к нему. Ты сам поймёшь как. Просто прислушивайся... Ты меня понял? Прислушивайся...

Они встретились взглядами.

– Я не обманываю тебя, Коготь, – тихо проговорил маг. – Я действительно отпускаю тебя. Только убей этого выродка. Он был здесь меньше двух дней назад. Отправился на север. Скорее всего, на Валемирский тракт, больше ему некуда деваться... Возьми след, пока он еще горяч. Убьёшь Кроу – и станешь свободным.

Красноволосый кивнул.

– И ещё... – маг снова закашлялся, под конец харкнув на пол липким черным сгустком. – Притащи сюда местных. Эти твари, похоже, от страха в штаны наложили. Решили меня заморить здесь. Но, возможно, я еще смогу выкарабкаться. Тащи всех, кого сможешь.

Красноволосый постоял еще немного, потом развернулся и направился к выходу.

– Так ты приведешь кого-нибудь? – прохрипел ему вслед маг.

Масло в светильнике догорало, крохотный язычок пламени трепетал на фитиле, как последний осенний лист на ветру.

Красноволосый на миг застыл у выхода.

– Ты ведь приведешь кого-нибудь, правда? – Чёрный подался вперед, опираясь на локоть. Белки его выпученных влажных глаз мерцали в темноте, подсвечиваемые снизу неверным пламенем.

Таец, не оборачиваясь, шагнул за порог. Тяжело хлопнула створка двери, и почти одновременно с ней погас огонёк в лампе. Зал таверны снова погрузился во мрак.

Часть третья. «Старый якорь»

1

Год 237-й от Разлома, осень, Пустоши

Ещё задолго до того, как они сделали первый привал, Барт понял, что Серый ранен гораздо серьезнее, чем хотел показать. Его странный спаситель всё сильнее кренился в седле, и пару раз запросто мог свалиться, если бы Барт не придержал его сзади.

– Может, передохнём немного, господин? – хрипло спросил юноша. Боль в горле притупилась, но говорить по-прежнему было тяжело.

– Рано, – отрезал Серый.

Барт решил, что маг боится преследования и хочет хоть как-то замести следы. Сейчас они были как на ладони – дорога, по которой они ехали, была единственной, к тому же проходила она по унылой пустоши, где и укрыться-то негде. Лишь впереди, где-то у самого горизонта, темнело нечто, похожее на жиденькую рощу. Впрочем, с запада обзор загораживали усеянные крупными валунами холмы. Возможно, за ними откроется что-нибудь поинтереснее. Например, развилка или перекрёсток. Здесь уже преследователям придёт-

ся поломать голову – куда именно идти.

Ехали они уже довольно долго. Рассвело. День обещал быть погожим – солнце пригревало почти по-летнему и постепенно прогнало с неба влажную осеннюю мглу. Это было очень кстати – Барту удалось хоть немного согреться.

Всю дорогу хранили молчание. Это было совсем не в духе юного Твинклдота, однако спутник его был весьма неразговорчив и угрюм, и Барту вскоре передалось его настроение. Так что вся поездка проходила в полнейшем безмолвии, даже лошадь, казалось, дала обет молчания – за всю дорогу даже не фыркнула. Только мерный топот копыт, приглушаемый мягкой землей, да поскрипывание кожаной сбруи.

Дорога постепенно забирала влево, а вскоре поползла вверх по пологому склону холма. Земля здесь была посуше, и утрамбована лучше. Гнедая кобыла мага ускорила шаг, тряхнула головой и тихонько, будто жалобно, заржала.

– Знаю, знаю, принцесса, – пробормотал Серый. – Потерпи.

– Принцесса? – переспросил Барт.

– Так зовут мою лошадь, – чуть повернувшись в седле, ответил маг. – Там, за холмом – постоянный двор. Остановимся ненадолго.

Барт чуть с лошади не свалился от радости.

– Наконец-то! Если честно, я весь зад уже отсидел, господин. Да и вам, я вижу, нужно отдохнуть.

– Ты прав, Бартоломью. Ты прав... – после некоторой па-

узы ответил Серый и несильно хлестнул лошадь по боку свободным концом уздечки.

Когда дорога перевалила за холм, они будто бы попали в совершенно другую страну. Серая каменистая почва сменилась пожухшей от утренних заморозков, но всё ещё зелёной травой, дорога расширилась чуть ли не вдвое и влилась в перекрёсток, возле которого возвышался монументальный столб, испещренный надписями от основания до самого верха. Самая свежая, а стало быть, и самая заметная надпись была выцарапана на уровне глаз лошади и гласила, что некая Бритта – шлюха. Впрочем, нашлось здесь место и для обшарпанной доски с названием постоянного двора – «Старый якорь».

Дорога, пересекающая ту, по которой они приехали, была куда шире, а на перекрёстке даже вымощена крупными булыжниками.

– Это уже Валемирский тракт? – спросил Счастливчик.

Маг покачал головой и ещё раз хлестнул лошадь, направляя её к огороженному покосившимся плетнём двору.

Сам постоянный двор представлял собой невразумительное нагромождение построек, соединённых между собой крытыми переходами. С ходу отличить харчевню от конюшни или, к примеру, от курятника было решительно невозможно. Однако Серый, видимо, был здесь не впервые, так что безошибочно проследовал в узкий проход между двумя постройками. Проход вел во внутренний двор, к длинной ко-

НОВЯЗИ.

Тощий мальчишка с копной жёлтых, как солома, волос, выскочил навстречу и принял поводья. Барт, оттолкнувшись руками от крупа, прыгнул на землю позади лошади и держал стремя Серому.

– Напоить. Овса дать. Почистить, – скомандовал маг мальчишке. Тот кивнул, протяжно шмыгнув носом и потянул кобылу под навес, к поилке, где уже стояли несколько лошадей.

– Куда теперь? Может, поедим? – спросил Счастличик.

– Помолчи-ка, Бартоломью, – негромко ответил маг. Он будто к чему-то прислушивался.

Насторожился и Барт. Расслышал пьяные крики и хохот, доносящиеся из-за стены.

– Эй, малый, – окликнул Серый юнца из конюшни.

– Ась?

– Похоже, ваше заведение пользуется завидной популярностью...

– Чего?

– Я говорю – народу у вас нынче много?

– Дык, это... Торговец один остановился, с обозом, с охраной. Богатый. Вон одна из его повозок. Остальные на заднем дворе.

Серый, взглянув на повозку, почему-то помрачнел. Хотя, казалось бы, повозка как повозка. Объемистая, крытая, с потрепанным полотняным верхом. На полотне с правой стороны схематично намалевана птица с расправленными крыльями.

ми – не то орел, не то ворон.

– Комнат, небось, не осталось?

Юнец пожал плечами и снова шмыгнул носом.

– Мы, похоже, не вовремя? – осторожно спросил Барт.

– Зайдем, спросим. Выбора у нас нет, – поморщился Серый. Барт увидел, что лицо его, скрывающееся под тенью капюшона, блестит от пота.

– Держись позади и помалкивай, – сказал маг и, развернувшись, пошагал обратно по проходу, через который они пришли. Длинные полы его балахона, качнувшись, взметнули облачка пыли и соломенной трухи.

Двери в харчевню были приоткрыты, изнутри пахло пивом и чем-то съедобным. У Барта в животе сразу же заворочался тугой сколький комок, и он, едва не наступая Серому на пятки, ринулся вперед.

По сравнению со злополучной «Барракудой» это заведение показалось ему верхом уюта и чистоты. Зал с длинными, как корабельные сходни, столами, вдоль дальней стены – лестница на второй этаж. Под лестницей – целый штабель пивных и винных бочонков, стойка, сплошь заставленная разнокалиберными глиняными кружками. В углу – огромный, светящийся изнутри багровым пламенем очаг, в котором млеет целиком насаженный на вертел поросёнок. На бревенчатых стенах – старые подковы, овечьи шкуры, не очень удачно сделанное чучело филина и полновесный корабельный якорь, которому постоянный двор, видимо, и обя-

зан своим названием. Здоровенная разлапистая железяка закреплена на стене толстыми скобами и смотрится весьма внушительно.

За столом у самого очага расположилась лихого вида компания – судя по всему, охрана обоза. Не меньше дюжины бородатых красномордых молодцов, все, как один – в стёганных гамбезонах или куртках из жесткой лосиной кожи с нашитыми поверх деревянными или железными пластинками. На одном, разукрашенном жуткого вида шрамом на весь лоб, маслянисто поблескивает свежей работы кольчуга без рукавов. Оружия много, и всё на виду – в основном дубинки и кистени, а возле того, что в кольчуге, на столе лежит наполовину вытащенный из ножен корд с широким, как весло, клинком.

У дальнего конца стола стоит худенькая девчушка лет тринадцати в длинном застиранном платье. Две длинные, но жидковатые косички крысиными хвостиками свисают ей на грудь. Перед собой она держит огромную миску с объедками. Головорезы развлекаются тем, что бросают в миску обглоданные кости. Судя по пятнам на платье и на волосах девчонки – целятся не особенно тщательно.

Трактирщик – небольшого роста мужичок, такой сутулый, что кажется вовсе карликом – подтащил к столу целый противень жареных рёбрышек. В ответ получил подзатыльник и горсть медных монет. Монеты были брошены на пол, и сутулый под хохот и подначки гостей бросился собирать их, пока

не закатились в какую-нибудь щель.

Одна из монет подкатилась к самым ногам Серого. Трактирщик проворно подхватил тускло блеснувший кругляк. Выпрямился, смерил неприязненным взглядом вошедшую парочку.

– Чего надо? – губы его, толстые, будто вывернутые наружу, презрительно скривились.

Выглядели они и правда неважнецки – Серый в своём бесформенном балахоне, и уж тем более Барт – босой, в измятой, будто изжеванной одежде, с корочками засохшей глины на штанах.

– Комната есть? – негромко спросил Серый.

– Какая, к чертям, комната, оборванец? – фыркнул трактирщик. – Идите-ка вы отседова, пока...

Серый неожиданно стремительным движением привлек коротышку к себе, так что тот привстал на цыпочки.

– Мне. Нужна. Комната, – так же негромко сказал он. Так сказал, что у Барта затряслись поджилки, хотя ему-то вроде бояться нечего.

Компания у очага взорвалась очередным приступом хохота – один из молодчиков, метнув через весь стол здоровенную кость, попал девчонке прямоком в лоб. Та брякнулась на спину, объедки из миски разлетелись по полу. На трактирщика никто не обращал внимания.

– П-простите, – пролепетал тот. – Не узнал вас, господин. Вы... Вы в прошлый раз...

– Комната, – по-прежнему держа коротышку за шиворот, повторил маг.

– Вчера обоз приехал, господин, все занято, даже чердак, – протараторил трактирщик и скривился, будто ожидая удара.

– Найди мне хоть что-нибудь. Хоть хлев. Надолго я всё равно не задержусь.

Коротышка затряс головой, соглашаясь. Серый отпустил его.

– У нас за конюшней, в амбаре, отличный сеновал, господин, – склоняясь к самому полу и подобострастно улыбаясь, заверил трактирщик. – А обоз вроде бы завтра уходит, так что комнаты освободятся... Эй, Бланка! Ну что эта дура опять творит! А ну, иди сюда!

Девчонка как раз пыталась собрать с пола рассыпавшиеся объедки, но с радостью бросила это бесперспективное занятие и подбежала к хозяину. По дороге дважды споткнулась, что неудивительно – обувка у неё представляла собой плачевное зрелище. Впрочем, Барт бы и за такую отдал бы что угодно – ног он от холода уже не чувл.

– Иди, проводи господ на конюшню, – буркнул трактирщик. – Туда, где свежее сено сложили.

Девчонка испуганно дёрнула головой, округлившимися глазами уставилась на Серого. Впрочем, глаза у неё, похоже, всегда такие – слегка навывкат, как у птицы. Ресницы и брови – то ли выгоревшие на солнце, то ли от природы белёые,

почти незаметные. Крохотный рот с поджатыми тонкими губами, скошенный, будто топором срубленный, подбородок, остренький нос. Ну курица курицей. Жалко бедняжку. Мало того, что уродина, так ещё и издеваются над ней почему зря...

– Давай, давай, топай, – трактирщик толкнул дурнушку к выходу. Та, заплетаясь в собственных ногах, двинулась вперед. Серый и Барт – следом. Барт задержался на пороге, напоследок потянув носом пропитанный запахом съестного воздух.

2

Разместили их на заднем дворе, за конюшней, в покосившейся пристройке, в которой хранился фураж для лошадей. Для сена был возведён дощатый помост – высокий, так что можно было пройти под ним, лишь слегка пригнув голову. Под помостом в живописном беспорядке сгрудились какие-то мешки, ящики, бочонки.

– А что, не так уж и плохо, – хмыкнул Барт, оглядываясь. – Главное, что сухо. Прорех на крыше почти нету. Ну, и вообще... Сеном вон пахнет.

Серый не ответил. Медленно, будто бредя по пояс в воде, протопал к лесенке, ведущей на сеновал, и забрался наверх. Девчонка-прислуга, не отрываясь, следила за магом, пока он не скрылся из виду. Когда её окликнул Барт, подскочила так, что чуть макушкой о потолок не ударилась.

– Нам бы постелить чего-нибудь. Не на сене же спать, – сказал Счастличик. – И, это... Поесть бы. И выпить. Чего покрепче. Поняла?

Девчонка кивнула и опрометью выбежала из-под навеса. Барт вздохнул.

– Бартоломью, – послышался сверху голос Серого. – Подойди-ка.

Юноша вскарабкался по шаткой, поскрипывающей под ногами лестнице. Замер, пытаясь хоть что-нибудь разглядеть

в темноте. Сквозь щели в стенах снаружи пробивался свет, но его хватало только на то, чтобы сделать мрак из черного серым.

Раздалось негромкое шипение и прямо перед Бартом в воздухе возник горящий ровным голубоватым пламенем шар размером с кулак. От неожиданности юноша чихнул и попятился назад, едва не наступив на лежащего в сене мага.

– Осторожнее, – раздраженно отозвался тот. – Не суетись. Подойди ближе.

– Извините, господин, я... Не ожидал просто. А мы сеновал не спалим с этой штуковиной?

– Это просто свет, – отмахнулся Серый. Он сидел на дощатом полу возле края помоста, придерживаясь одной рукой за перила, сколоченные из толстых ошкуренных жердей.

– Помоги-ка мне...

Маг сбросил свой балахон. Под ним обнаружилось что-то вроде конской упряжи – хитрая система ремней, колец, застежек, затягивающая в тугую паутину все туловище. Ремни были разной ширины, некоторые снабжены крошечными кармашками, и почти ко всем были приторочены какие-то сверточки, фляжки, кошельки и даже стеклянные флаконы. Левое предплечье было сплошь заковано в нечто вроде решётчатого доспеха, поверх которого обвилась уже знакомая Барту толстая серебряная плеть. Приглядевшись, он вздрогнул. Доспех был надет на голую кожу и, кажется, глубоко врос в плоть мага. В нескольких местах в кожу вонзились

тонкие прозрачные трубочки, по которым ползет красная жидкость. Эта штука что, кровь из него сосёт?

Сбруя мага была надета поверх плотной шерстяной рубахи с завязками на груди. На левом боку она была темной от крови.

Барт помог Серому частично освободиться от портупей и закатать вверх край рубахи.

– Ох... Вот срань господня! То есть... я хотел сказать – о, Аранос-хранитель!

– Ты уж выбери что-то одно, Бартоломью – либо богохульствуй, либо поминай Хранителя всуе, – проворчал маг, в изнеможении опираясь спиной о перила. – А лучше воздержись и от того, и от другого.

Рана выглядела отвратно – длинный, с рваными краями разрез, идущий наискосок через нижнюю часть грудины. Барт так и представил себе зазубренный клинок, скрежетнувший по ребрам, и по коже пробежал неприятный холодок.

Внизу скрипнула дверь, и на потолке, оттеняя магический шар, на несколько мгновений образовался прямоугольник солнечного света. Барт, перегнувшись через перила, заглянул вниз, но увидеть никого не успел. Зато, спустившись, обнаружил на пороге пару аккуратно сложенных конских попон и плетеную корзину, накрытую сверху куском чистой ткани. Из-под платка выглядывала бутылка с мутной жидкостью.

– О, как раз вовремя! – воскликнул юноша. Наугад выудив из корзины какую-то булку, он впился в нее зубами. Подхватил корзину, перекинул попоны через плечо и снова вскарабкался на сеновал.

– Есть будете, господин? – с набитым ртом спросил он Серого.

Тот, погруженный в угрюмо-сосредоточенное созерцание своей раны, молча покачал головой. После этого Барт на какое-то время забыл о приличиях и, чавкая, как поросенок, в один присест уплеп здоровенный кус пирога с капустой и принялся за второй. Откупорил было бутылку, чтобы запить съеденное, но в нос шибанул такой дух, что в глазах потемнело.

– Ф-фу... Ну и сивуха! Надо было пива попросить.

Мага же жуткий запах наоборот вывел из задумчивости. Барт и охнуть не успел, как серебристая плеть, ожив, метнулась к бутылке и вырвала её у него из ладони.

– То, что надо, – одобрительно кивнул Серый, ненадолго поднеся горлышко бутылки к носу, и принялся рыться в своей объемистой торбе.

– Знаете, господин, – негромко сказал Барт, дожевывая кусок пирога. – Давайте договоримся. В следующий раз вы это... Ну, просто попросите, я вам подам. Без этой вашей штуковины.

– Извини. Это... Понимаешь, это как продолжение руки. Использую, не задумываясь.

Смочив в пойле небольшую тряпицу, маг принялся методично вытирать кожу вокруг раны, удаляя запекшуюся кровь. Звуки, которые он при этом издавал, было трудно с чем-нибудь сравнить.

Барт, хоть и не имел опыта в подобных делах, вызвался помочь, и вместе они худо-бедно обработали рану.

– Ну вот, вроде получше. Только кровит всё ещё.

Серый кивнул и, порывшись в одном из бесчисленных кошельков на своей портупее, извлек здоровенную кривую иглу вроде тех, какими пользуются сапожники.

– Вдень, пожалуйста, нитку. Руки дрожат... Так... Нет, не надо такую длинную, делай узел. Давай сюда...

Наблюдая, как маг тщательно смачивает в самогоне иглу и нитку, Барт заподозрил неладное.

– Чтоб вы знали, господин – портной из меня никудышный... В смысле, шить я не умею. Вообще.

– Портной тут и не требуется, – невозмутимо ответил Серый и, шумно выдохнув, сделал пару изрядных глотков из бутылки.

– Может, не надо, господин? Рана вроде неглубокая. Если свести края, да забинтовать потуже – само и срастётся...

– Не срастётся, – охрипшим голосом отрезал маг. – Даже если зашить. Раны от арранийских никталусов не заживают. Подойди ближе... Да не трись ты! Шить буду сам. А ты своди края раны как можно ближе... Давай же, Бартоломью, у нас не так много времени!

Барт, мысленно воззвав ко всем богам, которых знал, придвинулся ближе.

Шил Серый и правда сам. Стиснув в зубах свернутый вдвое обрезок портупей, он дрожащими, скользкими от крови пальцами загонял иглу глубоко под кожу, стягивая края раны размашистыми стежками. Барт, как умел, помогал, борясь с приступами дурноты и молясь, чтобы все побыстрее закончилось.

Впрочем, закончилось все и правда быстро. Как видно, маг знал толк в подобных делах. Возможно, и самого себя штопал не впервые.

С рычанием выплюнув портупею с четкими отпечатками зубов, маг откинулся на спину. Лицо и грудь его блестели от пота, все тело была заметная дрожь.

– Плесни, – едва слышно прохрипел он.

– Что?

– Плесни на рану.

Барт, откупорив бутылку, занес её над животом Серого.

– Ну, смелее!

От полившегося на рану пойла маг скорчился будто получил пинок по рёбрам.

– Сами просили... – виновато пожал плечами Барт.

– Заткнись! – огрызнулся Серый, продолжая шипеть от боли. Щелкнул пальцами правой руки, и на ладони вдруг заплясали язычки пламени. Когда он поднес руку к животу, самогон на коже вспыхнул. Барт, матерясь, как портовый груз-

чик, подскочил к извивающемуся от боли магу, не зная, чем помочь. В конце концов он повалился на мага сверху, чтобы тот, катаясь, не сверзился с помоста.

– Да что ж это такое-то?! Вы себя прикончить решили, что ли? – пыхтел Барт, удерживая бьющегося мага. Задача была не из легких – Серый, несмотря на рану, был чертовски силен.

Затих маг неожиданно. Барт замер, прислушиваясь к его дыханию. Сознание потерял, что ли?

– Эй, господин... – почему-то шёпотом позвал он.

– Может, слезешь с меня, Бартоломью? – на удивление спокойно отозвался Серый.

Барт поднялся, помог ему усесться поудобнее и, обнаружив, что все еще держит в руках бутылку с самогоном, приложился к ней сам, разом осушив чуть ли не четверть. Глотку перехватило так, что он едва не задохнулся, и пару минут провел, кашляя, матерясь и отплеываясь – примерно в равных пропорциях.

– Ну, как ты? – участливо осведомился Серый, когда Барт понемногу пришел в себя.

– Вот страху-то я с вами натерпелся, – признался юноша. Повертел в руках бутылку, нюхнул содержимое, но от повторной дегустации напиток решил воздержаться.

– Ну, не обессудь. Погляди-ка еще разок на рану? Нигде не кровоточит?

– Ммм... Да нет, непохоже. Но выглядит еще хуже, чем в

начале. Может, не стоило всё-таки...

– Если не остановить кровотечение – я сдохну уже к вечеру, – огрызнулся маг. – Ладно. Больше прижигать, думаю, нет необходимости. Помоги-ка мне перевязаться.

В торбе у Серого нашелся отрез чистой тонкой ткани, как нельзя лучше подходящей для таких дел. Одним лоскутом, сложив его в несколько слоев, прикрыли саму рану, и туго примотали его узкими полосками ткани, оборачивая их вокруг груди. Рассеченные ударом меча ремни португепи Серый либо заменил, либо выбросил вовсе, перевесив причиндалы с них на свободные места. Наконец, натянув на себя свой пропахший пылью и конским потом балахон, маг зарылся в сено и затих. Светящийся шар еще какое-то время висел в воздухе, постепенно тускнея. Тот момент, когда он погас вовсе, Барт прозевал – как раз вернулся к опустошению корзины с провизией. Аппетит, несколько притупившийся во время жутковатых медицинских процедур, взвился в юном Твинклдоте с новой силой.

– Вы есть точно не будете, господин?

– Если тебя не затруднит – оставь мне что-нибудь. И выгляни-ка наружу. Как думаешь, скоро стемнеет?

Барт выбрался во двор, скептически оглядел затянутое сизыми облаками небо.

– Уже начинает смеркаться, – сказал он, вернувшись. – До темноты может, пара часов.

Маг промолчал.

Барт побродил по амбару, от нечего делать заглядывая в бочки. Большинство из них оказались либо вовсе пустыми, либо хранили в себе густые запахи плесневелого зерна или подгнивших овощей.

На сеновале снова взошло миниатюрное солнце – на этот раз зеленоватого оттенка и менее яркое. Барт поднялся наверх и обнаружил Серого сидящим на краю помоста, там, где из-под слоя сена выглядывали темные неоструганные доски. Маг рылся в своей торбе, выуживая один за другим одинаковые с виду квадратные флаконы. Какие-то сразу же клал обратно, некоторые выставлял перед собой на доски.

– Господин...

– Да?

– Вы это серьёзно?

– Насчёт чего?

– Ну, по поводу раны. И этих... клинков? Что значит – не заживают? Совсем никогда?

– Теоретически – да. На практике у меня как-то не было случая проверить. И уж не думал, что проверять придется на себе.

– Так клинок у Черного – магический? И мой кинжал – тоже? – с толикой благоговейности в голосе спросил юноша.

– Вроде того, – кивнул Серый. Выругавшись, прекратил рыться в сумке и озадаченно воззрился на выставленные в ряд флаконы.

– Что же теперь собираетесь делать?

– Ну, можно завалиться здесь и начать помирать. Думаю, много времени это не займёт. Чувствую я себя хреново.

– Выглядите, кстати, тоже.

После перенесенных процедур маг и впрямь походил на мертвеца – кожа была бледной и блестела от пота, глаза ввалились, заострившийся нос торчал, как клюв. Да и освещение было под стать – зеленоватый шарик свет давал ровный, но какой-то неестественный, без теней и отблесков. В нем и сам Барт, наверное, выглядел как поднявшийся со дна утопленник.

– Но вы же не собираетесь помирать, господин?

– Пока нет. Есть одна задумка... Завтра доберусь до Валемирского тракта, оттуда – два дня пути до Дрезенборга. А там – человек, который, возможно, сможет мне помочь. Если захочет... Но это уже другой вопрос.

– Когда выдвигаемся? Надеюсь, утром? Если честно, я бы хоть сейчас спать завалился.

Маг помолчал, задумчиво поглаживая колпачки стоящих перед ним флаконов, будто шахматист, размышляющий перед ходом.

– Знаешь, Бартоломыю... Я уже много лет путешествую один. Есть в моих занятиях некая... э-э... специфика, которая делает такое положение вещей наиболее приемлемым.

– Господин, но... Как же я? Я вам не помешаю, клянусь! Мне просто некуда больше податься!

– Ну, учитывая обстоятельства, я вынужден признать, что

мне может понадобиться некоторая помощь. Так что договоримся так. Услуга за услугу. Ты поможешь мне добраться до Дрезенборга и решить там дела, связанные с моим исцелением. И, когда я снова буду в форме – я тебя отблагодарю. Можешь пока подумать, что бы ты хотел получить в обмен на свои услуги. Устраивает тебя такой вариант?

– Конечно! – охотно отозвался Барт. – Можете быть уверены, я...

– Ладно, ладно, – отмахнулся маг. – С этим определились. Теперь – к делам более насущным. Есть небольшая проблема...

Он постучал ногтем по одному из флаконов.

– Мне не хватает пары ингредиентов для коктейля.

– Для магического зелья? – уважительно протянул Барт, переходя на шёпот.

– Ну, не то, чтобы магического... В общем, часть составляющих не столь важна, но без одной штуки не обойтись.

– А что за зелье?

– Давай договоримся – поменьше вопросов, ладно? Скажем так – у нас впереди два-три дня пути, и мне надо подготовиться к дороге. Иначе до Дрезенборга я не дотяну.

– Хорошо. Что мне надо будет сделать?

– Я не думаю, что здесь можно достать настойку из корней сальфоры. Придется обойтись обычными мухоморами. Куча побочных эффектов, но выбирать не приходится. Ты знаешь, как выглядят мухоморы?

– Мухоморы? Они же ядовитые!

Серый вздохнул.

– Так знаешь или нет?

– Знаю, конечно! Вы за кого меня принимаете?

– Отлично. К северу отсюда, дальше по дороге, есть небольшая роща. Думаю, там ими можно разжиться. Справишься?

– Обижаете, – расправил плечи Барт.

– Можешь взять лошадь. Только лучше какую-нибудь из местных. Моя Принцесса довольно норовистая. А можно и пешком. Парень ты шустрый – думаю, справишься до темноты.

– Что, прямо сейчас идти?!

Серый снова вздохнул.

– Хорошо, хорошо, я понял, – Барт вскочил на ноги. – Постараюсь управиться. Только...

– Что?

– Если брать лошадь у местных... Нужно же будет платить.

– Скажи, чтобы записали на мой счет. А вообще – не забудь сказать, что ты выполняешь моё поручение. Думаю, тогда заминок не будет.

– Хорошо, я мигом!

Он спрыгнул с сеновала и стремглав выскочил во двор.

– Удачи, – проворчал маг, снова зарываясь в сено.

Трактирщик при упоминании Серого сделался суетлив, услужлив и не в меру словоохотлив. Охранники обоза все еще торчали в главном зале, но упились до такого состояния, что едва ворочались, так что он мог всё свое внимание уделить Барту. Воспользовавшись ситуацией, юноша вытребовал у него, помимо лошади, еще и обувку.

Башмаки оказались местами дырявыми и сильно не по размеру – ступни в них болтались, как пестики в ступках. Но Твинклдот был счастлив и такому приобретению. Насовав внутрь башмаков тряпья и соломы и потуже затянув завязки, он взобрался на меланхоличного гнедого мерина, предоставленного ему в пользование и, поглядывая на склонившийся к самому горизонту красный кругляш солнца, отправился в путь.

До роши, о которой говорил Серый, действительно было рукой подать, к тому же к ней вела хорошо утоптанная тропа.

Оставшись наедине с самим собой, Барт, сам того не желая, погрузился в воспоминания. Сейчас, по прошествии нескольких дней, все казалось не таким ужасным. Да, дом вспыхнул довольно быстро, но почему он решил, что никому не удалось спастись? Ведь он даже не попытался вернуться, узнать о судьбе домочадцев. Возможно, все целы и невредимы, и это его сочли погибшим. А может и похоронили уже,

сложив в гроб что-нибудь из его обгоревших вещей.

Барт живо представил себе траурную процессию. Индюк Твинклдот со всеми своими сыновьями и невестками, тетя Марта, её дочка Мила, Мэм с Донной... Толстуха Мэм наверняка плакала бы больше всех. И конопатая Мила тоже – у неё постоянно глаза на мокром месте. Кузены стояли бы с суровыми лицами... Хотя нет, Бонацио тоже, поди, ревел бы будь здоров, время от времени шумно сморкаясь в огромный, как простыня, клетчатый платок.

Старый Твинклдот сказал бы речь – короткую, но очень проникновенную. Ну, хвалить Барта он и после его смерти вряд ли стал – просто язык бы не повернулся. Сказал бы, что оборвался славный род его брата – отца Барта, и какой отец Барта был достойный человек, и какая же судьба злодейка. А потом они бы все вернулись домой, и во время поминального ужина...

Нет, о чём это он. Нету дома-то. Некуда возвращаться.

На опушке рощи Барт спешил, привязал мерина к приметной осине, похожей на двузубую вилку. Уже начинало смеркаться, но разглядеть что-нибудь в траве еще вполне можно было.

– Ну, уж мухомор от какого-нибудь лошадиного дерьма и в потемках отличу, – подбодрил себя юноша, углубляясь в лес по одной из едва заметных тропинок.

Роща была жидкой, почти без подлеска, так что даже сейчас просматривалась чуть ли не насквозь. Подобрал сухую

ветку подлиннее, Барт неспешно шагал вперед, вороша ею траву. Поначалу старался держаться тропинки, но потом, поняв, что вдоль неё все вытоптано напрочь, решил немного свернуть.

Было очень тихо, даже птичьего треска не доносилось. Видно, большая часть птиц уже улетели в теплые края. Листва с деревьев уже частично облетела, устлав землю тощим хрустким ковром. Но все равно кроны еще задерживали часть света, так что под их сенью было ощутимо темнее, чем на дороге. Надо было торопиться с поисками.

Мыслями Барт снова перенесся в Валемир. Старый Твинкдот наверняка уже вернулся – до Тиелата и обратно не больше трех дней пути, а при попутном ветре можно и в два уложиться, даже на таком корыте, как «Глория». Как старик встретил весть о потере дома и лавки, Барт даже представить себе не мог, несмотря на всю свою бурную фантазию. Как бы Индюка удар не хватил. Шутка ли – в один миг потерять то, над чем горбатился всю жизнь. А если в пожаре всё-таки кто-то погиб? Или даже все...

Представилось, как из обугленного, еще дымящегося остова вытаскивают Донну – со страшными ожогами на руках, на груди, в черной от копоти одежде. Может, она даже еще жива, и еле слышно стонет, запрокинув изуродованное лицо к небу...

Барт остановился, стиснув зубы, чтобы не взвыть. Уткнулся лбом в корявый березовый ствол, зажмурился, сдерживая

уже готовые брызнуть из глаз горячие слёзы.

– Что я наделал... Что я наделал...

О том, чтобы вернуться в Валемир, не может быть и речи. Даже если все обошлось, и домочадцам удалось спастись... Лавка-то точно сгорела дотла. Чтобы восстановить особняк, Индюку наверняка придется выгрести до последней лиры все свои сбережения, а то и заложить «Глорию»... Выкарабкаться из этой ямы будет нелегко. И все из-за глупой выходки непутёвого племянника. Пусть уж Твинклдоты считают, что он погиб. Погорюют немного, да перестанут. А он... Он накопит денегат и через пару лет вернётся. Обязательно вернётся, и поможет восстановить лавку.

Только бы не было слишком поздно...

Барт утер слезу, вздохнул. Огляделся. Стремительно темнело – он едва различал стволы деревьев в десятке шагов от себя. Стало жутковато. Он прикинул, с какой стороны пришел и торопливо, едва не вприпрыжку, двинулся обратно. Траву по пути ворошил, но без особого усердия. Вся его добыча пока состояла из двух жалкого вида остроконечных мухоморчиков, ещё одного побольше, но раздавленного, а также нескольких грибов, просто заподозренных в принадлежности к мухоморам. Было уже слишком темно, и рассмотреть что-то было все сложнее.

– Так, стоять... – осадил Барт сам себя, упершись в кучу валежника.

Снова завертел головой, оглядываясь. Деревья обступали

его со всех сторон, и просвета между ними не было видно. Под ногами хрустели мелкие сухие ветки и опавшая листва. Склонившись к самой земле, будто вынюхивая след, Барт дал приличный круг, пытаясь найти хоть какой-то намёк на тропу. Безрезультатно.

Со стороны рошица выглядела небольшой. Рассудив, что, если идти все время в одну сторону, рано или поздно пересечешь её насквозь, Барт трусцой побежал вперед. Про поиски грибов забыл окончательно – страх заблудиться всё нарастал. В лесу юный Твинклдот ориентировался прескверно, что неудивительно для человека, всю сознательную жизнь прошедшего в крупном городе.

Подлесок стал гуще, приходилось продирается через кусты. Забурившись в какие-то колючие заросли, Барт остановился. Сердце колотилось, как бешеное, и вовсе не от бега. Лес вокруг вдруг показался настоящими делями. Юноша явно удалялся от опушки.

Было очень тихо, только хрустело под ногами. Он замер, надеясь услышать хоть что-нибудь еще. Например, фырканье оставленной на опушке лошади.

Но со всех сторон поползли совсем другие звуки. Непонятные шорохи, похрустывания, поскрипывания. Барта бросило в жар.

– Болван... – в бессильной злобе прошипел он. – Куда же ты поёрся? Ни факела, ни огнива. И кинжал Серому отдал...

Он помотал головой, отгоняя сонм жутковатых звуков. Развернулся и побежал обратно. Бежал долго, пока не запыхался. Стало уже совсем темно, так что приходилось приглядываться, чтобы не врезаться в дерево или не споткнуться о какую-нибудь корягу.

Между деревьями – никакого просвета. Разве что вверху. Барт запрокинул голову, разглядывая кусок неба между поредевшими кронами. На темно-сером пологе уже можно было разглядеть тусклые огоньки звёзд.

Прошлой ночью луна была почти полной. Нужно подождать – если повезет, и туч не будет – должно быть посветлее.

Барт представил, как шатается по залитому мертвенным лунным светом лесу и поежился. Ну, нет, какое там ждать. Надо выбираться отсюда!

Он снова прислушался. Кажется...

По спине пробежал неприятный холодок, а колени вдруг ослабели так, что Барт даже присел. Закусил костяшки пальцев, чтобы не вскрикнуть.

Тонкий мелодичный голосок. Ни слов, ни мотива не разобрать – слишком далеко – но явно кто-то поёт. Стало не просто жутко, а страшно, до одури страшно, так, что захотелось закопаться под землю или броситься бежать, не разбирая дороги и вереща, как резаный.

Вспомнились вечерние рассказы толстухи Мэм, которыми она потчевала маленьких Барта и Бонацио, усаживая их

возле очага с кружками горячего морса. О сладкоголосых русалках и сиренах, заманивающих путников в свои смертельные ловушки... Хотя нет, здесь вроде бы ни реки, ни озера поблизости не видно. Значит, круг фей. Сегодня, наверное, полнолуние, и их магия особенно сильна...

Голос становился то тише, то чуть громче – похоже, его источник передвигается. А Мэм говорила, что феи не покидают своего круга. Вот и верь после этого глупым бабьим сказкам.

Барт выпрямился. Страх поутих, и ему на смену всё настойчивее пробивалось неуёмное любопытство. Хоть одним глазком взглянуть, а? Не подходить близко, чтобы их магия не успела подействовать, но посмотреть хотя бы издали...

Труднее всего было сделать первый шаг – казалось, что стоит ему пошевелиться, как его тут же заметят. Огромные, болтающиеся на ступнях башмаки не очень-то способствовали незаметному передвижению. Но пение стало постепенно затихать, удаляться, и последнее, чего хотелось бы сейчас Барту – это снова остаться одному. Он осторожно, стараясь не шуметь, двинулся на голос. Через какое-то время впереди, между деревьями, показался едва заметный огонёк.

Голосок поющей был чистый, тонкий, слегка дрожащий, как натянутая до предела струна. Такой может быть только у фей. Песенка незатейливая – про простушку, поверившую заезжему молодому купцу и отдавшему ему свою девичью невинность. Купец, как водится, уехал, и поминай, как звали.

А девушка теперь не знает, куда деваться, и людская молва её не щадит, и по милому-то она тоскует... Барт даже слегка разочаровался. Как-то не вязался этот деревенский мотивчик с его представлениями о чарующей магии. Но голос был такой красивый, что все равно можно было заслушаться.

Огонек тихонько плыл, то и дело выглядывая из-за стволов деревьев. Юноша подобрался уже достаточно близко – до поющей оставался пару десятков шагов, если не меньше. Если бы не темнота и не деревья, он бы уже наверняка её увидел.

Под ногами Барта хрустнула большая ветка, треск в тишине разнесся, как звук выстрела. Песня оборвалась на полуслове, и огонек впереди вдруг тоже погас.

– Проклятье... – прошипел Барт, убирая ногу с ветки. Постоял немного. Тишина. Двинулся дальше, к тому месту, где в последний раз мигнул огонёк. Под ноги легла плотная, утрамбованная земля. Неужели тропа? Он даже присел, ощупывая землю.

Похоже на то. Может, это добрая фея, и она его не заманить в чащу хочет, а наоборот – вывести?

Ободренный таким предположением, Барт ускорил было шаг, но потом снова оробел. А вдруг это уловка? Подпустить его ближе, а потом...

Он, время от времени наклоняясь и ощупывая землю, чтобы не сбиться с тропы, продвигался вперед. Окончательно стемнело, луны еще не было, так что вокруг маячили

лишь черные силуэты. Барт вытянул вперед руку. Собственную ладонь можно было различить с трудом. Снова вернулся страх. Один, без оружия, без огня, в заколдованном лесу. Воплощение всех его детских кошмаров.

Он в очередной раз остановился, вслушиваясь в тишину с таким старанием, что казалось, даже уши зашевелились, как у собаки.

Никого. Тишина.

Сделал пару шагов по тропе... И почувствовал спиной чье-то прикосновение.

Заорал Барт так, что горло, только-только отошедшее после мертвой хватки черного мага, снова рвануло острой болью, и крик оборвался глухим хрипом. Разворачиваясь, юноша запутался в своих дурацких башмаках и рухнул на спину, на лету стеганув наугад палкой в темноту. Палка пришлась во что-то мягкое.

Упав, он зашипел от боли: в левую лопатку впился то ли камешек, то ли сухая ветка. Перекатился вбок, вскочил на ноги, крепко стискивая палку обеими руками у края, как меч. Атаки ждал отовсюду, так что завертелся на месте волчком, шарахаясь от каждого силуэта.

– Ну, давай, давай! Подходи! – забормотал он. Голос его, ставший еще более хриплым, звучал очень даже зловеще.

Из темноты донеслись жалобные всхлипы.

– Н-не надо, господин! Не бейте!

Барт замер, не сразу сообразив, с какой стороны идет го-

лос.

– Кто здесь?! – по возможности грозно спросил он. – А ну, выходи! Только без всяких там магических штук, иначе...

Продолжать он не стал – пусть противник помучается догадками.

В ответ кто-то громко хлопнул носом. Барт окончательно осмелел.

– Где свет? Здесь свет был!

– Се... Сейчас... – еле слышно прошелестел тонкий голосок.

Послышался стук кремня, и справа от Барта вспыхнуло несколько искр. Он, наконец, разглядел в высокой траве на краю тропы маленькую бесформенную фигурку.

Сухие щелчки огнива звучали довольно долго – подпалить трут удалось далеко не с первой, и даже не с десятой попытки. Наконец, в траве затеплился огонек маленькой старой лампадки. В неверном желтом свете Барт с трудом разглядел сидящую на земле девчонку – ту самую дурнушку с постоянного двора, с косичками, похожими на крысиные хвостики.

– Ты?!

Барт опустил палку и шумно вздохнул.

– Ну ты меня и напугала...

– Простите, господин, – всхлипнула девчонка. – Я не хотела... Я сама так испугалась...

– Ну ладно, ладно, не реви, – буркнул Барт, стараясь не

смотреть на неё. – Что ты здесь делаешь вообще? Одна, на ночь глядя?

– За грибами ходила.

– Издеваешься, что ли? Какие тут грибы в потемках?

Она молча поднялась и повела лампадкой в сторону, освещающая опрокинутую корзину, из которой высыпалась приличная гора каких-то мелких грибков на тонких ножках – кажется, опят.

– Я уже назад возвращалась, – тихонько, будто оправдываясь, ответила дурнушка, снова хлопнув носом.

– Понятно... Сильно я тебя? Ну, палкой...

Она неопределенно пожала плечами. Барт явственно почувствовал, как сгорает от стыда – даже кончики ушей пощипывать начало.

– Прости, я не хотел... Слушай, а дорогу домой найдешь?

– Конечно. Вот же она, тропинка.

– Да, точно. Это хорошо. А то я, признаться, заблудился слегка. Пойдем, я там мерина вашего привязал где-то на опушке.

Он молча помог девчонке собрать рассыпавшиеся грибы. Подобрал и свое лукошко. Его жалкая добыча была внутри, но это его не особенно-то обрадовало.

– Вы тоже ходили за грибами, господин?

– Ну... Не то, чтобы... Мухоморы мне нужны. Только вот не найдешь их у вас тут. Повывелись, наверное, уже.

– А много нужно?

– Ну... – Барт пожал плечами. Он и сам забыл уточнить у Серого, сколько тому нужно – полное лукошко или пару шляпок. – Да ладно, какая разница. Сейчас уже все равно ничего не отыщешь.

– Почему? Их же полно везде, – возразила девчонка, дернув худым плечиком. – Хотите, прямо сейчас наберу?

– Ну, давай попробуем... – Барт протянул ей лукошко.

Девчонка даже не отходила далеко от тропы. Побродила немного вокруг, подсвечивая землю лампадкой, и вскоре вернулась чуть ли не с полной корзиной.

– Вот это да... – ошарашено протянул Барт. – Ну, это... Спасибо. Очень выручила. Пойдем?

Девчонка смущенно кивнула. Они двинулись вперед по тропе.

Барт чувствовал себя полным идиотом. Чуть не заблудился, мухоморов сам не набрал... Да и с девчонкой глупо получилось. Болван! Распустил нюни, как распоследняя несмышленная недоросль! Заколдованный лес. Круг фей. Чарующее пение...

– Слушай... Тебя как зовут-то?

– Бланка.

– Бланка, а это... Это ты... Ну, пела сейчас? Про девушку и купца?

– Угу, – еле слышно ответила она.

Некоторое время они шли молча, потом Барт, откашлявшись, продолжил.

– А знаешь, ты очень... Очень красиво поёшь. Голос у тебя, как у феи. Правда. Я аж заслушался.

Дурнушка низко склонила голову, но ничего не сказала. Барт тоже смущенно замолчал.

Они довольно быстро вышли к опушке. В свете выглянувшей луны Барт почти сразу разглядел мирно стоящего неподалеку мерина. Как раз вовремя: пламя в лампадке неровно колыхалось, похоже, заканчивалось масло. Не успели они усесться верхом, как огонь и вовсе погас, так что весь путь до постоянного двора они проделали при лунном свете. Мерин шагал неторопливо, размеренно, умиротворяющее пофыркивая. Девчонка сидела позади Барта, держась за его талию. Почти невесомое прикосновение худеньких рученок почему-то не на шутку волновало юношу. Выглядел он наверняка очень глупо, так что в очередной раз порадовался, что в темноте этого все равно никто не увидит.

– Слушай, Бланка... – спросил Барт, когда они уже въехали на задний двор. – А не боязно тебе? Ну, бродить вот так по лесу одной? Да еще по вечерам...

– Я люблю там ходить. Там тихо, и нет никого...

Встречать их у конюшни, конечно, никто не собирался. Барт сам направил мерина к коновязи.

– А вдруг волки?

– Нет, что вы, господин. Откуда? Тут пустоши кругом, до настоящего леса далеко.

– Ну, или... Не знаю, мало ли кто тут шастает... Бандиты

какие-нибудь. Обидят еще. Не страшно?

Он спешился сам, помог спуститься девчонке.

– Здесь страшнее, – тихо ответила она, оглядываясь на все еще светящиеся оконца таверны, затянутые мутными потрескавшимися стеклами.

– А... Ну да... – Барт хотел было как-то приободрить девчонку, но слов не нашлось. Он постоял, неловко переминаясь с ноги на ногу. Заслышав шаги на крыльце таверны, поспешно подхватил своё лукошко с мухоморами.

– Ну, ладно, мне пора. Спасибо тебе!

Не дожидаясь ответа, рванул к дверям сеновала, напоследок еще расслышав сварливый окрик трактирщика.

– Бланка, это ты? Ты где шастаешь, маленькая стерва? А ну, быстро сюда!

Серый не спал. Едва зайдя в амбар, Барт увидел на помосте с сеном отблески светящегося шара и тонкие струйки сизого дыма. Он вскарабкался по лестнице и обнаружил наверху целую походную лабораторию. Маг одновременно что-то кипятил в маленькой железной посудинке с узким горлышком, помешивал дурно пахнущую кашу на плоской тарелке и время от времени взбалтывал в узкой склянке бурю пузырящуюся жидкость.

– Ого-го! Ну и развели вы тут, господин... – восхищенно прошептал Барт, отмахиваясь от струйки едкого дыма.

– Принес? – не поднимая головы, осведомился маг.

Барт поставил перед собой лукошко.

Серый, взглянув на добычу юноши, покачал головой. Выбрав из вороха помятых мухоморов парочку с красными шляпками, быстро порезал их на ломтики и бросил в ту посудину, где у него кипятился отвар.

– Чего так долго? Я уж думал, ты заблудился.

– Скажете тоже, – фыркнул Барт, во все глаза наблюдая за приготовлением зелья. Насколько он понял по валяющимся рядом пустым флаконам, те растворы, что Серый выудил из своей сумки, он смешал и теперь прогоняет через перегонный куб. Местная сивуха служит одним из ингредиентов зелья. Точнее, основой. Параллельно готовится отвар из мухо-

моров и каких-то тонких светлых кореньев.

– Долго вам еще?

– Если бы ты не шастал так долго за грибами – давно бы уже закончил, – огрызнулся маг. – Я надеюсь, болиголов еще не выварился окончательно, иначе вся работа насмарку.

Барт почесал в затылке.

– А если вы того... отравитесь этими вашими мухоморами? Чего мне потом делать-то?

– Ты, я смотрю, жуткий оптимист, Бартоломью. Не бойся. Отвар я готовлю на всякий случай. Может, и не понадобится.

– А зачем он?

– Стимулятор.

– Чего?

Маг вздохнул.

– Слышал когда-нибудь про Сыновею медведя с островов Скельда?

– Ммм... Это которые с голыми задницами по снегу бегают, с топорами каменными?

– Это которые, нажравшись отвара из мухоморов, одним ударом такого вот топора конного рыцаря валят. Вместе с лошадюю.

– Впечатляет. И вы так же хотите?

Маг хрипло рассмеялся.

– Ну да, если вдруг мне попадется конный рыцарь – хочу быть наготове. Ну, и вообще – если понадобятся решительные действия.

– А второе зелье?

– Заживляющее. И кроветворное. Рана, может, и не затянется, но хоть потерю крови компенсирую.

– А... Ну да, ну да, – покивал Барт, сделав вид, что все понял. Он всё больше убеждался, что Серый – далеко не простой тип. Говорит вон как по-учёному...

Дальше он наблюдал молча, растянувшись на сене и подложив под голову свернутую попону. Тело гудело от усталости, но сон не шел. К постоянным воспоминаниям о Валемире прибавились еще и думы о дурнушке из таверны.

– Советую тебе поспать, Бартоломью, – взглянув на него мимоходом, сказал Серый. – Разлеживаться не будем – выдвинемся прямо на рассвете. Только запасемся свежей провизией.

– Ага. Если только эти пролоты все не сожрали. Охранники обозные. Они, похоже, всё гуляют – свет в таверне еще горел, когда я вернулся.

– К утру должны уgomониться. В любом случае – старайся не привлекать лишнего внимания.

– Да уж, знакомиться поближе с этими головорезами не очень-то хочется. Не охранники, а бандиты настоящие.

Серый хмыкнул.

– Так это и есть бандиты.

– Чего?

– Ты как вчера родился! Ты чем занимался там у себя в Валемире?

– Помогал дяде вести дела в лавке.

– Чем торговал?

– Всем понемногу. Бакалея, в основном. Мыло, крупы, соль, овощи...

– Лавочник, стало быть?

Барт почему-то обиделся.

– Не лавочник я! Просто воспитывался у дяди, помогал ему.

– А в пустошах, выходит, раньше не доводилось бывать?

– Нет. Я сроду не выезжал из Валемира.

– Ясно.

Маг принялся осторожно сцеживать отвар из тигля во флакон через небольшую складную воронку.

– Так что? – напомнил Барт. – Про бандитов?

– Здесь, в пустошах, каждый сам за себя. Это тебе надо уяснить сразу.

– Ну... хорошо, – кивнул Барт, хотя не совсем понял, куда Серый клонит.

– Валор, конечно, в последние годы здорово обезопасил тракты. Патрули, сторожевые посты на крупных постоянных дворах... Но, по сути, со времен Разлома любой торговец, идущий с караваном от города к городу, делает это на свой страх и риск.

– Это-то я знаю. Здесь нет хозяев, а стало быть, и законов никаких нет.

– Почему же. Закон есть. Самый древний. Кто сильнее –

тот и прав. Видел знак ворона на повозке каравана?

– И что?

– Освальд Таннер по прозвищу Ворон – главарь одной из самых крупных шаек в окрестностях. Промышляет по всему Валемирскому тракту. Но грабить обозы – это не его уровень. Он просто взимает ренту за проезд, а за отдельную плату дает нескольких своих молодцов в сопровождение. Это обеспечивает торговцам защиту от залетных бандитов – с людьми Ворона никто не связывается. Все довольны – и торговцы, и местные патрули, с которыми Ворон делится частью барышей, и сам Ворон. Он ведь вроде как и не бандит вообще, а вполне уважаемый человек, у него большой особняк в Дрезенборге...

– Да, дела... А если кто-нибудь из купцов не захочет платить или брать для охраны этих его бандитов? Я бы вот не взял. Пьют-то и жрут они явно не за свой счет.

– Ну, тогда те же самые ребята, что сегодня предлагали свои услуги по охране, завтра перегороят тебе дорогу и предложат вывернуть карманы. Выбор, на самом деле, невелик. К тому же люди Ворона – действительно лучшая защита, которую здесь можно получить.

– А есть от кого защищать?

– У вас что там, в Валемире, про бандитов вообще не слышали? Как твоему дядюшке вообще дела удастся вести?

– Полно лиходеев-то, особенно в порту. Но стража же кругом в городе.

– Ну, а по дороге?

– Индюк... То есть, дядя Донателло... По суше товары почти не доставляет. У него небольшое каботажное судно. Возит грузы вдоль побережья. Из Тиелата, из Маренборга. Там бояться некого. Однажды, правда, сунулся какой-то залетный тхаец, но дяде тогда удалось, сбросив часть груза, добраться до зоны видимости маренбургского форта. А там патруль навстречу выдвинулся. Так дядя потом всему кварталу уши прожужжал этой героической историей.

– Понятно. Ну, тут, в пустошах, всё сложнее.

Серый закупорил флакон и начал, наконец, сворачивать свою импровизированную лабораторию. Часть причиндалов, в том числе посудину, в которой кипятил отвар, оставил в сторону – видно, чтобы остыли. Остальное же спрятал в свою бездонную торбу. Отвар из мухоморов – в пузатом флаконе, похожем на грушу – приторочил к портупее. Второе зелье выпил тут же, залпом, торопливо зажевав булкой. Замер, уронив подбородок на грудь, будто прислушиваясь к происходящему в желудке.

– Все в порядке, господин? – осторожно окликнул его Барт.

– Да, да, – отрывисто ответил маг и выпрямился. Взяв вторую попону, он последовал примеру юноши и растянулся на сене. Щелкнул пальцами, и магический шар негромко хлопнул, распадаясь на мелкие быстро гаснущие искры. Через мгновение стало темно, как в погребке.

Барт долго ворочался, шурша сеном. Заметно холодало. Юноша свернулся клубком, подоткнул попону со всех сторон, так что из этого кокона торчала только голова. Постепенно согрелся.

Серый лежал недалеко – на расстоянии вытянутой руки. Его не было видно в темноте, но слышно было отчетливо – маг тоже ворочался и временами шипел от боли.

– Господин...

Маг не отозвался. Может быть, это он во сне так?

– Господин... Господи-ин...

– Да, Бартоломью.

– Рана болит?

– Зверски.

– Может, зелье какое-нибудь есть?

– Зелье тут не поможет.

– Из-за магии?

– Да, – после долгой паузы отозвался Серый.

Барт помолчал. Отчего-то вспомнился рыбак, которого он полоснул по руке там, в Вальбо. Выходит, это он на всю жизнь метку оставил?

– Не пойму я никак про эти ваши клинки... – пробурчал он.

– Чего ты не поймёшь?

– Для чего они? Ну, я понимаю, если бы отравленные были – чтобы враг от малейшей царапины помер. А тут – мало того, что незаживающая рана, так еще и болит всё время!

Серый невесело хмыкнул.

– Ну, это вполне в духе арранов. Уж они-то знают, как заставить человека страдать.

– То есть это вроде пытки?

– Не совсем. Кельтарры, например, наносят такие раны самим себе. Это источник их силы. Вся их магия на этом держится.

– Кельтарры?

– Вроде нашего с тобой приятеля Сандро.

Барт вспомнил жуткую обугленную рожу черного мага, и ему захотелось укрыться с головой.

– Он... Вы его убили?

Серый долго не отвечал.

– Я убивал его уже дважды, – наконец, негромко произнес он. – По крайней мере, я так думал. Поэтому, на этот раз – даже не буду обольщаться.

– Но кто он? Почему он так вас ненавидит?

– Это взаимно, сынок. Уж поверь.

– Ну так всё-таки?

– Ты задаешь слишком много вопросов, как я погляжу.

– Мне с детства это твердят, – вздохнул Барт.

Серый только усмехнулся.

Они долго молчали, но Барт так и не смог заснуть. Впрочем, и Серый явно не спал. Постоянно ворочался, глухо стонал. Видно, боль и правда была нешуточная.

– Господин, ну объясните хотя бы про тот кинжал, кото-

рый я нашел у Черного. И про остальные вещи...

– Нашёл?

– Ну... Украл, – неохотно признался Барт. – Я же вам рассказывал по дороге сюда. Так что с кинжалом? Он тоже заколдованный?

Серый вздохнул.

– Давай так. Я расскажу тебе про твои трофеи, а ты заткнешься. И никаких вопросов до самого Дрезенборга.

– Идёт!

– Что-то ты быстро согласился.

Барт обиженно засопел.

– Если не хотите чего рассказывать – я же вас не неволю.

Но жуть ведь как интересно!

– Ладно. Заснуть я пока все равно не могу. Спрашивай.

– Кинжал.

– Эти клинки называются никталусы. Не боевое оружие, ритуальное. Обычно небольшие крысы с волнистым лезвием – вроде того, что я у тебя забрал. Тот переросток, что был у Сандро – редкая штука. Не слышал про такие. Видимо, он раздобыл его совсем недавно. Либо... клинок изготовили недавно...

Серый надолго замолчал. Бартомолью нетерпеливо ерзал под попоной, но поторопить его не решился.

– Впрочем, нет, вряд ли, – наконец, продолжил маг. – После Разлома не осталось никого, кто умел бы работать с игнисом.

– Как вообще можно управлять красной порчей? Я глазам своим не поверил, когда увидел все это. Кинжал, бляхи эти серебряные... кольцо с шипом.

– Это не совсем тот игнис, который мы знаем. Он не из Разлома. Это чистый, первозданный игнис из самого Заарума. Арраны добывали его специально для своих артефактов.

– То есть арраны действительно существовали?

– А что ты вообще знаешь об арранах?

– Ну, у меня была книга про Архипелаг. Там говорилось, что арраны – это боги, которым поклонялись местные дикари. И что, возможно, они и правда жили когда-то на островах, но потом вымерли.

– Вранье в этой твоей книге.

– А что правда?

Серый опять надолго замолчал. Ворочался в сене, пытаюсь устроиться поудобнее, потом приложился к бутылке к самогонном. Сделал несколько больших булькающих глотков, потом долго откашливался.

– Так что дальше-то, господин? Насчет кинжала?

– Ах, да... Никталусы используются для нанесения ритуальных ран. Неглубоких, но обширных. Они называются рра-скары. Для жизни не опасны. Зато очень болезненные. Сама рана сверху может и затянуться со временем. Но при малейшем напряжении снова вскрывается. И боль остается. На месяцы... На годы.

Последние слова прозвучали особенно мрачно. Видимо,

Серый был не в восторге от своей участи.

– А зачем это всё? Вы же сказали, что тот Черный и сам себе такие раны наносил?

– Не он. Такие, как он. Самому-то ему без надобности. У него и так ожог на полтела. Наверняка и без пра-скаров достаточно мучается.

– Зачем это ему?

– Из этого он черпает свою силу. Из темной энергии, порождаемой страданиями, болью, гневом. Уж чего-чего, а этого добра всегда в избытке.

– Да уж... Что ж мне делать теперь с этим кинжалом?

– Начнем с того, что он вообще не должен был попадать тебе в руки. Поэтому... Я у тебя его выкуплю. Скажем, за сто лир.

– Я думаю, он стоит не меньше тысячи!

Серый, несмотря на боль в боку, рассмеялся.

– А еще говоришь, что не лавочник!

– Ну, что с того. Деньги мне нужны.

– Зачем? Тебе и так сложновато будет выжить в Пустошах, а если при этом у тебя еще и деньги появятся – быстро станешь чьей-нибудь добычей.

– Ничего, я смогу за себя постоять.

– Серьёзно?

– Вы мне зубы-то не заговаривайте, господин, – разозлился Барт. – Сколько дадите за кинжал.

– Сказал же, сотню. Учитывая, что он и так у меня, это

хорошая цена.

Барт крикнул от досады.

– Ну, хорошо. А бляхи эти... Ну, что я вам дорогой показывал.

– О-ра... Печати. Опасности не представляют. Можешь таскать с собой.

– А их за сколько купите?

– Мне они ни к чему.

– А сколопендру?

– А вот эта штука точно пусть пока побудет у меня, – задумчиво произнес Серый.

– Она опасная?

– Не знаю. Никогда не видел таких.

– А сколько за нее дадите?

Серый снова промолчал, будто не слышит. Барт расстроено замолчал. Это что же получается. Он столько натерпелся из-за этих проклятых штук. Хорёк Дабер за них и вовсе жизнь отдал. А в итоге навару – сотня лир?

– Может, мне другого покупателя попробовать поискать? Скажем, в Дрезенборге?

– Ага. Советую у жрецов Араноса поспрашивать.

– Издеваетесь... – обиделся Барт.

Впрочем, а чего он ждал от этого проходимца? Поначалу-то Барт обрадовался встрече с Серым. Без него он бы и не выбрался из Вальбо. Но что делать дальше? Пока что вариант один – помочь раненому добраться до Дрезенборга. Мо-

жет, все-таки отблагодарит достойно. Хотя по всему, он не особенно-то щедр.

– Господин... – снова позвал он.

Серый протяжно вздохнул.

– Ну, чего тебе ещё?

– Раз уж нам путешествовать вместе... Кто вы? Тот чер-
ный, кажется, назвал вас пилигримом? Но что-то вы не очень
похожи на паломника к святым местам.

– Я просто странник, которому нужно в Дрезденбург. Это
всё, что тебе нужно знать.

– В таком случае и я... просто странник, – проворчал
Барт. Скрытность Серого начала его раздражать.

– И то верно. В пустошах не задают лишних вопросов.

– Ну, хотя бы как мне вас величать-то?

– Меня зовут Леонард.

– А фамилия?

– Спи уже, Бартоломью.

Барта всегда удивляло, как резко человек может менять отношение к одним и тем же вещам в зависимости от того, насколько удовлетворены его самые простые потребности. К примеру, когда ты только что поел, можно запросто пройти мимо сочного ароматного куска окорока и даже не обернуться в его сторону. Немножко проголодаешься – и уже невольно поведешь носом. Пропустишь обед или ужин – будешь готов отдать за него двойную цену. А после пары дней голодовки, пожалуй, и прибить кого-нибудь можешь не то, что за окорок – за корку хлеба.

Да что там – иногда и переполненный мочевой пузырь может захватить все помыслы и превратить жизнь в кошмар. Было такое однажды, когда он отправился петь баллады Милене Торп, дочке торговца тканями, сдуру выдув перед этим две солидные кружки сидра – вроде как для храбрости. Еще и с собой прихватил. Милена в тот вечер была хороша, как фея, от сидра прелестно зарозовела, и к концу третьей баллады уже начала намекать, что отец уехал в порт следить за разгрузкой товара, и будет сегодня очень поздно, а кухарка попросилась уйти пораньше, ссылаясь на хворь одного из малолетних сыновей.

А Барт, тренькая по струнам и вымученно улыбаясь, все прикидывал, как бы так ненадолго отлучиться, чтобы и мо-

мент не упустить, и перед дамой не опростоволоситься. К счастью, такую возможность подкинула сама Милена – сидр кончился, и она отправилась на кухню за другой бутылкой. Вернулась, конечно, очень не вовремя, обнаружив юного Твинклдота справляющим нужду в огромную кадку с каким-то колючим кустом, якобы привезенным папаше Торпу аж с Бакши. Надо ли говорить, что аудиенция на этом была закончена.

Так что поневоле задумаешься – а что в действительности движет людьми – разум или такие вот низменные и неконтролируемые потребности. Может, и любовь, и ненависть, и жажда богатства, славы или власти – это тоже что-то вроде переполненного пузыря?

Барт в очередной раз обратился к этой философской теме, когда Пилигрим растолкал его чуть свет, приказав собираться. Просыпаться так не хотелось, что он готов был треть жизни отдать за возможность провалиться в сене до полудня. Юноша долго ворчал, потом выбрался, наконец, из-под попоны и, зевая, потягиваясь и вытряхивая сенную труху из волос, поделился своими соображениями со спутником, чем немало его развеселил. Смех мага напоминал отрывистый кашель – видимо, беспокоила рана.

– Знаешь, Бартоломью, а ведь кое-кто пишет про это целые научные труды. Но – да простит меня Аранос-Хранитель – в твоём изложении эта теория мне нравится больше.

– Ну да? И вы с ней согласны?

– Во многом. Но ладно, хватит расслаиваться. Я собирался выдвинуться еще на рассвете.

– Куда мы так торопимся, господин Леонард? – поморщился Твинклдот. – Выглядите вы, между прочим, неважно. Вам бы еще отлежаться. Да и я бы еще дрых хоть до полудня.

Ночь действительно не пошла магу на пользу – он еще больше осунулся, под глаза легли тяжелые тени, а походка стала медлительной и неуверенной.

– Ничего, пока держусь, – отмахнулся он, глотая очередное зелье. – Если не будем мешкать, сегодня к полудню выйдем на тракт, а там еще немного – и доберемся до перекрестка с Западной дорогой. Там скопление постоянных дворов – называется Распутье. Есть где затеряться. Вот и отдохнем основательней. Держи.

В сторону Барта полетел небольшой кошель.

– Пусть теперь будет у тебя – на всякие мелкие расходы.

Барт заглянул в кошель – там были в основном мелкие медные монеты и парочка серебряных в двадцать лир.

– А сейчас – дуй в таверну. Возьми ещё бутылку этого их пойла и немного провизии – на день пути, не больше. И самое главное – узнай, не продает ли он одну из лошадей. Мне бы не хотелось опять понапрасну нагружать Принцессу.

– Понял, – кивнул Барт и поплелся к выходу, шаркая по полу своими огромными башмаками.

– Давай. Только быстро и тихо.

– Да понял я, понял.

Небо было мутное и бесцветное – ни облаков, ни солнца. Мрачная мгла, спускающаяся до самой земли и затаившаяся у горизонта клочками густого тумана. Серо, уныло, безрадостно. Замызганные и скособочившиеся дворовые постройки выглядели еще более убого, чем обычно. Казалось, даже лошадиный навоз, коего в избытке по всему двору, воняет как-то особенно неприятно. Барт, зевнув и растерев лицо ладонями, двинулся к таверне. Из приоткрытой двери доносились пьяные выкрики.

– Да они что, никогда не угомонятся? – проворчал Барт, невольно замедлив шаг. Но возвращаться было глупо. Оставалось только надеяться, что, как и в прошлый раз, удастся поговорить с трактирщиком, не привлекая внимания остальных постояльцев.

– Ладно, – шумно выдохнул юноша. – Быстро и тихо. Прощмыгну, как мышь, никто и не заметит.

Оказавшись на пороге, Барт получил очередное подтверждение своей теории. Вчера ему, оголодавшему, как бродячая собачонка, эта харчевня показалась благоухающей самыми аппетитными ароматами. Сейчас иллюзии рассеялись, и Барт невольно сморщил нос от запаха прокисшего пива, вонючего лампадного масла, объедков, пота, перегара и прочих ароматов, сопровождающих подобные третьесортные кабаки.

Бандиты все еще были в зале, почти в полном составе.

Возможно, они и спали, но совсем недолго и прямо здесь, за столами. Здоровья и настроения им это не добавило — сразу видно по опухшим озлобленным мордам.

Бланка ходила вокруг столов с помойным ведром и собирала обглоданные кости, черепки глиняной посуды, рыбы хвосты и прочие ошметки. Встретившись взглядом с Бартом, она еще больше сгорбилась и сделала вид, что уборка — самое увлекательное в мире занятие.

Барт не без труда разглядел за стойкой коротышку-трактирщика и потихоньку направился к нему.

— Доброе утро, дон, — изобразив некое подобие гостеприимной улыбки, поприветствовал тот юного Твинклода. — Чего изволите?

— Бутылку выпивки покрепче и дневной запас провизии на двоих.

— Вы и за вчерашнее еще не рассчитались, дон... — скривился трактирщик, почесывая грязную шею.

Барт тряхнул кошельком, давая понять, что на этот раз при деньгах.

— Другое дело, — заметно подобрел хозяин и принялся рыться на полках.

Из зала донесся грохот опрокинутой скамьи, сопровождающийся пьяным гоготом и отборнейшей бранью. Трактирщик дернулся и затравленно оглянулся в сторону гостей.

— Ах ты, паскуда! — орал валяющийся на спине рыжий громила, яростно колотя воздух конечностями, как перевер-

нутый жук. Подняться ему было нелегко – мало того, что пьян, так еще и по-прежнему запакован в толстую куртку из жесткой кожи, укрепленную спереди несколькими железными пластинами размером с ладонь. – Удавлю курву! Я тя щас...

– Эй, куда! – рыкнул другой, хватая волосатой лапой попытавшуюся улизнуть под шумок девчонку. Барт вздрогнул, будто это его за шкурку поймали, как котёнка.

Рыжему, наконец, помогли подняться. Пошатываясь, он вернулся к столу, где ему, хохоча, протянули очередную кружку с пойлом. Он отмахнулся и вдруг крепко саданул кулаком по столешнице, опрокинув на пол тарелку с остатками вчерашних ребрышек.

– Да заткнитесь вы все!! Чего ржёте?!

Дружки поутихли, с интересом уставившись на рыжего. Тот обвел зал мутным взглядом и, зычно икнув, двинулся к девчонке. Ухватил её пятернёй за подбородок, потянул кверху, едва не приподнимая над полом.

– Чего ж ты творишь-то, сука мелкая? А?! Я тя, можно сказать, облед.. облагод.. благодетельствовать решил, приласкать. А ты меня – толкать?! А?!

– Да брось ты, Лино! – хохотнул один из охранников – тот, что помоложе остальных, с едва пробившимися усами и бородкой. – Ты ж сам уже сидеть не можешь. Я те еще давеча говорил – айда спать!

– Она меня толкнула! – набычился рыжий. – Я её за зад-

ницу – а она меня...

– Да ты не дотянулся даже! – захохотал молодой.

– Ага, вот и брякнулся! – поддакнул кто-то с дальнего конца стола, и молодчики снова разразились дружным гоготом.

– Любви тебе захотелось, Лино? Ну ты нашел себе кра лю!

– Ага! Ты бы лучше кобылу вон во дворе приласкал!

– Ага, ага!

– Да пошли вы все! – рывкнул Лино. – Мы уже с этим об озом сраным неделю тащимся! Я бабу хочу!

– Дык я тоже!

– И я!

– Все хотят! Да где ж взять-то?

– А это вам чего? – рыжий схватил жалобно пискнувшую девчонку и повалил её спиной на стол, свободной рукой за дирая подол. Бланка судорожно засучила худыми и бледны ми, как поганки, ногами.

Молодчики оживились, загалдели.

– Да ну... Сопля какая-то.

– Не, я не буду!

– Ну, и чего? Какая разница?

– А я бы вдул!

– Да я вообще уже месяц...

– Э, да вы держите её крепче! Давай, ты за руки, ты голову держи...

– О, смотри, не такая уж сопля – уже есть чего-то.

– Ну-ка, ну-ка, погоду, пропусти...

– Да куда прёшь! По очереди давай!

Мордovorоты, хохоча и толкаясь, окружили девчонку, так что она исчезла из виду. Барт остолбенел, сжимая кулаки и чувствуя, как изнутри, расплываясь, как выкипающая из котелка переваренная каша, поднимается волна страха. Страшно было не потому, что ему что-то грозило – страшно было что-то предпринять. Захотелось просто выбежать, не видеть всего этого, не слышать, не знать. Ведь это тебя не касается, и ничего ты тут поделать не можешь...

От этих мыслей заскребло, засвербело в душе от отвращения. К самому себе.

– С-скоты... – затрясся юноша от бессильной злости и дернулся было к обозным, но трактирщик цепко схватил его за локоть.

– Куда вы, дон?

– А ты-то чего стоишь, пень старый?! – рывкнул на него Барт. – Что, так и будешь смотреть?!

– Да чего я... На ножи ведь поставят, – жалобно отозвался коротышка.

Барт и сам всё прекрасно понимал, и от осознания собственной беспомощности его еще больше заколотило. Кулаки сжимались и разжимались сами собой, глаза предательски защипало.

– Сделай что-нибудь! – заорал он на трактирщика и, вырвавшись, бросился к галдящим охранникам.

– Эй, отпустите её! – ухватив одного из громил за пояс, Барт вытянул его общей кучи.

– Ты чего, сопляк? – искренне удивился тот. – А ну, пшёл отседава!

Барт едва увернулся от увесистой оплеухи и дернул за рукав второго бандита. Тот, не глядя, отпихнул его в сторону. Трактирщик, подскочив, снова потянул Твинклдота назад.

– Не надо, не надо, дон! Пожалста! Не злите их!

– А как же Бланка твоя?

– Да не прирежут, поди. Она смирная. Ну, побалуются немного, да отпустят. Чего с неё, убудет, что ли?

Барт выпучил глаза на трактирщика. Все происходящее казалось ему каким-то нелепым кошмаром. Он ошарашено вертел головой, прикидывая, что можно сделать. Но помощи ждать неоткуда. Это не Валемир, где в таких случаях можно выскочить на улицу и верещать, зовя стражу. Нету здесь никого.

Взгляд упал на валяющийся под лавкой кистень. Неподалеку, прислоненная к стенке, стояла увесистая деревянная дубина с вбитыми в толстую часть треугольными шипами. Оружия было полно, разбросано по всему залу.

– Эй, ну-ка, ну-ка, чегой тут творится? А?! – вдруг раздался откуда-то сверху хриплый голос.

Молодчики не сразу, но угомонились, притихли, оглядываясь в сторону ведущей со второго этажа деревянной лестницы.

Оттуда, грохоча сапогами, спускался бородач в короткой кольчуге и с уродливым шрамом на лбу – Барт его ещё вчера заметил. Судя по всему, главарь шайки.

Трактирщик бросился к бородачу.

– Да вот, господин, озорничают люди ваши, – кланяясь едва ли не в пол, залебезил он. – Вы бы их приструнили, что ль. А то чего за дело – соплячку сильничать вздумали.

Бородач слушал, мрачно сопя и вода по залу недобрым взглядом. У Барта забрезжила слабая надежда.

– И верно, господин, – поддакнул он. – Негоже ведь людям уважаемого Ворона так мараться, правда ведь?

– А это что за щенок? – скривился бородач. – Ты не твякай тут! Чего гоже, чего негоже... Выпить где? Выпить дайте мне!

Ему поднесли полную кружку самогона. Он сделал пару глотков, закашлялся, швырнул посудину в стену.

– Вот я те ещё вчера говорил, – ухватив трактирщика за костлявое плечо, назидательно молвил бородач. – Что выпивка у тебя – дерьмо. И пожрать у тебя нечего толком. Ты бы тогда хоть пару курв завел, хоть самых завалящих. А то ведь правда приличным людям и развлечься нечем. Даже ведь?

– Ага, ага, – с готовностью загалдели головорезы.

– Так я и говорю, Марко, – ослабилась рыжий, уже успешший стянуть до колен портки, явив напоказ волосатую, как у обезьяны, задницу.

– Господин... – снова жалобно запричитал трактирщик, но бородач от него отмахнулся.

– Не гунди. Пусть ребята потешатся немного. К полудню все равно снимаемся уже.

– Но, господин...

– Да заплачу я тебе! Сколько за девку эту просишь?

– Ну... Ну, сорок лир.

– Чего?! – возмутился рыжий. – За эту недоросль – сорок? Да если она бы хоть немножко на бабу была похожа! А то – тьфу, срам один!

– Ну, тридцать... пять, – заискивающе заулыбался трактирщик, мелко кланяясь.

– Пятнадцать даю, и отвали! – отмахнулся бородач. – Ладно, не шумите только. Башка трещит, как... Эй, щенок! Ты это чего удумал, а?

Барт, широко расставив ноги и чуть откинувшись назад, целился в копошащихся возле стола бандитов из самострела с тяжелым болтом на тетиве. Граненый наконечник болта в палец длиной. Таким не то, что куртку – сплошной доспех пробить можно.

– А ну, вы, куски дерьма!! Отпустите девчонку! – заорал он, сорвавшись в конце на хрип – помятое горло снова дало о себе знать.

Обозные один за другим перестали галдеть, вытаращились на Барта. Особого страха в их глазах не было – скорее искреннее изумление. Но угрозу, впрочем, восприняли все-

рьез. Стало тихо, лишь слышно было, как жужжат злые осенние мухи, долбясь в мутное стекло.

– Чего это? – с глупейшим видом поинтересовался рыжий, обернувшись последним и наклонился, чтобы подтянуть упавшие портки. – Откуда у щенка самострел?

– Это мой, – неохотно отозвался самый молодой.

– Башку откручу, – без особой злости пообещал главарь. – Сколько раз вам, болванам, повторять – всё железо при себе держать! А ты, парень, кончай дурить. Если прямо щас оружие сложишь да свалишь отседова – даже не трону, обещаю.

– Ага, разбежался! – огрызнулся Барт, покрепче перехватывая приклад взмокшими ладонями и устраивая палец на латунном крючке.

– Ну и дура, – спокойно продолжил бородач. – Ну, успеешь ты разок шваркнуть. Может, даже попадешь. Дальше-то что?

– Ага! Я тя сразу-то и не пришибу. Поманеньку, ломтями нарезать буду, – прорычал рыжий, всё еще копошась со спутанными завязками штанов. – Я те, падла, сначала... А-а-а-а!!!!

Барт вовсе не собирался стрелять. Все из-за трактирщика. Коротышка набросился сзади, повис всем телом у Барта на шее, заваливая на спину. Тетива гулко щелкнула, отправив болт прямиком в неприкрытые ягодицы рыжего, справа, ближе к внешней стороне бедра. Тяжелый наконечник, войдя под углом, пробил ногу насквозь и показался с другой

стороны, на ладонь пониже паха. Рыжий свалился на пол, как топором подрубленный. Заверещал, уставившись на торчащий из развороченного бедра наконечник и занеся над ним ладони с растопыренными пальцами, будто не решаясь прикоснуться.

Барт под весом трактирщика подался назад, с размаху впечатал его прямо в двери. От удара те распахнулись, и Барт вместе с коротышкой вывалились на крыльцо.

– Гад! – остервенело вырываясь из рук трактирщика, прохрипел Твинклдот и от души врезал ему по морде. С размаху швырнул арбалет в бегущих за ним следом головорезов. Получилось удачно – концом одного из железных арбалетных плеч угодил бородачу со шрамом прямо в лоб. Тот коротко хрюкнул, заваливаясь назад, сбивая тех, что бежал позади, в кучу.

– Господин Леонард!! – завопил Барт, насколько позволяла боль в горле. Кубарем скатился с крыльца, понесся в сторону амбара.

Серый был уже во дворе – похоже, направлялся в конюшню. Оглянувшись через плечо, он так и застыл, пока Барт не подбежал вплотную.

Головорезов не пришлось долго ждать. Они хлынули во двор, толкая друг друга плечами в тесных дверях и едва не растоптав валяющегося на крыльце трактирщика. Бородач со шрамом – благодаря Барту обновленным и расширенным – ринулся вперед, обгоняя остальную компанию на несколь-

ко шагов.

– Господи-ин! – Барт с разгону едва не врезался в Серого. Затравленно оглядываясь назад, спрятался за мага, вцепился в его балахон.

Серый вскинул руку, и в сторону главаря шайки полетел большой, с голову, светящийся шар. Бородач шарахнулся в сторону, споткнулся, едва не завалившись мордой в землю. Остановился, тяжело дыша. Шар завис прямо напротив его лица, подплывая все ближе и увеличиваясь в размерах.

– Ты это брось, старик! Я всякие такие штуки терпеть не могу! – злобно покосился он на Серого. Но от надвигающегося шара попятился. Подоспевшие подельники тоже в нерешительности остановились чуть позади него.

– Что ты там натворил, Бартоломью? – не оборачиваясь и продолжая держать руку выпростанной вперед, процедил пилигрим. – Я же сказал – быстро и тихо!

– Да я... Господин Леонард, я...

– Говори быстрее! Может, еще всё можно уладить!

– Ну, я всадил одному из них стрелу в задницу.

Пилигрим, на мгновение забыв об угрожающей позе, развернулся к Барту.

– Что?!

– Ну... Ну так получилось, господин Леонард... – виновато скривился Барт.

– Эй, ты! – бородач, обходя зависший в воздухе шар по дуге, двинулся к магу. – Как тебя там...

Серый щелкнул пальцами, и шар хлопнул, взорвавшись мелкими искрами. Головорезы от неожиданности отпрянули в стороны, но быстро пришли в себя и вслед за главарем двинулись вперед, охватывая мага и Барта полукольцом.

Пилигрим поднял левую руку, на выскользнувшей из широкого рукава ладони вспыхнуло пламя. Бородач снова остановился, умиротворяющее выставляя руки вперед.

– Тихо, тихо, старик. Давай без этих фокусов. Сопляка нам отдай – и можешь ковылять себе дальше подобру-поздорову.

– Господин Леонард, только... – жалобно зашептал Барт.

– Заткнись, Бартоломью! – осек его маг.

– Я те еще раз говорю, бродяга – уйди с дороги! – стряхивая кровь со лба, прорычал бородач. – Иначе вместе с сопляком раздавлю!

– Да чего мы с ним возимся, Марко? – подал голос один из головорезов. – Кого испужались-то?

– Ага! Бродягу какого-то полудохлого?

– А где самострелы?

– Точно! Болт ему в пузо загнать – посмотрим, чего он там повыделывает!

Серый взметнул пылающую руку в сторону бандитов. Огонь, сорвавшись с ладони, устремился вперед длинным расплзающимся в стороны языком. Маг поводил рукой из стороны в сторону, описывая широкую дымящуюся дугу.

Бандиты попятились.

– Бежим! – неожиданно выдохнул Серый и, прихрамывая, бросился к дверям амбара. Барт, растерявшись, замер на месте, бегая взглядом от одного головореза к другому. Те опомнились быстрее него и рванули вперед, рыча, как стая волков.

Но уж что-что, а драпать Барт умел. Чудом не теряя свои болтающиеся на ступнях огромные башмаки, он в три прыжка догнал Серого, и они, столкнувшись на пороге плечами, влетели в полумрак амбара. Серый, с натугой захлопнув тяжелую створку, привалился к ней спиной.

– Печать! – рявкнул он.

В двери кто-то с размаху врезался с той стороны, створка заметно поддалась, едва не свалив мага с ног.

– Печать!! – снова заорал тот, выпучив глаза на Барта.

Тот, наконец, опомнился и судорожно зашарил по карманам, доставая одну из серебряных блях. Сунув её Серому, прижался рядом с ним спиной к створке, упираясь ногами в землю.

Следующий удар был таким, что они чудом удержались на ногах. Снаружи, видимо, навалившись кучей, начали давить на створку, и та поползла внутрь.

Серый, что-то пробормотав, шлепнул ладонью по створке, прилепляя к ней бляху. Кристалл игниса на печати зардел, как раскаленный уголёк, во все стороны от нее по створке побежала светящаяся красноватая рябь, быстро охватившая всю переднюю стену амбара. В ряби четко вырисовы-

вался узор решетки с крупными шестиугольными ячейками, в некоторых светились угловатые письма. Продержалось свечение всего несколько мгновений, потом решетка будто бы впиталась в двери и стену, намертво связывая их в единое целое. Даже яростные выкрики снаружи стали заметно глуше, будто бы доносились из подземелья.

Маг, хрипло дыша, обессилено рухнул на колени, уперся ладонями в пол. Барт тоже всё не мог отдышаться – только что язык наружу не вываливал, как собака.

– Я... – наконец, глухо произнес пилигрим. – Я тебя убью, Бартоломью!

– Простите меня, господин Леонард, – едва сдерживаясь, чтобы не разрыдаться, прошептал Барт. – Я не хотел, правда... Я думал...

– Как ты вообще умудрился, а? – прошипел Серый, поднимаясь на ноги.

Снаружи донеслись глухие удары – похоже, в дверь колоутили чем-то тяжелым.

– Другой выход ищите! С другой стороны!

– Не провороньте их, олухи! Окружайте всё! Никого не выпускать!

– А-аа, курр-ва! Сразу не убивать! На кол натянем обоих!

Серый, скривившись, слушал доносящиеся снаружи крики. Барт старался не встречаться с ним взглядом и потихоньку пятился в глубь амбара.

– Давай, давай, рассказывай! – с диковатой усмешкой по-

торопил его маг.

– Эти скоты схватили Бланку, и хотели её... Ну, в общем, вы понимаете... Не мог же я просто стоять и смотреть на всё это!

– Какую ещё Бланку?!

– Ну, девчонка там, прислуга... Страшненькая такая, нам вчера еду приносила... Но она вообще хорошая, добрая такая. Мне вчера помогла из леса выбраться. И вы бы слышали, как... она поёт...

Барт смущенно замолчал. Серый смотрел на него, как на умалишённого.

– Ты хочешь сказать, – медленно процедил он. – Что нас сейчас прирежут, как свиней, из-за какой-то там...

– Я не мог просто уйти, понимаете?! Я хотел... Я хотел... Ну, спасти её.

– И как? Спас? – издевательски усмехнулся пилигрим.

Барт опустил голову. Проклятье, все снова идет наперекосяк! Но ведь здесь он не хотел ничего дурного. Не для себя же старался, а хотел просто помочь. За что ему это всё?!

– Что же нам теперь делать, господин Леонард?

– А что здесь сделаешь? Эти ребята еще немного подолбят в двери, а потом возьмутся за топоры и стены начнут крушить.

– А если их каким-нибудь заклинанием?

Пилигрим так зыркнул на юношу, что тот втянул голову в плечи, отодвигаясь еще дальше.

– Я, по-твоему, полубог? Один против десятка вооруженных головорезов?

– Ну, у вас же пистоль есть!

– Патронов почти не осталось. И руки трясутся. А у них несколько арбалетов. Нет, сегодня явно не лучший день, чтобы соревноваться в стрельбе. Да и показывать этим молодцам бакшийский револьвер, который стоит больше, чем вся эта харчевня... Я, пожалуй, воздержусь.

– Тогда бежать надо! Попробуем найти другой выход! – Барт заметался по амбару, опрокидывая бочки и отодвигая ящики.

Оказалось, что от стоящей рядом конюшни их отделяет лишь тонкая перегородка, кое-как сколоченная из обрезков старых, изрядно подпорченных жуками досок. Барту достаточно было пары хороших пинков, чтобы выбить одну из них.

– Тише ты! – схватил его за плечо маг. – Услышит кто-нибудь – и нам конец!

Он осторожно просунул голову в образовавшуюся пробочину. В конюшне царил полумрак, обеспокоенно фыркали лошади, грузно переступая копытами по утрамбованной земле. Дощатые ворота, ведущие во двор, были прикрыты, но сквозь многочисленные щели в них можно было разглядеть снующих мимо бандитов.

– Пробьем лаз, схватим пару лошадей... – нетерпеливо егозил рядом Барт, тоже пытаясь заглянуть в дыру. Серый

раздраженно отмахнулся.

– Выезжать придется через двор, прямо мимо этих морд. Даже если они не перегородили проходы – все равно успеют нашпиговать нас стрелами.

– Ну, если пуститься сразу в галоп, то, может, проскочим, – неуверенно предложил юноша.

Маг покачал головой.

– Придется рискнуть. Правда, даже если проскочим – погоня будет. А долгой скачки я не сдюжу.

– Значит, с остальными лошадьми надо что-то такое сделать! А пешими они за нами не больно-то побегают...

– Хм... – маг задумался.

В двери ухнуло что-то очень увесистое. Потом еще раз, еще – размеренно, как удары колокола.

– Бревном долбят, что ли? – предположил Барт. – Как тараном?

– Похоже на то.

После десятка ударов вдруг раздался чей-то истошный вопль.

– А-аа-а! Кур-рва, чего ж ты на ногу-то прям бросаешь?!

– Давайте поднимем, еще разок!

– Да бесполезно! Тащите огня! Подпалить эту халупу – всего и делов-то!

– Ага, выкурим гадов!

– Не губите!! – заорал трактирщик, перекрывая оживленную переключку бандитов. – Люди хорошие, не губите! Тут же

все тогда погорит дотла! Смилуйтесть!!

У Барта разом взмокли ладони и неприятно заурчало в животе.

– Надо что-то делать, господин! Надо что-то делать!

– Надо, – согласился маг, подергав за соседние с дырой доски. – Но соваться в конюшню глупо. Кто-нибудь туда обязательно заглянет, и прихлопнут нас тогда, как лис в курятнике. И на возню с лошадьми времени нет.

Барт лихорадочно соображал, вертя головой по сторонам. Заметил просвет в задней части навеса.

– Разделимся! – встрепенулся Барт. – Я – на крышу, отвлеку эту шайку на себя. А вы пока потихоньку проберетесь на конюшню.

– Дуй наверх! – после секундного раздумья кивнул маг, подталкивая Барта.

По растрескавшемуся опорному столбу Барт вскарабкался к стропилам, принялся ворошить пласты прелой соломы, покрывающей крышу. Под его напором прореха быстро увеличилась настолько, что не то, что Барт – лошадь бы пролезла.

Юноша выбрался наружу.

Сверху постоянный двор напоминал засохшую коровью лепеху – все постройки, кроме самой таверны, крыты почерневшей от сырости соломой, сплошь поросшей мхом и клочками жухлой травы. На самом коньке крыши конюшни и во все колосятся уже довольно разросшиеся побеги клёна. Постройки располагаются внутри огороженного покосившимся плетнем пространства, разделяя его на три двора. Самый большой – задний – плотно заставлен фургонами и телегами обоза. Внутренний двор, где сейчас выются роем рассерженных ос обозные охранники, плотно опоясан вокруг постройками, остаются только два прохода. Один – мимо крыльца таверны наружу, во внешний двор, выходящий напрямик на дорогу. Второй – узкий проём между курятником и какой-то приземистой глинобитной халупой с плотно запертыми тяжелыми воротами. Здесь ездил вчера Барт, когда отправился вечером за мухоморами. Проход выводит на тропу к роще на севере от двора. Насколько он разглядел, тропа, проходя мимо рощи, заворачивает вправо и, видно, сливается в конце концов с трактом.

Вокруг, насколько хватает глаз, тянется унылая серо-желтая степь с редкими одиноко стоящими деревьями или небольшими рощицами. Лишь на севере темнеет полоска настоящего, полноценного леса, но до него полдня пути, а то

и больше.

На дороге в обе стороны от постоянного двора пусто.

Юноша осторожно распрямился. Волглая замшелая солома неприятно подается под ногами, как болотная зыбь, но худо-бедно держит. Потихоньку двинулся вперед, к тому краю, что выходил во внутренний двор.

– Отвлечь их на себя, отвлечь на себя... – бормотал юноша, вытирая взмокшие ладони о штанины. – И ведь, главное – никто ж за язык не тянул! Сам вызвался! Вот болван...

Было страшно. До дрожи, до слабости в коленях, до тупого оцепенения страшно. Но отступить было поздно. Да и некуда.

– И-эх!

– Разом все, разом! Поднажмем!

– Пошла, пошла, пошла!

– И р-раз!

В двери амбара опять ухнуло что-то тяжелое – на этот раз так, что Барту показалось, что все строение качнулась у него под ногами.

– Ещё, ещё!

– И р-раз!

– И р-раз!

– Уф! Да всё без толку! Да чегой там такое-то?! На вид же – еле держатся, плевком разбить можно!

– Да наколдовал там старик чегой-то! Не прошибешь – только зря кишки рвём!

– Да жечь эту халабуду! Жечь!

– А может – ну его? Пошли выпьем лучше.

– Энто кто тут?!

– А-а-ай!!.. Марко, ты чего, сдурел?! Я ж просто так сказал...

– Я тут все с землей сравняю, но этих паскуд вытащу, понятно?! И чего все здесь столпились опять? Я ж сказал – вокруг всем, чтоб с той стороны не выскочили! И тащи огня кто-нибудь! Выкуривать будем!

Барт добрался до края крыши и, наконец, увидел копошащихся внизу бандитов.

– Не надо огня! – снова заверещал, бухаясь на колени, трактирщик. – Пощадите, господин! Все же ж стгорит!

– Да по мне – так и гори оно здесь все! – сморщился бородач, отпихивая коротышку ногой. Тот, не поднимаясь с колен, снова бросился к нему, обхватывая за ноги и припадая щекой к замызганным сапогам.

– Заклинаю, заклинаю вас, господин! – выл он уже в полный голос, – Не губите!

Бородач схватил его за шкурку и, с ревом развернувшись, швырнул о стену. Трактирщик, глухо хрюкнув, затих.

– Да и правда жечь нельзя, – осторожно сказал один из бандитов – кто-то, стоящий возле стены амбара, так что Барту не разглядеть. – Обоз же тоже спалим.

– Да знаю! – отмахнулся главарь, вытирая обслюнявленные сапоги пучком соломы, – Как там Лино?

– Болт вытащили, ногу перевязали.. Повезло – жилы не задеты, просто мягкое наскрозь пробито. Может, даже выживет, если кровь опять не откроется, или если рана не загниет. Буянит там щас, крушит все. О, а вот и он!

Сгорбившись и припадая на левую ногу, на крыльцо вывалился рыжий. За собой он тащил из последних сил упирающуюся Бланку. Подол её платья был разодран в нескольких местах и болтался живописными лохмотьями, обнажая костлявые коленки и бледные ноги с отчетливыми пятнами синяков. На левой щеке багровел свежий кровоподтек.

– Ты всё не уймешься, рыжий? – захохотал бородач.

– Сбежать хотела, падла! Я теперь её от себя не спущу! Эй, а энто там хто, а?

Рыжий, хоть и был, похоже, пьянее всех, первым заприметил сгорбившегося на крыше Барта.

– Вон он! Сопляк на крыше!

– Ах ты, щенок! Ну-ка, спускайся!

– Сам ты щенок! – сплюнул вниз Барт, шаря глазами по двору – нет ли никого с самострелом. – Вы тут угомонитесь или нет? Убирались бы лучше, пока целы!

– Чего? Чего ты там тьявкаешь, сосунок?

– Лестницу, лестницу мне!

– Где лестницы? Хозяин где?

– Да вон он, валяется, не очухался ещё!

– Эх, курва!

Бородач, запрокинув голову, пятился назад, к центру дво-

ра, стараясь получше разглядеть Барта. Его примеру последовали остальные бандиты и вскоре вся шайка толпилась перед дверями амбара, швыряя в юного Твинклдота ругательства, камни и засохшие лошадиные яблоки. Большая часть снарядов – за исключением ругательств, конечно – едва долетала до кромки крыши.

Барт расхохотался.

– Недоумки! – выкрикнул он, скрывая дрожь в голосе – Валите отсюда! Вон, хлебайте своё пойло, или идите с лошадьми своими сношайтесь, а нас оставьте в покое! Господин добрый, но если вы его всё-таки разозлите – он вас всех...

Арбалетный болт гукнул на расстоянии вытянутой руки от Барта, пробив солому и трухлявые доски навеса, взметнул кверху фонтанчик мелкой трухи. Барт даже дернуться не успел. По телу запоздало пробежала горячая волна испуга. Если бы стреляли с дальнего края двора, и болт летел бы по более пологой траектории...

– ... он вас всех в червяков превратит! – закончил Барт, предусмотрительно отодвигаясь от края крыши. – Вы какими предпочитаете оказаться – земляными, навозными? Или маленькими такими, которые яблоки портят?

– Слезай! – донесся до него голос бородача. – Деваться вам все равно некуда. И просто так мы вас не выпустим! Верно?

– Дайте мне этого щенка – я ему кишки на вертел намо-

таю! – заорал рыжий, перекрикивая нестройный хор поддакивающих главарю бандитов.

Над головой Барта просвистело сразу два болта и он распластался на пузе, вжался в солому. Сердце трепыхало, как пойманная в паутину муха, а чтобы челюсти не выстукивали друг о друга мелкую дробь, пришлось до боли стиснуть зубы.

– О, вон лестница! Давай, давай, тащи!

– Аранос... Аранос, спаси и помоги! – тихонько подвывал Барт, ужом извиваясь по крыше. Отполз подальше от края, привстал.

Край хлипкой, сколоченной из ошкуренных жердей лестницы ударился в край навеса и тут же заходил ходуном – кто-то забирался наверх. Барт присел, будто готовился к прыжку. Взгляд ошалело метался по крыше. Ну хоть бы дрын какой под руку попался! Ведь отбиваться совсем нечем! Ну что же он такой болван – нужно было хотя бы кинжал свой у Серого забрать!

Мелькнула мысль подскочить и сбросить лестницу вниз. Стоит непрочно. Достаточно пары толчков – и поползет вбок. Но заставить себя приблизиться к краю Барт так и не смог – ноги будто вросли в мягкий, прогибающийся под его весом настил. К тому же стоит показаться во весь рост – схлопочешь арбалетный болт в пузо.

– Ага! – над краем крыши показалась лохматая башка одного из бандитов – чернявого, смуглого, с широкой щербинной между передними зубами. Барт швырнул в него ошмет-

ком слежавшейся соломы, но не очень удачно – снаряд пролетел гораздо левее и выше.

– Ну чего, – ухмыльнулся чернявый, осторожно взбираясь по последним шатким ступенькам. – Сам прыгнешь, или скинуть?

– Да пошёл ты! – выпалил Барт, перебегая по скату подалее. Примерился к соседней крыше. Строения стоят вплотык – даже особого разбега не надо. Правда, все крыши нависают над землей, как грибные шляпки, а сверху не видно, где еще относительно надежные стропила, а где уже просто слой еле держащейся на краю соломы.

Чернявый вытащил из-за пояса очень паскудного вида нож – кривой, с пилообразными зубринами на противоположной от лезвия стороне клинка. Барт судорожно сглотнул, оглянулся назад. До края крыши – несколько шагов. Если бежать – то только вправо, и сигать-таки на соседнюю. Барт развернулся, напряжился, то и дело оглядываясь через плечо на бандита.

Следом за чернявым на крышу выбрался еще один головорез – молодой, тот самый, у которого Барт позаимствовал арбалет. Судя по пошатыванию лестницы, кто-то лез за ним следом.

Молодой, сразу смекнув, куда целится Барт, двинулся по скату к соседней крыше.

– Ай, проклятье! – Чернявый, шагнувший было в сторону Твинклдота, замер. Солома под его ногами опасно прогиба-

лась.

– Куда прѣшься-то? – зло бросил он третьему бандиту, голова которого показалась над краем. – Тут прогнило всё – ступить некуда!

Третий – в толстом гамбезоне и вислоухом кожаном шлеме, укрепленном железными полосками – всё-таки выбрался наверх и замер на краю, неуклюже переминаясь с ноги на ногу.

Молодой вытащил из-за голенища длинный узкий кинжал, взвесил его на ладони, примеряясь для броска. У Барта при виде кинжала явственно заныло между лопатками. Он снова бросил взгляд на соседнюю крышу. Проклятье, далеко! Если бы еще унять дрожь в коленках!

– Хватайте его – сиганет же сейчас! – заорал, замахиваясь, молодой.

Двое бандитов ринулись к Барту. Тот, издав нечленораздельный хриплый вопль, рванул вперед по идущему под уклон скату. Не добегая пары шагов до края, прыгнул. Узкий проход между строениями мелькнул внизу. Было не очень высоко, но внутренности от страха сжались, подкатываясь тугим комком к самому горлу.

На соседнюю крышу он свалился плашмя, проломив ногами хлипкий край. Чувствуя, что сползает, вцепился обеими руками в расползающуюся между пальцами солому, отчаянно забил оставшимися без опоры ногами.

Пара мгновений неуклюжего барахтанья на самом краю,

потерянный левый башмак и едва не намоченные от страха портки – и Барт, наконец, выбрался на твердую поверхность. Кинжал, который молодой таки успел метнуть ему вслед, торчал выше него по скату, в нескольких шагах.

Оставшиеся на крыше амбара бандиты орали как резаные. Чернявый, бросившийся следом за Бартом, провалился левой ногой сквозь гнилой настил. Подоспевший ему на подмогу бандит в шлеме лишь все испортил – под их весом солома продавилась широкой воронкой, расплзаясь в стороны. Чернявый провалился уже по пояс, второй бандит тоже завяз. Молодому хватило мозгов не приближаться – он, тряся лестницу, орал собравшимся внизу дружкам, чтобы ему бросили веревку или жердь подлиннее. Кто-то уже карабкался вверх по лестнице – теперь обзор у Барта был получше, и он видел и лестницу, и брошенное у дверей амбара толстенное бревно, которое бандиты использовали как таран.

– Вон он! – завидев распрямившегося во весь рост юношу, заорал рыжий. – Стреляй!

Болт запоздало прогудел над бросившимся навзничь Твинкклдотом. Барт выругался, выплевывая горькую соломенную труху. Ну где же там Серый? Долго ему еще по крышам скакать? Подстрелят ведь в конце концов, или сбросят. Вон, еще одну лестницу тащат!

У него внутри все тряслось от напряжения, хотелось спрятаться куда-нибудь, закрыться тяжелыми засовами и не слышать всего этого – хриплых криков распаленных головоре-

зов, топота сапожищ по двору, завываний пришедшего в себя трактирщика, истеричного кудахтанья носящихся по двору перепуганных кур. Медленно и неотвратно, как прилив, подступал приступ паники.

– Держи меня! Бруно, держи меня! – орал на соседней крыше чернявый, провалившийся уже по самые плечи. Распластав руки в стороны, он бороздил пальцами сырую солому, пытаясь дотянуться до застрявшего рядом подельника. Тот проломил под собой изрядный кусок настила, и висел теперь на оголившемся стропиле, неумолимо прогибающемся под его весом. Оглядываясь через плечо, отрывисто отбреживался от чернявого:

– Отвали! Отвали, сказал!

Молодой и еще один забравшийся на амбар бандит, осторожно подходя к краю прорехи, пытались дотянуться до дружков длинными жердями.

В край крыши, на которой сидел Барт, мягко уткнулся верх второй лестницы. Юноша пополз вверх, к коньку. По пути прихватил торчащий из соломы кинжал. Оружие, правда, вовсе не прибавило ему уверенности – наоборот, стало сложнее карабкаться.

Добравшись до верха, он перевалился на противоположный скат и осторожно выглянул наружу. По лестнице наверх забрался очередной головорез. Этот не собирался повторять ошибок своих дружков и ступал по настилу осторожно, время от времени тыча перед собой палкой.

– Самострел сюда давайте! Щас я его...

Барт, ругнувшись вполголоса, подался назад.

– Всё, конец тебе, Бартоломью, – хладнокровно констатировал он. До ближайшей крыши чуть дальше, чем до амбара, и сама она повыше, так что можно даже не пытаться туда запрыгнуть. Сигать обратно на амбар было бы самоубийством – там собралось уже четверо громил, и они разворотили всю кровлю. Вместе они точно обрушат все вниз.

Дорога только одна – на землю. А там – еще с полдюжины злощих, как цепные псы, бандитов, жаждущих крови. Его, Барта, крови.

До него донесся влажный треск и поток проклятий. Вылезший на крышу бандит тоже угодил ногой в прореху между стропилами и провалился.

– Не держит ни хрена! – обернувшись к друзьям, заорал бандит.

– Спускайся! – заорал молодой, бросая жердь, которой он безуспешно пытался вытянуть чернявого. – Лучше мне самострел давайте! Вон он, щенок, я его отсюда вижу!

Вся ватага, даже висящие на трухлявых стропилах бандиты, возбужденно заголосили. Лино, таща за собой полумертвую от страха девчонку, заковылял туда-сюда по двору, пытаясь высмотреть укrywшегося за скатом Барта. С насквозь пропитанной кровью штанины у него обильно капало. Морда рыжего от потери крови приобрела землистый оттенок и была мокрой, будто его только что окатили из ведра. Но жажда

мести держала его на ногах и, похоже, успокоится он только тогда, когда доберется до Барта. Или когда свалится без сознания.

Барт оглянулся. Скат крыши, на котором он лежал, выходил на задний двор, где плотными рядами стояли фургоны торгового обоза. Прыгать было не очень высоко, но неизвестно было, на что напорешься внизу. Он снова выглянул во внутренний двор. Распластался на соломе, стараясь, чтобы конек крыши скрывал его от глаз бандитов, и затаился.

Молодчик на крыше амбара, нетерпеливо поглядывая на Барта, поторапливал неуклюже карабкающегося по лестнице подельника с самострелом. Внизу, во дворе, осталось всего трое – рыжий Лино, главарь Марко и пожилой тип в драном гамбезоне, который сейчас обматывал разбитый лоб Марко куском чистой тряпицы. Лино, задрав голову вверх, неотрывно следил за крышами.

– Ну давайте, давайте! Достаньте мне его!

– Да пошёл ты, свинья рыжая! – не выдержав, высунулся Барт. – Вот сам залезь и достань!

– Ты потявкай мне еще! Недолго тьявкать осталось!

– Да и ты долго не протянешь! Кровища вон хлещет как! Еще немного, и свалишься!

– Ничаво, я потерплю, пока тебя сюды спустят. Башку твою на кол насажу – от тогда отдыхать отправлюсь. Альф, ты его только не насмерть стрельни, мне оставь.

– Ага, помечтай! – издевательски выкрикнул Барт, до ло-

моты в пальцах стискивая рукоять кинжала. – Раньше загнешься! Ну, ничего, гордись – тебе выпала честь храбро погибнуть, подстреленным в задницу несравненным Бартоломью Твинклдотом!

Кто-то из бандитов хохотнул, его поддержали, и вскоре вся банда разразилась пьяным гоготом. Одному Барту было не до смеха, хотя он был рад каждому мгновению возникшей заминки.

Аранос-Хранитель, да где же пилигрим? Чего он там копаётся?

– Чего ржёте, скоты?! Доставайте его! – шатаясь, завопил рыжий. Едва удержался на ногах, навалился всем весом на девчонку. Та под ним подломилась, как хворостинка, и они вместе рухнули на загаженную курами землю. Рыжий дико заорал, хватаясь за перевязанное бедро. Бланка, даже не пытаясь подняться на ноги, на четвереньках попыталась отползти подальше, но бандит схватил её за лодыжку, рывком подтянул к себе.

– Куда, стерва?! Да что ж ты за падла такая! На тебе! На! На!

Голова с туго заплетенными жиденскими косичками мотнулась от крепкого удара, потом еще раз, ещё. Уже от первого удара девчонка ничком свалилась на землю, уткнувшись лицом в грязь. Даже пискнуть не успела. Дальше тщедушное тело лишь елозило туда-сюда от тяжелых тычков.

Барт, зажмурившись, снова скрылся за кромкой крыши.

До боли закусил губу, вздрагивая от каждого звука удара.

– Всё же из-за суки этой мелкой! – рыжий, задыхаясь, продолжал мутузить уже бесчувственную девчонку. – Все из-за тебя!

Барт лежал, съёжившись и дрожа, будто это его сейчас пинали со всех сторон тяжелыми сапожищами. Глаза застилала едкая горячая пелена.

Где Серый?! Почему он ничего не делает?!

– Эй, щенок! Ты меня слышишь, а? – донесся снизу голос рыжего. – Ты еще тама, а? Он тама?

– Да куда он денется?

– Ты выглянь, выглянь, сопляк! Я те щас подарочек приготавлию, а? Вот я те щас... Хэк!

– Мать твою, Лино, ты совсем с ума сдурел?! Все сапоги мне забрызгал!

– Хэк! Я те щас... Хэк! – рыжий зашелся хриплым бесноватым смехом.

– Вот паскудство!

– Фу, Лино, зачем? Меня стошнит щас!

– Эй, сопляк! Чего затих там? Лови-ка!

Над крышей, описав высокую дугу, пролетело нечто. Шлепнулось в паре шагов от Барта, темные жирные брызги лишь чуть-чуть не долетели до юноши. Не удержавшись на пологом скате, прокатилось чуть вниз, зацепилось за топорщащийся клоч соломы длинным хлястиком.

Жиденкой туго заплетенной косичкой.

Барт, сам того не замечая, закричал. Сначала тихо, потом во весь голос, пока глотку не рвануло острой болью и крик не перешёл в страшный наружный хрип. Отчаянно отталкиваясь от расплзающейся под ступнями и ладонями гнилой соломы, он пополз на спине назад, не в силах оторвать взгляда от страшного «подарка».

В глазах потемнело. Перевалившись через конек, он покатился вниз по скату, чудом остановившись на полпути. Перевернулся на живот. Приподнялся на дрожащих, предательски слабеющих в локтях руках.

Его вырвало. Стало немного легче. Совсем немного.

– Гады... – прохрипел он. – Гады...

Поднял глаза и встретился взглядом с молодым бандитом, стоящим на крыше соседнего амбара. Тот, широко расставив ноги, плавным отточенным движением взвел тетиву арбалета.

– Ну всё паря. Допрыгался, – пожав плечами, будто даже с толикой виноватости, сказал молодой. Болт с длинным граненным наконечником занял свое место в отполированной до маслянистого блеска канавке.

– Ты не бойся, паря. Я тя ему не отдам, – продолжил молодой – негромко, так что расслышать мог только Барт и торчащие на крыше амбара подельники. – Не дергайся только. Ежели в сердце – даже прочухать ничего не успеешь...

Барту показалось, что все затихли и смотрят сейчас только на него. А он тупо смотрел на оголовок стрелы и не мог

отвязаться от мысли, как же все глупо. Все эти дни один глупый поступок тянул за собой другой, третий, пока не привел его к этой вот вонючей, проваливающейся под ногами крыше, луже собственной рвоты перед собой и направленному в лоб арбалету. А ведь он никогда не воспринимал всерьез слова Индюка Твинклдота о том, что, стоит разок оступиться – и жизнь может покатиться, как повозка с крутого откоса.

Снизу донеслось истошное лошадиное ржание. Ворота конюшни распахнулись от мощного удара изнутри, и во двор, сшибая с ног немногочисленных оставшихся внизу бандитов, тесным гуртом вывалилось дюжины две неоседланных лошадей. Вместе с ними из ворот валил густой красноватый дым.

Обезумевшие от страха лошади, снося все на своем пути, ломанулись в немногочисленные проходы между зданиями. Барт не сразу заметил на спине одной из них распластанную фигуру пилигрима.

– Господин Леонард! – прохрипел он, вскакивая на ноги. Хотя вряд ли Серый мог расслышать в поднявшемся гаме.

Бандиты на крыше амбара растерянно суетились. Молодой целился из арбалета куда-то вниз, но в кого стрелять, было непонятно. Густым плотным дымом вскоре заволокло весь двор, он поднимался все выше, перетекая на крыши. В этой красноватой мгле метались лошади, перепуганные бандиты, что-то гремело и хлопало, кто-то непрерывно орал, перекрывая даже лошадиное ржание.

Барт подполз к краю крыши – туда, где, перепрыгивая с амбара, он обвалил часть нависающей над землей кровли. Внизу промелькнула темная тень, вторая, третья.

– Господин Леонард! – снова закричал он. – Господин Леонард!

Он заметался по крыше, то и дело заглядывая вниз и прислушиваясь. От красноватого дыма жутко щипало в глазах и в носу, и Барт, шмыгая и утирая непрерывно катящиеся по щекам слезы, срывая голос, хрипел, зовя Серого.

Ответ услышал совершенно случайно, когда уже отчаялся его получить. Даже не услышал – скорее почувствовал, что со стороны заднего двора его кто-то окликнул.

– Бартоломью! Я здесь!

Юноша, мало что видя перед собой, осторожно пополз по скату к краю. Дым уже начинал рассеиваться, но и той части, что он успел нахвататься, хватило для того, чтобы глаза, ноздри и глотка горели огнем, а в легких при каждом вдохе ощутимо покалывало.

– Прыгай скорее! Здесь сено! Левее держись! Еще левее! – командовал снизу маг. Барт, наконец, разглядел его смутный силуэт. – Вот так! Прыгай!

Сердце во время прыжка подпрыгнуло к самому горлу, но полет оказался недолгим, да и приземлился на редкость удачно. Правда, не в сено, а в навозную кучу. Но тоже мягко.

Скатившись на землю, Барт кое-как поднялся на ноги, стяхивая с себя комки раздавленных лошадиных яблок. Се-

рый бросил ему поводья запряженной лошади. Сам он был на своей Принцессе. Морды обеих лошадей были обмотаны какими-то мокрыми тряпками.

– Скорее, скорее, Бартоломью, не стой столбом! – заорал Серый.

Барт вскарабкался на лошадь и маг, не дожидаясь, пока он толком усядется в седле, стеганул обоих скакунов своей серебристой плетью. Едва не обдирая бока о поставленные впритык друг к другу фургоны, лошади понесли с места в галоп. Через невысокий покосившийся забор кобыла Серого перемахнула легко, как газель. Лошадь Барта, более грузная, просто врубилась в растрескавшиеся от сырости жерди со всего ходу, проломив изрядную брешь. Юноша еле удержался в седле, вцепившись обеими руками в расчехранныую черную гриву.

Вслед за Серым он поскакал на север. Вскоре они выбрались на тракт, копыта лошадей глухо застучали по хорошо утрамбованной земле.

Обернулся всего лишь раз. Постоялый двор к тому моменту был уже далеко, и смотрелся бесформенной темной грудой, вокруг которой расползались клочки красноватого тумана. Вокруг метались силуэты перепуганных лошадей, многие уже умчались далеко прочь.

Стиснув зубы, Барт отвернулся. Пальцы мертвой хваткой вцепились в поводья, пятки сами собой заколотили по лошадиным бокам, подгоняя и без того мчащегося во весь опор

скакуна. Погони не было видно, но юноше все равно хотелось бежать отсюда подальше, скакать, пока лошадь не падет под ним замертво, а потом нестись на своих двоих. Бежать, бежать прочь!

– Я не виноват... Я не хотел... – шептал он, глотая слова, захлебываясь встречным холодным ветром. – Я не хотел...

Часть четвертая. Распутье

1

Серый пилигрим и сопровождающий его Бартоломео Твинклдот, когда-то, в прошлой жизни, носивший прозвище Счастливи́чик, въехали в Распутье с юга, со стороны побережья. Как раз зарядил мелкий, как крупа, но весьма обильный дождь. Торговцы, чертыхаясь, прикрывали товар хлипкими тряпичными навесами, прохожие торопились забежать под ближайшую крышу.

Барт ожидал увидеть пару постоянных дворов, жмущихся к перекрестку двух трактов. Но на деле не удалось разглядеть и самого перекрестка – дорога вливалась в целый посёлок с тавернами, конюшнями, складами, кузницей, колодцами и даже сторожевой башней. Башня была старая, слегка покосившаяся, но наверху маячили двое арбалетчиков в плащах с остроконечными капюшонами. На фоне построек белым пятном выделялся угловатый силуэт недавно выстроенной часовни Араноса. Все подобные часовни походили друг на друга – с выбеленными снаружи и внутри стенами, с каменным алтарем в виде неглубокой резной чаши, и с огромным бронзовым маятником, который не прекращал своего размеренного движения ни днем, ни ночью. Эти храмы в послед-

ние годы росли по всей империи, как грибы после дождя.

В центре поселка располагался импровизированный рынок. Торговали прямо с фургонов и телег, а иногда и вовсе разложив скарб на куске рогожи, расстеленной на земле.

Серый спешил еще на краю поселка, и вел лошадь под уздцы. Барту на землю не хотелось – он опять наполовину лишился обуви, да и в том башмаке, что сохранился, зияли дыры, из которых торчала клочками набитая внутрь солома.

Ежась от попадающих за шиворот капель, юноша вертел головой, разглядывая расставленные вразброс фургоны, телеги, повозки самых разных размеров и конструкции. По дороге то и дело попадались толстые столбы с объявлениями на них – на потрепанных обрывках бумаги, либо нацарапанные прямо на дереве. Мимо суетливо сновали по-дорожному одетые люди, неторопливо вышагивали стражники в остроконечных шлемах и в гамбезонах с имперским гербом – белой осадной башней на черном фоне. Вдоль длинной стены какого-то амбара, скрываясь от дождя под кромкой крыши, выстроилось сразу с полдюжины шлюх. Дамы лениво переговаривались между собой, изредка поглядывая на улицу. На Серого и Барта даже не взглянули.

Барт, нетерпеливо ерзая в седле, все ждал, когда пилигрим свернет в один из крытых дворов, чтобы спрятаться, наконец, от назойливого дождя. Но Серый протопал почти через весь поселок, до таверны на северной его окраине. На покачивающейся под порывами ветра вывеске была намале-

вана какая-то бесформенная туша. Надпись под ней гласила «Кривой кабан». Не понятно было, что имелось в виду – качество рисунка или насколько пьяно животное. А может, и то, и другое.

Барт, наконец, спешился, пристроился рядом с пилигримом, ведя под уздцы своего невзрачного скакуна. По иронии судьбы ему достался именно тот унылый мерин, которого коротышка-трактирщик выделял ему накануне для поездки в лес. Впрочем, несмотря на склонность к меланхолии, коняга оказался вполне сносным. Главное его достоинство заключалось как раз в кротком нраве, что было очень кстати – наездник из юного Твинклдота был никудышный, практики не хватало.

Лошадей оставили на дальнем краю длинной коновязи, огибающей здание полукругом. Пнув лениво развалившегося на завалинке мальчишку, Барт, копируя давешний тон Серого, приказал:

– Напоить. Почистить. Овса дать.

Пацан, протерев глаза, окинул взглядом затрапезную одежду Барта и презрительно скривился:

– Чего? Какого овса? Это на конюшню надуть – вона она, на той стороне. А у нас поилка тока. Вон она.

Он указал на длинное корыто с застоявшейся водой, на поверхности которой, растревоженная дождевыми каплями, кружилась соломенная труха.

Барт шмыгнул носом и проворчал:

– Сам пей из этой помойки! Чего ты вообще тогда торчишь здесь, если даже овса дать не можешь?

– Посматриваю, – пожал плечами пацан, снова устраиваясь поудобнее на завалинке.

– Ну-ну. Зенки смотри не сломай, – буркнул Барт. Морщась, похлопал по влажной и жутко холодной земле к крыльцу таверны. На полпути его окликнул Серый. Покачал головой, дал знак следовать за ним.

Они обошли здание кругом и постучались в обитую обрезками каких-то шкур дверь, ведущую на задний двор, к длинному приземистому сараю, вдоль стены которого располагилась поленница дров – частично колотых, но в основном чурбаков в ногу толщиной.

Открыла им женщина средних лет в платье с закатанными по локоть рукавами. Вытирая перепачканные в муке руки о грязный передник, она пристально оглядела сначала мага, потом юношу. Покачала головой, увидев посиневшую от холода босую ногу Барта. Лицо её с поджатыми, будто от обиды, губами немного смягчилось.

– Ох, застынешь же весь, парень! Погодьте здесь, были у меня старые чуни. И поесть вынесу чего-нибудь. У меня там оставалось...

– Мне нужен Карл, – перебил её пилигрим.

– Карл? – недоверчиво переспросила женщина, снова оглядывая мага. – Он в зале сейчас. Некогда ему.

– Пусть подойдет. Это ненадолго.

Женщина потопталась на пороге, но тон Серого не подразумевал возражений. Пробурчав что-то себе под нос, она скрылась за дверь.

Барт в очередной раз протяжно шмыгнул носом и подумал, что вот бы и ему так научиться – чтобы люди его слушались, невзирая на вид. Но это не иначе как магия какая-то. Не всякому дано.

– А кто такой этот Карл? – поинтересовался он.

– Хозяин заведения.

Серый прислонился спиной к деревянной опоре, придерживающей небольшой навес над дверью. Откинул на спину набрякший от дождя капюшон, растер ладонями мокрое изможденное лицо. Дождь на улице по-прежнему моросил. Навес не спасал – порывами ветра мелкую водяную взвесь то и дело сносило в сторону, захлестывая стену таверны.

– Как рана? – осторожно спросил Барт. – Получше?

Маг покачал головой. На щеках его вздулись тугие желваки, заметные даже через серебристую щетину.

Дверь скрипнула, и Барт невольно попятился, увидев показавшегося на пороге хозяина. Вид у содержателя таверны оказался очень внушительный. В двери он прошел, лишь развернувшись боком и наклоняясь, чтобы не стукнуться головой о притолоку. Возраста он был уже солидного, но фигура по-прежнему статная, без всякого намека на жир. Не трактирщик прямо, а какой-нибудь боевой генерал – хоть сейчас ряди в доспехи да на коня, впереди войска. Неболь-

шой, но приметный шрам на левой щеке еще больше усиливал это сходство.

Оказавшись рядом, гигант навис над юношей, как башня. Скептически оглядел юношу, пригладил вислые усы. Обернулся в сторону мага.

– Чего надобно? Только говори быстрее, иначе... Ох, боги! Господин Леонард?!

– Да, Карл, – невесело усмехнувшись, ответил Серый. – Я тоже рад тебя видеть.

– Да что же это с вами? – хозяин придержал мага за плечи, будто боясь, что тот сейчас повалится наземь. Опасения эти были недалеко от истины – Серый и впрямь заметно пошатывался. Бешеная скачка, продлившаяся все утро, давала о себе знать.

– Карл... Нам нужна комната. Любая, только подальше от глаз. Я не стал идти через общую залу...

– Понял, понял, господин Леонард, – закивал хозяин, окидывая быстрым взглядом пустой двор, – Идемте.

Черный ход вел мимо чулана в просторную кухню, где за длинным столом с выскобленной добела столешницей орудовала та самая женщина, что открыла им в первый раз. Из жерла огромной, пышущей жаром печи доносился запах поспевающей сдобы. Пирог. Кажется, с мясом. Барт судорожно сглотнул, на ходу поглаживая заурчавший желудок.

По скрипучей деревянной лестнице они поднялись на верхний этаж.

– Ту комнату, что вы обычно берете, уже заняли, – шепнул по дороге Карл. – Но можно отлично разместиться на чердаке. И оттуда есть отдельный лаз на улицу – через чулан, к той двери, что в дальнем конце двора. Если что – даже здесь ходить не придется.

Серый одобрительно промычал.

На чердак вела приставная лестница. Наверху обнаружился узкий коридор с крохотным оконцем в дальнем конце. По одну сторону коридора располагалась кладовка с какими-то пахучими травами, подвешенными аккуратными пучками к стропилам. За дверью напротив обнаружилась комната с кроватью, низким квадратным столом, парой стульев и большой масляной лампой. Пол в комнате был выстлан соломенными циновками. Небольшое окно с открывающейся вовнутрь створкой выходило на дорогу, так что можно было разглядеть раскинувшийся на перекрестке рынок, часовню за ним, а если чуть высунуться – то и сторожевую башню справа. Потолок был заметно скошен, и у дальней стены Барт почти касался его макушкой.

В целом комната сильно напоминала ту, в которой Барт жил у Твинклдотов. Воспоминания о доме снова резанули душу тупым ножом.

– Располагайтесь пока, – кивнул хозяин, придиричиво оглядев комнату. – Второй тюфяк сейчас принесут. Чего-нибудь перекусить с дороги?

Серый кивнул, Барт и вовсе чуть не запрыгал от радости.

Хозяин, понимающе улыбнувшись, скрылся за дверью.

Пилигрим, избавившись от своего балахона, растянулся на лежанке и на некоторое время замер, запрокинув лицо вверх и сомкнув глаза. Барт, приоткрыв окно, задумчиво наблюдал за копошащимися внизу людьми. Дождь постепенно сходил на нет, но судя по сплошному пологу туч на небе, это ненадолго. Юноша, высунув руку наружу, подставил ладонь под колючие холодные капли. Взгляд его скользнул по разорванному рукаву сюртука, по многочисленным царапинам на руках, по грязным до черноты ногтям. Он обернулся в поисках зеркала, но такой роскоши в комнате не имелось.

Кем же ты стал, Бартоломью Твинклдот? Бродягой? Нищим проходимцем?

Он плюхнулся на колченогий табурет, стянул с ноги башмак, с омерзением выбрал оттуда промокшую солому. Поджав под себя одну ногу, принялся растирать вторую. Ступни были сырыми и холодными, и поначалу почти не чувствовали прикосновений.

– Да, Бартоломью, нужно срочно раздобыть тебе новую одежду, – приоткрыв глаза, пробормотал Серый. – Холодает с каждым днем. Еще немного погуляешь в таком наряде – и схлопочешь воспаление легких. Я удивлен, как ты вообще еще держишься.

– В Валемире народ закаленный, – ответил Барт, гулко высморкавшись в кусок тряпья, когда-то бывший носовым платком. – Привычный к сырости, к сквознякам.

– Ну да, живете, как на палубе, – буркнул Серый. – Никогда не любил этот город.

Барт пожал плечами.

– А я больше нигде и не был.

– Оно и видно.

Барт криво усмехнулся и не ответил. Продолжал сидеть, потихоньку разминая заочеченные пальцы левой ноги, уставившись остановившимся взглядом куда-то сквозь стену.

Пилигрим, кряхтя, спустил ноги на пол, сел на кровати, прислонившись спиной к стене. Запустив обе пятерни в длинные, побитые сединой волосы, пригладил их, зачесывая назад. Начал методично расстегивать замки на ремнях портупей, освобождая торс от тугой сбруи.

В дверь постучали, и на пороге появился хозяин с плетеной корзиной, содержимое которой источало такие ароматы, что у Барта закружилась голова.

– Вот. Решил сам занести. С пылу, с жару.

Барт, не дожидаясь приглашения, выхватил из корзины румяный пирог и впился зубами в восхитительную ароматную мякоть.

– Спасибо, Карл, – кивнул пилигрим.

– Вам что-нибудь еще нужно, господин Леонард?

– Пока нет, не беспокойся. Скорее всего, мы и дня у тебя не пробудем – выдвинемся завтра утром.

– Торопитесь?

– Да. Очень срочное дело.

– Понятно, – кивнул гигант. – Погоня?

– Надеюсь, нет. Но возможно.

– Как всегда. А вот и второй тюфяк, – хозяин обернулся и принял бесформенный серый ком из рук того самого мальчишки, что присматривал за лошадьми у входа. – Ну, мне пора – народу много внизу. Если что-то понадобится – пришлете мальчика.

– Меня зовут Барт, – буркнул Твинклдот.

– Пришлётё Барта, – усмехнулся хозяин.

– Спасибо, Карл. Можешь идти.

Гигант, пригнувшись, протиснулся в дверь. В коридоре шуганул зазевавшегося мальчишку, отправив его обратно к коновязи.

Барт снова подошел к окну и, сосредоточенно уминая пирог, наблюдал за суетой торговцев внизу.

– Так вы думаете – они погонятся за нами? – спросил он мага.

Серый, похоже, успел задремать и от вопроса встрепенулся.

– Ну, вообще-то им совсем в другую сторону. Та дорога – это ответвление тракта, ведущее на юго-восток. Идет мимо нескольких рыбацких поселков к Тиелату и дальше вдоль побережья. Ворон контролирует только сам Валемирский тракт, и то только от Валемира до Дрезенборга. Если бы обоз шел с побережья на тракт, то люди Ворона к нему

бы еще не прибились.

– А даже если и наоборот! Они же не знают, куда мы повернули на самом тракте – на юг или на север.

Губы пилигрима растянулись в вымученной усмешке.

– А вот здесь я бы не надеялся на везение. Ты, как я посмотрю, отличаешься потрясающей способностью попадать ногами в жир. Так что лучше на всякий случай готовиться к худшему.

Барт насупился, отвернулся к окну.

– Я не хотел вас подводить, дон Леонард, – выдавил он, наконец.

– Верю, – кивнул маг. – Но я так и не могу понять, какого рожна ты вообще туда влез.

– А вы бы не влезли? – буркнул юноша. – Если бы на ваших глазах...

Он яростно впился зубами в булку.

Пилигрим задумчиво вздохнул, разглядывая Барта своими колючими глазами. Ответил позже, когда Твинклдоту надоело пялиться на улицу, и он закрыл окно.

– Знаешь, Бартоломью, нам еще какое-то время путешествовать вместе. И мне бы не хотелось, чтобы что-то подобное повторилось. То, что ты сделал, не просто безрассудно. Это глупо. Самоубийственно, по-идиотски глупо.

– Глупо защищать девушку?

– А ты её защитил? – приподнял бровь Серый.

Барт отвернулся, пряча заблестевшие глаза.

– Ну зачем вы... Я и так...

– Я хочу, чтобы ты понял, Бартоломью. Не знаю уж, кем ты себя возомнил, но ты – всего лишь сын городского лавочника, которого каким-то демоном занесло в пустоши. Здесь тебе не Валемир.

– А будто в Валемире тишь да гладь, да феи с цветка на цветок летают! – огрызнулся Барт. – В портовом районе тоже грабят, бывает, среди бела дня!

– А здесь убивают. Невзирая на время суток. И самое главное – за помощью бежать некуда. Поэтому любая твоя выходка может закончиться очень печально.

– Ну я же не хотел! Если бы не этот хренов огрызок, трактирщик... Я просто...

– Ты просто подставил свою башку под топор бандитов Ворона. И мою заодно. Еще раз спрашиваю – зачем?

Барт опустил голову, так что лица его не было видно. Лишь вихры на затылке торчали вверх, как перья у мокрой птицы.

– Я хотел её спасти.

– Похвально. И что бы ты потом с ней делал? Увез с собой и в жены взял?

– Нет, конечно!

– А что так? – усмешка Серого получалась злой.

– Издеваетесь?

– Да нет, я все ещё хочу, чтобы ты понял. Что бы ты сделал, если бы удалось отбить её у бандитов?

– Ну... Не знаю.

– А ты подумай на досуге. Только крепко подумай. Оставил бы там?

– Наверное...

– До очередной залетной компании, которая на неё позарится?

Барт молча сопел.

– Не-ет, парень, ты сунулся туда не ради неё. На что она тебе сдалась, эта девчонка, которую ты впервые видел? Ты сделал это ради себя. Героем себя возомнил?

– Я не... – вспыхнул Барт.

– Помолчи! Вот что я скажу – есть вещи, Бартоломью, которые нельзя изменить. Вообще нельзя. Это все равно, что пытаться остановить прилив. С такими приходится просто мириться.

Барт молчал, сгорбившись на табурете и зажав ладони подмышками.

– Хотя... – Серый вдруг хрипло засмеялся. – Хотя кое-кто очень бы удивился, услышав это от меня.

Смех его оборвался сдавленным стоном. Морщась от боли, пилигрим осторожно потрогал бок. Снова принялся за застёжки на португее.

– Тот кошелек, что я тебе давал... Не потерял еще?

– Вот он, – Барт выудил кошель из-за пазухи, подбросил на ладони. Монеты глухо звякнули внутри.

– Хорошо, – кивнул Серый и отстегнул от пояса еще

один. – Вот, возьми еще.

Кошель был узкий и длинный, как чулок, и монеты в нем были уложены аккуратным столбиком. Барт развязал стягивающий горловину шнурок и присвистнул. Внутри тускло блеснуло серебро. Если все монеты в кошельке были того же достоинства, что и верхняя, то он держал в руках пару тысяч лир, не меньше.

– Зачем это?

– Там, внизу – рынок. И не смотри, что такой неприглядный. На самом деле, может потягаться даже с Валемирским. Найти можно все, что угодно, и по очень неплохим ценам. Подбери там себе одежду, оружие... В общем, все, что считаешь нужным. Мне найдешь новый плащ. Подлиннее, с капюшоном и желательнее теплее, чем сейчас на мне. Зима на носу.

Барт, жуя очередную булку, кивал головой.

– Ну, и самое главное... – Серый чуть понизил голос. – Раздобудешь мне скумы.

Юноша поперхнулся.

– Вы рехну... кхм... я хотел сказать, вы уверены, господин?

Скума – запрещенный в Валории наркотик, за потребление которого можно угодить на каторгу, а за торговлю и изготовление – на виселицу. Почему наказание столь сурово, Барт никогда не понимал. Впрочем, и многие другие законы, издаваемые императором Валором, вызывали у него недо-

умение, да и не только у него. Но с законом не поспоришь – Барт сам когда-то видел казнь торговца скумой, так что сомневаться не приходилось – каждый из этих крохотных стеклянных пузырьков с ядовито-зеленой жидкостью сулит большие неприятности.

Вместо ответа пилигрим, наконец, избавился от последней застежки на портупее и принялся разматывать бинты на груди.

Рана, хвала Иране, была чистой и почти не кровоточила. Правда, насколько Барт понимал в медицине, она давно уже должна была схватиться сверху твердой коркой. Но края пореза, стянутые редкими неровными стежками, были красными и влажными, будто клинок проехался по ребрам Серого не два дня назад, а только что.

– Выглядит не так уж хреново, – неуверенно пробормотал юноша.

– Зато боль просто невыносима. И нарастает с каждым часом. Пойми меня правильно, Бартоломью – я не барышня, обычную боль могу и потерпеть. Но эта, если не дать мне передышку, просто сведет с ума.

– А... ваши эликсиры?

– Я уже выжрал всё, что у меня было! – неожиданно потеряв терпение, огрызнулся Серый. – Ты думаешь, я бы стал рисковать, если бы был другой способ?

Чуть успокоившись, он продолжил:

– На самом деле, здесь купить скуму куда проще и без-

опаснее, чем где-нибудь в крупном городе. И цены гораздо ниже. Я думаю, вполне можно сторговаться по двести лир за пузырёк. Максимум за двести пятьдесят.

– А как мне найти того, кто ей торгует? Может, к этому вашему Карлу обратимся? Ему вроде можно доверять...

– Ему и заикнуться не вздумай об этом! – отрезал Серый. Нетерпеливо поёрзал на лежанке, обдумывая варианты. Глаза его, устремленные куда-то в стену, лихорадочно бегали из стороны в сторону, будто читая невидимые письма.

– Вот что – просто держи глаза в оба, – сказал он, наконец. – Наверняка поймешь, к кому обратиться. Главное, будь осторожен, не лезь на рожон.

– Сколько брать? – деловито осведомился Барт, хотя поджилки у него начали трястись уже заранее.

– Да на сколько денег хватит! – раздраженно отозвался Серый. – Эх, дурацкие проблемы. Я помню времена, когда скуму можно было купить в любой таверне, и стоила она не дороже бутылки хорошего вина...

– Да уж... – недоверчиво поддакнул Барт. – И давно это было?

– Да еще лет пятнадцать назад.

– Понятно. Значит, этот запрет на скуму – это очередная придурь императора? Не пойму, чего в ней такого, что он так хочет её извести под корень, – понимающе закивал Барт, тут же напомнив самому себе дядюшку Дона, который тоже постоянно брюзжал, обсуждая дурацкие законы императора

Валора и вспоминая, как всё было замечательно раньше, во времена его молодости.

Маг устало взглянул на него и покачал головой.

– Бартоломью, я не перестаю тебе удивляться. Ты будто не из торгового района Валемира вылез, а из какой-нибудь глуши, в которой прожил всю жизнь, не видя ничего интереснее коровьей задницы.

– Ну, я может чего-нибудь и не понимаю... – обиженно пробормотал Барт.

– Почти всё производство скумы сейчас в руках валорцев, – терпеливо, как ребенку, пояснил Серый. – И даже большинство полей датуры и альматерсы, из цветков которых её делают. А самые крупные торговцы – это тайные, а иногда и не очень тайные ставленники императора. Понял теперь?

Барт недоуменно почесал затылок.

– Нет, – признался он. – Теперь я вообще ничего не понимаю! Зачем тогда эти законы?

– А ты подумай как-нибудь на досуге, – вздохнул Серый. – Ты ведь лавочник, понять должен.

– А, понял! – осенило Барта. Восторгу было, будто он раскрыл целый тайный заговор. – Это всё, чтобы взвинтить цены! И избавиться от других торговцев! Своих-то император на виселицу явно не отправляет.

– Да, да, – вымученно улыбнувшись, кивнул Серый. Он не особо разделял энтузиазм юноши. А может, просто накатил

очередной приступ боли. – Хороший способ дополнительно пополнить казну. А ещё – избавляться от неугодных.

– Вот оно что... – многозначительно протянул Барт. – А порох?

– Что порох?

– Ну, этот запрет на продажу пороха частным лицам. Это тоже, чтобы цены взвинтить? Ведь из-за него все опять на самострелы перешли!

– Да нет. Это в основном из-за повстанцев. Хотя порохом имперские тоже приторговывают сами, несмотря на свой же запрет...

– Понятно. И откуда вы только это всё знаете?

Серый, криво усмехнувшись, взглянул на Барта.

– Да это все понимают, у кого мозгов побольше, чем у курицы. А остальные просто судачат о придурях Валора. Но если бы Валор действительно был недоумком, Империя бы не подмяла под себя весь континент за какие-то там двадцать лет.

Барт вздохнул.

– Ладно, может, я пойду уже? Дождь вроде прекратился.

Серый молча кивнул, откидываясь на спину на тюфяке и прикрывая глаза. Окликнул Барта, когда тот взялся за ручку двери.

– Бартоломью...

– Да? – обернулся тот.

– Знай – я рассчитываю на тебя, – не открывая глаз, про-

должил маг. – Хотя с моей стороны, конечно, опрометчиво отдавать целый кошель серебра малознакомому юнцу...

– Вы за кого меня держите? – вспыхнул Барт. – Вы же мне доверились. И вы мне жизнь спасли! Уже дважды. Не предам же я вас ради минутной наживы!

Получилось слишком напыщенно, и он смущенно замолчал.

– Хм... – криво усмехнулся Серый. – Громко сказано для парня, который из-за этой самой минутной наживы недавно спалил собственный дом со всей роднёй. Но ладно, я тебе верю. Только поторопись.

Барт дернулся, будто от пощечины и, не найдя, что ответить, вышел, хлопнув дверью.

Едва юноша скрылся за порогом, лицо Серого исказила гримаса боли. Он скорчился на жалкой лежанке, зажмурившись и скаля крепко стиснутые зубы, едва сдерживая рвущийся наружу стон.

Когда приступ прошел, он, тяжело дыша, в изнеможении распластался на спине.

– Ох, парень, если я ошибся в тебе... мне точно конец.

2

Барт с детства любил рынки. Работа торговца его вовсе не прельщала, хотя и доводилось частенько стоять за прилавком в магазинчике Индюка. А вот в качестве покупателя он готов был целыми днями бродить между рядами, даже если в карманах гулял ветер. На рынке портового района всегда было на что поглазеть – товары сюда везли со всего побережья, да и из дальних стран – Зарии, Зуулистана, Бакши, островов Тандо. Время от времени наведывались корабли с юга, из колонии, недавно основанной на Архипелаге.

По поводу Распутья Серый, конечно, преувеличил. Это сборище наспех сколоченных торговых палаток и товаров, разложенных на откинутых бортах повозок, не шло ни в какое сравнение со знаменитым Валемирским рынком. Хотя, признаться, Барт был удивлен тем количеством торговцев, что собралось на площади. Кому тут покупать товары здесь, в крохотной деревушке на пару десятков жилых домов?

Впрочем, побродив по рынку, послушав разговоры, да поболтав с одним словоохотливым кожевенником из Тиелата, Барт начал понимать, что к чему.

Во-первых, торговали здесь в основном друг с другом, целыми партиями товара. Некоторые даже специально шли именно сюда, в Распутье, чтобы, скажем, обменять партию соли из Хатмагара – края знаменитых соляных копей, рас-

положенных на восточном побережье, на партию какого-нибудь янтаря, или мехов, или добротной ткани, которую можно было потом выгодно продать, вернувшись домой в Хатмагар. Куда быстрее и безопаснее, чем пытаться в розницу распродать товар в чужих краях.

Во-вторых, в последнее время купцы все чаще старались провести все оптовые сделки именно здесь, в Распутье. Империя ширилась. Валор одновременно вел военную кампанию на юго-западе, строил колонию на Архипелаге, развивал торговую миссию на тайском острове Пайр. Казна превратилась в ненасытную прорву, требующую всё больших и больших вложений. Недавно ввели новый налог на торговлю в крупных городах – теперь приходилось платить не просто фиксированную сумму при ввозе товара в город, а проходить тщательный досмотр, в ходе которого сборщики налогов оценивали стоимость товара и брали долю от его цены. Чаще всего такую, что купцам приходилось не только выгребать кошельки, но и расставаться с частью товара в уплату налога.

Торговцам этой части Империи повезло – Валемирский тракт и Западная дорога, идущая через весь континент от Рэдрана – нынешней столицы – до самого восточного побережья – пересекаются не в Дрезенборге, а на день пути южнее него – здесь, в Распутье. Всё из-за печально знаменитых болот, огибающих город с запада широкой косой и вынуждающих путников забирать всё южнее, чтобы обойти их. Был

когда-то Старый тракт, идущий прямо через болота, но он уже давно заброшен. Было дорого его содержать – деревьев, пригодных для настила гати, на болоте не росло, и таскать брёвна приходилось издалека. Ну, а самое главное – топи эти всегда были отличным местом для разбойничьих засад. И по сей день там, говорят, скрываются целые банды, промышляющие набегами на караваны и окрестные деревни. Судя по разговорам купцов, в последнее время здесь наводит страху банда какого-то Росомахи. А еще – ходят слухи о какой-то нечисти – не то оборотне, не то просто огромном чудище, живущем на Старом тракте. И ещё – об утопленниках, вылезавших по ночам из глубин и выходящих на тракт. И об огромных нетопырях-кровососах. И о болотных крысах размером с доброго поросёнка.

Барт бродил по рынку уже больше часа. Жутко замерзли босые ноги, голова пухла от галдежа и бесконечных рассказней болтливых купцов. Но присмотреть что-нибудь из одежды ему долго не удавалось. Здесь торговали шерстью, торговали тонко выделанной кожей, тканями, нитками, кружевами, пуговицами, парчой и льняным полотном, сапожной дратвой и латунными пряжками для ремней. При желании толковый портной мог открыть здесь дело с нуля, закупив все необходимое, не уходя с площади. Но путник, оставшийся без башмаков и приличной одежды, не мог здесь отыскать ничего взамен, даже звеня полным карманом серебра. Не помогли Барту и визиты к местным портному и сапожни-

ку. Те занимались только починкой вещей. Портной, впрочем, охотно предложил снять мерки и обещал пошить Барту отличный дорожный костюм меньше чем за пять дней. Но столько времени у Твинклдота не было.

Выход неожиданно нашелся у торговца доспехами. Отдав чуть больше трёхсот лир, Барт сменил свою изгвазданную одежду на охотничий дублет из лосиной кожи, плотно подгоняемый по фигуре тугой шнуровкой, и кожаные охотничьи штаны с кучей всяких петель и лямок по бокам. Дублет надевался на теплый поддоспешник из плотного войлока, обшитого сверху полотном и часто простроченного суровыми нитками – крест-накрест, мелкими ромбами. Костюм дополнили наручи из жесткой дубленой кожи, усиленные стальными клёпками, а также упругие наколенники и налокотники из войлока, обшитого сверху несколькими слоями ткани. Как объяснил торговец, от оружия эти штуки не спасут, но зато сэберегут суставы при падении. Нашелся у него и теплый шерстяной плащ для господина Леонарда – длинный, с большим капюшоном, скрывающим лицо, как тот и просил. Себе Барт выбрал короткий дорожный плащ тёмно-коричневого цвета, с застежкой в виде птицы и с мелкими кленовыми листьями, вышитыми серебристыми нитями по самому низу.

– Отличная вещь, господин, – цокал языком торговец, благодушно складывая один на другой все свои три подбородка и сцепляя пальцы рук на объемистом брюхе. – Достоянна настоящего аристократа.

Барт зарделся. Обновки ему и самому нравились. А ещё больше понравилось то, что толстяк не прогнал его от прилавка, как делали до этого многие, едва завидев его босые ноги и затрапезный наряд. У этого же, сразу видно, глаз наметанный – выгодного покупателя сходу распознал и приветил. А за доброе отношение не жалко и слегка переплатить. Тем более что деньги чужие.

Обидно только, что с самой желанной частью гардероба – обувью – добрый торговец не помог. Было у него на продажу две пары сапог, но обе оказались Барту настолько велики, что не спасло бы никакое насованное внутрь тряпье. Переодевшись во всё новое тут же, в небольшом огороженном закутке за фургоном торговца, Барт вышел наружу с объемистым узлом, в который уложил старую одежду, и был бы совершенно счастлив, если бы не шлёпающие по сырой земле босые ступни.

Забросив узел на плечо, Твинклдот зашагал дальше между выстроенными в ряды повозками и фургонами. Рынок ему определено нравился всё больше. Продавцов здесь было больше, чем покупателей, так что обходилось без обычной толчеи и мелочных склок, когда какая-нибудь очередная простолюдинка до хрипоты торгуется за каждый кусок ткани. Купцы же, обсуждая сделку между собой, обычно шушукались вполголоса, время от времени щёлкая звонкими костяшками деревянных счетов.

Впрочем, всяких подозрительных личностей, как и на вся-

ком рынке, было предостаточно – знай кошелёк придержи-вай. За каждым из них Барт старался понаблюдать, не попадаясь при этом на глаза. Задание Серого по поводу покупки скумы не выходило у него из головы. Но как его выполнить, он пока не представлял.

Барт дошел до конца очередного торгового ряда, и дорогу ему преградила брошенная прямо поперек прохода двухколесная тачка с высокими дощатыми бортами. Пытаясь обойти её, он столкнулся с её хозяином – тощим, как гуль, субъектом в мешковатых портках и длинном жилете из овчины. На голове типа красовалась вязаная шапка с длинными, чуть ли не до плеч, хлястиками по бокам. Из-под шапки свисали сосульками невымытые рыжеватые волосы.

– О, да клиент прямо сам в руки идет! – изрядно шепелявя, воскликнул тощий. – Какой сегодня замечательный день! Подходи, малыш!

– Какой я тебе малыш? – буркнул, расправляя плечи, Барт. – И с чего это ты взял, что я у тебя что-то буду покупать?

– Один момент! – многозначительно поднял палец тощий. Обежал Барта кругом, едва ли не обнюхивая. Росту он был немало, на добрую голову выше Твинклода, но ходил, скрючившись в три погибели, смешно поднимая колени, будто подкрадывался к кому-то. Барту он сразу напомнил огромного поставленного на задние лапы кузнечика.

– С одной стороны – у тебя точно есть что продать, – то-

щий ткнул длинным узловатым пальцем в узел со старой одеждой.

– А с другой стороны – точно надо кое-что купить, – перст его изобличающее указал на посиневшие от холода ступни Твинклдота.

– А ты что, сапожник? – недоверчиво поинтересовался Барт, на всякий случай проверяя, на месте ли кошелёк.

– Нет, – помотал головой тощий. – Меня зовут Вирго Дамблдорф. Но все называют меня просто Вирго Великолепный.

Он выпрямился, демонстрируя горбоносый профиль, который и впрямь был бы внушительным, если бы не скошенный к самой шее подбородок.

– Кто это – все? – вопросительно приподнял бровь Барт.

– Ну... – неожиданно смутился Дамблдорф. – Все, кто... кого я прошу меня так называть.

– И что, есть такие, что соглашаются?

– В общем, так малыш – ты будешь со мной торговать, или попросту отнимаешь у Великолепного Вирго его драгоценное время? – сварливо осведомился тощий.

– Да нужен ты мне... – фыркнул Барт, пытаясь обогнуть тележку надоедливого оборванца.

– Как знаешь. Меня ждут другие клиенты, – гордо вскинул голову Вирго. – Но, может, всё-таки покажешь, что у тебя там в узле?

– Да ничего, – отмахнулся Барт. – Тряпье всякое.

– Покажи! – потребовал тощий, преграждая ему путь.

Пахло от него мускусом и застарелым потом.

Барт попятился, едва не споткнувшись о колесо стоящей посреди дороги тележки. Заглянул внутрь.

– А, да ты старьёвщик! – понимающе закивал он.

– Поразительная прозорливость для такого юного господина! – осклабился Вирго. – Я поражён! Я восхищён! Я обескуражен!

– Издеваешься, да? – поморщился Барт. – Да дай ты пройти!

– У меня найдутся отличные сапоги для тебя, – вкрадчиво произнес старьёвщик. – Отдам практически даром!

– Да неужто? Ну, покажи.

– О, не думаешь же ты, что я вожу весь ассортимент в этой скромной тележке? – снисходительно ухмыльнулся Вирго. – Мой магазин там, за конюшней. Я думаю, молодой господин найдет там немало интересного. И всё по очень низким ценам. Почти даром!

Барт вздохнул. Предложение было заманчивым, хотя и весьма сомнительным.

– Магазин, говоришь? Что-то не верится...

– Пойдем, я покажу!

Вирго проворно подхватил длинные, как оглобли, ручки тележки и проворно покатил свою гроыхающую колымагу по улице, прочь от рынка. Барт, почесав в затылке, неохотно отправился следом.

За конюшней действительно стоял потрепанный фургон

такой яркой расцветки, будто был угнан из бродячего цирка. Рядом с ним угрюмо жевала лежалую солому стреноженная понурая кляча, такая же тощая, как и сам старьёвщик. К колесу фургона был привязан лохматый вислоухий пёс размером с доброго теленка. Он лежал, вытянув вперед передние лапы и положив на них лобастую голову, и, похоже, предавался глубоким раздумьям. Может, размышлял над тем, чем же он так провинился перед богами, что ему достался такой хозяин.

– Прошу, прошу, молодой господин, – Вирго суетливо забегал вокруг фургона, расшнуровывая бечевку, что притягивала край полотняного полога к бортику. – Демона не бойся, он не тронет.

– Демона?

– Моего пёсика. Слышь, ты, блохастый! Это наш клиент, его не трогать! Фу!

Пёс, не поднимая головы, укоризненно взглянул на старьёвщика и снова прикрыл глаза.

– Настоящая зверюга, – хвастливо продолжил Вирго. – Под его защитой и магазин оставить не страшно.

– Да уж... А почему это твой фургон здесь, а не на площади, рядом с остальными?

– О, молодой человек... – сокрушённо покачал головой старьёвщик, почему-то потирая место пониже поясницы. – Интриги. Зависть. Ты не представляешь, как сложно в наше время выжить честному независимому торговцу, когда

вокруг всё поглотили эти ненасытные гильдии и артели... Впрочем, не будем о грустном. Я ведь тебе кое-что обещал...

Привстав на цыпочки, он нырнул куда-то в недра своего фургона и долго там копошился, вертя оставшимся снаружи тощим задом. Наконец, он вынырнул, держа в каждой руке по сапогу.

– Вот, взгляни.

Барт был удивлен. Сапоги были высокие, из великолепной мягкой кожи, со шнуровкой спереди, отороченные чёрным блестящим мехом, украшенные по бокам медными кольцами, с толстой подошвой из нескольких слоёв бычьей шкуры. Тонкая работа, хотя и чувствуется, что изрядно поношены. Барт сунул руку внутрь одного из них и обомлел. Мех был и внутри, немного потертый, но всё еще плотный и наверняка очень тёплый.

– Я их беру! – воскликнул Барт, прижимая сапоги к груди, будто кто-то собирался их отнять.

– Я не сомневался, господин, – Вирго расплылся в улыбке, показывая крупные, как у лошади, передние зубы. – Великолепная вещь! Достойная аристократа. В столице сейчас такие в моде – с руками отрывают. Чуешь, какая выделка? Работа настоящего мастера! Можно ходить в них хоть осенью, хоть в самую лютую зиму! Это же бобровый мех, чуешь?

– Да чую я, чую, – отмахнулся Барт, торопливо ослабляя шнуровку на сапогах, чтобы поскорее обуться.

– Ну, я рад, что угодил. С тебя триста лир.

На мгновение Барт замер от неожиданности. Потом, фыркнув, отмахнулся от старьёвщика.

– Да не смеши меня! За пятьдесят – возьму.

Барт задрал ногу, собираясь надеть сапог, но старьёвщик цепко уцепился в обувь и потянул к себе.

– Ох, прошу извинить меня, молодой господин, – приторно улыбаясь, возразил он. – Но моя цена – триста лир.

– Да ты рехнулся?! Триста лир за поношенные сапоги?

– Прекрасная цена! Не веришь – попробуй найти дешевле.

Барт, не выпуская из рук сапог, тоскливо оглянулся в сторону рынка.

– Давай за сто, а? – он дернул было сапог на себя, но Вирго вцепился в голенище, как клещ, и отпускать не собирался.

– Триста, – убежденно парировал старьёвщик. – И ни лирой меньше!

– Да это грабёж! А ну, отдай! – Барт, уже не на шутку разозлившись, принялся вырывать сапоги из рук тощего.

Неожиданно ожил привязанный к колесу фургона пёс. Он сел на задние лапы, зыркнул на Твинклдота и негромко, но очень внушительно зарычал.

Барт замер и, опасливо покосившись на пса, продолжил вполголоса:

– Триста лир – это ни в какие ворота не лезет, Вирго! Могут дать сто пятьдесят и свою старую одежду в придачу.

– Хм... – старьёвщик шумно поскреб жесткую рыжую щетину на подбородке. – А ну, показывай, что у тебя там.

Барт, неохотно выпустив из рук сапог, развязал узел с одеждой.

Вирго принялся придирчиво рассматривать потрёпанный жилет Барта и его полосатые штаны. Задумчиво поковырял корки засохшей глины, зачем-то вывернул все карманы. Барт в это время переминался с ноги на ногу, украдкой поглядывая на лежащие рядом сапоги.

– Что ж, неплохо, неплохо, – выдал, наконец, старьёвщик свой вердикт. – Я дам тебе за это десять лир.

Увидев выражение лица юноши, поспешно добавил:

– Хорошо, пятнадцать. И еще сделаю скидку на сапоги. В общем, можешь забрать за двести пятьдесят.

Барт ожесточенно почесал в затылке. Он и так уже потратил больше четырехсот лир у торговца доспехами. С другой стороны, деньги-то не его, а Серого...

– Идёт! – буркнул он, потянувшись за сапогами.

– Эй, эй, эй... – запротестовал старьёвщик. – Деньги вперёд!

В ответ раздался рык не хуже чем у пса.

– Ладно, ладно, – делая вид, что занят изучением своих грязных ногтей, невозмутимо произнес Вирго. – Примеряй. Вдруг еще маловаты будут.

Сапоги и впрямь были на небольшую ступню и узкие, плотно обхватывающие голень под самым коленом. К счастью, Барту они пришлись в самую пору. Тщательно подогнав по ноге шнуровку, он постоял, зажмурившись и с на-

слаждением шевеля пальцами ног, зарывая их в щекочущие ворсинки меха.

– Двести пятьдесят, – напомнил старьевщик.

Барт отсчитал ему целую пригоршню блестящих, будто только что отчеканенных серебряков. Кошелек его уже полегчал почти наполовину, но всё еще был внушительным – уж Вирго это точно оценил. Твинклдот, делая вид, что не замечает, как тощий вожаденно поглядывает на его кошель, спрятал деньги за пазуху и собрался было уходить.

– Постой, постой, молодой господин... – старьевщик преградил ему дорогу. – Кстати, как тебя зовут?

– Да какое тебе дело? – поморщился Барт. – Всё, я пошёл. Сказал бы спасибо за сапоги, но я столько за них заплатил, что это ты мне должен быть благодарен до конца дней. Весь твой драный фургон столько не стоит!

– О, вот тут ты ошибаешься, малыш! – укоризненно покачал головой Вирго. – Позволь я покажу тебе другие товары. Клянусь милостью Араноса – ты удивишься, какие сокровища можно найти в магазинчике Великолепного Вирго. И главное – по каким ценам. Практически даром!

– Ага, я уже оценил, – саркастически усмехнулся Барт.

– Вот и отлично! Я заметил, что ты что-то ищешь. Что-то, чего пока не встретил там, на прилавках у этих тупоголовых купцов. Я сразу понял – у этого юноши особый интерес. В чем твой интерес? Ищешь что-то редкое? Что-то дорогое? Что-то...

– Погоди, погоди, – перебил его Барт. – Ты что, следил за мной?

– Пфф... – фыркнул Вирго. – А ты не думал, как ты смотришься со стороны? Какой-то сопляк, в приличной одежде, явно не простолюдин, но выглядит так, будто его неделю валяли в грязи. Бродит по рынку, ничего не покупает, только что-то высматривает, вынюхивает. И денег у него – кошель того и гляди лопнет...

Старьёвщик наклонился поближе к Барту и заговорщически шепнул:

– Между прочим, такое поведение небезопасно. Тебе повезло, что ты не попался в лапы какому-нибудь проходимцу.

Барт раскрыл было рот, чтобы высказать что-нибудь язвительное, но в бойкую речь старьёвщика трудно было вставить даже словечко.

– Кстати, о безопасности, – продолжил Вирго. – Я заметил, что молодой господин совершенно безоружен. В наши дни это непростительная беспечность! Один момент!

Верхняя половина туловища старьёвщика вновь скрылась в недрах фургона. Барт с трудом удержался от того, чтобы не дать половине, оставшейся снаружи, увесистого пинка и не сбежать.

– О! – Вирго появился снаружи, вертя в руках потрепанную книгу. – Взгляни пока на это. Редкий экземпляр руководства по рукопашному бою. Ну, знаешь, чтобы повергать противников без оружия. Древнее боевое искусство замор-

ских воинов бакши. Книга, правда, на сурамейском, но там много гравюр. В общем, держи. Отдам всего за тридцать лир.

Старьёвщик снова нырнул под полог своего фургона. Барт с сомнением повертел в руках предложенную книгу. Фолиант явно побывал в свое время в воде – переплет и все страницы изрядно покоробились, тонкая вязь сурамейского текста местами поплыла так, что нельзя было разобрать ни знака, даже если бы Барт знал язык. Гравюры, впрочем, сохранились неплохо, правда надо было привыкнуть к своеобразной манере изображения людей, принятой на Аль-Бакши. Внимательно разглядев одну из гравюр, Барт невольно покраснел.

– Сдается мне, это совсем не про борьбу, – пробормотал он, возвращая фолиант старьёвщику.

– Да? А что такое? – Вирго, подслеповато щуря глаза, уставился на гравюру.

– Ага, присмотришь, присмотришь, – усмехнулся Барт.

– О! – брови тощего взметнулись вверх. – Так это про искусство плотской любви! Тогда с тебя шестьдесят лир.

– Да не буду я это покупать! – запротестовал Твинклдот. – Тем более за шестьдесят лир!

– Пятьдесят пять? – охотно предложил Вирго.

– Слушай, не отнимай у меня время! Показывай, что у тебя там еще есть, и я пойду.

– Ну, как знаешь. Вот взгляни на этот клинок. Редкий образец...

– Да, да, конечно, сокровище, почти даром, и всё такое, – перебил его Барт, протестующее вытянув руку. – Можешь заткнуться, а?

Старьёвщик, что удивительно, и правда заткнулся. Скрестил руки на груди и склонив голову чуть набок, так что боковой хлястик шапки лег ему на плечо, он с выражением терпеливого ожидания воззрелся на Барта. Тот облегченно вздохнул.

Меч и правда был необычный, разительно отличающийся от тех, что в изобилии штамповали оружейники империи. Узкий прямой клинок небольшой длины – в руку Барта от кончиков пальцев до локтя. Лезвие заточено только с одной стороны. Маленькая квадратная гарда, но сама рукоять удлиненная, так что можно ухватиться двумя руками, с утяжеленным оголовком. Барт сделал пару неумелых взмахов, заставив старьёвщика поспешно отскочить в сторону. Юноша довольно хмыкнул – меч был легкий, отлично сбалансированный.

– Обрати внимание на ножны, – подал-таки голос старьёвщик. – Их можно носить по-тайски – на спине. Меч небольшой длины, так что можно будет выхватывать его прямо из-за плеча.

Ножны были из толстой кожи, усиленной по всей длине железными кольцами. Кольца изрядно побиты ржавчиной. Впрочем, темные пятнышки виднелись и на самом клинке и металлических частях рукоятки. Лезвие же, если пригля-

даться, сплошь в мелких зазубринах.

– Только не говори, что эта рухлядь тоже стоит кучу денег, – предупредил Барт. – Иначе – видит Талос – я тебе брюхо вспорю этим же мечом.

– Ну что ты, малыш, – снисходительно ухмыльнулся Вирго. – Ты же у меня сегодня лучший клиент. Заслужил скидку. Отдам тебе этот великолепный клинок всего за сто лир.

– Пятьдесят! Ты погляди – он же ржавый весь! И лезвие иззубрено. И еще раз назовёшь меня малышом – я тебе морду начищу!

– Пятьдесят так пятьдесят! – охотно согласился старьёвщик. – Давай деньги, и я тебе помогу закрепить ножны.

Барт неохотно полез за кошельком. Потом они довольно долго возились, подгоняя ножны так, чтобы и правда можно было выхватить меч из-за плеча. После несколько попыток, во время одной из которых Барт чуть не отрезал себе ухо, стало вполне сносно получаться.

– А это у тебя что? – спросил Барт, заметив в фургоне старьёвщика выглядывающий из-под кучи тряпья полированный деревянный бок. – Лютня?

– Молодой господин музицирует? – с готовностью отозвался Вирго. – Да, лютня. Сейчас!

Он извлек инструмент из завалов и, небрежно обтерев деку ветошью, протянул Барту.

– Попробуй только вякни, что это великолепный экземпляр и стоит тысячу лир, – предупредил Барт, критически

поглядывая лютно. Старьёвщик только пожал плечами. Видно, этот товар он и не рассчитывал никому впарить.

Инструмент и правда был не ахти. Дешевого исполнения, с дрянными струнами из овечьих кишок, корпусом из клена и ели, декорированным простенькой двухцветной росписью. Но, подкрутив колки и попробовав извлечь из лютни простенькую мелодию, Барт остался доволен. Звук был вполне сносный.

– Дам сорок лир, – продолжая наигрывать мелодию, предложил Барт.

– Хорошо. Отдам за семьдесят, – эхом откликнулся Вирго. Твинклдот только вздохнул и протянул инструмент обратно.

– Шестьдесят пять? – пошел на попятную старьёвщик.

– Да нет, я вообще передумал. Может, в другой раз...

Уже начинало темнеть, снова принялся накрапывать дождь. Пора было собираться обратно в таверну, однако не очень хотелось. Покупками Барт остался доволен, однако самого главного для Серого он так и не раздобыл, и ему вовсе не улыбалось возвращаться к злющему, терзаемому болью магу несолоно хлебавши.

Терзаясь сомнениями, он поглядывал на своего нового знакомого. С одной стороны – проходимец еще тот. А с другой – у кого еще спрашивать про скуму, как не у такого проходимца? Да и выбор невелик.

– Слушай... Вирго, – начал, наконец, Барт. – А нет ли у

тебя чего-нибудь... Ну, совсем необычного?

Старьёвщик, скорчив многозначительную мину, вопросительно приподнял бровь.

– Ну, понимаешь... – замялся Барт. – Чего-нибудь такого, чтобы забыться и расслабиться. Но такого, чего не подадут в обычной таверне.

– Тебе что, скума нужна?

Барт даже присел от неожиданности и торопливо оглянулся по сторонам – не слышал ли кто их разговор.

– А у тебя есть? – осторожно спросил он.

– Да ты с ума сошёл, малыш! – фыркнул Вирго. – За такие штуки могут запросто вздёрнуть!

Немного помолчав, он добавил:

– Между прочим, имперская стража платит тридцать лир даже просто за сведения о людях, которые интересуются покупкой скумы.

Барт скрежетнул зубами. Вот влип!

– И ты, конечно, не упустишь возможность немного подзаработать, не так ли, старина Вирго? – издевательски поинтересовался он.

– За кого ты меня принимаешь? – изобразив оскорбленную невинность, воскликнул старьёвщик. – Я что, по-твоему, сдаю друзей имперским собакам?

– Ах, мы уже и друзья? Польщён, ничего не скажешь. Ладно, надеюсь, ты и правда забудешь о том, что я спрашивал. Я пойду.

Юноша отправился восвояси и уже завернул за угол конюшни, когда его опять догнал неугомонный старьёвщик.

– Пстой!

– Ну, что ещё? – устало поинтересовался Барт.

– Так тебе нужна... кхм... ну, то, о чём ты спрашивал, или нет?

– Ну, а как по-твоему? – не выдержал юноша. – Конечно, нужна!

Оглядевшись – нет ли никого рядом, кто мог бы подслушать, Барт снова шепнул:

– А у тебя что, есть?

– Нету.

– Ну так чего ты мне голову морочишь! – расвирепел юноша.

– Но я могу помочь. Я знаю человека, у которого можно достать то, что тебя интересует. Дай мне немного времени – и я притащу тебе пузырек. Это будет стоить тебе четыреста лир.

Барт уже устал возмущаться.

– Слушай, как ты вообще умудряешься торговать, заламывая такие цены?! Ты откуда их берёшь? С неба?

– Сразу видно, малыш, что ты ничего не смыслишь в торговле, – Вирго покровительственно похлопал Барта по плечу.

– Ну да, как же... – начал было тот, но в этот раз заткнуть старьёвщика не удалось.

– Вот тебе маленький урок, малыш – цена зависит вовсе не товара, а от покупателя. И от того, насколько покупателю нужен твой товар.

– Ладно, довольно болтовни. Я знаю сколько стоит... то, о чем я спрашивал. Больше трехсот лир за пузырёк я тебе не дам. Не знаю уж, за сколько будешь покупать ты, но всю разницу можешь положить в карман. Я думаю, так будет честно.

Вирго задумчиво почесал подбородок.

– Что ж, малыш, годится. Триста так триста.

– Мне понадобится не один пузырек, – вполголоса добавил Барт. – А, скажем... Четыре штуки.

– Хреново. Если попадешься, могут подумать, что они у тебя для продажи, – предупредил Вирго. – Ставки возрастают.

– Так ты достанешь, или нет?

– Так... Четыре пузырька по триста лир. Плюс сотня за дополнительный риск. Гони тысячу триста лир, и встретимся вечером на этом же месте.

– Ага, держи карман шире! Я что, в этом плаще похож на идиота? Покупай за свои, после рассчитаемся.

– Ну, ты знаешь, это довольно большая сумма... – замаялся Вирго.

– Да ладно тебе! Ты с меня одного уже больше трёхсот лир содрал! Наверняка наскребешь ещё тышчонку.

– Ну... – Вирго поморщился и невнятно замычал, будто подсчитывая что-то в уме.

– Ты, конечно, прав... Денек сегодня довольно неплохо складывается. Но... О! Вот что, давай встретимся на этом же месте завтра на рассвете. Чтобы поменьше было лишних глаз. Я приведу нужного человека, и вы заключите сделку напрямую. Ну, а с тебя потом триста лир за посредничество.

Барт сокрушенно вздохнул. План ему категорически не нравился. Но особого выбора у него не было. Надо будет посоветоваться с господином Леонардом.

– По рукам! – скрепя сердце, брякнул он. – Утром буду здесь. И не вздумай со мной шутить. Я ученик могущественного мага. Если что – он превратит тебя во что-нибудь ещё более мерзкое, чем сейчас.

– Ну что ты, малыш! – обиженно шмыгнул Вирго. – Моё слово – кремень! Можешь довериться Великолепному Вирго.

– Называй меня Бартом, – поморщился Твинклдот. – Видит Аранос – если еще раз назовёшь меня малышом...

– Договорились, Барт! – поспешно взмахнул руками старьёвщик. – Можешь на меня положиться!

– Да, да, – вяло отозвался юноша. – Ладно, до завтра.

– Надеюсь, я об этом не пожалею, – буркнул он себе под нос, направляясь обратно к «Кривому кабану».

Дождь снова разошелся, жали неприкрытую шею мелкими холодными каплями. Барт накинул капюшон и прибавил шагу.

3

Проснулся он резко, будто кто-то толкнул его в плечо. Та-ращаь в темноту слипающимися спросонья глазами, повертел головой, отыскивая светлый прямоугольник окна. Свет снаружи едва пробивался через мутное стекло – до восхода солнца еще явно далеко. Барт недовольно поворочался и повернулся к стене, по самые уши натягивая толстое шерстяное одеяло.

И тут же получил еще один увесистый тычок в плечо. Он встрепенулся, и, протерев глаза, наконец, различил в темноте силуэт стоящего над ним Серого. Раздался сухой щелчок пальцами, и в воздухе вспыхнул небольшой магический шарик, чуть ярче обычной свечи.

– Кончай дрыхнуть, Бартоломью, – недовольно проворчал маг. – У тебя на это утро, кажется, назначено важное дело.

Мучаемый приступами боли, пилигрим, похоже, всю ночь не смыкал глаз, и это вовсе не поднимало ему настроения.

– До рассвета еще далеко, – борясь с зевотой, буркнул юноша. – Куда я сейчас попрусь?

– Лучше придти на место заранее, – тоном, не терпящим возражений, отрезал Серый. – Спрячешься где-нибудь там, понаблюдаешь. Выяснишь, не готовят ли тебе какую-нибудь ловушку.

Барт понял, что отвертеться не получится. А ведь вчера

Серый, узнав о назначенной сделке, поначалу даже не хотел его отпускать, и даже порывался пойти на встречу самому. Но после очередного приступа сдался. Да и Барт понял, что без скумы маг долго не протянет.

Твинклдот нехотя вылез из-под одеяла. Долго тёр заспанное лицо ладонями, фыркая, как вылезший из воды пёс. Спал он прямо в одежде, так что собираться долго не пришлось. Неслышно, одними губами посылая проклятья прохиндею Вирго, плотно зашнуровал сапоги. Эх, какие сапоги! Как он был рад этой покупке. И ведь двести пятьдесят лир отвалил! А с какой гордостью показывал их Серому...

– Господин Леонард, а может, они всё-таки не женские? – с надеждой в голосе спросил он снова.

– Что? А, ты опять об этом... Да, говорю же тебе – в Дрезенборге половина богатых дамочек в таких зимой ходит! – снова разбил эту надежду Серый.

– Я этого Вирго придушу... – процедил Барт, забрасывая за спину ножны с мечом. – Пускай только попробует не вернуть мне деньги...

– Не глупи, – устало проговорил маг. – Доберемся до Дрезенборга – найдешь там сапожника. А пока выбирать не приходится. Тебе повезло, что нашлись хоть такие, и пришлись тебе впору.

– Угу... – мрачно буркнул Барт. – Наверное, толстуха какая-нибудь их таскала, с огромной лапищей. А мне теперь за ней донашивай...

– Не гневи богов, Бартоломью. Поверь мне, найдутся люди, которых терзают гораздо большие беды, чем тебя. И, кстати, далеко ходить не надо.

– Вы, конечно, правы, господин Леонард...

Барт вскинул руку, пытаясь быстро нащупать торчащую над плечом рукоять меча. Как оказалось, быстро выхватывать клинок не так-то просто. После нескольких неудачных попыток и возни с ремнями, придерживающими ножны, пальцы его, наконец, безошибочно легли на шершавую, будто покрытую меленькими крючочками, рукоять. Если верить Серому, это кожа ската, а сам клинок – это настоящий тхайский рин-хош – «малый меч» работы оружейников какого-то там знаменитого храма.

Ну хоть с этим приобретением Барт не попал впросак. Юношу поначалу смущали зазубрины на лезвии. Но когда пилигрим, проведя этим лезвием пару раз по краю табуретки, буквально выпилил из неё треугольный кусок размером с наконечник стрелы, и объяснил ему премудрости тхайской заточки, он едва не запрыгал от радости. Клинок оказался и впрямь знатный, и стоил во много раз больше, чем Барт за него отдал. Сам меч и ножны, похоже, довольно долго провели в воде, но Серый обещал дать Барту специальные растворы и шлифовальную ткань, чтобы привести оружие в порядок.

– Будь осторожен, – напутствовал его маг. – Если почувствуешь, что за тобой следят – не вздумай возвращаться сю-

да. На крайний случай проберешься в залу таверны и скажешь Карлу секретную фразу.

– Да, да, я помню, – отмахнулся Барт. Всё это они обсудили еще вечером.

– Хорошо, ступай. Если у тебя все получится, то уже после завтрака выдвинемся в путь.

– Не извольте беспокоиться, господин Леонард. Я мигом, одна нога здесь, другая —там, – с напускной беспечностью отозвался Барт, хотя, признаться, идти ему никуда не хотелось, и вовсе не из-за того, что не выспался.

Он, как мог, потянул время, возясь с застёжками и завязками. Наконец, накинул капюшон и, скрипнув дверью, выскользнул наружу.

К черному выходу из таверны пришлось пробираться едва ли не на ощупь. Особенно тяжело пришлось на лестнице, ведущей с чердака, и Барт в который раз позавидовал способностям Серого. Обязательно нужно попросить мага научить его хотя бы фокусу со светящимися шарами!

Снаружи было холодно, сыро и темно. Та особая предрасветная темень, когда звезд и луны уже не видно, а солнце еще только слегка высветлило горизонт на востоке. Ну, хоть сверху не капает, и то ладно.

Торговую площадь было заметно издалека – пламенели угли остывающих костров, кое-где горели факелы и масляные лампы, в неверном свете время от времени маячили чьи-то темные силуэты. Не спала, конечно, охрана караванов – в

основном охранники разбивали свои стоянки прямо на дороге, недалеко от охраняемого ими груза. Когда вчера Барт слонялся по рынку, он насчитал больше десятка таких обособленных стоянок. Выходит, примерно столько караванов сейчас и собралось в Распутье. Попадались среди них и фургоны со знакомым знаком ворона, намалеванном на полотнище. Остальные, видимо, услугами бандитской защиты не пользовались. А может, просто пришли сюда по Западному тракту, а не по Валемирскому. Серый ведь говорил, что Ворон заправляет только на небольшом участке пути – от Валемира до Дрезенборга.

Бодрствующих оказалось куда больше, чем предполагал Барт. Кажется, зажигались всё новые факелы, между рядами фургонов сновали какие-то тени, доносились отдаленные возгласы и фыркание лошадей. Приблизившись, Барт разглядел нескольких всадников с факелами, движущихся вдоль внешнего ряда повозок вслед за большим дощатым фургоном, сплошь обитым толстыми прямоугольными щитами вроде тех, что использует пехота для прикрытия от стрел. Прибыл ещё один торговец? Трудно было сказать.

Продвигался Барт осторожно, держась возле стен, там, где лежали такие глубокие чёрные тени, что собственных рук нельзя было разглядеть. Чтобы добраться до конюшни, за которой стояла передвижная лавка Вирго, ему предстояло по дуге обогнуть всю стоянку караванов. Он решил сделать это с западной стороны – там почти вплоты друг к другу стоя-

ли длинные приземистые здания складов и амбаров. Можно было двигаться вдоль них, не выходя на открытое место, а в случае чего – нырнуть в узкий проход между ними.

Сердце у Барта трепетало где-то в районе горла, так что трудно было глотать. Он успокаивал себя тем, что бояться пока и нечего. Да, у него за пазухой полторы тысячи лир серебром, но кто ж об этом знает? Да и вряд ли здесь орудуют ночные грабители. Здесь же не город. Если и промышляют какие-нибудь воришки, так скорее что-нибудь втихую тырят из фургонов, стараясь не попасться на глаза охранникам. Да и имперская стража тут есть...

Уговоры эти помогали слабо. На задворках сознания билась предательская мыслишка, что если где и могут таиться в засаде тёмные личности, то как раз там, где сейчас крадется сам Барт. Он время от времени вскидывал руку, проверяя рукоять меча. Подумывал даже вытянуть клинок, но решил, что не стоит. Если те же караванные охранники или имперская стража заметят его, крадущегося с оружием в руках – могут неправильно понять. Да и в случае реальной опасности толку от меча никакого – обращаться с ним Барт все равно не умеет. Эх, прав Серый. Лавочник ты, лавочник и есть.

Когда Барт пробрался ближе к стоянке караванов, там, кажется, уже никто не спал. Затаившись в тёмном узком проходе между двумя амбарами, он озадаченно наблюдал за суматохой. Сновали туда-сюда охранники, зажигались всё новые факелы, гул множества голосов то и дело взрывался воз-

мущенными возгласами и резкими, отрывистыми выкриками. Барт разглядел всадника в блестящих латных доспехах с имперским гербом на груди. Потом еще одного. И ещё. Солдаты? Ищут кого-то?

Барта подмывало вернуться в таверну и рассказать всё Серому. Но сделка тогда точно сорвется. И так уже надо спешить к конюшне, иначе Вирго и торговец скумой его не дождутся. Но стоит ли вообще сейчас туда идти? Утро выдалось вовсе не таким тихим и безлюдным, как ожидалось. Или это наоборот на руку, и под шумок можно будет быстренько обстряпать это дело со скумой и смыться?

Барт колебался, поглядывая то на внезапно оживший, как разворошенный муравейник, лагерь торговцев, то на стремительно светлеющее небо. Когда же он решился двинуться дальше, чьи-то цепкие крепкие руки схватили его сзади, зажимая рот и оттаскивая вглубь прохода.

Надо отдать юному Твинклдоту должное – он лишь в первые мгновения оцепенел от страха, а потом стал так яростно отбиваться, что быстро высвободился из захвата.

– Ай, ай, ай, – смешно запричитали из темноты, видимо, держась за прокушенную ладонь. – Малыш, ну нельзя же так! У меня, кажется, кровь идёт!

Барт, судорожно нашаривающий рукоять меча за спиной, замер.

– Вирго? – шёпотом спросил он.

– О да, это я, – страдальческим тоном ответил невидимый

собеседник.

– Ты чего здесь делаешь?

– То же самое я хотел бы и у тебя спросить. Но, впрочем, это к лучшему, что мы встретились.

– Ты привел того человека, который мне нужен?

– Ты с ума сошёл? Думать о скуме в такой момент?

– Какой момент? Что вообще происходит?

– Пока сам не уверен... Идём!

Вирго ухватил Барта за рукав и потащил дальше по проходу. Перебравшись через сваленную в конце прохода рухлядь, они оказались у задней стены амбара.

– Здесь, помнится, была лестница... – бормотал на ходу Вирго. – О! Вот она!

Он полез первым, хлипкие ступеньки тоненько зазаскрипели под его весом. Барт огляделся. Здесь, на задворках, пока было тихо и безлюдно. Он с сомнением взглянул на старьевщика, который с кошачьим проворством вскарабкался уже до самого верха. Может, всё-таки вернуться в таверну?

– Ну ты где там застрял? – донеслось сверху шипение Вирго. Барт разглядел над кромкой крыши силуэт его головы. – Лезь скорее!

Юноша, вздохнув, последовал за неугомонным пройдохой. Вслед за ним прополз на четвереньках по крытому жесткими камышовыми стеблями скату на противоположную сторону крыши. Плюхнулся на пузо у самого края крыши, там, где открывался отличный обзор на раскинувшуюся

внизу стоянку. Амбар был высокий, на целый этаж выше соседних, так что отсюда можно было разглядеть не только всё Распутье, но и окрестности.

– О, гляди! – шепнул Вирго, указывая на север. – Да не на таверну гляди, дальше! Еще дальше – туда, на дорогу!

Барт, наконец, разглядел огоньки факелов на тракте к северу от поселка.

– И там, гляди! – старьевщик обнаружил еще одну группу на южной границе. – Так, так, так...

Он вытащил из-за пазухи подзорную трубу и, смешно скривившись, припал правым глазом к окуляру.

– Ай-яй-яй, скверно... Ой-ой-ой, как скверно... – бормотал он, то разглядывая огни на севере, то переводя взгляд на площадь.

– Да дай ты посмотреть! – нетерпеливо заёрзал на пузе Барт.

– Сейчас, сейчас... – Вирго, едва не перегибаясь через край крыши, пытался что-то высмотреть внизу. Причитания его становились всё более горестными.

Барт, не выдержав, выхватил у него трубу.

– Куда смотреть-то?

– Вон, на севере...

Барт заглянул в окантованный медным кольцом окуляр. Труба, несмотря на потрепанный внешний вид, была весьма приличной – и приближение давала неплохое, и линзы были не кривые и почти прозрачные, так что картинка получа-

лась отличная даже при таком освещении. Барт рассмотрел на северной окраине поселка две повозки, выставленные поперек дороги, и десяток вооруженных людей в черных плащах с четко выделяющимся на ткани гербом – белой осадной башней.

– А теперь глянь туда, там тоже самое...

И правда – тракт, ведущий на юг, тоже был перекрыт имперцами.

– А теперь туда глянь. Вон, возле колодца стоит. Да нет, левее, левее...

Взору юного Твинклдота открылся уже знакомый бронированный фургон, запряженный четверкой вороных. Возле фургона крутилось еще не меньше десятка тяжеловооруженных имперцев. Заправлял всеми тщедушный носатый тип в красном берете с пером, восседающий на светло-серой с яблоками кобыле.

– Видишь фургон?

– Вижу. И что?

– Это грёбаные сборщики налогов, вот что! – прошипел Вирго, выхватывая трубу из рук Барта и снова направляя её на площадь. – Точно тебе говорю – они наверняка и Западный тракт перекрыли с обеих сторон!

– И что? – растерянно переспросил Барт.

– Ты что, тупой? Здесь сейчас такое начнётся... – Вирго сокрушённо покачал головой. – Ох, зачем я только здесь задержался...

– А что такого-то? Обычные сборщики налогов... – пожал плечами Барт.

Вирго взглянул на него как на умалишенного.

– Ты откуда вообще взялся-то, малыш? – фыркнул он. – Ты что, не понимаешь, что сейчас будет?

– Ну, я знаю про новые налоги, – уклончиво ответил Барт. – Что везти товар в города становится накладно, и поэтому многие стараются продать его прямо по дороге или в местах вроде этого...

– Становится накладно... – тоненьким голосом передразнил его старьёвщик. – Накладно ему! Да это не налоги, а грабеж среди бела дня! Как пить дать, Валор затевает еще какую-то крупную войнушку, и срочно деньги понадобились. Проклятые имперцы!

Странно было слышать это от человека, черты лица которого выдавали коренного свадийца – уроженца одной из провинций, из которых и пошла империя. Но Барт давно заметил, что тех, кто служит Валору, недолюбливают все, включая и свадийцев, и родокцев, и даже жителей Рэдрана.

– Видишь все эти склады? Еще весной их здесь попросту не было. Это понастроили за лето, потому что многие купцы приезжают сюда, сдают товар на хранение и оставляют приказчика, чтобы он торговал прямо здесь. Товар уходит здесь целыми подводами, чтобы не размениваться. Соль, меха, ткани, мёд, масло...

– И всё в обход казны, – усмехнулся Барт.

– То-то и оно, – хмыкнул в ответ Вирго. – Валор этого, конечно, не потерпит. Слышал я уже про эти передвижные отряды сборщиков налогов, но не думал, что они сюда доберутся так быстро. Еще бы пару-тройку недель – здесь бы никого уже не было. А тут – все собрались в кучу, торопились закончить с торговлей до зимы...

– На то и расчет. Валор умен. Будь это не так, он бы не создал империю на пустом месте за каких-то пару десятков лет, – глубокомысленно произнес Барт, копируя тон Серого.

Старьёвщик оторвался от своей трубы и со странным выражением воззрился на юношу.

– Ну да, хитер, гад. Уж этого-то у него не отнять, – нехотя согласился он.

Барт почесал в затылке.

– Боги! Мой магазин! – вдруг хлопнув себя по лбу, прошипел Вирго. – Так, малыш, мне пора.

Он проворно пополз обратно к лестнице. Барт двинулся было за ним, но Вирго предупредительно вытянул руку.

– Уходим по одному!

– Ну, тогда трубу мне оставь. Я хоть поглазею тут...

– Четыреста лир – и она твоя, – не моргнув глазом, ответил тощий.

– Да пошёл ты! – разозлился Барт, хватаясь за трубу. – Верну я тебе её, когда спущусь. А если и не верну – невелика потеря. Ты меня на гораздо большую сумму нагрел. Еще и сапоги бабские мне втюхал!

Вирго немного поборолся, но сдался быстро. Видно, действительно торопился в свой фургон. На это Барт и рассчитывал.

Проводив взглядом исчезнувшего за кромкой крыши Вирго, Барт вернулся обратно на наблюдательную позицию. Уже вовсю рассвело, и можно было разглядеть творящееся внизу во всех подробностях.

А внизу было жарко. В узких теснинах проходов между рядами повозок бурлила взбудораженная толпа. Конные имперцы возвышались над ней, как исполины, но их было так мало – не больше двух десятков, что, казалось, людской водоворот подхватит их и вынесет прочь. Гам стоял такой, что доносился и сюда, и это был не обычный рыночный гомон – нарочито шумный и радостный, когда торговцы наперебой расхваливают свои товары. Это был тревожный и угрожающий гул растревоженного улья.

Имперцы поначалу вели себя бесцеремонно – откидывали пологи с фургонов, принимались рыться в вещах. Но, то там, то здесь наткнувшись на сопротивление торговцев, постепенно отступили. Потому как возражения купцов чаще всего подкреплялись многозначительными похлопываниями по рукоятям мечей и топоров, коими были вооружена довольно многочисленная охрана. Наёмники и бандиты Ворона, конечно, в прямой конфликт с имперцами не ввязывались, но, как понял Барт, среди торговцев было и несколько именитых купцов, содержащих для охраны свою собственную малень-

кую армию.

Будь имперцев побольше, торгоши, конечно, не были бы такими смелыми. Но перевес был явно на стороне караванщиков – в общей сложности сотни полторы вооруженных людей, а то и больше, против пары дюжин солдат с гербами Валора. Сборщики налогов явно не рассчитали силы, даже если учесть тех людей, что стояли на постах, перекрывающих дорогу. На каждом посту было по дюжине солдат, не больше, и те в основном из местного гарнизона. В целом, имперских было вдвое меньше, чем охранников обоза.

Тщедушный тип в красном берете что-то надрывно выкрикивал, размахивая развернутым свитком. Наверное, ссылался на императорский указ. Солдаты бросили, наконец, тщетные попытки увести торговцев от своих фургонов и выстроить за пределами площади. Часть их подтянулась к командиру и выстроилась на пяточке рядом с крыльцом таверны «Золотой гусь», через улицу от того амбара, на крыше которого затаился Барт. Остальные рассеялись по посёлку.

Тип в берете спешил, взобрался на крыльцо и вещал собравшейся перед ним толпе уже оттуда. Судя по мрачным физиономиям слушателей, то, что он говорил, никому особо не нравилось.

Барт собрался было слезать с крыши и возвращаться в «Кривой кабан», когда его внимание привлек странный человек, угнездившийся на карнизе одной из пристроек «Золотого гуся». Заметил он его по чистой случайности – пы-

тался получше разглядеть имперцев, но навел трубу слишком высоко.

Человек сидел на корточках, сторбившись и опираясь на обнаженный меч. Был он так неподвижен, что немудрено было спутать его с какой-нибудь каменной горгульей. Снизу его прикрывал от посторонних взоров козырек навеса, но у Барта он был как на ладони. Темнокожий, явно чужестранец, с хвостом ярко-красных волос, в темной одежде, обволакивающей фигуру бесформенным облаком.

Но дело было даже не в самом незнакомце. Барт прищурился, поудобнее перехватил трубу, стараясь получше рассмотреть меч темнокожего. Широкий, причудливой формы клинок вороной стали, похожий на застывший язык пламени.

Он точно видел этот меч раньше. И очень хорошо помнил, где.

Барт торопливо отполз от края крыши, хотя вряд ли красноволосый мог его заметить со своего насеста. Между лопатками неприятно похолодело.

Ошибся? Совпадение? Нет, не может быть. Дон Леонард же говорил, что этот меч – единственный в своём роде.

Серого надо предупредить!

Барт спрятал подзорную трубу за пазуху и торопливо спустился вниз, пару раз едва не промахнувшись ногой мимо ступеньки.

– Стоять! – раздался возглас за спиной, едва его сапоги

коснулись земли. От неожиданности он вжал голову в плечи и застыл.

– Поворачивайся! Руки держать так, чтобы я видел!

Барт медленно повернулся. Перед ним стоял имперец. Судя по тому, что был он в стёганом гамбезоне, а не в кирасе – не из свиты сборщика налогов, а из местного гарнизона. Уже в годах, с серебрящейся на щеках щетиной и тяжелыми мешками под глазами.

– Руки в гору!

Барт послушно задрал руки, порываясь что-нибудь сказать, но пока из горла вырывались только какое-то нечленораздельное бляенье.

Стражник быстро похлопал его по бокам, приказал вывернуть карманы. Хмыкнул, обнаружив подзорную трубу.

– Кто таков? Чего здесь вынюхиваешь?

– Никто я. Просто... проездом, – выдавил, наконец, Барт.

– Проверим, – многозначительно хмыкнул стражник. – Давай, топай вперёд.

– Куда? – обреченно спросил юноша. Вот ведь влип!

– К «Гусю», конечно. Зенки разуь – там же все собираются!

Они вышли из-за амбара, и Барт, подгоняемый в спину стражником, поплелся к таверне напротив.

– Видишь того господина? Это дон Эстерано, полномочный императорский... как его... Ну, в общем, налоги он собирает. Рядом с ним вон писарь устраивается. Будут сейчас

всех, кто в Распутье находится, переписывать.

– Зачем?

– Для порядка, – важно ответил стражник. Ему происходящее явно нравилось. – Всех, значит, переписут – кто, откуда, куда, чего везут, на всё ли пошлины уплочены...

– Но я не торговец, и не везу ничего! Я же говорю – проездом я, после завтрака дальше отправлюсь, – попытался было объяснить Барт, но имперец довольно болезненно ткнул его в плечо, подгоняя дальше.

– Ага, разогнался! – хмыкнул он. – Господин Эстерано приказал – пока всех, значит, не переписем, из Распутья и мышь не выскочит. А захочет кто выйти – извольте получить пропуск, самим господином Эстерано, значит, подписанный. Стоит всего сто лир. Если человек честный, и скрывать ему нечего, и налоги он исправно в казну платит, то чего ж мы задерживать будем-то.

Барт сглотнул.

– А что вообще творится-то? Солдат вон сколько...

– Говорю же – проверка. Все ли пошлины у торговцев уплачены. И не торгует ли кто запрещенным. Всё, давай, в очередь, и не вздумай улизнуть!

Стражник подогнал Барта к очереди, которая уже успела выстроиться к писарю – курносому парню чуть старше самого Твинклдота, с белесыми, постриженными «горшком» волосами и фиолетовыми от чернил пальцами.

Барт послушно устроился за широкой спиной дородно-

го торговца – того самого, у кого купил вчера одежду. Толстяк его тоже узнал и даже изобразил на обеспокоенном лице некое подобие радости и участия. Поинтересовался, доволен ли Барт покупкой, хорошо ли подогнал по фигуре дублет. Счастливчик ответил, что всё замечательно, а сам украдкой обернулся назад. Стражник уже успел отойти от него на добрые пару десятков шагов, да и вряд ли он действительно собирался следить за юношей.

Барт потихоньку выскользнул из очереди и поспешил в таверну.

Но на полпути его снова перехватили.

4

– Да чего ты ко мне привязался! – зашипел Барт на Вирго, когда подкарауливший его старьёвщик схватил его за рукав и рывком затащил за угол.

– Тсс! – зашипел тощий, заговорщически прикладывая палец к губам. – Скорее, за мной!

– Да куда?! – Барт попытался вырваться, но хватка у Вирго была мёртвая.

– Быстрее, там узнаешь...

Вирго затащил его на задний двор таверны и там, прижав к бревенчатой стене, шепнул, пахнув в лицо смесью чеснока и перца, от которой у Барта зашипало в глазах:

– Тебе скума еще нужна?

– Ну... наверное, – растерялся Барт. – А ты что, достал?

– Нет. Но у нас есть план... В общем так – хочешь получить свою скуму вообще бесплатно?

– Это как это? – переспросил Барт, напрягаясь. Подобные заманчивые предложения обычно не сулят ничего хорошего, независимо от того, кто их выдвигает. А уж тем более не хотелось даже связываться с этим странным типом, выдающим себя за старьёвщика.

– В общем, дело дрянь, – шёпотом затараторил Вирго. – Наш общий знакомый влип по самое... это самое. Товар, который тебе нужен, он прятал среди остального своего барах-

ла на складе – там, через улицу. А склад опечатали имперцы. А слышал, что дальше будет? Будут проверять весь товар, каждый мешок, каждый тюк. Если найдут его тайник... Думаю, он меньше чем через день будет болтаться где-нибудь во-он на том столбе.

– Очень грустная история, – жестко усмехнулся Барт. – Я-то тут при чём?

– Говорю же – у нас есть план! – схватив юношу за плечи, горячо зашептал Вирго. – Идём!

Он подтащил его к углу здания .

– Вон, видишь? Тот склад, про который я говорил!

Склад располагался сразу за «Золотым гусем». Сейчас ворота в него были открыты, и жидкая вереница носильщиков стаскивала внутрь какие-то тюки и бочонки.

– Имперцы приказали все товары из фургонов перегрузить под замки – насколько места хватит, – пояснил Вирго. – Потом начнут досмотр – сначала тех, у кого товар остался снаружи, потом и за склады примутся. Они здесь надолго устроятся, на неделю, не меньше. Пока всю кровь из нашего брата не высосут.

– И что дальше? – недовольно спросил Барт, прячась за угол. Не хватало еще, чтобы его опять приметил не в меру бдительный стражник. Лучше бы по крышам внимательнее смотрели! Барт, снова высунувшись, бросил быстрый взгляд наверх, туда, где видел странного красноволосого. Но отсюда его было не разглядеть.

– Мы тебя в склад провезём. В бочке! – шепнул Вирго.

– Ты сдурел? – отшатнулся от него Барт. – Не полезу я никуда!

– Да что ты, малыш! Это отличный план! Я бы сам туда полез, если бы поместился. Мы занесем тебя вместе с остальными, бочку поставим так, чтобы тебе потом удобно было выбраться. Ты подождешь, пока склад запрут, найдешь тайник – и вся скума твоя!

– Ну да?

– Точно тебе говорю! Тот человек готов тебе её бесплатно отдать, лишь бы она не попала на глаза страже. Давай же, рискнём! И деньги твои при тебе останутся.

Предложение было не в меру заманчивым. В Барте вновь разыгралась та предпринимательская жилка, что однажды – казалось, это было годы назад – привела его на порог лавки Хорька Дабера в Валемире. Но он прекрасно помнил, чем закончилась та попытка срубить лёгких денег.

– Нет уж, ищи другого дурачка! – он попытался отстранить Вирго, но вырваться, конечно, было не так просто.

– Решайся, Барт! – старьёвщик даже вспомнил по такому случаю имя Счастливого. – Я знаю, ты справишься. И... не хотел тебе говорить, но...

Он вытащил из-за пазухи пузатый кошелёк.

– Здесь двести лир. Хозяин скумы готов оплатить твой риск.

Барт сморщился, как от кислото-прекислого яблока. И тут

его осенило.

– Погоди-ка! Ну ладно, попробуюсь я в склад, возьму все, что нужно. А обратно-то как?

– О! – заговорщически сощурился Вирго. – Тут всё продумано. Там в углу склада есть люк в подземный ход. Он ведет в винный погреб «Золотого гуся».

– Да ну? Что за бред?

Вирго вздохнул .

– Поверь мне, малыш. Этот человек... эх, этого тоже нельзя было говорить... В общем, наш с тобой общий знакомый – это хозяин «Золотого гуся», и того самого склада заодно. Про люк никто не знает, только он. Торговцы, которые сдают ему товары на этот склад, сам понимаешь, не должны быть в курсе этой его невинной шалости.

– Ну так а чего он не попробует в склад сам, через этот свой погреб?

– Досада приключилась. Люк сейчас заперт со стороны склада. На него понаставили всякого добра – не открыть.

– Складно рассказываешь, – протянул Барт. – Только вот сдается мне, дуришь ты меня.

– Да зачем мне это, малыш? Я всего лишь хочу помочь старому компаньону. Ну, и заработать небольшое вознаграждение заодно.

– Ага! И трактирщик тебе посулил явно не жалкие двести лир, которые ты мне подсовываешь, – ухмыльнулся Барт.

– Твоя жадность меня поражает! – изобразил Вирго свя-

тую невинность. – У тебя, помимо этих денег, будет еще скумы на две тысячи лир. А то и больше, если перепродать её в Дрезенборге, например. И всё это – за одно нехитрое дельце, которое и полдня не отнимет.

– Ха! А если меня схватят?

– Ну, если ты такой трус, – выпятил губу старьёвщик. – И тебе плевать, что незнакомый тебе, но весьма почтенный человек будет завтра болтаться на имперской виселице – дело твое. Поищу какого-нибудь другого мальчика.

Барт снова сморщился, мучительно стараясь сделать правильный выбор и отправиться куда шёл.

– Хорошо, четыреста лир, – звякнул кошельком Вирго.

Юноша едва не застонал. Бросил взгляд на кошелек. Еще недавно ему месяцы приходилось копить, чтобы собрать такую сумму. А сейчас такие деньжищи сами идут к нему в руки. А если еще и не рассказывать ничего Серому, то можно и те деньги, что он давал на покупку скумы, оставить себе. А это уже две тысячи лир. Барт сглотнул. Заманчиво, ох как заманчиво...

– Ну, решайся же, малыш! Того и гляди – погрузку закончат, и склад прикроют!

Эх, Аранос, благослови!

– А что за бочка-то? – спросил Барт.

Вирго расцвел в улыбке.

– Пойдём скорее, я покажу!

Сомнения вернулись к юному Твинклдоту снова, когда он уже скрючился в пахнущем уксусом винном бочонке, а Вирго с каким-то носатым стариканом – видно, тем самым хозяином таверны – начали подгонять крышку. Бочонок лежал на боку, Барт влез в него головой вперед, так что крышка оказалась у него под ногами.

– Задраим не слишком крепко, чтобы тебе легче было выбить, – пояснил Вирго. – Но раньше времени ногами не дрыгай!

– Да понял, не дурак, – процедил Барт, расставляя локти и колени так, чтобы быть поустойчивее, когда бочку покатают. – Слушай, может быть...

– Ну, давай, да помогут тебе боги! – Вирго приладил крышку к днищу, и в бочке стало темно. Свет пробивался только через крошечные отверстия в другом днище, которые просверлили на случай, если бочку задраят слишком уж плотно – чтоб не задохнулся.

– Я вот тут подумал... – прогудел Барт изнутри бочки. – Может, всё-таки...

Договорить он не успел – бочку покатали, и он, стиснув зубы, раскорячился внутри, стараясь не биться о стенки.

Проклятье, ну что за идиотская затея! Надо было всё-таки послать этого хмыря куда подальше! И почему хорошие, правильные мысли всегда приходят чуть позднее, чем надо?

Катали его, казалось, ужасно долго – он успел взмокнуть, как лошадь, и судорожно хватал ртом кислый воздух. Дыр-

ки в днище бочки не спасали – внутри быстро стало нечем дышать.

Снаружи доносились чьи-то голоса, шаги, стук молотков, скрип тележных колес, бряцанье доспехов и сбруи.

– О, а это у тебя что? – раздалось прямо над Бартом. – Пиво?

– Нет, сидр.

– Оставь-ка здесь.

– Но, господин...

– Ну, что уставился-то? Императорские коллекторы тоже люди. Им тоже горло промочить хочется. Усёк? Тогда, глядишь, и добрее будем, а?

Барт, кажется, даже дышать перестал. Ну вот, всё закончилось даже раньше, чем он боялся себе подумать.

– О, я понял, господин. Но негоже благородным солдатам пить такую дрянь. Я вам сейчас же принесу бочонок отличного, выдержанного вина. Вот увидите – точно подобраете.

– Хм... Ну, смотри, старик. Деваться-то тебе отсюда некуда. Давайте, поторапливайтесь с погрузкой, и закрываем коробочку.

Бочка с Бартом внутри покатила дальше и, наконец, остановилась. Счастливчик выждал некоторое время, слушая удаляющиеся шаги, потом заворочался, принимая позу поудобнее. Наконец, замер, лежа на спине и подтянув колени к груди. Ножны с мечом больно давили на лопатки, но особого выбора не было.

Так он и лежал, задрав голову кверху и стараясь уловить приток свежего воздуха из проверченных над ним дырок в днище бочки. Не очень-то и удавалось. Единственным доказательством того, что воздух сюда всё-таки поступал, было то, что Барт до сих пор жив.

Кружилась голова, дыхание стало частым и неглубоким, по лицу медленно ползли капельки пота. Стенки бочки, казалось, сжимались вокруг него, не давая двигаться. Ощущение было не из приятных. Приступы паники подкатывали один за другим, подавляемые встречными приступами страха, когда Барт представлял, что вылезет слишком рано, и его заметит кто-то из имперцев.

Наконец, он расслышал грохот закрываемых ворот – тяжелых, обитых железными полосами створок в полтора человеческого роста высотой. Лязгнули в скобах засовы, скрипнули ключи, поворачиваемые в увесистых замках. Барт принялся про себя считать до сотни, но терпения хватило только до двадцати трех. Напружинившись, ударил ногами в днище бочки. Еще раз. Ещё.

Всё равно, что пинать стену. Днище, кажется, не сдвинулось и на волосок. Несмотря на духоту, Барта бросило в холод. Он напрягся и, уже не заботясь о том, чтобы не шуметь, ударил, что есть силы. Деревянный кругляш, наконец, вывалился наружу, и он с наслаждением вытянул затекшие ноги. Насторожился, весь обратился в слух.

Вряд ли его услышали снаружи. Во всяком случае, сам он

мало что слышал.

Выбравшись из бочки, Барт огляделся. Постепенно привыкшие к полумраку глаза различали ровные и не очень штабели тюков, бочек, мешков, ящичков. Сам склад был высоким, потолок тонул в темноте на высоте в три-четыре человеческих роста. Вдоль боковых стен было выстроено нечто вроде строительных лесов в три уровня, и кое-какие товары хранились на самом верху.

Барт, отдышавшись, встал с пола. Нечего тут расслаживаться. Пора за работу.

Первым делом – отыскать тайник. Он отсчитал десять шагов от ворот, повернул налево, дошел до стены и принялся шарить на полках, раздвигая обтянутые плетеной сеткой тюки. Довольно быстро отыскал слабо держащуюся доску на стене. Засунув в щель лезвие меча, чуть нажал, и наполовину вбитые гвозди легко поддались. Барт обшарил небольшую нишу, скрывающуюся под доской, на ощупь выудил оттуда полдюжины прохладных стеклянных пузырьков в палец длиной. Тщательно упрятал их в потайные карманы за пазухой.

Так, теперь люк. Если верить Вирго, он должен находиться в дальнем углу склада, где-то под тюками.

Барт, стараясь не споткнуться, почти на четвереньках прокрался к предполагаемому месту лаза. Навалено здесь действительно было много чего. Придется попотеть, чтобы расчистить это место, тем более в одиночку.

Работа грузчика Барту была не в новинку – в лавке дя-

дюшки Дона он только тем и занимался, чему и обязан был своим худощавым, но жилистым телосложением. Ведь если Индюк дает задание разгрузить подводу с овощами любимому племяннику, младшему сынишке Бонацио и двум наемным холопам, то обычно это означает, что половину всего груза перетаскает на своем горбу именно любимый племянник. Потому как холопы без присмотра будут работать спустя рукава, а Бонацио и вовсе посадит себе какую-нибудь занозу под ноготь в самом начале работы и будет сидеть, причитая и охая, пока кузен не сделает всё за него.

Воспоминания о доме, как обычно, вызвали смешанные чувства.

Сдвинув последний ящик, Барт принялся шарить в соломе, неровным слоем прикрывающей доски пола. Наконец, нащупал утопленное в глубь доски железное кольцо. Отколупнув его острием меча, дёрнул. Люк подался лишь чуть-чуть, и что-то громко лязгнуло. Барт присел, оглядываясь на выход. Убедившись, что снаружи всё тихо, принялся шарить в полутьме, разыскивая, что же держит люк.

Найдя, едва удержался от того, чтобы не заорать в голос.

Люк и правда был заперт со стороны склада. На увесистый амбарный замок.

Страх бывает разным. Мимолетный, что пронзает всё тело вспышкой молнии и заставляет оцепенеть на месте. Нарастающий постепенно, будто всплывающий глубоко изнутри. Беспричинный, что заставляет чувствовать беспокойство и поминутно оглядываться, втайне надеясь увидеть, наконец, источник опасности. Животный ужас, выдавливающий из человека последние остатки рассудка и заставляющий вытворять немислимые вещи.

А бывает так, что в моменты, когда действительно нужно бояться, человека вдруг поглощает тупое безразличие, чуть ли не сонливость.

– Это всё не со мной... Это не могло случиться со мной, – беззвучно, одними губами, шептал юный Твинклдот, сидя рядом с запертым люком. Обхватив голову руками, он покачивался взад-вперед, повторяя как заклинание: – Это всё не со мной... Этого не может быть... Этого не может быть...

Они забыли про замок? Или это всё специально? Но зачем им так подставлять Барта? Очень глупо с их стороны! Они что думают – он не выдаст их, когда его сцапают имперцы? Чего бы там ни грозило Барту – эта парочка уж точно разделит его участь, об этом он позаботится!

Впрочем, слабое утешение.

Барт перебирал в уме варианты выхода из своего в прямом

смысле безвыходного положения. Громко сказано, конечно – перебирал варианты. Пока ему пришло в голову только спрятаться получше, и если склад снова откроют и начнут заносить или выносить товары, незаметно вылезти и затесаться среди грузчиков.

Надежды, что план сработает, было мало. К тому же склад могут и пару дней не открывать. На то, что его найдет и вызовет Серый, можно и не надеяться. Во-первых, он понятия не имеет, куда отправился Барт. Во-вторых, даже если бы и знал, толку-то от него сейчас – наверняка валяется на лежанке и корчится от очередного приступа боли.

Барт и сам не понял, как к нему пришла мысль попробовать замок на прочность. Может, потому и пришла, что в этот момент он держал меч в руке, и, задумавшись, водил пальцами по холодной гладкой стали клинка. Кончики пальцев прошли по крохотным зубчикам на лезвии, которые он при покупке принял за щербинки.

А почему бы и нет?

Барт вывернул замок поудобнее и, приноровившись, несколько раз провёл лезвием меча по дужке. Работать клинком, как пилой, было жутко неудобно, но в конце концов он приноровился. Обмотав конец меча тряпьем, он перехватил его второй рукой, так что давить на лезвие стало куда удобнее. Попыхтев немного, ощупал замок, потом зубцы на лезвии, и восторженно ахнул. Вот так тайская заточка! Клинок легко вгрызлся в железную дужку, быстро оставив довольно

глубокий, легко различаемый на ощупь пропил.

Уф... Ну, дальше – дело времени! Барт принялся за работу.

К моменту, когда дужка замка, наконец, разломилась, ладони у него горели так, будто с них содрали кожу и присыпали солью. Не обращая внимания на боль, он торопливо сорвал замок с люка и снова дернул за кольцо. Крышка, скрипнув, поднялась, из проема пахнуло сыростью и холодом. Барт воздел руки к потолку и беззвучно воззвал к богам, благодаря их за чудесное спасение. В глубине души он, конечно, знал, что обязан спасением только самому себе, но поблагодарить богов никогда не бывает лишним. Глядишь, в дальнейшем будут более благосклонны.

Вернув меч в ножны, Барт ощупал края лаза, отыскивая что-нибудь похожее на лестницу. Лаз был вертикальный, круглый, обложенный камнем, как колодец. Вскоре обнаружили железные скобы, вбитые между камнями вместо лестницы. Счастливчик осторожно спустился вниз, прикрыв за собой люк и оказавшись в совсем уж крошечной тьме. Пробираться приходилось на ощупь, мелкими шажками. Дело пошло быстрее, когда он расслышал звучащие где-то впереди приглушенные голоса. Барт на всякий случай снова вытащил меч.

Продвинувшись еще на десяток шагов, он уперся в слегка приоткрытую дверь. За дверью горела тёплым желтым цветом масляная лампа, отбрасывая на каменные стены погреба

причудливые расплывчатые тени. Барт осторожно заглянул в щель.

– Да не сильно я задраил бочку! – видно, продолжая давно идущую перепалку, прошипел Вирго, прохаживаясь туда-сюда мимо трактирщика. – Что я, по-твоему – заморить вздумал парня?

– Ну так а чего он тогда там копается?! – едва не вскричал трактирщик. – Уже десять раз можно было туда-сюда проползти! Что-то случилось, чует моё больное сердце, ох, чует...

– Ну так пойдя да проверь!

– Сам иди! Ты нашел этого недоумка, который даже с таким простым заданием не может справиться! Вот и иди его вытаскивай теперь! Он же нас видел! Он же даже про меня знает! Ну зачем ты ему про меня рассказал? Он же теперь и меня выдаст имперцам! Ох, моё сердце...

Трактирщик едва волосы на себе не рвал от беспокойства.

Барт хотел было тихонько приоткрыть дверь и подобраться к спорщикам незаметно, но створка закрипела так, что дрожь по хребту пробежала.

– Вот он! – в голос воскликнули Вирго и хозяин «Золотого гуся». Бросились к нему.

– Ты всё нашёл?

– Забрал?

– Тебя не заметили?

– Чего так долго-то?

– Следы надёжно замёл? – наперебой загалдели они на ходу.

Барт вытянул вперед руку с мечом, не давая им приблизиться.

– Эй, ты чего, малыш? – выпучив глаза на клинок, изумился Вирго. Трактирщик благоразумно выставил вперед ладони и попятился.

– Люк был заперт! – с ходу выпалил Барт наболевшее. – На замок!

– Ну да, – пожал плечами трактирщик. – Ключ в тайнике, вместе с пузырьками со скумой. Я же тебе сказал про ключ!

– Да! – поддакнул ему Вирго. – Он же сказал тебе про ключ!

– Сказал мне про ключ?! – едва не задохнулся от возмущения Барт.

– Сказал? – оглянувшись на трактирщика, переспросил Вирго. – Ты что, не сказал ему про ключ?

– Я не сказал ему про ключ? – тупо переспросил трактирщик.

– Да, ты! Ты точно сказал ему про ключ?

– Сказал ли я про ключ... – трактирщик задумчиво поскреб бороду.

Барт, вконец рассвирепев, от души пнул некстати попавшее под ноги ведро.

– Да чего раскудахтались-то – сказал, не сказал! – рявкнул он. – Парочка идиотов! Никто мне ничего не говорил ни про

какие ключи!

Прихрамывая на ушибленную о ведро ногу, он зашагал к лестнице наверх.

– Но он же там, вместе с пузырьками... – пролепетал ему вслед трактирщик.

– Да темно там, как в жопе! – прорычал Барт. – Не видел я там никакого ключа! Всё, провалитесь вы на месте, придурки! Мне пора!

Юноша, не обращая внимания на возгласы оставшейся в погребке парочки, выскочил наружу и, пробежав через кухню и кладовые, вылетел на задний двор. Кое-как отдышавшись, вернул меч в ножны и поспешил к «Кривому кабану».

Уже всюду рассвело. Денёк выдался погожий, не то, что вчера. Было по-прежнему холодно, но выползающее в зенит солнце светило почти по-летнему ярко, грязь на дороге быстро подсыхала, покрывая причудливые узоры из отпечатков сапог и копыт твёрдой серой коркой, с хрустом ломающейся под ногами. Кое-где на маленьких лужицах еще блестели прозрачные паутинки льда, не успевшего растаять после ночных заморозков. Барт в очередной раз восхвалил богов за то, что ему удалось, наконец, раздобыть приличную одежду и обувь.

Улицы маленького поселка бурлили. Сейчас мало кто из проезжих купцов отсиживался в тавернах. Все толпились у центральной площади, возле стоянок своих караванов. Торговля, похоже, прекратилась вовсе, уступив место при-

глушнным тревожным разговорам. Имперцы по-прежнему торчали возле «Золотого гуся», обустроив на пяточке возле входа в таверну что-то вроде штаб-квартиры. Барт заметил, что снова открыли ворота склада, из которого он так вовремя успел улизнуть. От одного воспоминания о пережитых треволнениях снова неприятно заглодело между лопатками.

Имперцы огородили пространство перед складом наспех сколоченными деревянными козлами так, что образовалось что-то вроде узкого коридора, вдоль которого они выстроили один за другим вытащенные из таверны столы. Возле столов стоял тип в красном берете – главный имперский коллектор. Ему помогали пара солдат и писарь.

Через этот коридор, похоже, собирались пропустить все товары всех караванов, коим не посчастливилось задержать-ся в этот день в Распутье. Товары раскладывались на столе, коллектор их считал, время от времени что-то диктуя писарю. Рядом с имперцами, нервно перебирая в руках концы широкого кушака, топтался длиннорородый субъект в шапке с беличьим хвостом – похоже, торговец, чьи товары сейчас проверяли. За пределами коридора толпилось несколько груженных фургонов, ждущими своей очереди.

Барт прикинул, сколько же времени может занять весь этот досмотр, и покачал головой. Да уж, торговцам не поза-видуешь. Если сборщики собираются продолжать такими же темпами, они здесь до зимы застрянут.

Зайдя в «Кривой кабан» с заднего двора, он поздоровался

с уже знакомой стряпухой, хлопочущей на кухне с очередной партией пирогов, и забрался на чердак. Дверь в их каморку была заперта, но он расслышал изнутри приглушенные голоса.

– Господин Леонард, это я, – постучав, негромко позвал Барт.

Дверь приоткрылась ровно настолько, чтобы он смог проскользнуть внутрь. Серый мельком взглянул на юношу и указал ему на табурет в углу.

– Карл, я тебя ни о чем не прошу, – вздохнув, продолжил он разговор. – Я давно не вправе тебя просить, и уж тем более приказывать. Но ты пойми...

– Да это вы поймите, дон Леонард! – перебил его трактирщик. – То, что вы задумали – безумие! Если вам так уж нужно вырваться в Дрезенбург прямо сегодня ночью – я найду какой-нибудь способ...

– Дело не только в том, чтобы вырваться отсюда. Просто не хочу упускать такую шикарную возможность подложить свинью нашему любимому императору.

– Даже если у вас и получится – это ведь минутная победа. Имперцы вернутся, и вернутся очень скоро. И просто-напросто сравняют Распутье с землёй.

– Чем только подогреют ненависть к себе, – усмехнулся Серый.

– Вам легко говорить! А эта таверна – всё, что у меня есть! И тут не один десяток людей, для которых Распутье – это

дом, а не очередная остановка на тракте. Они лишаются всего. Может, даже жизни. И чего ради?

Серый, недовольно мотнув головой, тихо выругался.

– Ты, я смотрю, сентиментален стал на старости лет, Карл, – жестко отрезал он. – Ладно, разговор окончен. Помощи от тебя не жду. Но я хотя бы могу надеяться, что мешать мне ты не будешь? Или ты настолько заботишься об отребье, что здесь живет, что выдашь меня имперцам?

Великан сокрушенно покачал головой.

– Я вас не узнаю, дон Леонард. Эта ненависть пожирает вас изнутри.

– Ты прав. Ты же знаешь – я не успокоюсь, пока жив.

– Знаю. Но понять не могу.

– Да неужто? Ты ведь был тогда со мной! Ты ведь почти как брат мне был, Карл!

– Бенедикту тоже.

Маг скривился, и было непонятно – то ли это очередной приступ боли, то ли нахлынувшие неприятные воспоминания.

– Ты ведь так мне и не поверил, правда? Ты думаешь, что это я...

– Неужели вы не понимаете, что всё кончено?! – неожиданно взорвался трактирщик. – Всё давно в прошлом! И борьба эта давно не имеет смысла.

– Борьба всегда имеет смысл.

Карл снова покачал головой.

– Вы и сами знаете, что это не так. Я поддерживал вас тогда, вначале. Тогда вас можно было понять. Тогда, вначале, можно было понять и Балтазара, хотя нам ли с вами не знать, что его притязания беспочвенны...

– Не вали всё в одну кучу, Карл! – раздраженно отмахнулся Серый. – У нас с ним ничего общего! Я ведь рассказывал тебе... Я всё тебе рассказал! Если бы мне ещё удалось убедить те отцовские записи...

– Вы сами-то верите во всё это? – устало спросил Карл. – Вы гоняетесь за призраками, дон Леонард!

– О, нет, Карл. Всё реально. И всё гораздо страшнее, чем мне казалось тогда, вначале. Теперь-то я мог бы тебя убедить... Предоставить доказательства... Но смысла не вижу. Ты, как я посмотрю, вполне счастлив в этой дыре, подавая пиво всякому сброду... Всё, уйди с глаз моих! Я жалею, что обратился к тебе.

Серый отвернулся, делая вид, что разглядывает что-то в приоткрытое оконце.

Карл лишь криво усмехнулся и, ссутулившись, направился к двери. Обернувшись на пороге, бросил через плечо:

– Ещё раз говорю – одумайтесь, дон Леонард. Одумайтесь! Маг не ответил.

– Рад видеть тебя целым и невредимым, Бартоломью, – сказал он, когда трактирщик вышел.

– Ну да. Небось опять решили, что я смылся с деньгами? – ядовито усмехнулся Барт.

На языке у него вертелся сразу с десятков вопросов по поводу разговора, свидетелем которого он стал, но зная скрытность Серого, он решил даже не пробовать.

– Ну, с этим бы я как-нибудь смирился, – пожал плечами маг. – Я действительно беспокоился, как бы ты не попал в какой-нибудь переплет. А пара тысяч лир – невелика потеря.

– Ну... тогда будем считать, что вы их и потеряли, – хитро прищурившись, нашёлся Барт.

Пилигрим, наконец, отвернулся от окна и выжидательно взглянул на него.

Барт вытянул перед собой руку и разжал ладонь. На ней блеснул маленький стеклянный пузырек с ярко-зеленой жидкостью. Глаза Серого вспыхнули.

– Достал?! – выдохнул он, хватая скуму. Выдернул зубами крошечную пробку и одним махом опрокинул содержимое пузырька в рот.

– Я слышал, пузырёк делят раза на два-три... – осторожно сказал Барт.

Серый, помотав головой, зажмурился, оскалился, будто стискивая что-то зубами, и мелко задрожал. На его взмокшем лбу, ближе к левому виску, вздулась, пульсируя, толстая голубоватая вена.

– Господин... – обеспокоенно привстал Твинклдот.

Маг шумно выдохнул и, передернув плечами, повертел головой, будто разминая затекшую шею. Глаза его лихорадочно заблестели.

– Есть ещё? – прищурившись, спросил он.

– Есть, но, говорю вам, для одного раза...

– Да знаю я! Так есть или нет? – Серый требовательно вытянул руку.

Барт, вздохнув, полез за пазуху и один за другим достал остальные флаконы.

– Очень хорошо... Отлично, – зачем-то рассматривая дурмящее зелье на просвет, пробормотал Серый. Быстро рассовал скуму по закоулкам своей хитроумной портупеи, задернул плащ.

– Ты молодчина, Бартоломью! – больно стиснув плечи Барта своими стальными пальцами, он затряс его, что, видимо, нужно было считать дружеским объятьем. Барт, сморщившись, вырвался.

– Да не стоит благодарностей, господин Леонард... – пробормотал он. – Хотя, конечно, я столько всего натерпелся с этой дрянью...

– Но ты справился! Ты не представляешь, Бартоломью... Ты меня спас! – заметно просветлевшее лицо Серого озарилось шальной усмешкой.

– Ну, надеюсь... – пожал плечами Барт. Ему уже становилось немного не по себе. Он слышал о скуме раньше, но никогда не видел, что бывает с людьми, её пьющими. А вдруг Серый станет буйным? Находиться в тесной комнате с ошалевшим от наркотика магом – не самое безопасное времяпровождение.

В дверь негромко постучали. Барт обрадовался этой возможности отвлечься и вскочил, чтобы открыть. Впрочем, было не заперто, так что он просто успел дойти до порога, чтобы столкнуться лицом к лицу с вошедшим.

А на пороге, красуясь свежей повязкой на лбу, стоял бородатый главарь бандитов, от которых они с Серым едва унесли ноги вчера утром. При виде Барта он злорадно ощерился и, выпростав руку, цепко ухватил юношу за ворот.

– Ха! Ну, вот ты и попался, щенок!

Барт уже столько страху натерпелся только за сегодняшнее утро, что, казалось, ничего уже не сможет произвести на него впечатления. Он ошибался. От неожиданности он оцепенел так, что даже крикнуть ничего не смог – ужас перехватил горло тугой петлей. Головорез же, втолкнув его в комнату, ухватился ему за шкуру второй рукой, лишая возможности извернуться.

Едва не оцарапав бородачу щёку, в воздухе просвистела серебристая плеть. Узкий клинок на её конце с треском вонзился в стену позади бандита. Тот опасливо скосил глаза на витую цепь, струной натянувшуюся рядом с его шеей, и хватка его чуть ослабилась.

– Марко! – угрожающе прорычал Серый.

Бандит отпустил Барта и примирительно выставил вперед ладони.

– Да ладно вам, господин Леонард! – хохотнул он. – Ну, пошутил я. Пошутил, а?

Он потрепал ошалевшего Барта по голове и деловито оглядел комнату. Серебристая плеть Серого, звякнув, выдернула свое смертоносное жало из стены и спряталась в широком рукаве.

Бородач, обнаружив початую бутылку вина, стоящую на табурете возле лежанки Серого, быстренько припал к ней,

хлебная прямо из горлышка. Барт таращил на него глаза, разинув рот. Дар речи к нему так и не возвращался.

– Это Марко, – как ни в чем не бывало, представил гостя Серый. – Вы с ним, кажется, уже немного знакомы.

Барт, кивнув, промычал что-то нечленораздельное. Наконец, взяв в себя в руки, выдавил:

– Как... Какого хрена он здесь делает?!

– Ты это... повежливее, молокосос! – оторвавшись, наконец, от горлышка и закусывая выпитое куском сыра, промычал бандит. – А то я тебе всё припомню – и Лино, и это...

Он повертел пальцем возле головы, указывая на повязку на лбу, и вернулся к трапезе. Серый снова развернулся к окну, что-то высматривая там, снаружи. Барт растерянно переводил взгляд с одного на другого. Происходящее не укладывалось у него в голове.

– Я за вами сразу погнался, как только мы прочухались немного, и удалось отловить одну из лошадей, – пояснил, хохотнув, бородач. – Ребят оставил с караваном, а сам, думаю, не успокоюсь, пока не накрою гадов...

Вино кончилось. Бандит недовольно потрянул бутылку, для пущей верности опрокинул её вниз горлышком над раскрытым ртом, ловя последние капли.

– Догнал ещё вчера, – продолжил он, разыскивая, чем бы еще поживиться. – Прошелся по тавернам, поспрошал... Никто не видел, говорят. Как в воду канули. А сегодня утром господин Леонард сам меня отыскал...

– Карл мне сказал, что появился какой-то человек, спрашивает о маге и пацане с ним, – отвернувшись от окна, разъяснил Серый. – Учитывая новые обстоятельства, я решил, что он может быть нам полезен.

– Какие еще... новые... – Барт пришел в себя, но находиться рядом с бандитом было не по себе. Он на всякий случай передвинулся поближе к Серому.

– Ты же был снаружи, – усмехнулся Серый. – Не видел, что творится?

– Ну...

– Да не трясись ты так! – поморщился бородач. – Не трону. Вчера бы попался – башку открутил бы. А щас... Остыл уже.

– Не трясусь я! – расправил плечи Барт. – Просто не пойму, с какой стати ты сюда припёрся! Еще и жрёшь тут, пьёшь...

– Кстати, да, – хохотнул Серый. – Излагай уже, с чем явился.

– Переговорил я со своими. Тут Росс Бритый да Васко, надежные ребята, и люди у них толковые...

– Сколько? – перебил маг.

– Если меня считать, то двенадцать рыл. Для засады – самое то. Больше – уже толпа.

– Ну, тебе виднее.

– Ага, – ухмыльнулся бородач. – Только загвоздка-то в чём. Имперцы, похоже, возле склада у «Золотого гуся» намертво засядут. Этот их гроб на колёсах – ну, где деньги со-

бранные – прямо в склад загнали, сами возле входа стоянку разбили, огораживаются... И вряд ли они оттуда куда-нить сунутся. Так что не знаю, как их оттуда сковырнуть и на засаду выманить.

– А если в лоб?

Бородач скривил насмешливую рожу. Серый помрачнел. Прошёлся по комнате.

– Что на трактах?

– Заперто Распутье, на все четыре стороны. На самих постах по полдюжины солдат с самострелами да пистолями, остальные конные, патрулируют окрестности, чтоб караваны в обход не прошли.

– Настроения как?

– Да как, как... Бурлят людишки-то. Я уже слушок пустил, как вы говорили, маслица в огонь подлил.

– Надеюсь, действовал осторожно?

Марко фыркнул.

– Вы меня не учите, господарь Леонард. Я человек тёртый. Да и там несложно было. Все только о том и шушукаются. Но торгаши эти знаете ведь какие – языком-то болтать будут, но в случае чего – каждый сам за себя. Потому никто из них сам не начнет. Но если уж пойдёт возня – как пить дать, подтянутся. Маловато людишек у имперцев. Только вот...

– Что?

– Поговаривают, что этот их... ну, главный имперский... в Дрезенбург послал за подкреплением. Не дурак.

– Скверно.

– Ага. Только вот ещё поговаривают, что посыльный-то до города не доберется.

– А что так?

– Да за амбар он зашел – облегчиться перед дальней дорожкой. И тут незадача с ним приключилась, – хитро ухмыльнулся бородач, доедая последний кусок закуски.

– Что за незадача?

– Да откуда ж мне знать-то? – пожал плечами Марко.

– Ну, а... люди чего поговаривают? – насмешливо спросил Серый.

– Да ничего не поговаривают. Канул, говорят, как в воду. Может, прям в нужнике утоп?

Барта передёрнуло. Он слушал весь этот разговор, и под курткой шевелились мурашки размером с полевых мышей.

– Вы что, собираетесь напасть на имперских коллекторов? – выдавил он, под конец невольно перейдя на шёпот.

– Проснулся! – расхохотался бородач.

– Мы позже поговорим, Бартоломью, – ответил Серый. – Ладно, Марко. Новости неплохие. А насчет засады мне надо подумать...

– Да уж подумайте! Потому как если придется в открытую на солдат переть – то я вам тут не помощник, и уговору нашему конец. Надо чегой-то сообразить. Фокусы свои там, магию свою припрягите...

– Ты меня не учи, господарь Марко, – копируя тон самого

бородача, огрызнулся Серый. – Ладно, пока свободен. Будь где-нибудь возле таверны. Как понадобится – пришло за тобой Барта.

– Ну, что ж, лады, – кивнул бандит и, подмигнув Счастливику, хохотнул. – Да чего ты сидишь-то, как мешком пришибленный, парень? Встряхнись!

Оглядев напоследок коморку, видно, всё еще надеясь отыскать еще что-нибудь из выпивки, бандит, наконец, вышел.

Барт еще какое-то время сидел, притихнув, и во все глаза наблюдая за Серым. Тот, как ни в чем не бывало, разглядывал что-то в окно. Барт, порывшись за пазухой, достал добытую у Вирго подзорную трубу.

– Как насчет этого? – предложил он, протягивая трубу магу.

– Бартоломью! – Серый одобритительно хмыкнул. – Ты не перестаёшь меня удивлять...

Он жадно припал к окуляру. Барт, нерешительно потоптавшись рядом, наконец, выдавил, в конце невольно перейдя на шёпот:

– Господин Леонард, вы что, из этих... из повстанцев?

– С чего ты взял? – не отрываясь от наблюдений, спросил маг.

– Ну... Карл упомянул Балтазара... Это ведь тот самый Балтазар, главарь редоранских заговорщиков?

Пилигрим, наконец, повернулся к Барту.

– Ладно, ты прав, Бартоломью. Нам нужно кое-что прояснить между нами. Тебя ведь что-то беспокоит?

Барт чуть не захлебнулся от возмущения.

– Что-то беспокоит?! Я еще толком не очухался от этой истории со скумой, а тут выясняется, что вы на имперских сборщиков налогов собираете...!

– Тсс! – Серый зажал рот Барта ладонью. – Не так громко, мой юный друг.

Барт мотнул головой, вырываясь из шершавых тисков. Серый, несколько мгновений рассматривал его своими колючими, как оголовки стрел, немного шальными от скумы глазами.

– Во-первых, нападать я ни на кого не собираюсь. Я, скажем так, хочу лишь подтолкнуть нужных людей на нужные действия. И в мои планы вообще не входит показываться никому из имперских на глаза.

– Это называется – таскать каштаны из огня чужими руками, – проворчал Барт.

– Это называется – спровоцировать то, что и так неизбежно! – отрезал Серый. – Там, снаружи, не хватает только маленькой искры. И эта искра нужна именно сейчас. Прямо сегодня, пока имперцы не получили подкрепления, а в торговцах трусость не взяла верх над жадностью.

– Но зачем это вам? В вашем состоянии... Вы сами говорили, что вам бы только дотянуть до Дрезенборга!

– Ты не даёшь мне закончить, Бартоломью. Так вот, во-

вторых. Поскольку имперцы надолго блокировали Распутье, единственный путь вырваться отсюда – это избавиться от них.

– Да неужто? А я знаю куда более простой способ! Всего за сто лир можно выписать у коллектора бумагу, которая...

Серый, рассмеявшись, покачал головой.

– Можешь так и поступить, Бартоломью. Прямо сейчас, пока не началась заваруха. Мы можем разорвать наш уговор досрочно.

– То есть как?

– А так! Мы договаривались, что ты будешь сопровождать меня до Дрезенборга, но, сам видишь, что это становится слишком опасным. Будем считать, что наш совместный путь заканчивается здесь.

Серый порывлся в глубинах своего плаща и выудил очередной кошелек, которыми, похоже, был обвешан, как бродячий пес репьями.

– Здесь, по-моему, больше тысячи. Как, по-твоему, достаточная плата за твои услуги?

Барт растерянно смотрел на кошелек.

– Вы меня что... выгоняете?

– Предлагаю простой и безопасный выход из этой передряги.

– А вы? Почему вы просто не можете взять пропуск и выйти отсюда? Имперцев же интересуют только торговцы...

– Коллекторов всегда сопровождают несколько человек из

имперской охраны – под видом обычных солдат. Следят, чтобы сами коллекторы не прихватили чего лишнего из казны. Пропуск мне получить не удастся. Лучше вообще не показываться им на глаза.

– Вас что, разыскивают?

Серый кивнул.

– Значит, вы всё-таки повстанец?

Маг устало и, как показалось Барту, очень грустно усмехнулся.

– Я думаю, для Валора я давно уже важнее всех повстанцев, вместе взятых. Так что покоя мне не будет уже до конца дней. Моих или его.

– Что же вы такого...

– Так что ты решил, Бартоломью? – нетерпеливо перебил его маг. – Ты уходишь, или ты остаёшься со мной?

Барт, опустив глаза, задумался. Думать вроде бы и не о чем. Можно спокойно уйти из поселка, пока здесь не заварилась каша, и пойти куда глаза глядят. У него уже есть приличная одежда, платит ему Серый довольно щедро, а с учетом утаённых денег за скуму и тех четырехсот лир, что он заработал за ту рискованную вылазку на склад, и вовсе набирается больше трех тысяч лир. Может хватить на несколько месяцев. И никаких тебе тайн, никаких опасностей, никакой магии и сомнительных поручений.

Но, вразуми Анарос, почему же выбор даётся так нелегко?! Барт попытался представить себе, куда отправится,

оставшись без попутчика, что будет делать... Безрезультатно. Зато тайны, окутывающие серого мага, тянули его, как магнитом. Казалось – еще чуть-чуть, и он узнает нечто такое, что перевернёт всю его жизнь. Да что там – его жизнь и так катится кувырком последние несколько дней.

– Знаете, господин Леонард... – наконец, вздохнул Барт. – Я, кажется, придумал, где можно устроить засаду...

– Где-то там, в углу, – оглядевшись, ткнул пальцем Барт.

– Точно? – Марко недоверчиво оглядел огромные, покрытые толстым слоем пыли, винные бочки. Бочки выстроились вдоль стены ровным штабелем, нижний ряд укреплен в специальных стойках, на днищах мелом отмечены какие-то даты. Похоже, что их годами не двигают.

– Говорю вам – это какое-то безумие! – нервно теребя замызганный фартук, причитал трактирщик. – А этого сопляка я вообще впервые вижу!

Барт, вооружившись лампой, сам внимательно обследовал весь закоулок, чуть ли не обнюхивая каждую бочку. Он точно помнил, что выход из тайного лаза был здесь, прямо напротив лестницы, ведущей наверх, к кухне. А вот здесь в тот раз стояли трактирщик и этот прохиндей Вирго...

Чихнув от попавшей в нос пыли, Барт развернулся к замершим в ожидании бандитам, которых набился полный подвал. Встретившись взглядом с Марко, растерянно пожал плечами.

– Ты уверен, что ничего не перепутал, Бартоломью? – подал голос из дальнего угла Серый, в своём балахоне почти незаметный в полутьме.

– Да конечно! – возмутился Барт. – Что ж я, по-вашему, совсем не в себе?

– А по-моему, так и есть! – с готовностью откликнулся хозяин «Золотого гуся» и снова взмолился: – Не слушайте его, добрые люди!

– Да ты, я смотрю, ослеп, старик, – хохотнул Марко. – Во-все мы не добрые люди.

Коротко, без замаха, он двинул трактирщику локтем в лицо, да так, что бедняга завалился назад. Пару молодчиков быстро подхватили старика под руки, и не давая толком утереться от хлынувшей из разбитого носа крови, подняли на ноги. Марко был уже тут как тут, и ударил снова – тыльной стороной ладони в тяжелой, с железными бляхами, перчатке без пальцев. Трактирщик глухо хрюкнул и обмяк. Упал бы, если б не поддерживающие его головорезы.

– Я тя даже спрашивать ничего не буду, – будничным тоном произнес бандит, не спеша вытягивая из ножен корд с глубоким, почти сквозным кровостокком посередине клинка. – Сам всё расскажешь, правда?

Старик, видя приблизившееся к самому его лицу острие, мелко затрясся.

– Не губите, добрые люди, – едва слышно прошептал он. – Меня ж вместе с вами в повстанцы запишут... А это же всё, хуже некуда!

– Я покажу, куда хуже, – пообещал Марко, приподнимая ему клинком подбородок. Лезвие заскребло по седой щетине на шее, заставляя трактирщика задирать голову всё выше, а потом привстать на цыпочки.

– Там... рычаг... слева... за нижней бочкой, – сдавленно прохрипел он.

Марко, ничего не ответив, убрал корд в ножны и дал знак одному из головорезов – тому, что с наголо обритой головой, на которой чётко выделяются несколько застарелых шрамов.

– Росс, глянь-ка...

Бритый пошарил за бочкой, что-то скрежетнуло, и часть штабеля выдвинулась чуть вперед, а потом плавно разошлась в стороны. Маскировка была сделана мастерски – бу-тафорскими были только три бочки, остальные, похоже, использовались по назначению. Бандит, осторожно приоткрыв узкую деревянную дверь, ведущую в тайный проход, оглянулся на Марко.

– Я проверю, чего там...

Марко кивнул.

– Ну, что, парень, похоже, твой план может сработать, – одобрительно похлопав Барта по плечу, проговорил бородач. – Давай, дуй наверх. Теперь многое от тебя зависит. Господин Леонард?

– Я останусь с вами, – отозвался маг из своего угла. – Думаю, моя помощь пригодится в засаде.

Барт, вздохнув, направился к лестнице, стараясь не смотреть на распластавшегося на полу трактирщика. Тот, не переставая, подвывал, кровь на разбитом лице блестела в свете фонарей.

Хотелось не просто выйти, а бежать, куда глаза глядят. Бо-

ги, зачем он всё-таки остался с магом?!

На улицу юноша направился не через чёрный ход, а прямо через обеденный зал – благо народу сюда к вечеру набилось порядочно, и его появления никто не заметил. Разве что сидящий у самой стойки верзила в темном балахоне чуть повернул голову. Барт на ходу покосился на него и обмер, разглядев хвост ярко-красных волос.

Проклятье! С этими треволнениями жуткий незнакомец с чёрным мечом, которого он увидел на крыше «Золотого гуся», совсем вылетел у него из головы. Барт даже замедлил шаг, всерьез подумывая, не вернуться ли, чтобы предупредить Серого. Но проходить через весь зал обратно к подсобкам, да еще не виду у этого типа... Нет уж, придется повременить. Тем более, что сейчас есть дела поважнее.

Толкнув тяжелую створку, Барт вышел на крыльцо. Вечерело, многие уже зажгли фонари и факелы, потому что темнеть начинало стремительно. Особенно много огня было рядом с самой таверной – там, где расположились имперцы. Досмотр товаров продолжался – на столах были разложены отрезы кожи и тюки разноцветной ткани, рядом с главным коллектором тёрся уже знакомый Барту толстяк – тот самый, у которого он купил большую часть одежды.

Боги, ну почему именно он?

Барт, скрепя сердце, направился к столам, проталкиваясь через толпу. Возле имперцев по-прежнему сгрудились едва ли не все караванщики, будто ожидая чего-то. Барт коснулся,

наконец, деревянных козел, которыми была огорожена зона досмотра, и побрел вдоль них к проходу. Он не знал, как выглядит нужный ему человек, так что просто не спеша шёл и ждал.

– О, рад тебя видеть, малыш! – громогласно возвестил Великолепный Вирго, продираясь навстречу с какой-то бумагой в руке.

Барт натянуто улыбнулся, уворачиваясь от объятий.

– Как там моя труба? – с ходу осведомился старьёвщик. – Пригодилась?

– Да, да, – пробормотал Барт, ощупывая карманы. Проклятье! Он же отдал её Серому. Что за невезуха!

– Только вот я её... это... потерял, – наконец, буркнул он.

– Ах, какая незадача, – поцокал языком Вирго. – Отличная же вещь, не меньше трехсот лир стоила...

– Да что ты мелешь? Ей сто лир – красная цена! – поморщился Барт. – Ладно, некогда мне здесь с тобой...

Он попытался протиснуться мимо тощего, но длинная обезьянья рука цепко ухватила его за плечо.

– Подожди, куда же ты, малыш. А деньги?

Барт едва не зарычал. Очень хотелось врезать старьёвщику по морде – от души так, смачно, чтобы хлястики на его дурацкой шапчонке в стороны взметнулись. Но вместо этого пришлось лезть за кошельком.

– На, держи, – процедил он сквозь зубы, суя целую горсть серебра в грязную ладонь старьёвщика. – И проваливай, что

б тебе...

– О, спасибо за пожелания счастливого пути, – осклабился Вирго, пряча деньги куда-то за пазуху. – Как раз хотел похвастаться – вот он, свеженький пропуск. Я собираюсь выехать раненько утром. На север. Может, и ты со мной? Возьму недорого...

– Если ты от меня не отцепишься, я сегодня вообще не успею получить пропуск, – прошипел Барт, искоса оглядывая толпу. Если этот клоун спугнул нужного человека, и все дело из-за него провалится...

– А, ну извини. Тогда – удачи. Если что – знаешь где искать мой магазин. Но учти – на рассвете его может уже не быть на месте!

– Какая жалость, – ядовито скривился Барт и, потеснив, наконец, локтем надоедливового торгаша, продвинулся дальше.

Он уже был у самого прохода в огороженную территорию, когда какой-то неприметный тип в фермерской шляпе с широкими вислыми полями, будто невзначай столкнувшись с ним плечом, подался вперед и шепнул на ухо:

– Клетчатый.

Барт, подавив в себе порыв оглянуться, шагнул в проход.

– Эй, куда собрался, молокосос? – тут же шагнул ему навстречу один из имперских, хватаясь за рукоять меча.

– У меня послание для господина императорского коллектора, – пискнул Барт.

Недоверчиво оглядев юношу, имперец протянул руку в толстой кожаной перчатке.

– Ну ладно, давай сюда.

– Послание устное, – сказал Барт.

– Чего?

– Ну, на словах надо передать.

Солдат оглянулся на коллектора, копошащегося с бумагами, и хмыкнул:

– Ага, как же! Давай мне говори, и я передам.

– Мне велено лично передать... – для виду помялся Барт. – Но, если по-другому нельзя...

– Давай, выкладывай, – поторопил его солдат.

– Чего у вас там? – раздалось над самым плечом Барта.

Из толпы выдвинулся второй имперский – тот самый пожилой стражник, что недавно сцапал юного Твинклдота за амбаром, когда тот спускался с крыши.

Барт внутренне сжался.

Седой юношу тоже узнал, и глаза его недобро прищурились:

– Опять ты? Чего надо?

– Да нет, ничего... – попятился было Барт, но отступить было некуда – сзади стеной стояла толпа.

– Говорит, у него послание для господина Эстерано, капитан, – отозвался второй имперец.

– А ну-ка, пойдём, – лапища седого, тяжелая и крепкая, как кузнечные клещи, обхватила запястье Барта.

Упираться было бесполезно, так что Счастливец только беззвучно ругался себе под нос.

Досмотр груза толстяка-торговца подходил к концу – на столах лежали последние рулоны ткани, а коллектор, глядя в нацарапанные писарем цифры, что-то подсчитывал, щелкая костяшками на искусно сработанных лакированных счетах. Толстяк мялся рядом, так и норовя заглянуть сборщику налогов через плечо. Похоже, раскошелиться ему придется на весьма солидную сумму.

Барт, искоса оглядев товары на столах, сразу заметил рулон ткани в крупную серо-чёрную клетку – он был один такой. Помощники коллектора уже проставляли на каждом рулоне чёрные гербовые клейма, и вскоре товар должен был вернуться к владельцу. Нужно было торопиться.

– Чего там еще? – неожиданно тонким, почти женским голосом отозвался коллектор, когда седой подтолкнул Барта к нему.

– Да вот, господин Эстерано, какой-то малец с донесением...

– От кого? – поморщился тот, быстрым взглядом окидывая Барта с головы до ног.

– От одного надежного человека, – важно проговорил Барт, с трудом вырывая руку из захвата седого. Наклонившись чуть ближе к коллектору, он прошептал: – Об этом должны знать только вы.

Эстерано поморщился, но, похоже, любопытство таки взя-

ло верх. Он жестом приказал солдатам отойти. Барт же то-ропливо зашептал ему на ухо послание.

– Не верите – попробуйте обыскать несколько рулонов, – закончил он. – Вон тот, клетчатый, например.

Имперец подозвал помощников, что-то коротко им приказал, и они начали один за другим взрезать стягивающие ткань бечевки. Торговец, уже отсчитывающий пошлину из увесистого кошелья, обеспокоенно закрутил головой.

– Что-то случилось, господин Эстерано? Вы ведь сказали, что я могу... – осторожно начал он, но имперец вскинул руку, приказывая заткнуться.

– Господин! – дал знак один из помощников. – Погляди-те-ка на это!

Из складок ткани он один за другим извлек несколько маленьких пузырьков с ядовито-зеленой жидкостью.

Торговец замер с выпученными от ужаса глазами. Лицо его – это было заметно даже при неверном свете факелов – стало белым, как бумага.

– Что?! – вскричал он. – Это не моё!

– Не ваше, конечно, – издевательски поддакнул коллектор. – С неба свалилось.

– Это... этого не может быть! Мне подбросили! – во весь голос заверещал торговец. Толпа за огороженной зоной загудела громче, откуда-то с задних рядов донеслись громкие возгласы. Барт, пользуясь моментом, потихоньку попятился от коллектора. Самое время улизнуть под шумок.

– Куда?! – седой стражник был тут как тут, снова хватая Твинклдота за руку.

– Да отпусти ты, старый козёл! – зашипел Барт, пытаясь вырваться.

Имперец, недолго думая, двинул ему свободным кулаком под ребра. Барт согнулся, судорожно хватая ртом воздух. Хорошо еще, что толстый дублет и стеганный поддоспешник смягчили удар, иначе он точно выплюнул бы собственную печенку. Уж что-то, а подленькие удары под дых у стражников отточены.

– Ты мне дёрнись ещё, щенок! – прорычал стражник, и наподдал ещё, на этот раз по почкам. Кожаный доспех уже не спас – от боли Барта выгнуло дугой, из глаз брызнули цветные искры. Он с трудом удержался на ногах.

Живая стена, опоясывающая площадку, на которой расположились имперцы, ходила ходуном. Из темноты то и дело доносились яростные выкрики. Солдаты, хватаясь за мечи, крутили головами, пытаясь отыскать смутьянов, но покинуть огороженный участок и вклиниться в толпу никто уже не решался. В воздухе явственно запахло грозой. Кажется, ещё миг – и людская масса, как кипящая каша из переполненного горшка, перевалит через хлипкую ограду. Барту сразу вспомнилось детство, те вечера, что он проводил на кухне в компании с Донной и поварихой Мэм, по сути заменившей ему мать. Он всегда с замиранием сердца наблюдал, как Мэм колдует над своей огромной плитой, на которой всегда буль-

кало и шипело что-то сразу в полудюжине кастрюль. И никогда он не видел, чтобы она проворонила хоть один соус или суп.

Сейчас опытным поваром, постаравшимся убавить огонь, неожиданно выступил тот седой стражник, что сцапал Барта.

Ухватив юношу за шкурку, он толкнул его к стене склада.

– Бруно, проследи за поганцем! – бросил он через плечо. – Упустишь – башку оторву!

Барта тут же взял в оборот другой стражник из местного гарнизона – тоже в стеганом гамбезоне, а не в кирасе. Этот тип оказался тоже далеко не ласковым – не успел Барт опомниться, как он саданул ему прямо в глаз, так что вся левая сторона лица вспыхнула огнем. Барт взвыл, прикрывая лицо ладонями. Глаз стремительно заплыл, превращаясь в узкую слезящуюся щёлку.

– Только дёрнись у меня! – угрожающе прорычал стражник.

Впрочем, Счастличик уже и не пытался сбежать. Бежать было просто некуда. Соваться во взбудораженную толпу не очень-то хотелось.

Проклятье! Как между молотом и наковальней...

Седой, взгромоздившись на стол, вскинул руки и зычным командирским голосом приказал всем успокоиться. Как ни странно, это подействовало. Толпа немного притихла, так что он продолжил:

– На кого пасть-то разеваете, добрые люди? Это импера-

торский коллектор, и не частным порядком прибыли, а по законному поводу!

Толпа загудела сильнее, и он, стараясь перекричать недовольных, завопил в полный голос:

– Господарь Эстерано всем приказ императорский показывал!.. Чего?! Со скумой разберемся! Разберёмся, я сказал! Не надо нам тут смуту наводить! Одумайтесь!

– Да подбросили бедолаге эту дрянь! – донеслось из толпы. – Сами же вы и подбросили! В Рейвсе так же было летом!

– Ага! И весь товар конфисковали!

Возгласы потонули в общем гуле толпы. Седой, надрываясь, заорал:

– Разберемся, я сказал!! Тихо!!

Он обернулся в сторону коллектора и что-то крикнул ему. Тот, судя по побледневшему лицу, уже успел изрядно струхнуть, так что в ответ только неуверенно кивнул.

– Господин Эстерано говорит... – начал было седой, но осекся на полуслове. Барт не сразу понял, в чем дело, но увидел, как стражник заваливается назад, будто получив удар в лицо. Уже когда седой рухнул на землю, Барт разглядел короткий арбалетный болт, торчащий у него из левого глаза.

– Бей их!! – крик потонул в общем гвалте. Толпа хлынула вперед, сметая заслоны. В сторону имперцев полетели факелы, сумрак быстро наполнился топотом ног, лязгом скреещающихся мечей, грохотом выстрелов, воплями раненых.

Барт не думал, что всё произойдет так быстро. Не думал,

что та грань, что отделяет глухое негодование от слепой ярости, столь тонка. И, конечно, не думал, что будет так страшно.

Стражника, который держал его, убило одним из первых – стёганный гамбезон прошили сразу три толстых арбалетных болта, два с левой стороны груди, третий – в живот, над самым ремнем. Имперец завалился набок вместе с Бартом, придавив его своим весом. Твинклдот отчаянно заелозил, выбираясь из-под трупа. Впрочем, труп еще всюю дёргался и, кажется, даже хрипел невнятные ругательства.

Над головой Барта то и дело раздавались гулкие короткие удары, различимые даже во всеобщем гвалте – кто-то колотил в ворота склада. Он не сразу понял, что это удары арбалетных болтов, глубоко вонзающихся в дерево.

Кто-то, наконец, подхватил поверженного стражника, оттащил в сторону. Барт едва успел подняться на ноги, как его схватил за руку один из имперцев. Это оказался сам Эстерано. Свой роскошный берет он уже где-то обронил, выставив напоказ обширную лысину, обрамленную неровными рыжеватыми прядями

– Это же тот самый мальчишка! – взвизгнул коллектор. – Провокатор! Не упустите его!

Барт надеялся, что имперцам будет не до него, но напрасно. Солдатам каким-то чудом удалось отбить первый натиск толпы. Потеряв несколько своих в первые же секунды стычки, они умудрились сгруппироваться, выстроившись полу-

кольцом рядом с воротами склада. Внутри этой дуги, помимо самого Барта, оказался главный коллектор и еще трое солдат, один из которых возился с замками на воротах, а остальные торопливо заряжали пистолы. Бедолага писарь валялся лицом вниз в грязи и, похоже, встать ему уже было не суждено. Как и доброй дюжине караванщиков, которым не повезло оказаться в первых рядах толпы. Среди них Барт разглядел и дородного торговца, из-за которого и разгорелся весь сыр-бор. Хотя вся его вина только в том, что он так не вовремя оказался здесь.

– Простите меня... – чуть слышно, одними губами прошептал он. Боги, что он наделал! Куда он опять ввязался?!

– Назад! Назад!! – надрывался кто-то из имперских. Возгласы то и дело прерывались хлопками пистольных выстрелов. В ответ свистели арбалетные болты, но большинство из них пролетали мимо либо с лязгом разбивались о щиты и выпуклые кирасы имперцев. Знаменитая редоранская сталь подтверждала молву – пробить её можно было только пулей.

– Ну чего ты там возишься?! – взвыл Эстерано после очередного нестройного залпа из самострелов. Несколько болтов пролетело у них над самими головами, ухнув в стену склада. Этим же залпом удалось-таки ранить одного из солдат в оцеплении. Толпа радостно взревела.

– Готово, господин! – солдат, наконец, отворил все замки и приоткрыл тяжелую створку.

– Отступаем! – срывающимся голосом воскликнул Эсте-

рано, первым бросившись в проём. Барта он тащил за собой, вцепившись в него, как клещ.

С северной окраины поселка донесся гулкий топот конников и грохот выстрелов. Чуть погодя, будто отозвавшись эхом, раздались выстрелы на южной окраине. Часть толпы бросилась врассыпную, но основная часть отступила к площади – туда, где выстроились рядами фургоны, которые можно было использовать как прикрытие. Караванщикам уже нечего было терять – роковой шаг сделан. Теперь либо они перебьют всех имперцев и попытаются скрыться, либо все будут болтаться на виселице как мятежники.

– Наши! – радостно воскликнул кто-то из имперцев.

– Отступаем! – повторил Эстерано перед тем как скрыться в темноте склада.

Когда они заскочили внутрь, Барт невольно пригнулся, вжимая голову в плечи. Имперец потащил его за собой по проходу между штабелями каких-то ящиков. Следом один за другим потянулись солдаты.

– Всем быть у выхода! – выкрикнул Эстерано. – Баррикаду поперек ворот!

Замкнутое пространство склада наполнилось топотом тяжелых сапог, бряцаньем оружия, сдавленными проклятьями солдат, грохотом опрокидываемых ящиков.

– Всем зарядить пистолы! – командовал имперец. – Сгруппироваться! По моей команде – открываем ворота! Нужно помочь нашим! Свет! Где факелы, Хорм вас дери?!

Будто в ответ прямо рядом с ними полыхнула яркая вспышка, от которой Барт на время полностью ослеп. Он и не понял толком, что случилось, только почувствовал, как на него брызнуло чем-то тёплым, а имперец, отпуская его руку, начал заваливаться набок, ему под ноги.

Где-то над самым ухом гулко щелкнула тетива арбалета, кто-то толкнул его в плечо, опрокидывая на ящики.

– Засада!! – заорал кто-то из солдат.

– Прячься, парень! – рыкнули Барту в самое ухо. Голос был знакомый.

Твинклдот, протирая слезящиеся глаза, нырнул в узкий проход между двумя штабелями ящиков. Вовремя. Мимо, перепрыгнув через труп Эстерано, пролетел имперец, на бегу замахиваясь тяжелым кордом. Еще миг – и он схлестнулся с двумя бандитами, вооруженными топорами. Схватка была короткой – пока один из головорезов оттянул имперца на себя, второй зашел сбоку и оглоушил солдата по загривку, прикрытому только кольчужной бармицей. Когда тот рухнул на четвереньки, оба пару раз приложились сверху, целясь в неприкрытые кирасой участки. Топорами подручные Марко орудовали ловко, как заправские дровосеки. Вот только вместо деревянной чурки была человеческая спина. Барт зажмурился, чтобы ничего не видеть, но звук ударов врезался в уши, и его не смог заглушить даже гвалт разразившейся схватки. Мерзкий, страшный звук.

Запахло гарью. То ли просто кто-то неудачно обронил фа-

кел, то ли бандиты нарочно подожгли склад, но вокруг все начало быстро заволакивать едким белым дымом. Барт, прикрывая нижнюю часть лица полой плаща, вертел головой, не решаясь покинуть своё убежище. Вокруг сновали чёрные тени, кто где – понять невозможно. Он чувствовал себя перепуганным котенком, забившимся под лавку во время потасовки в кабаке. Был бы хвост – торчал бы трубой, распушившись, как потрепанная щётка.

– Бартоломью! – крепкая рука буквально за шиворот выволокла его из закутка.

– Господин Леонард! – обрадовано воскликнул юноша прежде, чем маг успел зажать ему рот ладонью.

– Ну как, весело? – жутко хихикнул Серый. В глазах его бесновался сумасшедший огонёк, лицо блестело от пота. Боги, сколько же скумы он в себя влил?

– С вами всё хорошо, дон Леонард? – обеспокоенно спросил Барт. – Как рана?

– Хреново рана, – отозвался пилигрим. – Но давай позже поболтаем. Здесь становится жарковато. Уходим!

– Куда уходим-то? – спросил Барт, подавив в себе желание ухватиться за полу его балахона, чтобы не потеряться. – Обратнo в лаз?

– Он перекрыт, – мотнул головой маг. – Наружу!

Снаружи сейчас наверняка не меньший кавардак, подумалось Барту, но спорить он не стал. Стараясь не отставать, бросился за Серым, петляя между поваленными в беспоря-

дочные груды тюками и ящиками, перепрыгивая через валяющиеся на полу трупы и шарахаясь от выскакивающих навстречу силуэтов – тут уж некогда было разбираться, имперец перед тобой или кто-то из бандитов. Для Барта и вовсе сейчас не было никакой разницы – он до одури боялся и тех, и других.

Наружу удалось проскочить быстро. Ворота уже были распахнуты настежь, из них валили клубы дыма. Сейчас это было кстати – дым послужил хоть какой-то маскировкой. Серый потянул Барта влево, утаскивая за угол склада, в относительно безопасное место.

На площади разразилось целое побоище. Конных имперцев, пришедших на подмогу с окраин поселка, осталось немного, едва ли дюжина. Толпа караванщиков окружила их и, орудуя вилами и дрекольем, по одному выбивали из седла или расстреливали из арбалетов. Лошади истошно ржали, вставая на дыбы, шарахаясь от редких звуков пистолетных выстрелов.

– Подмога!! – завопил кто-то. – С западной заставы имперцы идут!

С того места, где стояли Барт с Серым, было хорошо видно приближающийся отряд – еще дюжины полторы конных – видно, остатки патрулей. Серый рванулся вперед, им наперерез.

– Вы куда?! – вскричал Барт, чуточку не успев ухватить его за край плаща. Следовать за магом он не стал, благора-

зумно укрывшись в тени стены. Серый же, выскочив на дорогу, замер, сгорбившись и чуть расставив руки в стороны.

Барту показалось, что даже шум битвы на некоторое время стал тише. Многие в толпе, так же как и он, обернулись в сторону приближающегося отряда и одинокой фигуры в длинном плаще, преградившей ему путь.

Всадники, кажется, даже поначалу сбавили темп, но, увидев, что Серый один, снова пришпорили лошадей. До них было едва ли больше сотни шагов, и расстояние стремительно сокращалось.

Серый сгорбился еще больше, вывернул руки ладонями вверх, словно собираясь приподнять что-то невидимое. Топот копыт приближающихся всадников раздавался всё громче, уже можно было различить гербы на их кирасах и плюмажи из конского волоса, развевающиеся на издалека узнаваемых яйцевидных имперских шлемах.

Когда несущиеся во весь опор конники были в двух десятках шагов от него, пилигрим, наконец, выпрямился, скидывая вверх руки – медленно, с яростным натужным рёвом, будто отбрасывая что-то тяжелое. Между ним и всадниками, кажется, из самой преисподней, вспарывая мёрзлую землю, вырвались жуткие кривые копья, похожие на острые костяные пальцы, облитые горячей багровым пламенем лавой. Их было много, несколько десятков, они полностью перегородили дорогу. Лошадь имперца, скакавшего впереди всех, с ходу распорола брюхо об одно из них и завязла, перекинув наезд-

ника через голову. Имперец, кувыркнувшись, упал прямо на этот страшный частокол. Несмотря на кирасу, раскаленные копыя прошили его насквозь, как зубцы вилки кусок хорошо вываренного мяса. Остальные всадники попытались осадить лошадей или вывернуть их в бок. Кому-то это удалось, кого-то лошадь сбросила наземь, кто-то так и не смог совладать с животным и тоже со всего маху налетел на шипы. Нашлась пара глупцов, попытавшихся взять этот барьер с разбега.

Серый, откинувшись назад всем телом, выставил ладони перед собой, разведя локти в стороны. Снова выкрикнул что-то гортанным, скорее похожим на рёв, голосом. Медленно, будто толкая что-то перед собой, выпрямил руки, и копыя пошли навстречу всадникам, как волна – те, что были ближе к нему, прятались, те, что дальше – наоборот, выдвигались еще сильнее, а из земли высовывались новые. Всё потонуло в многоголосом вопле ужаса и истошном ржании гибнущих лошадей. Жуткая волна, прокатившись добрые пару десятков шагов, наконец, скрылась под землёй, оставив на поверхности корчащиеся в агонии тела, перемешанные в одну окровавленную кучу.

Барт с трудом оторвал взгляд от этого зрелища. Колени подгибались, в животе бился тугой скользкий комок, который в итоге вырвался-таки наружу. Когда приступ рвоты прошёл, Барт, подняв голову, увидел Серого. Маг, заметно шатаясь, брёл к нему, не обращая внимания на продолжающуюся за его спиной схватку. Впрочем, там уже всё подхо-

дило к концу – в седле осталось всего трое имперцев. Они отбивались отчаянно, но без особой надежды на успех – было ясно, что им не дадут вырваться.

Барт разглядел в толпе огромную фигуру Карла – трактирщика трудно было с кем-то спутать. Гигант был вооружен колуном таких размеров, что Барт, пожалуй, и поднял бы его с трудом, не говоря уж о том, чтобы размахивать. Карл тоже заметил бредущего мага и побежал к нему, грузно переваливаясь с боку на бок. Подхватив под уздцы одну из имперских лошадей, он потянул упирающееся животное за собой.

Барт же не был уверен – бежать ли помочь Серому, или же бежать от него, не оглядываясь. Ему еще никогда не было так страшно, хотя страху-то он натерпелся за последние несколько дней больше, чем за всю жизнь.

Маг добрал до «Золотого гуся» и остановился, прислонившись к одному из деревянных столбов, придерживающих навес над крыльцом. Обеими руками он держался за живот.

– Бартоломью! – запрокинув лицо вверх, вскричал он. Крик был похож скорее на стон боли.

Юноша замер, скривившись, как от удара. Часть его разума – и это была очень весомая часть – вопила внутри, что нужно бежать прочь от этого страшного человека и постараться скрыться где-нибудь в глуши, куда не скоро докатятся даже слухи об этой резне. Боги, ведь всего несколько дней назад он мирно стоял за прилавком, торгуя морковкой на паре с занудой Бонацио! И вот – он уже один из зачинщиков на-

падения на императорских сборщиков налогов, пособник сумасшедшего колдуна, который сам признаётся, что пострашнее всех повстанцев, вместе взятых...

– Ты вляпался, Счастливчик, – прошептал он сам себе. – Вляпался в такое дерьмо, что в жизни не отмыться...

– Бартоломью!!

Барт помотал головой и шагнул навстречу магу. Другая часть его разума – наверное, не самая мудрая и не самая последовательная – в последний момент отбросила мысли о бегстве. Наверное, это была та же часть, что заставила его заступиться за девчонку там, в «Старом якоре». Та часть, что толкнула его в своё время на порог лавки торговца краденым в портовом районе Валемира. Что с малых лет звала его куда-то за океан, к неведомым опасностям и приключениям. То, что Индюк Твинклдот, его почтенный дядюшка, называл шилом в заднице.

А, может, дело было в том, что толстуха Мэм называла большим сердцем. Как бы то ни было, бросить мага сейчас, когда он так беззащитен, Барту представлялось чем-то слишком уж мерзким и постыдным.

Юноша уже был на полпути к Серому, когда увидел силуэт, промелькнувший сбоку, на крыше таверны. Он почти сразу понял, в чём дело, и завопил, как резаный:

– Сверху!!

– Дон Леонард!! – вторил ему приближающийся Карл.

Красноволосый верзила в черном балахоне опередил их.

Взяв короткий разбег по крутому скату крыши, он сиганул вперед, распластавшись в полёте разлапистой кляксой. На секунду Барту показалось, что тот умеет летать. Но это был просто гигантский прыжок, конечной точкой которого должен был стать Серый.

Барт не думал, что магу удастся уклониться. Еще мгновение назад Серый едва стоял на ногах, держась за рану, и казалось, вот-вот лишится чувств. Но вот он завертелся волчком, отскакивая в сторону. Взметнувшись широкой дугой, свистнула в воздухе его смертоносная плеть.

Красноволосый, умудрившись в прыжке оттолкнуться от столба, придерживающего навес над крыльцом таверны, резко изменил направление полета, отскочив вбок. Приземлившись, прокатился кубарем по мерзлой земле. И, к ужасу и изумлению Барта, вскочил на ноги. Любой после такого прыжка с крыши остался бы валяться с переломанными ногами, а этот только прихрамывал!

– Дон Леонард, бегите! – заорал Карл и, не давая красноволосому очухаться, набросился на него, замахиваясь своим огромным топором. На подмогу трактирщику уже бежали несколько человек, вооруженных вилами и оглоблями – похоже, его батраки.

Барт рванул вперед, перехватил уздцы имперской лошади и, откинувшись назад всем туловищем, потянул её за собой.

– Господин Леонард!! – закричал он, искоса поглядывая за схваткой Карла с красноволосым. – Быстрее!

– Карл! – прохрипел маг, делая какие-то неуклюжие пассы руками.

– Какие вам сейчас заклинания! – заорал на него юноша. – Если вы сейчас упадете, я вас не утащу!

Маг, что-то невнятно рыча и поминутно оглядываясь на схватку трактирщика с красноволосым, проковылял к лошади.

– Бежим, Бартоломью!

– Хорошо, я найду вторую лошадь... – начал было юноша, но маг замотал головой, лихорадочно вырывая у него поводья.

– Нет! Я один не удержусь в седле...

Барт явственно увидел пляшущий в его глазах огонёк паники. Маг боялся красноволосого. По-настоящему боялся.

– Сзади, сзади садитесь! – потеснив Серого, буркнул Твинклдот, влезая в седло. – За меня держитесь!

– Карл... – прохрипел маг, оборачиваясь.

Трактирщик с подручными оттеснили красноволосого к стене таверны – с помощью длинных вил удавалось держать его на расстоянии. Но, судя по тому, как ловко убийца парировал все их удары, ему больше проблем доставляла боль в колене – он сильно припадал на левую ногу, придерживая её свободной рукой. Барт не решился бы делать ставки на исход этой схватки. Карл, судя по выправке и тому, как он ловко управляется с топором, трактирщиком стал явно не смолоду. Но что-то подсказывало юноше, что этот таинственный тем-

нокожий со страшным мечом представляет собой куда большую опасность, чем все головорезы Марко, вместе взятые.

Барт, убедившись, что маг крепко уцепился за его бока, заколотил пятками по бокам лошади. Та, всхрапнув, рванула вперед, шарахаясь от попадающихся навстречу людей с факелами. Счастливчик до боли в пальцах стискивая поводья, пытался хоть как-то направлять перепуганное животное в нужную сторону. Удавалось с трудом.

Они быстро вылетели за пределы Распутья. По широкой дуге обогнули поселок с востока – Барту с трудом удалось успокоить лошадь, и маг приказал поворачивать на север, к тракту, ведущему в Дрезенбург.

Уже окончательно стемнело, и за пределами поселка всё тонуло во мраке. Барт с трудом различал дорогу и полагался больше на саму лошадь.

Маг за его спиной тяжело дышал, с трудом удерживаясь верхом. Он что-то бормотал, срываясь на хрип, большую часть слов Барт не разобрал. Впрочем, юноше было не до того. Он сам старался удержаться в седле – лошадь то срывалась с рыси в галоп, то, наоборот, останавливалась, гарцуя на месте, так и норовя сбросить с себя чужаков.

Замаячивший впереди на тракте темный силуэт Барт сначала принял за перегородившую путь баррикаду. Шарахнулся в сторону, подумав, что это пост перекрывших дорогу имперцев. Но, услышав поскрипывание колёс и глухой лай крупной собаки, понял, что это фургон.

Они быстро догнали плетущуюся по дороге колымагу. Навстречу, яростно облаивая незваных попутчиков, бросился лохматый вислоухий пёс.

Фургон ехал в кромешной тьме, так что с трудом можно было различить сторбившийся силуэт на месте возницы. Но Барт уже узнал и пса, и саму повозку.

– Вирго! – окликнул он. – Стой!

Было видно, что возница встрепенулся, но ответа не последовало.

– Вирго, это я! – повторил Барт, с трудом удерживая напуганную лаем лошадь рядом с фургоном. – Стой, говорю тебе!

– Малыш? – недоверчиво переспросил из темноты знакомый голос.

– Ещё раз назовёшь меня малышом – точно нос разобью! – пообещал Барт.

Фургон, наконец, остановился. Барт, опасливо косясь на мечущегося рядом пса, слез с лошади. На ощупь, придерживаясь рукой стенку фургона, подбежал к вознице.

– Это правда ты? Рад видеть тебя живым, малыш, – обернулся ему навстречу старьевщик. – Сейчас, подожди...

Он несколько раз чиркнул кресалом и разжег маленький фонарь с замызганными стеклами. Посветил им Барту в лицо и сокрушенно зацокал:

– Эх, кто ж тебя так...

Барт поморщился, кончиками пальцев касаясь фингала под глазом.

– Ты обещал меня отвезти в Дрезденбург, – без вступления проговорил он. – Так вот, я согласен. Только со мной еще один человек. Раненый. Помоги загрузить его в фургон.

– Э-э, парень, мне сейчас как-то не резон... – начал было старьевщик. Барт, сам от себя не ожидая, вырвал из-за спины меч и, приставив лезвие к шее тощего, прорычал:

– Быстро поднимай свою костлявую задницу и помоги мне с раненым! Я сказал – ты отвезешь нас в Дрезденбург! Ну?!

Вирго, судорожно сглотнув, мелко закивал. Хлястики на его шапке закачались в такт движениям его головы. Осторожно отодвинув клинок от своей шеи, он прохрипел:

– Триста лир... С каждого!

Барт шумно выдохнул. У него уже не осталось сил, чтобы торговаться.

Повозка катилась неспешно, но можно было благодарить богов уже за то, что та кляча, что её тащит, вообще справляется со своим делом. Мага разместили под пологом, соорудив ему вполне сносную лежанку из всякого тряпья, которого у старьёвщика оказалось навалом. Барт устроился рядом. Зажгли фонарь, подвесили его на одной из дуг, придерживающих полог. От тряски он изрядно раскачивался, но светил исправно. В целом получилось даже уютно, если не считать затхлого запаха и постоянного ожидания погони.

Осмотрели рану Серого. Наложённые накануне швы разошлись напрочь, рана снова зияла свежим мясом и сильно кровоточила. О том, чтобы шить снова, тем более на ходу, не могло быть и речи. Барт помог магу потуже перебинтовать бок и отыскал очередной пузырьёк со скумой. Серый выпил зелье и погрузился в вялую полудрему. Глаза его были открыты – Барт видел пляшущие в них отблески фонаря – но казались пустыми.

– Этот твой... Вирго... Думаешь, ему можно доверять? – прохрипел маг, когда они тронулись в путь, отпустив восwoяси имперскую лошадь, с которой старьёвщик, конечно, не поленился снять всю сбрую.

Барт фыркнул.

– Вирго? Этот прохиндей втюхал мне бабские сапоги за

триста лир! Вот и судите сами – можно ли ему доверять...

Серый криво усмехнулся, и эта усмешка надолго застыла на его лице.

Барту на глаза попалась лютня, которую он едва не купил недавно. Выудив инструмент из завалов того хлама, что Вирго называл товарами, он устроился поудобнее и начал настраивать инструмент. Пальцы, истосковавшиеся по струнам, порхали над ними плавно, едва касаясь, так что снаружи звуки были едва слышны.

Мелодия соткалась сама собой. Печальная, чуть тревожная, с рвущимся, как у останавливающегося сердца, ритмом. На душе у Барта было погано. Страх прошёл, осталось только ощущение чего-то мерзкого. Он то и дело косился на Серого, уставившегося остекленевшим взглядом вверх, на качающийся над головой фонарь.

– Как рана? – кашлянув, спросил он, не прекращая игры.

– Ты сам не видел? – огрызнулся маг. – Слава богам, хоть боль не так чувствуется. Скума делает своё дело.

– Думаете, дотянем до города? Вы ведь сказали, что нужно будет сделать крюк, чтобы въехать с восточных ворот, а не с южных...

– А какой у нас выбор? Возвращаться некуда.

– Кто этот темнокожий? – не выдержал Барт. – Вы видели его меч?

– Да. Это меч Сандро. А таец – судя по всему, пёс Красной руки. Я уже слышал о нём. Убийца по прозвищу Коготь...

Маг сморщился, как от боли, прикрывая ладонью глаза.

– Карл... Он был мне, как брат...

– Ну, что ж вы его хороните раньше времени, – неуверенно пробормотал Барт. – Может, он...

– Не может! – отрезал пилигрим. – Если хоть половина из того, что болтают о Когте – правда, то Карл наверняка уже мёртв.

– Да и не только он, – насупившись, буркнул Барт. – Там, наверное, ступить некуда от трупов. И заварили эту кашу вы!

Серый искоса зыркнул на юношу, но тот продолжил.

– И чего ради вы всё это затеяли? Еще и головореза этого бородатого притянули. Ну, он-то на деньги сборщиков позарился. А вам это зачем?

– Ты меня что, упрекать вздумал, сопляк? – разозлился маг. – Тебя никто не заставлял участвовать в этом. Я тебя, кстати, и сейчас не держу – можешь проваливать!

– Да что вы? – ехидно переспросил Барт. Страх перед Серым постепенно улетучился, жалость – тоже, и сейчас он чувствовал только нарастающее раздражение. – Между прочим, это фургон моего знакомого, и я его нашёл! Что, думаете, легко уговорить торговца взять к себе в попутчики полудохлого мага, накачанного скумой? Если что-то не нравится – сами проваливайте!

Серый приподнялся на локтях, ноздри его раздувались от гнева.

– Ну, давайте, испепелите меня, – фыркнул Барт. – Уж

что-то, а убивать невинных людей вы горазды.

Маг бессильно откинулся назад.

– Кого это ты называешь невинным? Имперских солдат?

– Да хоть бы их, – пожал плечами юноша. – Они всего лишь солдаты, выполняют, что прикажут. Хотя, конечно, попадают среди них...

Он ощупал заплывший глаз. Открывать его он уже мог, но болело всё вокруг страшно. А уж как выглядело со стороны – он боялся и представить.

– А торговцы? Ведь там на каждого солдата – наверняка по двое караванчиков пришлось! Если бы не наша засада – вообще неизвестно, кто бы взял верх.

– Вот именно.

– Да что вот именно! – чуть не вскочил на ноги Барт, но качнувшаяся на ухабе повозка опрокинула его обратно. – Ведь вы же сами всё это и устроили! Люди Марко подбросили скуму!

– В этот раз – да. Но уже были случаи, когда это делали сами имперцы, чтобы конфисковать весь товар, а торговца либо повесить, либо содрать огромный выкуп. Казна Валора трещит по швам. Он стремится пополнять её любыми средствами.

– Но...

– Послушай меня, Бартоломью! – с нажимом перебил его маг. – Да, жаль погибших. Но есть вещи, которые важнее всего остального. Порой важнее, чем чьи-то жизни. Чем твоя

жизнь, чем моя...

– Значит, если понадобится, вы и меня в расход пустите ради своих великих целей? – съязвил Барт. И вдруг замер, пораженный внезапной догадкой.

– Погодите-ка... А ведь это вы настояли на том, чтобы именно я пошёл доложить Эстерано о скуме. Вы наверняка догадывались, что меня не отпустят просто так...

– Да о чем ты болтаешь, Бартоломью! Наоборот, задание было самое безопасное – передать послание и смыться подале, пока не началась заваруха...

– Ну да, конечно...

– Да послушай ты! – разгорячившись, маг снова приподнялся на лежанке, но снова рухнул обратно. Зашипел от боли, и на некоторое время затих.

Молчал и Барт. Опустив голову, он что-то лихорадочно обдумывал.

– Знаешь, Бартоломью... – наконец, подал голос Серый. – Я действительно тебя не держу. И никогда не держал... Я уже много лет скитаюсь в одиночку. Это меня вполне устраивает. Сказать честно – я не очень люблю людей. По большей части это довольно мерзкие создания. Даже с виду вполне благообразный человек, стоит копнуть поглубже, оказывается редкостной гнидой.

– А вы, как я погляжу, чистый и сияющий, как дева Кибия! – фыркнул Барт.

– В моей жизни, по крайней мере, есть цель, и эта цель –

не заграбастать побольше денег или перетискать побольше баб.

– О, да, опять эти ваши таинственные цели, – издевательски воздел руки юноша. – Чего вы добиваетесь-то? Свержения императора?

– В том числе. И, кстати, сегодня мы нанесли ему неплохой укол. Этот отряд сборщиков налогов, судя по всему, шёл с самого восточного побережья. Наверняка собрали немало. Сотни тысяч лир...

– Достанутся Марко и прочим скотам!

– Плевать! Лишь бы не достались Валору.

Барт покачал головой.

– Карл был прав. Эта ненависть пожирает вас изнутри. И ради неё вы готовы отправлять людей на смерть.

Серый усмехнулся.

– Что ты знаешь о ненависти, парень? И что ты знаешь о смерти?

– Да уж наверняка поменьше вашего, – согласился Барт.

Маг вздохнул, и они надолго замолчали.

– Ты не представляешь, как я устал, Бартоломью... – наконец, негромко произнес Серый.

– Да я тоже, – смягчился юноша. – Те ещё денёчки выдались...

– Ты не представляешь, как я устал... – повторил Серый. – Уже много лет вся моя жизнь – это бесконечные поиски. И иногда мне действительно кажется, что я гоняюсь за призра-

ками...

– Может, расскажете, наконец? – предложил Барт. – Или вы мне по-прежнему не доверяете?

Серый с усмешкой взглянул на него.

– Знаешь, если бы я чувствовал себя получше, я бы всё-таки выкинул тебя из фургона. Уж больно ты дотошный.

– Ага, как же...

– Но, думаю, у меня и выбора-то особого нет. Если я не дотяну до Дрезенборга, то, по крайней мере, останется еще один человек, знающий то, что знаю я. И, возможно, когда-нибудь ты продолжишь то, что я начал.

– Всё-таки хотите взять меня в ученики? – осторожно спросил Барт.

– Да почему бы и нет, Хорм меня раздери? – хохотнул маг. – Только удовольствие это сомнительное, и не говори, что я тебя не предупреждал...

– Ладно, ладно, пропустим эту часть, – нетерпеливо поёрзал Барт. – Выкладывайте уже. Кто вы?

– Я – Серый пилигрим. Пожалуй, последний. Или, наоборот, первый. Это уж как посмотреть...

– Знаете, скума, похоже, не очень-то помогает вам излагать мысли. Я что-то ничего не понимаю, – помотал головой Барт. – А ведь вы только начали.

– Давай ты не будешь меня перебивать, Бартоломью? Эта долгая история, я думаю, может занять всю дорогу до Дрезенборга. Запахни-ка поплотнее полог, да придвинься по-

ближе. Не хватало еще, чтобы этот твой приятель нас подслушал.

Барт выполнил указания и устроился поудобнее рядом с Серым, ловя себя на мысли, что чувствует себя прямо как в детстве, когда Мэм укладывала их с Бонацио в кровати и готовилась рассказывать какую-нибудь из своих многочисленных волшебных историй. Оставалось только надеяться, что Серый хотя бы вполтину владеет тем искусством интересного рассказа, каким могла похвастаться старая нянька.

Маг долго собирался с мыслями, так что юный Твинклдот снова дотянулся до лютни и принялся наигрывать какой-то незамысловатый мотив. Наконец, когда Барт уже начал подумывать, что Серый заснул, и собрался растолкать его, маг произнес:

– Иногда по молодости можно совершить глупость, за которую будешь расплачиваться всю оставшуюся жизнь. Впрочем, кому я рассказываю...

Барт невесело усмехнулся. Пилигрим продолжил:

– Всё это началось очень давно и как раз в этих краях, в Дрезенборге. Тогда я был чуть старше тебя...

Часть пятая. Леонард

1

Год 207 от Разлома, Дрезенбург

Это утро было из тех, в которые просыпаться так приятно, хотя и так нелегко. Леонард, с трудом разлепив веки, потянулся и потихоньку высвободил занемевшую руку из-под белокурой девичьей головки, что покоилась у него на плече. Девушка, не просыпаясь, трогательно почмокала губками и перевернулась на другой бок, подтягивая обширное атласное одеяло повыше.

Необъятное ложе в фешенебельном номере «Благословения Кибии» – самого дорогого отеля Дрезенбурга – было обильно усыпано лепестками роз. Их аромат перебивался кисловатым запахом пролитого на пол вина и порезанных фруктов, когда-то выложенных на огромном подносе в живописную композицию, а теперь в таком же живописном беспорядке валяющихся по всей комнате.

Леонард поморщился от солнечного луча, пробившегося в щель между тяжелыми шторами, казалось, с единственной целью – устремиться молодому повесе прямо в глаз. На ощупь нашарил рядом с кроватью початую бутылку вина. Понюхав содержимое, сморщился еще сильнее. Как он вчера

мог это пить? Тем более в таких количествах...

Блондинка рядом с ним зашевелилась, потерлась о него упругим бедром, и настроение тут же улучшилось. Леонард снова привлек её к себе, зарылся лицом в невесомое облако её растрепанных волос и с наслаждением втянул нежный цветочный запах её духов. Потянуло в сон, но с дрёмой тут же начало соперничать другое желание, растекающееся по телу приятной истомой. Рука Леонарда скользнула под одеяло, он самыми кончиками пальцев прошелся по спине девушки. Кожа её гладкостью могла соперничать с атласом простыней, но в отличие от прохладной скользкой ткани, была тёплой, почти горячей. От щекотки красавица смешно поежилась и, хихикнув, нырнула под одеяло с головой. Леонард, нетерпеливо поёрзав, приготовился отправиться за ней.

И именно в этот момент их очень грубо прервали.

Бабах!! Двери в комнату будто вышибло снаружи пушечным ядром. Внутрь ввалилось двое растрепанных молодчиков – один приземистый и пузатый, как бочонок, с вислыми моржовыми усами и обширной лысиной, второй – еще совсем сопляк со смешно торчащими из-под нарядного берета ушами. Оба – в вычурных, расшитых золотыми нитями дублетах и зауженных к низу штанах в тонкую полоску. Следом за ними, на ходу вырывая шпагу из ножен, залетел тип в блестящей выпуклой кирасе поверх дорожной одежды.

– Вот он где! – взревел он, поправляя съехавший на ухо

берет с длинным ярко раскрашенным пером. – Я сейчас разорву этого негодяя на куски!

Острие его шпаги недвусмысленно указывало прямо на Леонарда, так что в том, на кого именно направлен гнев незнакомца, не осталось никаких сомнений.

Молодой Кроу выскользнул из-под атласного одеяла и, ловко перепрыгнув через валяющийся кверху ножками стул, метнулся к своему мечу, лежащему на комодке, среди небрежно разбросанных деталей женского туалета. Не успела троица незваных гостей и шевельнуться, как он уже встал между ними и кроватью в боевой стойке, высоко подняв клинок и направив его острие в грудь толстопузому, что имел неосторожность выдвинуться чуть дальше остальных. Несмотря на возраст, Леонард успел прослыть отличным фехтовальщиком, и сейчас смотрелся вполне грозно, хотя из одежды на нем была только легкая рубашка, к тому же настолько короткая, что едва прикрывала стратегически важные места.

– Извольте представиться и объясниться, господа! – вскинув подбородок, потребовал он. – Иначе я сочту вас обычными грабителями, и расправлюсь так, как подобает благородному дону расправляться с негодяями!

– Этот щенок еще имеет наглость твякать на меня! – усы у типа в кирасе встопорщились так, что стали похожи на изрядно потрепанную обувную щётку.

– Успокойтесь, успокойтесь, барон! – умоляюще пролепетал толстяк, хватая его за локоть. – Помните – нам не нужен

скандал!

– Отцепись, Тулио! – рывкнул тот, вырывая руку. – Плевать мне на его титулы и на его папашу! Я его по стенке размажу! Защищайся, щенок!

Усатый сделал выпад, Леонард парировал. В замкнутом пространстве комнаты звон скрестившихся клинков показался оглушительным.

– Умоляю вас, барон! – едва на колени не падая, воскликнул толстяк. – Густав, да скажите же ему!

– Да кто вы такие, разрази вас Хорм?! – не выдержал Леонард.

– Я?! Я барон Эрнандо Карлендорф! – вытянув шею, процидил тип в кирасе. – Теперь понял, щенок?

– Вообще-то не очень, – честно признался Леонард, чем поверг барона в ещё большую ярость. Тот побагровел так, что, казалось, его вот-вот хватит удар.

– Ах ты... – до Леонардо вполне явственно донесся скрежет его зубов. – Может, и имя Бернарда Карлендорф тебе ни о чем не говорит?

– Да с чего бы? – искренне удивился Леонард.

– Да с того, что это моя жена! А мои люди... – барон мотнул головой в сторону толстяка и ушастого юноши. – Видели, как ты, негодяй, завлѐк её сюда. Бернарда!

Под одеялом наметилось какое-то шевеление, но наружу никто не показался.

– Да нет здесь никакой вашей жены! – возмутился Лео-

нард. – Если вы думаете, что можете так вот запросто ворваться в апартаменты дворянина...

– Да я что, слепой, по-твоему?! – перебил его барон, указывая на кровать. – Я же вижу, что она там! Бернарда!

Он выпятил челюсть, нетерпеливо переминаясь с ноги на ногу. Из-под одеяла так никто и не вылез.

– Прошу вас удалиться, господа, – осмелев, потребовал Леонард. – Будем считать это недоразумением. Весьма неприятным, надо сказать, но я вас великодушно извиню, если вы, конечно, сообразоволяете принести свои извинения...

– Да что ты несёшь, молокосос?! – взревел барон. – Ты обесчестил мою жену, опозорил меня, а теперь еще и требуешь извинений?! Защищайся!

Он снова бросился в атаку, и Леонард с трудом парировал его молниеносные выпады. Его меч был куда тяжелее шпаги барона, коей тот, судя по всему, владел неплохо, используя все преимущества скорости и колющих ударов.

Леонард подхватил во вторую руку стул и, защищаясь им, как щитом, отгеснил нападающего назад. Барон, сыпля проклятиями, атаковал снова. Острие шпаги с треском разворотило сиденье стула, пронзив его насквозь и едва не дотянувшись до груди Леонарда, прикрытой лишь легкой тканью рубахи. Тот, воспользовавшись тем, что оружие противника попало в захват, резко развернул стул с застрявшим в нем клинком и вырвал шпагу из рук барона.

– Ах ты, подлый.... – фраза оборвалась нечленораздель-

ным рычанием. Барон выхватил из-за пояса богато инкрустированный пистоль с коротким дулом, заканчивающимся раструбом, как у мушкета.

– Барон!! – в голос взвыл толстяк, хватая обезумевшего рогоносца за руку.

Выстрела, впрочем, не последовало, лишь короткий звонкий щелчок.

– Проклятье! Порох отсырел! – стуча стволом пистоля по ладони, прошипел Карлендорф.

– Это уже выходит за все рамки, барон, – стараясь унять дрожь в голосе, произнес Леонард, с нарочитой небрежностью опираясь на резной столбик, придерживающий балдахин над кроватью. – Я повторю – извольте удалиться! Вашей жены здесь нет и никогда не было.

– Ты за идиота меня держишь? – прорычал Карлендорф, тыча в него дулом пистоля. Леонард невольно вжал голову в плечи и постарался уклониться, но барон неумолимо водил дулом за ним, целясь прямо в голову. – А кто тогда там, у тебя в кровати?

– Это вас не касается, господа!

– Вот как? Хочешь сказать, что там не моя жена?

– Еще раз повторяю – я не знаю никакой Бернадетты!

– Бернарды!

– Тем более!

– Хорошо, – неожиданно согласился барон. – Давай тогда проверим, кто у тебя там. Пусть покажется.

Леонард со смешанными чувствами оглянулся на кровать.

– Я... не могу этого позволить, господа!

– Да что ты? Показывай, говорю!

– Вы хотите оскорбить честь моей дамы? – с вызовом спросил Леонард. – Я этого не допущу!

– А я не допущу, чтобы какой-то молокосос морочил мне голову! Показывай!

– Я готов дать вам слово дворянина, что...

– Да чихать я хотел на все твои слова, негодяй!

– Ах, так? Не забываетесь ли вы, барон? – глаза Леонарда сузились, а меч в руках ожил, выписывая в воздухе замысловатый вензель. – Вы ставите под сомнение слово дворянина?

Карлендорф скрежетнул зубами.

– Я не уйду отсюда без жены! Либо ты убираешь это проклятое одеяло, либо, клянусь честью, я сделаю это сам!

– А я утверждаю, что вашей жены здесь нет, – упрямо повторил Леонард, демонстративно преграждая барону путь к кровати. – Моё слово, слово графа Кроу, против наветов ваших придурковатых слуг. Дело серьёзное, барон. Хотите оскорбить меня? Учтите – такие оскорбления смываются только кровью!

Барон заметно занервничал. Оглянулся на своих спутников. Те уже, похоже, сами были не рады, что пришли сюда. Толстый сплошь покрылся крупными каплями пота и поминутно вытирал шею грязноватым платком. На молодого и вообще было жалко смотреть. Он лишь косился на дверь и, по-

хоже, только и ждал подходящего момента, чтобы дать дёру.

Тишину прервал приглушённый чих, прозвучавший из-под одеяла.

– Бернарда! – не выдержал Карлендорф. – Я ведь знаю, что это ты! Покажись, и закончим, наконец, эту пустую болтовню!

Он бросился вперед и, отеснив замешкавшегося Леонарда, ухватился за край одеяла и дернул его на себя, являя на свет скрывающуюся под ним нагую белокурую нимфу. Та, взвизнув, ухватилась за противоположный край и снова подтянула одеяло к подбородку. Да так и замерла, переводя взгляд от одного незваного гостя к другому.

Воцарилась тишина. Барон растерянно таращился на девицу, потом переглянулся со своими спутниками. Леонард тоже крутил головой, переводя взгляд с блондинки на незваных гостей.

– Кхм... – кашлянул, наконец, Карлендорф. – А... где Бернарда?

Леонард лишь издевательски ухмыльнулся, постукивая пальцами по оголовку упертого в пол меча.

– Кто-кто? – ядовито осведомился он.

Барон что-то проямлил, пятясь назад и не спуская глаз с девицы.

Леонард, пошарив на комод, нашел свою перчатку и швырнул ею в обидчика, попав точно по лицу. Тот смешно фыркнул, выпучив от удивления глаза.

– Я вызываю вас, барон, – отчеканил Леонард. – Завтра в полдень. Такие выходки недопустимы, и вы оплатите за своё хамство кровью!

Карлендорф неуклюже поклонился, придерживая сползающий берет.

– Как вам будет угодно, граф... – пробормотал он. От его прежней уверенности и напора не осталось и следа. – Смею вас заверить, что я очень сожалею о случившемся, и готов принести извинения вам и... вашей даме. Если вам будет угодно – я принесу эти извинения публично...

– Ах, вы хотите еще и предать огласке эту постыдную историю? – возмутился Леонард.

– Нет, нет, что вы... – ужаснулся барон, мелко трясая головой. – Я только хотел сказать, что...

– Убирайтесь вон, недоумки! – взревел Леонард. – И молитесь богам, чтобы мой отец, граф Кроу, не узнал об этой вашей выходке!

– Мы приносим свои...

– Вон!! – Леонард указал на дверь острием меча. – И чтобы я вас не видел до завтрашнего полудня. Для дуэли встретимся у здания ратуши, и проследуем на место, которое вы сами выберете. Выбор оружия, конечно, тоже за вами. Смею заверить, я одинаково хорошо владею и холодным оружием, и пистолетами.

Троица, спотыкаясь и сталкиваясь друг с другом в дверном проёме, поспешно удалилась.

Шумно выдохнув, Леонард плюхнулся на кровать.

– Кто это был? – осторожно спросила девица. – Ох и на-терпелась же я страху...

– Как тебя зовут? – оборачиваясь, спросил Леонард.

– Аделина! – обиженно воскликнула блондинка. – Ты что, забыл?

– Прости, прости... – поспешно извинился Леонард, подхватывая с пола изящный бокал из тонкого стекла и наполняя его вином. Пригубив его, задумчиво пробормотал:

– Бернарда, Бернарда... Откуда тогда взялась эта чушь про какую-то Бернаиду?

Одеяло на противоположной стороне кровати зашевелилось, и наружу показалась растрепанная черноволосая головка.

– Я Бернарда, – протирая заспанные глаза и широко зевая, ответила неожиданная гостья. – А что, что-то случилось?

Все трое уставились друг на друга, недоуменно хлопая глазами. Первым нашелся Леонард.

– Не желаете вина, сударыня? – любезно предложил он.

– Не надо, не надо, – замычала брюнетка, обхватив голову ладонями. – С этого всё и началось. Мне домой пора. Если не вернусь до темноты – могут заметить моё отсутствие...

– Ну, до темноты еще далеко, – хихикнула Аделина и, выскользнув из-под одеяла, подошла к окну, раздвигая шторы. Леонард залюбовался её точёной обнаженной фигуркой, утонувшей в солнечных лучах.

– Что, уже утро?! – в ужасе воскликнула Бернарда.

В коридоре послышались чьи-то торопливые приближающиеся шаги. Леонард гепардом прыгнул через кровать, с головой накрывая едва успевшую пикнуть брюнетку одеялом.

В комнату вошел мощного сложения мужчина с роскошными вислыми усами и небольшим, но приметным шрамом на левой щеке. Леонард облегченно вздохнул и выпустил копошащуюся под одеялом девицу.

– Карл, ты меня перепугал до смерти, – укоризненно сказал он. – Ты где был всё это время? Меня тут чуть не пристрелили! И, кстати, завтра я опять дерусь на дуэли...

Мужчина слушал всё это с каменным лицом, возвышаясь на пороге, как статуя боевого генерала. На нем была дорожная одежда с надетой поверх куртки длинной кольчугой. На поясе висел тяжелый полуторный меч.

– Дурные вести, дон Леонард, – перебил он болтовню молодого Кроу.

Леонард замолчал и выпрямился, придерживаясь одной рукой о столбик балдахина.

– Нам нужно возвращаться в Кастл-Кроу. Немедленно.

– Что-то случилось?

– Ваш отец убит.

2

Острые шпили замка показались на горизонте, едва путники обогнули опушку леса и выехали на извилистую каменистую тропу, что с высоты обзорных башен напоминала небрежно брошенную на землю веревку. Альдарский хребет на западе был едва различим – до него несколько дней пути, но предгорья начинались уже здесь. Холмистая равнина всё чаще топорщилась крупными скалами, торчащими из земли, как обломки гигантских зубов. Там, где ветра и дожди слизали напрочь тонкий слой почвы, темнели серые глыбы гранита. То и дело тропа огибала по самому краю глубокие овраги, на дне которых поблескивала стоячая вода. Корни кустов, росших на кромке оврагов, местами выглядывали наружу, свисая вниз безжизненными серыми щупальцами.

Чем дальше они продвигались на северо-запад, тем круче дорога забирала вверх, карабкаясь на небольшое плато, обрывающееся глубоким каньоном. Кастл-Кроу высился там, на самом краю обрыва, вращаясь в скалу так, что трудно различить, где заканчивается горная порода и начинается сложенный из дикого камня фундамент.

Замок и сам по себе старый, принадлежит роду Кроу уже третье столетие. Но, как гласят семейные легенды, выстроен он на руинах еще более древней цитадели. Кое-где осталась даже часть старой кладки, а пара внутренних башен и

вовсе была сохранена в первозданном виде. Так что своим обликом, столь отличающимся от принятых в Свадии, замок обязан тем безымянным древним зодчим, что заложили когда-то фундамент в этом краю – столь суровом на первый взгляд, и открывающим непревзойденные красоты тому, кто способен их разглядеть.

Леонард вздохнул, чувствуя, как сжалось что-то в груди, застыло тягостным комом в глотке. Он пришпорил лошадь, вырвавшись вперед. Не хотелось, чтобы Карл увидел его заблестевшие глаза.

Он подставил лицо колючему, предвещающему дождь ветру, несущему с собой мелкие песчинки и запах пыли. Прикрыл глаза – светло-серые, почти прозрачные, так не сочетающиеся с тёмными, как смоль, волосами. Глаза и волосы – пожалуй, единственное, что ему досталось от матери. В остальном, как ему твердили с детства, он был точной копией отца – высокий лоб, чётко очерченные губы, мужественный подбородок, крылатый изгиб бровей. Аристократ до мозга костей.

– Мы ведь уже пропустили похороны? – спросил он, оглянувшись на чуть отставшего камердинера.

Карл, подстегнув лошадь, поравнялся с юношей.

– Боюсь, что да, дон Леонард. Гонца к нам послали через день после гибели дона Корнелия. До Дрезенборга два дня пути...

Леонард отвернулся, пряча заблестевшие глаза.

– Как думаешь, Бенедикт уже там?

– Наверняка.

Снова замолчали. Это неловкое, тягостное молчание, прерываемое лишь редкими фразами, тянулось всю их дорогу из Дрезенборга. Леонард был потрясен новостью о гибели отца, и вдобавок его неустанно терзало необъяснимое чувство вины. Почему-то было жутко стыдно за те два беззаботных месяца, что он провёл в городе. Хотя в своё время именно отец настоял, чтобы он отправился в Дрезенборг – поступать в знаменитую военную академию Серебряной Гвардии. Как и следовало ожидать, сына графа Кроу недолго мучили вступительными заданиями, так что справился он быстро. Занятия в академии начинались в конце лета, и оставшееся до них время будущий гвардеец, конечно, постарался провести с пользой. Впрочем, любой на его месте поступил бы так же.

Кто же знал... Вернись он домой на неделю раньше, и...
Может быть...

Леонард не знал толком, что бы изменило его присутствие. Послание, переданное Алонсо, новым камердинером отца, не содержало никаких подробностей по поводу того, как именно погиб граф. Это добавляло юноше новых поводов для терзаний. Что же всё-таки произошло? И что делать дальше? Леонард ни за что бы не признался никому, но ему было страшно. С гибелью отца весь привычный уклад жизни рушился.

Началась мощеная дорога. По левую сторону осталась

небольшая каменоломня, в которой добывали гранит для нужд замка. Она выглядела заброшенной – работы здесь не велись уже пару лет. До замка оставалось совсем немного. Уже можно было различить узкие бойницы на башнях, вымпелы, танцующие в порывах ветра на остриях шпилей. Главные ворота зияли на фронтальной стене полукруглой чёрной пастью.

Лошади, почуяв жильё, сами ускорили шаг, и остаток пути преодолели едва ли не галопом. Леонард осадил свою вороную кобылу у самой стены, подождал немного отставшего Карла. Ворота они миновали уже вместе, пустив лошадей ноздря в ноздю.

Леонард слегка опешил, увидев, что внутренний двор замка полон вооруженных чужаков. Незваные гости были похожи на солдат, у многих на плащах и щитах красовался незнакомый герб – стилизованная осадная башня, больше похожая на белую шахматную ладью. Завидев всадников, кто-то из служивых опрометью бросился к крыльцу донжона. Оттуда уже спускался высокий пожилой мужчина в чёрной гербовой накидке поверх кожаных доспехов. Мужчину сопровождали двое закованных в латы солдат и богато одетый молодой человек лет двадцати пяти, с копной иссиня-черных волнистых волос и округлым, почти по-женски красивым лицом.

– Кто вы такие? – сварливо осведомился пожилой, останавливаясь в нескольких шагах от молодого Кроу и его спутника. Один из солдат, выбежав вперед, подхватил под уздцы

лошадь Леонарда.

– Что здесь происходит? – не скрывая раздражения, выкрикнул тот. – Это вы кто такие и с какой стати здесь распоряжаетесь?!

– Меня зовут Даниэль Торн. Я представитель Верховного суда Валории. Веду здесь расследование.

– Какого-какого суда? – переспросил Леонард, оборачиваясь к Карлу.

– Валории. Так сейчас называют объединенные Редоран, Родок и Саледонию, – вполголоса ответил тот, искоса оглядывая двор. – А герцог Дрезенборга на прошлой неделе объявил, что частью империи станет и Свадия. Я же рассказывал вам!

– Да, да, прости. Но почему...

– Извольте представиться, господа! – прервав их перешептывания, потребовал Торн.

Леонард вскинув подбородок:

– Я Леонард Кроу, сын графа Корнелия Кроу, владельца этого замка. Это мой камердинер Карл Реннер.

– Очень хорошо. В интересах расследования вы будете допрошены вместе с остальными. Прошу сдать оружие и последовать в главную залу...

– Сдать оружие? – возмутился Леонард.

– Именно, – отрезал Торн, подав знак солдатам. Юношу и Карла едва не силой стащили с седел.

– Какого демона?! – взревел Леонард, когда солдат про-

тянул руку к эфесу его меча. – Ещё раз спрашиваю, с какой стати вы здесь распорядитесь? Я хозяин этого замка...

– Хозяином замка был отец, – раздался позади них низкий, с хрипотцой голос. – Не успело его тело остыть, как ты начал предьявлять свои права? Не забывайся, братец.

– Бенедикт, – обернулся на голос Леонард и с нарочитой учтивостью склонил голову. – Рад тебя видеть... братец.

Старший сын графа Кроу был в кроваво-красном дублете, расшитом серебряными нитями, в зауженных к низу брюках и высоких сапогах для верховой езды. Прямые золотистые волосы, как всегда, гладко зачесаны назад и собраны в хвост. В последний раз они с братом виделись несколько недель назад, как раз перед отъездом Леонарда в Дрезденбург. Но, казалось, за это время Бенедикт постарел лет на пять. Возле плотно сжатых губ легли горькие складки, лицо было бледным, нездорового сероватого оттенка, под глазами обозначились тяжелые мешки.

– Я прошу меня извинить за поведение Леонарда, господин Торн, – ровным голосом молвил он. – Он никогда не отличался изысканными манерами. К сожалению.

Леонард скривился, но промолчал. В рукоять меча он вцепился мертвой хваткой, так что солдат, собирающийся его обезоружить, в нерешительности замер, оглядываясь на командира.

– Дон Леонард подавлен в связи со случившимся с его отцом, господин Торн, – вмешался Карл. – Нужно принимать

это во внимание. Просьба же сдать оружие выглядит немного странно...

– Это не просьба, а приказ! – рявкнул валорец. – Не заставляйте меня применять силу!

Солдаты в гербовых накидках с белыми башнями окружили приехавших. Не успел Леонард и оглянуться, как их лошадей утянули под уздцы. Кто-то снова схватился за ножны его меча, и тут уж юноша вконец рассвирепел.

Вывернувшись из захвата, он выхватил меч. Идеальной работы, отшлифованный до зеркальной гладкости клинок вспыхнул на солнце серебристой полосой. Выставив острие меча перед собой, Леонард попятился к коновязи. Солдаты в ответ тоже вырвали железо из ножен и угрожающе пощёрли на молодого графа. Юноша опешил. Он не ожидал, что всё настолько серьёзно. Если бы не могучее плечо вставшего рядом Карла, он бы, пожалуй, даже испугался. Карл тоже вытянул меч, и очертил им широкую дугу перед собой, как бы отмечая пространство, куда солдатам лучше не соваться. Один из имперцев высунулся чуть дальше остальных, и его меч Карл жестко отбил в сторону. Сталь упруго зазвенела, звук удара откликнулся в огороженном высокими стенами дворе гулким эхом.

На мгновение воцарилась напряженная тишина. Леонард, становясь к верному слуге спиной к спине, покрепче перехватил рукоять меча обеими руками.

– Не дури, братец! – прикрикнул на младшего Бенедикт.

– А ты-то чего стоишь, как в штаны наложил? – не выдержал Леонард. – Почему какой-то иноземец командует здесь, как у себя дома?

– К вашему сведению, Свадия вошла в состав Валории, – подал голос Торн. – Дон Кентерброк, герцог Дрезенбургский, подписал соответствующее соглашение с императором Валором...

– Ага, неделю назад! – огрызнулся Леонард. – И что, теперь имперские солдаты могут хозяйничать...

– Заткнись, Леонард! – перебил его старший брат. – И сдай, наконец, оружие. Положение и так непростое, а ты, как всегда, норовишь всё окончательно испортить!

– Да в чём дело-то?!

– До окончания расследования все члены семьи Кроу под подозрением, – ответил Торн. – Вы обязаны сдать оружие и не покидать замок без моего разрешения...

– Да что за бред? – изумился Леонард, в растерянности опуская меч. – Я тоже под подозрением? Да я последние два месяца был в Дрезенбурге! Куча народа может это подтвердить...

– Разберемся, – жестко бросил Торн.

– Да чего разбираться-то? Вы что, всерьез думаете, что я мог быть причастен к смерти собственного отца?!

– Господин Торн, – примирительно выставив вперед ладонь, произнес Карл. – Тут какое-то недоразумение. Давайте все успокоимся...

– Да уж будьте добры!– скривившись, перебил его имперец. – Иначе вас успокоят дубинами. Я не отдаю приказа только потому, что учитываю благородное происхождение мальчишки. И вероятность того, что он действительно невиновен.

– Да я даже не знаю, как именно погиб отец! Вы бы лучше рассказали, что вам удалось выяснить! Убийца пойман?

Торн фыркнул.

– Я не занимаюсь выяснением обстоятельств смерти графа. И, если откровенно, на нынешнем этапе они меня вообще не интересуют.

Брови Леонарда в очередной раз полезли на лоб.

– Но вы же сами сказали, что ведёте расследование...

– Ваш отец подозревается в пособничестве редоранским повстанцам, молодой человек. У нас есть информация, что он был связан с их лидером – Балтазаром Фоссом.

Леонард ошарашено оглянулся на брата.

– Я думаю, это какая-то ошибка, – монотонно проговорил тот. – Пусть разберутся, и покончим, наконец, с этой историей. Ещё раз говорю тебе – сдай оружие.

Леонард, размахнувшись, вонзил меч в столб коновязи.

– Воля ваша, – буркнул он. – Но я это припомню...

Торн молча дал знак солдатам отступить.

– Надеюсь, теперь мы можем, наконец, приступить к делу? – сварливо осведомился он.

– Конечно, господин Торн, – не глядя на имперца, ответил

Бенедикт. – Делайте, что считаете нужным.

– Мне нужен доступ к покоям графа, – вдруг подал голос молодой щёголь, стоящий чуть позади Торна. – Спальня, кабинет, библиотека. Все бумаги, переписка, личные вещи...

– Может, и ночные вазы еще проверите? – ядовито осведомился Леонард. – Это-то еще что за хмырь?

Щёголь сделал вид, что ничего не слышал. Развернувшись, он вслед за Торном зашагал по ступеням, ведущим к главному входу в центральную жилую башню.

– Заткнись, Леонард! – процедил Бенедикт. – Карл, угомони его, наконец!

– А ты меня не затыкай! Ходит тут, как мешком пришибленный, позволяет каким-то шпикам хозяйничать в замке! Отец бы такого никогда не...

– Слушай ты, щенок! – Бенедикт обеими руками вцепился в ворот дорожного дублета Леонарда и рванул юношу вверх, едва не поднимая над землёй. – Отец мёртв, ты слышишь?! И он под подозрением, которое бросает тень на всю нашу семью! И теперь только от нас зависит, сможем ли мы отмыться от всей этой грязи!

Леонард яростно забился, вырываясь из захвата. Изловчившись, треснул старшего по уху, за что в ответ получил увесистый тычок под ребра. К счастью, подоспел Карл и растащил дерущихся в стороны, держа за шкурки, как нашкодивших котят.

– Прошу вас, дон Бенедикт, – виновато прогудел он. – Дон

Леонард!

Растрепанный, побагровевший от ярости Бенедикт дёрнул плечом, вырываясь из рук камердинера.

– Вот что я тебе скажу, братец, – процедил он, сверля младшего взглядом. – Ты лучше забейся в какую-нибудь камеру и не вылезай там до окончания расследования. Не хватало еще, чтобы ты всё испортил!

– Да что с тобой, Бенедикт? Чего ты так перепугался? – с искренним удивлением спросил Леонард. – Я вообще не понимаю, чего ты так носишься с этими имперскими прихвостнями! Да самой их империи так называемой пару лет от роду. А еще через пару лет она и загнется, когда Балтазар вернет трон Редорана обратно...

Бенедикт, отталкивая Карла, снова подскочил к Леонарду, едва не затыкая ему рот.

– Что ты мелешь, молокосос?! – зашипел он, выпучив глаза. Затравлено оглянулся на имперских солдат, прохаживающихся вдоль огораживающей двор стены. – Думай, что говоришь! А лучше вообще помалкивай, если мозгов не хватает понять, насколько всё серьёзно.

– Да какое нам дело вообще до какой-то там Валории и повстанцев? – не унимался Леонард. – Это же какой-то бред!

– Я повторю то, что уже сказал Торн, – с трудом беря себя в руки, проговорил Бенедикт. – Свадия вошла в состав Валории. И один из первых новых указов Кентерброка – указ о преследовании сторонников Балтазара на территории Сва-

дии по тем же законам, что приняты в самой Империи. А это значит, что за любое пособничество повстанцам – полная конфискация имущества в пользу казны и виселица!

– Ну да, – хмыкнул Леонард. – Никто не посмеет тронуть Кроу...

Бенедикт схватил его за плечи и жестко встряхнул.

– Очнись! И взгляни по сторонам! Уже посмели. У этого Торна – ордер от герцога, подтверждающий его полномочия. Пока мы под подозрением – мы целиком в его власти. А этот молодой хмырь, как ты выразился – Сандро Фелендор, один из личных адъютантов Валора. Говорят, не последний человек в Империи.

Леонард притих.

– Но не думаешь же ты, что отец и правда... – неуверенно пробормотал он.

– Я молю богов, чтобы вся эта чушь о связях отца с Балтазаром оказалась и вправду чушью, – вполголоса проговорил Бенедикт, в очередной раз оглядывая двор. – Но я ни в чем не уверен...

– Да зачем бы отцу...

– Да всё за тем же!

Бенедикт нервно прошелся взад-вперед, пережидая, пока двое имперских, оказавшихся слишком близко, пройдут мимо.

– Всё из-за этой поганой колдуньи – твоей мамыши! – выпалил он, наконец. – Отец помешался на её поисках! С каки-

ми только подозрительными типами он не вел дела последние пару лет. Ищейки, ясновидцы, бродяги, какие-то полубезумные отшельники...

– Оставь мою мать в покое, Бенедикт... – угрожающе прошипел юноша. – Её и её добрую память!

– Добрую память! – фыркнул старший.

Леонард стиснул кулаки, но Карл стиснул своей могучей лапой его плечо, удерживая на месте.

– Дон Бенедикт, прошу вас... – обратился он к старшему.

– Извини, Карл, – вздохнул тот, отводя глаза. Пригладил, наконец, растрепавшиеся волосы.

– Дон Бенедикт! – окликнул его торопливо спускающийся с крыльца полноватый мужчина в чёрном.

– Дон Бенедикт, эти господа уже приступили к обыску библиотеки. Мне кажется, вам лучше присутствовать при этом.

– Спасибо, Алонсо...

– Я тоже пойду! – вызвался Леонард.

Бенедикт зыркнул на него и, с большим трудом сохраняя спокойствие, проговорил:

– Я сам разберусь. А вы бы отдохнули с дороги. Алонсо, будь добр, проводи Лео и Карла в их покои.

– Конечно, дон Бенедикт.

Леонард хотел было возразить, но Карл еще сильнее стиснул его плечо.

– Нам и вправду лучше немного отдохнуть и успокоиться,

дон Леонард, – настойчиво проговорил он.

Леонард, вздохнув, проводил взглядом уходящего брата.

– Ладно, пойдем. И у меня к тебе будет куча вопросов, Алонсо.

Покои Леонарда располагались не в донжоне, а в восточной башне – той, что почти в первозданном виде сохранилась от старой постройки. Она была тонкой и высокой, как кипарис, с заметным утолщением в верхней части и высоким – пожалуй, самым высоким во всем замке – шпилем. Под самой крышей её окольцовывал открытый балкон, который служил великолепной смотровой площадкой. Сложена она была не из унылого серого гранита, а из светлого, почти белого камня, похожего на мрамор. Обитатели замка обычно так её и называли – Белая башня. Для Леонарда она с детства была символом чего-то таинственного и волшебного, ведь она выделялась среди угрюмых массивных строений, составляющих основной ансамбль, будто горный эдельвейс, проросший среди камней и серого мха.

А ещё, здесь, в этой башне, когда-то были покои Рианы – второй жены Корнелия Кроу.

Риану и вправду многие считали колдуньей, а её появление в жизни графа связывали не иначе как с приворотом. Леонард во всё это, конечно, не верил. Прежде всего потому, что прекрасно помнил отношения между родителями. Такой нежности, бережности, внимания друг к другу он никогда больше не видел.

Бенедикт с самого начала относился к мачехе и неждан-

ному младшему брату настороженно. А внезапному исчезновению Рианы, кажется, даже обрадовался.

Лео тогда было двенадцать. Он хорошо помнил растерянность и отчаяние, овладевшие отцом. Граф и правда задался целью отыскать жену, но та как в воду канула. Люди, которых он пускал по её следам, либо тоже исчезали, либо возвращались ни с чем. Ворожеи упорно говорили о том, что графиня погибла. Но им отец никогда не верил.

– Как погиб отец? – спросил Леонард, вслед за Алонсо поднимаясь по винтовой лестнице. – Мы ведь так ничего и не знаем.

– Застрелен, – обернувшись на ходу, горестно сообщил камердинер. – Из арбалета, я полагаю. Стрела полностью железная. Тяжелая. Наконечник длинный и зазубренный. Засела намертво, так что вытащить её удалось только после смерти. Ох, уж и долго лекарь с ней возился. Вырезать пришлось, простите за подробности.

Они, наконец, добрались до комнаты Леонарда. Там уже все было готово к его прибытию: на кровати – сменная одежда, на столике – графины с водой и вином, хлеб, сыр, маленькая корзина с яблоками. Юноша подошел к высокому решетчатому окну, вглядываясь в знакомый с детства пейзаж. Окно выходило на обрыв, так что поверх крепостной стены можно было видеть раскинувшуюся внизу долину.

– Где это произошло? – спросил Карл.

– Прямо здесь. Это всё... очень странно, – понизив голос,

проговорил Алонсо. – Никто не видел, как всё случилось. Граф просто ввалился в холл центральной башни, истекая кровью. Стрела пронзила его в правый бок, и вошла почти наполовину. Похоже, стреляли прямо в упор.

– Но кто?! – воскликнул Леонард. – Кто это мог сделать?

– Мы немедленно обыскали весь замок. Чужаков не нашли. А следы крови начинались на западном дворе, недалеко от входа в винный погреб. Дон Корнелий... В последнее время довольно часто туда навещался...

Леонард помрачнел. Ему и до отъезда доводилось видеть отца захмелевшим.

– Он что, сам ходил за вином? А слуги на что?

Алонсо замялся.

– Вы ведь знаете, дон Леонард... Он порой совсем падал духом. Я старался не допускать, чтобы он... Ну, вы понимаете... Он злился на меня. Лишний раз меня и не звал, а ходил туда сам. В прошлом месяце даже нанимал рабочих, чтобы расширить погреб. Недели две возились и днем и ночью, только успевали грунт за ними вывозить. А потом запасы обновили. Целая подвода из Туссена приходила.

– А в тот день он был... пьян? – с трудом выдавил Леонард.

– Нет... По правде сказать, я редко видел его совсем уж пьяным... – задумался Алонсо. – Но в последние дни он был очень... Поглощен чем-то. Часто запирался у себя...

– Чем он занимался?

– Работал с какими-то бумагами, картами... По-моему, началось это сразу после его поездки в Редоран.

– Он ездил в Редоран?!

– Да. Вскоре после того, как вы отбыли в поступать в академию.

– Как думаешь, эти обвинения в связи с повстанцами...

– Я не знаю, – толстяк покачал головой. – К сожалению, он пока не всецело доверял мне. Я принял от Доминика только текущие дела. А с особыми поручениями граф по-прежнему обращается к нему. То есть... обращался.

– Доминик всё еще живет при замке?

– Да, конечно. Да и куда ему переезжать, в его-то возрасте. Он живет в северной башне. Но Дон Бенедикт приказал мне не рассказывать о нём расследователям. На всякий случай.

– А сам Бенедикт был в замке, когда всё это случилось?

– Нет, он тоже был в отъезде. Я отослал к нему гонца, как и к вам. Приехал он только вчера вечером. А утром заявился этот Торн...

– Дон Корнелий успел что-нибудь сказать перед смертью? – вмешался Карл.

– Всё произошло так быстро... – растерянно пробормотал камердинер. – Он что-то повторял в бреду. В основном про стрелу что-то. Третья стрела... Еще постоянно называл ваше имя, дон Леонард. И... имя жены.

– Риана? – спросил Леонард.

– Да.

– Что там про стрелу? – нахмурился Карл. – Он не намекнул, кто именно стрелял? И почему третья стрела?

– Не знаю. Сложно было что-то разобрать. Но он несколько раз четко повторил – третья стрела. И чтобы это передали сыновьям... Я же говорю – он бредил. Потерял много крови...

– Понятно... – кивнул Леонард. – Хотя, что я говорю – ничего не понятно! Кто мог это сделать?

Толстяк сокрушенно развел руками:

– Для всех нас это огромная трагедия, дон Леонард. Мы сделали всё, что в наших силах, но..

– Ладно, Алонсо, – раздраженно отмахнулся юноша. – Можешь идти. Если братец спросит – скажешь, что я пока побуду здесь. Совсем не хочется наткаться повсюду на эти имперские морды.

– Конечно, дон Леонард. Всё это очень неприятно... – раскланиваясь, пробормотал камердинер.

Едва дверь за ним затворилась, Леонард обернулся к Карлу.

– Что думаешь?

– Думаю, разумное решение. Лучше переждать...

– Ага, сейчас! – фыркнул юноша. – Буду я здесь торчать!

Имперцы, может, неделю здесь рыскать будут.

Карл вздохнул. Он, конечно, прекрасно понимал, что молодого господина будет очень трудно удержать на месте. Собственно, потому старый граф и приставил к сыну одного из

своих самых надежных и преданных людей. Чтобы ограждать не в меру энергичного отпрыска от опасностей и недуманных действий.

– Может, пока там эти ищейки, заодно с Бенедиктом, шерстят отцовскую библиотеку, наведаемся к Доминику? Соскучился я по старику. А может, и удастся что-нибудь выяснить. Что-то мне совсем не нравится, что тут происходит.

– Да уж...

– И эта история с отцом... Чужаков не нашли, слышал? Выходит, кто-то из своих. Кто-то, кого отец подпустил вплотную. Кому доверял...

– Я считаю, что нужно повременить с разговором, дон Леонард. Если мы привлечем внимание имперцев к Доминику...

– А вдруг они доберутся до него раньше нас? Мало ли кто чего сболтнет?

– Я почти уверен, дон Леонард, что Торн поручил кому-нибудь из своих псов присматривать за нами. Наверняка выследят.

Леонард нетерпеливо прошёлся по комнате.

– Ну, хорошо. А если ты сам сходишь к Доминику? За тобой, небось, не так пристально следить будут? Возьми у кого-нибудь из рабочих другую одежду, проберись незаметно...

– Вы всерьёз думаете, что я подхожу на роль лазутчика? – насмешливо поинтересовался Карл, поводя плечами.

Он стоял у двери, и его широченная спина почти полностью закрывала проём.

Леонард почесал в затылке.

– Ну, а чего делать-то?! Ты же знаешь, я здесь свихнусь от безделья!

Карл снова вздохнул.

– Хорошо, дон Леонард. Я попробую. Если пойму, что за мной наблюдают – к Доминику соваться не буду. Но похожу по замку, послушаю, постараюсь что-нибудь разузнать. Только, умоляю, дождитесь моего возвращения.

– Да куда я денусь? – с готовностью отозвался юноша. – Только обещай, что не пропадешь до вечера.

– Обещаю, – кивнул гигант. – Вернусь через пару часов.

Вы пока отдохните с дороги, перекусите...

– Ладно, ладно, найду, чем заняться. Не томи, Карл – отправляйся прямо сейчас!

Камердинер, покачав головой, скрылся за дверью.

Леонард отцепил от пояса пустые ножны и, прихватив со стола яблоко, плюхнулся на заправленную кровать. Яблоки были зеленоватые – урожай только поспевал. Он с хрустом впился зубами в тугую кислотоватую мякоть, прожевал, морщась, откушенное и запустил огрызком в стену. Повалялся немного, болтая ногами и прислушиваясь к звукам за дверью. Убедившись, что Карл действительно ушел, и уже вряд ли вернется в скором времени, принялся за дело.

Он вполне доверял Карлу и не сомневался, что тот сумеет

переговорить с Домиником и расспросит того обстоятельно, ничего не упустив. Тут, пожалуй, гигант справится получше его самого. Но просто так сидеть и дожидаться камердинера юный граф, конечно, не собирался.

Повозившись с тугими защелками на оконной раме, он распахнул зарешеченные створки и с наслаждением вдохнул свежий горный воздух. Если смотреть прямо, а не вниз, на крыши соседних строений, то кажется, что башня одиноко стоит на краю обрыва, над раскинувшейся далеко-далеко внизу скалистой долиной, разделенной надвое причудливо извивающейся речушкой. Звуки со двора досюда почти не доносятся, так что можно насладиться тишиной, нарушаемой лишь шелестом ветра да воркованием голубей, теснящихся на кромке крыши.

Леонард, свесившись вниз, оглядел стену под окном. Там, на расстоянии вытянутой руки, начинался карниз шириной в три ладони, кольцом охватывающий всю башню. Чуть ниже, располагались еще два таких же, отделяемые друг от друга расстоянием в человеческий рост. По всей окружности карнизов, через равные промежутки, в стороны отходили железные флагштоки, заканчивающиеся острыми наконечниками, похожими на копейные. Наверное, предназначены они были для разных знамен и гербовых вымпелов, но, сколько Леонард себя помнил, эти железные штыри были пусты, и просто топорщились из стен башни, как иглы кактуса. Впрочем, снизу они были почти незаметны, так что облик башни не

портили.

Зато по ним было очень удобно спускаться вниз. Выбраться из окна на карниз, осторожно пройти вдоль стены до ближайшего флагштока. Уцепиться за него, свесившись на руках вниз. Расстояние до следующего карниза такое, что, повиснув, в аккурат достаешь до него ногами. Болтаясь на одной руке, второй попрочнее ухватиться за щели в кладке и перебраться на нижний карниз. А карнизом ниже на одном из флагштоков уже поджидает надежно привязанная веревка, по которой можно спуститься до выступа, с которого перепрыгиваешь на крышу склада. С крыши спускаешься по лестнице, и вот ты уже на заднем дворе. Окна покоев выходят на север, к обрыву, так что со двора никто акробатические трюки на карнизах не увидит. А веревка привязана в таком месте, что её не разглядишь и из окон покоев. Всё продумано.

Леонард разработал этот маршрут еще подростком, когда у него частенько возникала необходимость незаметно выбраться из своих покоев. Поначалу каждая такая вылазка изрядно щекотала нервы. Высоты он не боялся, но однажды чуть не сорвался с карниза из-за ослабшего кирпича в кладке. Потом, раз этак на тридцатый, когда изучил каждую трещину на пути вниз, понял, что может преодолеть его хоть с завязанными глазами.

В этот раз всё тоже прошло, как по маслу. Только спускаясь с крыши склада, Леонард с досадой вспомнил, что хо-

тел прихватить из комнаты хотя бы нож. К оружию юный Кроу привык с детства – граф лично начал тренировать сына в фехтовании, едва тот стал в состоянии удержать в ручонках деревянный меч. Безоружным он чувствовал себя неловко, будто голым, и уж тем более сейчас, когда родной замок заполнили чужаки.

Впрочем, здесь, на заднем дворе, имперцев не наблюдалось. Скрывшись в узком проходе между складом и конюшней, Леонард прикинул, что делать дальше.

В отличие от имперцев, обстоятельства смерти отца Леонарда волновали в первую очередь. Расспросы Доминика взял на себя Карл. Остается выяснить еще кое-что из рассказа Алонсо. Кое-что, сразу показавшееся Леонарду странным и подозрительным. Юный граф, стараясь никому не попадаться на глаза, поспешил на западный двор.

К винному погребу.

Потолок над головой нависал куполообразными секциями, опирающимися на толстые квадратные колонны. Казалось, будто переходишь из одной пещеры в другую. Сходство усиливалось из-за прохлады, царящей в погребке и заставляющей то и дело поёживаться от неприятного зудящего ощущения между лопатками.

В мерцающем свете фонаря мимо проплывали стеллажи с ромбовидными ячейками, бесконечные ряды торчащих наружу бутылочных горлышек похожи на жерла пушек, выглядывающие из оружейных люков. То там, то здесь к полкам прибиты маленькие деревянные таблички, на которых мелом сделаны какие-то пометки. На большинстве из них узнавался почерк старого Доминика.

Устройство погреба Леонарду было прекрасно знакомо, как, впрочем, и большинства помещений Кастрл-Кроу. Мальчишкой он обожал бродить по замку, обследуя разные закоулки, которых здесь было предостаточно. Винный погреб он любил. Здесь всегда было темно, тихо и таинственно, так что в своих детских играх он представлял его заколдованной пещерой, в которой спрятаны неведомые сокровища, охраняемые, конечно же, страшным чудовищем, которое наблюдает из темноты за каждым его шагом. Ну, а когда он стал постарше, появился и другой интерес сюда наведываться. К

счастью, застукали его здесь всего раз, и то это был Доминик, который сохранил этот маленький инцидент в тайне. А вот если бы это оказался Бенедикт или сам отец, юному дегустатору бы не поздоровилось.

Водя фонарём из стороны в сторону, Леонард внимательно осматривал стены и пол погреба. Пока он не видел никаких изменений. Но зачем-то же отцу понадобилось затевать перестройку погреба? И почему-то он использовал не рабочих замка, а наёмников.

Изменения должны были быть весьма заметными, ведь, как говорил Алонсо, грунта рабочие вывозили много. Но пока Леонард отметил лишь то, что часть стеллажей переставлено и появилась парочка новых, белеющих свежеструганным деревом.

Погреб тоже был частью еще древней постройки, на руинах которой был возведен замок. Стены здесь были выложены из округлых, как речная галька, камней размером с лошадиную голову, а то и крупнее. Кладка была очень прочной – по сути, это была часть фундамента внешней стены. Странная это мысль – долбить эти монолитные стены, чтобы добавить места для хранения вина. Тем более, что и старый погреб никогда не был забит под завязку.

Леонард свернул за угол и от неожиданности даже остановился. Он обнаружил, наконец, изменения.

Погреб был выстроен в форме буквы Т, и в левом его ответвлении в стене был пробит свежий проём, за которым

начиналась лестница вниз. Спустившись по вырубленным в камне ступеням, Леонард оказался в гулком, как пещера, каменном коридоре, конец которого тонул во мраке. Пол коридора шел под небольшим уклоном вниз. Вдоль правой стены стояло два винных стеллажа, потом несколько объемистых бочек. Пройдя чуть вперед, Леонард уперся в еще один стеллаж, перегородивший коридор поперек. Он прошелся взад-вперед, освещая влажные каменные стены. Свежих следов кирки не видно. Похоже на то, что рабочие просто пробили стену, открыв вход в часть старых катакомб, скрывающихся под замком.

Справа от стеллажа, перегородившего коридор, Леонард обнаружил узкий проход, в который и протиснулся. Дальше коридор уже даже не пытались маскировать под хранилище вина. Он шел под уклоном вниз, круто забирая влево наподобие винтовой лестницы.

– Обыскали весь замок, говоришь? – пробормотал он. – Ох, Алонсо, неудивительно, что отец не доверял такому тупице важных поручений...

Впрочем, не исключено, что и этот коридор обследовали. Просто, например, тот же Бенедикт приказал никому про него не рассказывать...

Леонард, сгорбившись, осторожно пробирался по коридору, а рука то и дело произвольно тянулась к поясу, к несуществующему мечу. Становилось жутковато, и в какой-то момент он даже подумал, что стоит вернуться обратно, но

любопытство перевесило.

Коридор вывел его в огромный зал – свет фонаря едва доходил до дальней его стены. Слева потолок и часть стены были обрушены. Видимо, этот завал и разбирали рабочие, нанятые отцом. Им удалось расчистить проход в дальний конец залы, где зиял чернотой вход в еще один туннель.

Леонард, оглядевшись, прошел туда. Коридор оказался довольно коротким и заканчивался тупиком. Кладка здесь была явно свежая. Массивная деревянная дверь – тоже. Похоже, проход просто перегородили.

Леонард присел, оглядывая замочную скважину. Вздрыгнул, увидев бурые засохшие пятна на дверной ручке. Кровь?

Он потянул за ручку и, к его удивлению, дверь поддалась. Не заперто.

Отгороженным оказался небольшой отрезок коридора, заканчивающийся тупиком. Всю дальнюю стену занимал искусно выполненный барельеф, изображающий мчащуюся боевую колесницу.

Здесь было оборудовано что-то вроде кабинета. Стоял большой заваленный бумагами письменный стол, стул, тяжелый сундук с откинутой крышкой. Над столом на крюке висел фонарь со стеклянным колпаком. Масла в нём почти не осталось, а судя по тому, как в комнате было тяжело дышать, горел он долго, пока хватало воздуха. Похоже, отец не потушил его, уходя отсюда в последний раз.

Леонард, открыв двери настежь, снял фонарь с крюка и,

поставив на стол, снова разжег его.

Когда света стало больше, в глаза сразу бросились красные пятна, раскинувшиеся размашистыми кляксами на бумагах. Кровь, теперь-то уж Леонард в этом не сомневался. Юноша, холодея внутри от волнения, оглядел комнату, находя всё новые следы крови.

Отца ранили прямо здесь! Он, преодолевая боль, выбрался наверх, дотянув со стрелой в боку до самого донжона. А кабинет при обыске, похоже, так и не обнаружили. Разрази Хорм этого тупоголового Алонсо и прочих слуг!

Леонард, вода лампой из стороны в сторону, внимательно оглядел каждый закоулок комнаты. Впрочем, разглядывать было нечего. Барельеф на стене, стол, стул, сундук. В сундуке – веревки, факелы, котомка с зачерствевшим хлебом, бутыл с водой, кирка.

Барельеф великолепен. На цельной плите из черного гладкого камня с тонкими зеленоватыми прожилками. Вырезан так искусно, что кажется, будто наездники колесницы сейчас сойдут со стены и встанут бок о бок со зрителем. Лицо одного из них, вцепившегося в поводья, искажено гримасой ярости, рот раскрыт в беззвучном крике. Филигранно вырезан каждый зуб, каждая морщинка, каждая прядь волос. Леонард и не подозревал, что вообще возможна такая работа по камню.

За спиной погонщика, развернувшись вправо, застыл, натягивая тетиву, лучник в шлеме, украшенном высоким греб-

нем, похожим на рыбий. Стрела на луке, кажется, даже не вырезана, а просто вдавлена в камень, и Леонард невольно ощупал её пальцами, проверяя – не отковырнется ли. Оперенья еще трех торчат из колчана лучника – две стрелы рядом, одна чуть в стороне.

Третья стрела!

Леонард ощупал стрелы в колчане, и та, что располагалась отдельно, подалась под нажатием пальцев, оказавшись искусно спрятанный рычажком. Стоило слегка толкнуть плиту, как она на удивление плавно и бесшумно начала проворачиваться по вертикальной оси. В образовавшейся щели зияла тьма.

– Та-ак... – пробормотал Леонард. Сердце трепетало от почти детского восторга. Здесь, буквально у них под ногами, все эти годы скрывалась нечто древнее и таинственное. Отец нашел сюда ход, и скорее всего, именно изучением того, что скрывается за барельефом, был так поглощен последнее время.

Леонард оглядел бумаги на столе. На глаза попалась недорисованная схема какого-то лабиринта, с кучей пометок, сделанных отцовской рукой. Увесистый пыльный фолиант в жестком кожаном переплете. Внутри – неровные ряды странных угловатых символов, начертанные явно от руки. Чьи-то записи. Язык совершенно незнакомый. Изредка попадаются довольно умелые рисунки, изображающие в основном какие-то причудливые приспособления из треуголь-

ников и сфер. Судя по состоянию пергамента, книге могло быть несколько веков. Переплет изрядно потрепан, несколько страниц в начале оборваны. Зато на первой Леонард увидел нечто, едва не заставившее его вскрикнуть.

По коричневой, потрескавшейся от времени странице, на самом краешке, поверх чёрных угловатых символов, летела лёгкая вязь знакомых букв. Почерк матери!

«Эта книга очень важна, Корнелий. Надежно спрячь её. Она не должна попасть в руки Валору! Если не сможешь найти Арайю, или она откажется помогать – лучше уничтожь её».

Леонард несколько раз пробежался взглядом по этим коротким строкам, ловя не столько смысл, сколько само ощущение того, что читает что-то, написанное Ею. Казалось, мать позвала его – через неведомые дали, через годы, а может, и через грань, отделяющую мир живых от мира мёртвых. В отличие от отца, он довольно быстро перестал верить в то, что Риана жива. Потерю переживал очень остро, и, возможно, поэтому отец так баловал его последние годы, к неудовольствию Бенедикта.

Со стороны коридора слышались чьи-то неторопливые, осторожные шаги. На стенах залы заблестели отсветы факела. Леонард вздрогнул, будто очнувшись ото сна.

Сунув книгу подмышку, зашелестел разрозненными бумагами, лежащими на столе. Собрал недорисованные схемы катакомб, несколько мятых листков с наспех набросанными

заметками. Замер на миг, вновь наткнувшись на почерк матери. Несколько страниц, исписанных ровным, неторопливым почерком. Пробежался глазами по верхнему листку:

«Любимый, я надеюсь, что тебе не придется читать всё это. Но если мы больше не увидимся, пусть у тебя будет возможность узнать, что же произошло...».

– Кто здесь?

Оклик в гулком пространстве залы прозвучал раскатисто и тревожно.

– Леонард?!

Юноша, торопливо собирая бумаги со стола, оглянулся. В дверях, сжимая в руках сухо потрескивающий факел, появился старший брат.

– Какого демона ты здесь роешься?! – зашипел он на Леонарда. – Что это за бумаги?

– Не твое дело! – огрызнулся юноша, торопливо засовывая собранные письма между страницами фолианта.

– Имперцы с минуты на минуту будут здесь! – едва не взвыл Бенедикт. В глазах его блестели маленькие отражения пламени факела, казавшиеся воплощенными огоньками зарождающейся паники. – Что ты нашёл? Что за записи?

– Говорю – не твоё дело! – повторил Леонард. – Это переписка отца...

– С кем? С Балтазаром? Это всё нужно сжечь, пока не поздно!

Бенедикт, отпихнув Леонарда от стола, сгреб оставшиеся

бумаги в кучу и ткнул в неё факелом.

– Не трогай!! – заорал Леонард, увидев на некоторых загоревшихся листах знакомый почерк. Вцепившись брату в рукав, что есть силы рванул в сторону, валя с ног. Ткань под его пальцами затрещала и подалась – кроваво-красный дублет Бенедикта разошелся по шву, обнажив серую войлочную подкладку.

Отшвырнув старшего назад, к порогу комнаты, Леонард сбросил горящие листки на пол и принялся топтать их ногами, сбивая пламя.

– Что это за бумаги?! – зарычал Бенедикт, поднимаясь и снова бросаясь к младшему.

– Не трогай! Это... это моей мамы! – задыхаясь, выкрикнул Леонард, борясь с подступившим к горлу комом. Глаза слезились от заполнившего комнату дыма, а может, не столько от дыма. Он упал на колени, бережно собирая обгоревшие листки.

– Я так и знал, что здесь замешана эта ведьма! – прорычал Бенедикт. – Дай сюда бумаги!

– Пошёл вон!

– Отдай бумаги, я сказал! – Бенедикт схватил юношу за шиворот, но тот извернулся и, перехватив покрепче тяжелый фолиант, наотмашь врезал им брату по лицу. Старший, опешив, отступил, роняя со стола горящую лампу. Стекланный колпак лампы разлетелся вдребезги, выплеснувшееся масло вспыхнуло. Ленивое пламя заплясало по разливающейся лу-

жице, заставляя тени на стенах подрагивать.

– Ах ты, ведьмин выродок! – зарычал Бенедикт, замахиваясь потухшим факелом, как дубиной.

– Оставь мою мать в покое! – угрожающе сжал кулаки Леонард, сторбившись и напряжинившись, будто готовящаяся к прыжку пума. Глаза его горели такой яростью, что, будь братья вооружены – разразилась бы схватка не на жизнь, а на смерть.

– Да я ненавижу эту шлюху! – процедил Бенедикт. – И тебя, ублюдок, ненавижу, ты слышишь?

– А я знаю, братец, – оскалился Леонард. – Пока отец был жив, ты не осмеливался об этом говорить вслух. Но я вобью эти поганые слова тебе обратно в глотку!

– Не громко ли сказано, молокосос? – расхохотался тот. Размахивая факелом, оттеснил юношу в угол, к самому барельефу. В неровном свете последней уцелевшей лампы и разлитого на полу масла его перекошенное злобой лицо стало похожим на морду упыря – бледную, с глубокими тенями под глазами и чёрным провалом вместо рта.

Он несколько раз наотмашь ударил факелом. Леонард, забившись в угол, кое-как закрывался скрещенными руками. Пытался перехватить руку с факелом, но Бенедикт лишь отшвырнул его пинком в угол, так что юноше оставалось только рычать от боли и бессильной злобы. В честной схватке на мечях у него ещё был бы шанс, но не сейчас. Бенедикт старше, выше, сильнее...

– Дай сюда бумаги!

Леонард вцепился в книгу обеими руками, и прежде чем Бенедикту удалось вырвать её, пришлось еще изрядно поработать дубинкой. Повалив младшего на пол, он вцепился ему в ворот. Нашарил толстую серебряную цепь с медальоном – её Леонарду подарил отец незадолго перед поездкой в Дрезденбург.

Бенедикт рванул за медальон, приподнимая Леонарда над полом. Тот, захрипев, ухватился свободной рукой в натянувшуюся цепь. Звенья до боли впились в кожу на задней стороне шеи. Бенедикт, перекрутив цепь, захлестнул ею горло младшего, похоже, всерьез намереваясь придушить сводного брата.

Может, это ему и удалось бы, но цепь не выдержала и лопнула, брызнув на пол щепоткой разорванных звеньев. Вырвал книгу из рук Леонарда, Бенедикт пнул его напоследок и, шатаясь, подошел к столу.

Уложив фолиант на стол рядом с лампой, раскрыл его на середине, пробежался взглядом по строкам.

– Какое-то мракобесие...

Из коридора, ведущего наверх, донеслись звуки шагов. Судя по тяжелой поступи, шли несколько взрослых мужчин, закованных в тяжелые доспехи.

– Жечь, жечь всё! – затравленно оглядываясь на выход, пробормотал Бенедикт, вырывая несколько страниц из книги и бросая их в горящую на полу масляную лужу. Смахнул

туда же со стола уцелевшие бумаги, начал сгребать сапогом те листки, что Леонарду удалось вырвать из огня.

– Не надо! – вскричал Леонард, с трудом поднимаясь на ноги. Отчаянным усилием отпихнув Бенедикта, схватил со стола книгу, снова прижал к груди.

– Ах, ты... – рявкнул на него старший, но вдруг осёкся, выпучив глаза. Резко откинулся назад, прогибаясь в пояснице, и на несколько мгновений замер так, раскорячившись на широко расставленных ногах. Из горла его вырвался сдавленный хрип.

Леонард, опешив, опустил руки.

– Что... – начал было он, но вдруг с ужасом увидел, как ткань дублета на животе брата, под самой грудиной, приподнимается изнутри, набухая тёмным пятном. Еще миг – и наружу показалось острое изогнутого клинка. Оно выползло будто нарочито медленно, распарывая ткань и выталкивая изнутри ленивую струйку крови. Бенедикт же так и хрипел, застыв в неестественной позе, будто скованный невидимой силой и насаженный на страшный клинок, как на вертел.

Леонард, вытянув шею, пытался разглядеть скрывавшегося за спиной Бенедикта убийцу, но там, позади, лишь клубилась тьма.

Клинок, замерев, резко дернулся назад, с влажным хрустом проехавшись по ребрам, и Бенедикт рухнул на пол.

За ним никого не было. Даже мелькнувшего в сторону, скрывающегося с глаз силуэта. Леонард, едва удерживаясь

на ослабевших от ужаса ногах, облизнул занемевшие губы. Крик застыл в горле, не успев родиться.

В комнате наметилось какое-то движение. Даже не тень – слабый отголосок тени. Как рябь по воде, как дрожание нагретого воздуха над костром.

– Книгу! – рявкнул чей-то голос. Леонард едва не вскрикнул, отступая еще дальше, к самой стене. Увидев рукоятку кирки, торчащую из раскрытого сундука, схватился за неё. Кирка была тяжелой, и держать её одной рукой было неудобно, так что он, рванув завязки на куртке, запихнул фолиант за пазуху.

Мрак в комнате, казалось, сгустился, и из его волокон сооткался человеческий силуэт. Убийца выскользнул из невидимости, как из кокона – чуть повел плечами, стряхивая с плеч загустевшую тьму, стекающую вниз, как струйки дыма. Леонард не сразу узнал молодого имперца, встретившегося им во дворе – роскошные волнистые волосы у того сейчас были не распущены, а зачесаны назад, в тугий хвост. Так же как и у Бенедикта, корчащегося на полу в луже собственной крови.

– Книгу! – повторил имперец. В руке его блеснул длинный, изогнутый птичьим когтем кинжал, влажный от крови.

Шаги в коридоре раздавались всё ближе, и на миг Леонарду показалось, что они сулят спасение. Но, встретившись взглядом с убийцей, он понял, что всё решится куда раньше, чем те, кто идет сюда, ступят даже на порог залы.

Размахнувшись, он швырнул кирку в имперца, а сам откинулся назад, толкая спиной тяжелую плиту барельефа. Судя по тому, как расширились глаза черноволосого, про тайный ход он не знал, и трюк Леонарда стал для него неожиданно.

Леонард налег на плиту что есть силы и быстро провернул её полностью, скрываясь во мраке. Барельеф, развернувшись в комнату обратной стороной, негромко шелкнул, снова намертво сливаясь со стеной. На обратной стороне плиты красовалась точно такая же композиция с боевой колесницей, только камень был светлее – серый, с зеленоватым отливом. Но этого юноша уже не увидел.

Держась за стену, он медленно сполз вниз, плюхаясь на пол. Прислушался.

Тишина. Только отдаленные отзвуки капающей где-то воды. Тяжелая плита надежно отделила его от комнаты. Можно попытаться на ощупь найти стрелу в колчане лучника, и снова отпереть эту хитроумную дверь, но пока Леонарду этого совсем не хотелось, и вряд ли захочется в ближайшее время. Он сидел в темноте, тяжело дыша и стараясь успокоить бешено колотящееся сердце.

В свои двадцать лет он уже повидал всякого, дрался на доброй дюжине дуэлей и любил похвастаться девицам, что не раз заглядывал в глаза самой смерти. Но сейчас вся эта глупая бравада улетучилась, будто смытая морским шквалом. Он сжался, пряча лицо между коленями и дрожа, как побив-

тый щенок.

Мама... Если бы ты была здесь...

Сандро провел рукой по выпуклым фигурам барельефа, налег на плиту всем весом, но та даже не шелохнулась. Шаги в коридоре приближались. Имперец недовольно поморщился. Когда в зале вспыхнули огни факелов, он выскользнул из кабинета, прижимаясь к стене. Тьма, сгустившись, окутала его тонкими щупальцами, и он постепенно растворился в ней, исчез, слившись с густыми тенями.

Торн в сопровождении обоих латников-телохранителей, Карла и семенящего чуть позади Алонсо вошел под своды зала и остановился, оглядывая замшелые стены.

– И вы утверждаете, что ничего не знали об этом подzemелье? – обернулся он.

– Я вас уверяю, господин! – лепетал камердинер, утирая пот со лба огромным платком. – Дон Корнелий держал его в тайне. Он даже для ремонта погреба использовал не местных рабочих, а привез какую-то бригаду из Редорана...

Карл молча зыркнул на него, и Алонсо, скиснув, вжал голову в плечи.

– Из Редорана? – многозначительно переспросил Торн.

– Свет, господин! – подал голос один из латников. – Там, впереди!

Маленький отряд, грохоча сапогами и лязгая доспехами, пересек залу.

– Дон Бенедикт! – первым вскричал Алонсо. – О, боги, он мёртв!

– Поразительная наблюдательность, – язвительно отозвался имперец. Оттеснив солдат, прошелся по тесному закутку, брезгливо перешагивая через лужу крови. Внимательно осмотрел обгоревшие остатки бумаг на полу.

– Прятаться здесь негде, – проговорил он. – Убийца, похоже, уже выскользнул наружу... А это у нас что?

Он поднял с пола разорванную серебряную цепь с круглым медальоном.

– Герб Кроу, если не ошибаюсь...

Карл, заглядывая поверх плеча стоящего в дверях солдата, тоже увидел медальон.

– Лео... – прошептал он одними губами.

Каменный пол был холодным и гладким, как лед, и долго сидеть на нём не получилось. Поднявшись, Леонард поводил руками в темноте и осторожно, мелкими шажками, отошел от плиты с барельефом. Глаза привыкли к темноте, и впереди, на расстоянии десятка шагов, он видел на стене ровный голубоватый отсвет. Похоже, коридор резко поворачивал налево, и источник света находился там, за углом.

Леонард медленно, будто преодолевая толщу воды, шагнул дальше, но страх тысячами невидимых нитей тянул назад. Покидать площадку у входа не хотелось – казалось, стоит только отойти на несколько шагов, и тьма проглотит тебя целиком, и никогда не найти дороги обратно.

Но торчать на месте юноша тоже долго не мог. Непрерывно загребая перед собой руками, как пловец, чтобы ни на что не наткнуться в темноте, он мелкими скользящими шажками преодолел расстояние до поворота.

Осторожно выглянул за угол, готовый тут же отпрянуть назад и броситься к выходу. Но увиденное настолько поразило его, что он, сам того не замечая, выпрямился и, раскрыв рот, сделал несколько шагов навстречу открывшейся картине.

У самых ног Леонарда разверзлась бездонная пропасть, над которой нависла ажурная паутина узких мостиков из

плит белого камня, пестреющих пятнами бурого и зеленоватого мха. Мосты были переброшены между крошечными островками, представляющими собой вершины исполинских каменных столбов, основания которых терялись во мраке. Куполообразный потолок пещеры ощерился гроздьями свисающих вниз сталактитов, во многие из которых были вмурованы массивные железные кольца, с которых свисали на цепях продолговатые ажурные клетки с заточенными в них огромными полупрозрачными кристаллами неправильной формы, испускающие голубоватый свет. Каждая такая клетка была в добрых два человеческих роста высотой, а цепи, их удерживающие, толщиной могли сравниться с запястьем Леонарда.

Такие же кристаллы, но поменьше, размером с человеческую голову, располагались через равные промежутки на перилах мостов, чётко обозначая их светящимся пунктиром.

Кристаллов было много – пожалуй, сотни. Но, несмотря на обилие источников света, их хватало только на то, чтобы хорошо были видны сами мосты и небольшие ротонды на каждом из островков. Основная же часть каверны тонула во мраке. Она была слишком огромна. Леонард прикинул, что при таком раскладе весь утёс, на котором выстроен Ка-стл-Кроу, похож на скорлупу выеденного яйца – внутри он пуст, и если бы не твёрдость верхней части скалы, замок попросту провалился бы вниз.

Он осторожно ступил на мост. Тот был узкий – едва раз-

минуться двоим, а перила едва доходили до середины бедра. Пропасть внизу раскинулась во всей красе, и хотя высоты Леонард никогда не боялся, в груди неприятно похолодело. Назло своему страху он подошел ближе к краю и, перегнувшись через перила, заглянул вниз. Хотел было крикнуть что-нибудь, чтобы послушать эхо, но нарушать первозданную тишину пещеры казалось кощунством. Да и попросту было страшновато. Жаль, факелов нет – сбросить бы вниз, посмотреть, насколько глубока пропасть.

Он коснулся светящегося кристалла, вмонтированного в вершину одного из столбиков перил. На ощупь тот оказался очень холодным и будто бы колючим – пальцы неприятно занемели от прикосновения. Леонард, придерживаясь за перила, попробовал пихнуть его ногой. После пары ударов кристалл накренился, шатаясь в своем гнезде. Юноша поддал сильнее, и по гладкой, как зеркало, поверхности пошла сеть мелких трещин, отчего кристалл засветился заметно ярче. Ещё удар – и он, вырвавшись из крепления, кувыркнулся вниз.

Леонард проводил его взглядом. Светящееся пятно, стремительно уменьшаясь в размерах, исчезло, но потом снизу донёсся хлопок, и ослепительная вспышка на миг высветила дно пропасти, ощерившееся длинными копиями сталагмитов. От неожиданности Леонард отпрянул назад, прикрывая глаза ладонью, ударился о перила на противоположной стороне моста. Опасно накренился назад, едва не перевали-

ваясь через них, но сумел сохранить равновесие.

Тело обдала горячая волна ужаса. Он, с трудом разжав пальцы, мертвой хваткой вцепившиеся в перила, отошёл от края. Сердце колотилось так, будто он пробежал по крайней мере лигу. Впрочем, испуг прошёл быстро, и его сменила жгучая злость на собственную глупость.

Он вернулся назад, на естественный карниз, опоясывающий стену пещеры. Заметил сложенную неподалеку от входа связку факелов, табурет, флягу для вина, какие-то тряпки, веревки, видимо, тоже оставленные отцом. Граф, похоже, основательно принялся за исследование этой пещеры. Непонятно только, почему он делал это в одиночку, и держал само существование пещеры втайне.

Возможно, ответ скрывается в тех записях, что Леонарду удалось спасти. Юноша бережно достал из-за пазухи тяжелый фолиант. Расположившись у входа на мост, рядом с одним из столбиков, увенчанных светящимся кристаллом, он раскрыл книгу, один за другим извлекая помятые и обгоревшие листки.

Свет, исходящий от кристалла, был блёклым и окрашивал кожу на руках в мертвецки-белый цвет, а бумажные страницы в нем казались серыми, будто присыпанными пеплом. Впрочем, главное, что его хватало на то, чтобы можно было бегло читать.

Он сразу узнал в набросках отца схему этой огромной пещеры. Вот вход, вот мосты с одного островка на другой...

В центре пещеры – островок побольше, и похоже, ради него и выстраивалось всё это хитроумное сооружение в пещере. Все дорожки вели в центр, и для части из них отец на схеме оставил заметки.

– Перевёртыш... Булава... Шипы... – читал Леонард.

Со схемой всё было понятно. Отец, обследуя подступы к строению в центре пещеры, отмечал на карте обнаруженные ловушки. Одна из них и оказалась роковой. Не было никакого таинственного убийцы. Стрела, убившая графа Кроу, была заложена неведомыми инженерами пещеры, наверное, сотни лет назад. Но даже века спустя она исправно выполнила своё предназначение. Не пропустила незваного гостя туда, к центру лабиринта.

Леонард, привстав, отыскал тот самый островок. Он находился чуть ниже остальных, мосты от него отходили в четыре стороны, как на стороны света. На нем была выстроенная ступенчатая пирамида с узким высоким входом с одной стороны. По бокам от входа возвышались статуи многоруких чудищ с бычьими головами и огромными копьями с причудливыми наконечниками, похожими на застывшие языки пламени.

Сверившись с отмеченным на схеме маршрутом, Леонард понял, что отец почти достиг цели. Он обошёл по спирали всю пещеру, постепенно приближаясь к центру, и потерял бдительность перед самой пирамидой. А может, даже внутри неё.

Леонард принялся за изучение записей, сделанных почерком матери. Все они выглядели как часть одного большого письма. В каком порядке их читать, было непонятно, тем более, что значительная часть записей была утеряна или серьезно пострадала от огня. Бросив тщетные попытки восстановить порядок, Леонард принялся читать всё подряд.

«... обычно в крупных городах. Возможно, в Дрезденборге, или в одном из полисов Дартарии. Последний раз мы виделись много лет назад, еще до нашего знакомства с тобой. Тогда она собиралась на юг, на побережье. Возможно, стоит поискать её в Валемире. Она ценит роскошь и удобства, и хоть предпочитает оставаться в тени, как и все мы, но для неё всегда было важно иметь определенный вес в обществе. В общем, ищи среди незамужних, но влиятельных дам. Таких не слишком много. У неё может быть любое имя, но обычно она подбирает что-то, созвучное её собственному – Арайя Шу. Когда найдешь её, не торопись, постарайся познакомиться поближе, и осторожно начинай расспросы. Если спугнёшь – новые поиски могут затянуться на годы, особенно сейчас, когда все в панике от того, что веками складывающийся баланс рушится. Я думаю, мой кулон, который я оставляю вместе с этим письмом и книгой, поможет завоевать её доверие...».

Леонард прикрыл глаза, откинувшись спиной на гладкие столбики балюстрады, огораживающей мост. Помотал головой, будто отгоняя дурной сон, но сквозь сжатые веки всё

равно просочилась солёная влага. Он досадливо смахнул слёзы – надо же, расклеился, как девчонка.

Сколько он себя помнил, на маминой шее был этот кулон – крохотная, свернувшаяся кольцами двуглавая серебристая змейка. Одна голова – с изумрудными глазками, вторая – с рубиновыми. Ребенком он любил разглядывать его, изумляясь тонкой работе – если приглядеться, можно было различить каждую чешуйку на боках змейки, а из её приоткрытых пастей торчали едва различимые клычки и узкие, с волосок толщиной, раздвоенные языки. Это было настоящее чудо. Маленький Лео никогда не сомневался, что мама была волшебницей. И только гордился этим.

Он бы очень хотел увидеть этот кулон снова, но теперь-то змейка точно потеряна.

Он вернулся к записям.

«... позаботиться о Лео. В своё время за ним придут. И если раньше я воспринимала это вполне спокойно и сама собиралась подсказать ему правильный путь, то теперь я с содроганием думаю о том, что его ждёт. По большому счету, он обычный мальчик, но для них сейчас важна каждая капля Серебряной крови, даже если она течет в жилах смертного. Все мои надежды – на Арайю, но если она...».

Листок обрывался чёрным обугленным краем. На следующем уже было совсем про другое, совсем уж непонятное.

«... Первое время он почти ничего не сможет есть, кроме жидких бульонов и овощных соков. Будьте терпеливы и

настойчивы. С ним постоянно должен кто-то находиться рядом. Старайтесь не раздражать его и не злить, показывайте, что хотите ему только добра. Когда его рассудок прояснится, постарайтесь объяснить, кто вы, повторите моё имя – я думаю, он должен его помнить. Возможно, он пока плохо...».

Следующий листок. Тот самый, что первым попался ему ещё там, в тайном кабинете.

«Любимый, надеюсь, что тебе не придется читать всё это. Но если мы больше не увидимся, пусть у тебя будет возможность узнать, что же произошло. Оставляю это письмо и некоторые из моих вещей надежному человеку. Единственному, кому я еще могу доверять. Я не могу требовать от него слишком многого, и скорее всего, он побоится разыскивать тебя. Но надеюсь, что он хотя бы сохранит то, что я ему доверила. И когда-нибудь, когда всё немного утихнет, вы сможете встретиться, и ты получишь это моё послание. Молю Араноса, чтобы это произошло достаточно скоро.

Начну с самого главного. Думаю, ты давно догадывался, что я...».

Страница заканчивалась, на следующей – снова про другое. Леонард с досадой хлопнул себя по коленке. Чтение маминых записей рождало больше вопросов, чем ответов. Но больше всего он злился на себя за то, что не сумел уберечь хотя бы эти крохи от Бенедикта.

Воспоминание о том, что старший брат мёртв, пронзило его ледяной стрелой, и он вздрогнул, передёрнув плечами. Он ещё толком не свыкся с мыслью о гибели отца и вот – новая потеря. Пусть они с Бенедиктом никогда не ладили, но он был частью семьи. В привычный уклад жизни Кроу вторглась страшная, безжалостная сила, готовая всё смести на своём пути. Но ради чего?

Леонард опустил взгляд на следующую страницу.

« ... придется тебе самому. Они на каждом шагу, и не стоит тешить себя надеждой, что механизмы слишком старые, чтобы действовать. Это убежище создано для того, чтобы простоять века. Но, если будешь действовать осмотрительно, всё получится. Умоляю, будь осторожен! Обратный путь будет куда легче. Когда доберешься до...».

Тягучую тишину пещеры нарушил протяжный рокот, будто волокли что-то тяжелое по каменному полу...

Или сдвигали плиту! Леонард вскочил, снова хватаясь за рукоять несуществующего меча. Кто-то последовал за ним через тайную дверь за барельефом? Так быстро?!

Юноша с трудом удержался от того, чтобы опрометью броситься бежать по мосту в глубь пещеры. Вовремя вспомнил про ловушки. Но и прятаться здесь было негде, так что он, схватив по незажженному факелу в каждую руку, приготовился отражать нападение, если таковое последует.

Мгновения напряженного ожидания тяжелыми каплями падали в пропасть пещеры и без отзвука исчезали в ней. Лео-

нард до рези в глазах всматривался в полукруглый проем, через который он сюда вошёл, но наружу никто не показывался.

Послышалось...

Леонард отбросил неуклюжие деревяшки и принялся собирать листки с записями, которые уронил с перепугу. Отложив в сторону схему лабиринта, он спрятал остальные бумаги между страницами фолианта и засунул его под куртку. Попрыгал на месте, проверяя, чтобы книга не выскользнула ненароком из-под пояса.

Пирамида в глубине пещеры казалась выстроенной из кусков тёмного льда. Над ней нависало три крупных кристалла, их свет отражался на ступенях расплывчатыми полосами. Зияющий тьмой вход одновременно манил и страшил. Но Леонард уже понял, чего хочет. Пройти до конца тот путь, которым шёл отец.

В забытой фляге осталось немного вина, и он осушил её в несколько глотков. Еще раз оглянулся на туннель, ведущий назад, к барельефу. Было неприятное чувство, что оттуда сейчас кто-нибудь появится. Леонард подбодрил сам себя и, сверившись со схемой, отправился в глубь каверны. Продвигался с предельной осторожностью.

Первый капкан отец отметил на середине второго моста, ведущего направо.

– Перевертыш... – пробормотал Леонард, сверяясь с записями. Оглядывая каждую плиту под ногами, увидел сле-

ланную сажей пометку, хорошо заметную на белом камне.

Осторожно попробовал плиту ногой. Вроде всё в порядке. Однако, стоило чуть поднажать, перенеся на ногу более существенную часть веса, как плита заметно подалась, провоцируясь по поперечной оси. Убрал ногу – плита вернулась на место, встав с соседними так плотно, что трудно было бы, пожалуй, и лезвие ножа просунуть.

Леонард покачал головой и осторожно миновал опасный участок сбоку, держась за перила.

В целом все оказалось даже проще, чем он предполагал. Отец отметил все ловушки издали бросаемыми в глаза знаками. Кое-где они были и не нужны, потому что ловушки были одноразовыми – как, например, упавшие откуда-то сверху железные шары размером с голову, утыканные тонкими длинными шипами. Леонард осторожно потрогал один из них сапогом, внутренне содрогнувшись от мысли о том, какого же получить такими шипами по неприкрытой бронёй спине.

Он относительно быстро преодолел извилистый маршрут, ведущий к пирамиде. Серьёзно задержался лишь на последнем мосту. Здесь было отмечено сразу две ловушки. Одна из плит, если приглядеться, была испещрена узкими отверстиями, из которых, стоило ступить на неё, вырывались острые, как бритвы, клинки. Чтобы преодолеть этот участок, пришлось перелезть через перила и пробираться по наружной кромке моста.

Карабкаться таким манером пришлось довольно долго, потому что вскоре за шипами в мосту зияла широченная проплешина – одна из плит, похоже, попросту обвалилась вниз.

Уже на островке, там где мост нырял под широкую арку, Леонард увидел и следы третьей ловушки – той самой, что оказалась для отца роковой.

На полу валялось с полдюжины тяжелых ржавых стрел, больше похожих на гарпуны. Он поднял одну из них, ухватив за хвостовик, и внутренне сжимаясь, оглядел плоский наконечник, ощерившийся крючковатыми шипами. Несмотря на то, что древко стрелы сплошь покрылось шершавой коркой ржавчины, наконечник был настолько острым, что им можно было резать бумагу.

Удивительно, как отец вообще сумел выбраться с такой штукой в боку.

Леонард с омерзением отбросил страшное оружие и осторожно прошёл арку. Пирамида была прямо перед ним, к ней вела широкая, выложенная зеркально ровными плитами дорожка, по бокам которой тускло мерцали магические кристаллы, установленные на невысоких, по пояс, квадратных тумбах. До входа было не больше двадцати шагов. Можно было разглядеть в подробностях огромные, в два человеческих роста, статуи каменных стражей с бычьими головами. Как и барельеф, выполнены они были с поразительным мастерством и тщательностью, впечатление портил только ско-

пившийся на них слой грязи да какие-то засохшие белесые потёки.

Наверняка и на этом участке незадачливого исследователя подстерегали смертоносные ловушки. Но на этот раз нет никаких подсказок. Леонард, пожалуй, впервые за весь путь, всерьёз засомневался, стоит ли соваться дальше.

Впереди, в глубине пирамиды, виднелся свет – скорее всего, такие же кристаллы, что и повсюду здесь. Но что конкретно там скрывается, не разглядеть.

Но наверняка что-то важное. Что-то, связанное с мамой. Ведь именно она написала отцу об этом лабиринте под замком. Это как-то связано с её исчезновением. С книгой, которая не должна попасть в руки Валору...

Она противостояла Валору? Может, и отец вслед за ней? И обвинения в связи с Балтазаром не напрасны?

Впрочем, какой Балтазар? Смешна была сама мысль о том, что к этой удивительной пирамиде может иметь отношение какой-то никому раньше не известный бастард редоранского короля Редгара, который и на трон-то претендует только потому, что Валор истребил всех законных наследников.

Здесь чувствовалась тайна. Настолько древняя и страшная, что от одного прикосновения к ней дрожь пробегала по хребту...

– Ну же, парень! Шагай, чего застыл?

Голос раздался прямо за его спиной, и от неожиданности

Леонард заорал так, будто ему плеснули кипятка за шиворот.

Позади него, небрежно опершись плечом об арку и поигрывая одной из жутких стрел-гарпунов, стоял Сандро Фелендор.

6

– Только на этот раз без глупостей, – спокойно проговорил имперец. – Отдай мне книгу, а потом двигай вперед.

– Ты... ты следил за мной, мерзкий колдун! – простонал Леонард.

– Ну да, – пожал тот плечами. – Тут полно ловушек, и я позволил тебе провести меня через них. Но, сдастся мне, это ещё не конец.

Леонард оглянулся через плечо на вход в пирамиду.

– Да-да, мой мальчик, – жестко усмехнулся имперец. Выглядел он ненамного старше самого Леонарда, но сейчас юный Кроу чувствовал себя перед ним просто сопляком. – Двигай вперед, и будь осторожен. Мне нужно, чтобы ты разведаль путь для меня. И желательно, чтобы продержался подольше. Но сначала – отдай книгу.

Он вытянул вперед руку. Тускло блеснули перстни, нанизанные на тонкие холёные пальцы.

В ответ Леонард лишь грязно выругался, предложив имперцу вместо книги нечто, на что тот вряд ли бы согласился.

– Ну что за грубость, – поморщился Сандро. – Слова, совсем не достойные отпрыска благородного графа. Книгу, щенок!

– Попробуй возьми! – огрызнулся Леонард и попятился вглубь островка, держась по краю вымощенной квадратны-

ми плитами дорожки.

Имперец спокойно следил за ним, не меняя позы. Леонард пятился дальше, ступая осторожно, будто по тонкому льду. Ему казалось, что плиты под ногами потрескивают под его весом, а сама поверхность дорожки покачивается, будто движимая толщей воды, колыхающейся под тонкой ледяной коркой. Каждая миг исполнился ожидания развязки, которой страшишься и желаешь одновременно. Как во время дуэли с десяти шагов, когда разворачиваешься и успеваешь заглянуть в черный глазок пистолетного дула, которое вот-вот изрыгнет огонь.

Леонард полжизни бы сейчас отдал за возможность сразиться с черноволосым на честной дуэли, но не стоять вот так – безоружным, беззащитным, дрожащим так, будто Дева Смерти уже обняла за плечи своими ледяными пальцами и ласково, но настойчиво тянет за собой в бездну.

Пятясь, он оступился, задев одну из тумб со светящимися кристаллами, и завалился на спину. Чтобы смягчить падение, пришлось ухватиться за кристалл всей пятернёй. Руку будто бы пронзили тысячи мелких иголок, и онемение быстро распространилось до самого локтя. Под весом Леонарда кристалл выдрался из крепления и со стеклянным звоном брякнулся рядом с ним на пол. По гладкой поверхности тут же пошли полоски продольных трещин.

Леонард взвыл, потирая ушибленную поясницу. Сандро раздраженно крикнул.

– Быстрее, щенок! Не трать зря моё время.

– Да пошёл ты! – рывкнул юноша, поднимаясь на четвереньки и укрываясь от имперца за тумбой. Треснувший кристалл лежал прямо у его ног и, кажется, тихонько, но непрерывно звенел. Леонард опасно покосился на него, потом на Сандро, который, потеряв терпение, двинулся к нему. В руке имперца сверкнул полумесяцем клинок изогнутого кинжала.

Как и сам Леонард, имперец придерживался края дорожки. Ступал мягко, бесшумно, ставя ступни в одну линию, будто шёл по канату. Укрываясь от надвигающегося убийцы за тумбой, Леонард напряжился, как подкарауливающая добычу кошка.

Сандро приближался нарочито медленно, поигрывая кинжалом. До него оставалось не больше пяти шагов, когда Леонард, наконец, выпрямился. Ладони, обхватившие кристалл, уже сплошь покрытый паутиной трещин, обожгло холодом. От боли и отчаяния Леонард взревел раненым тигром и, подавшись вперёд, что есть силы швырнул кристалл в грудь имперцу.

Бросаясь на пол за тумбу, он еще успел заметить, как Сандро машинально вскинул руку с кинжалом, отбивая светящийся снаряд в полёте.

Вспышка была столь яркой, что обожгла глаза даже сквозь плотно сомкнутые веки. Леонард обхватил лицо ладонями, чувствуя, как над ним полыхнуло пламя. Кожу на неприкры-

той шее защищало от ожога.

Под закрытыми веками плясали мутные красные пятна. Леонард, кое-как протерев глаза выглянул из-за тумбы.

Сандро распластался на квадратных плитах пола лицом вверх и стонал. Сначала тихо, будто бы удивленно, потом всё громче, пока стон не перешёл в иступленный рёв, прокашлявшийся по пещере многократными эхом. Имперец согнулся, силясь подняться, и Леонард содрогнулся, увидев спешившиеся в уродливые колтуны волосы и бугристую багровую маску вместо лица и шеи. Глаза имперец каким-то чудом сохранил, и они влажно сверкали белком на фоне обожженной кожи. Одежда на груди, плечах, животе дымилась и, похоже, намертво склеилась с опалённой кожей. В воздухе витал тошнотворный запах горелых волос и шерсти.

Сандро медленно поднял к лицу скрюченные обугленные пальцы, на которых чётко выделялись блестящие перстни, которые магическое пламя, похоже, не тронуло вовсе. Исторг еще один душераздирающий вопль.

Леонард подобрал отлетевший в сторону кинжал имперца.

– Добей! – прохрипел тот, поймав юношу взглядом жутких глаз, наполовину прикрытых красными опухшими веками с остатками ресниц.

Юноша покачал головой.

– Это тебе за Бенедикта, падаль, – процедил он. – Ты будешь подыхать долго.

Под вопли обожженного он двинулся ко входу в пирамиду. Оставшуюся до него дюжину шагов преодолел медленно, шарахаясь от каждого шороха. Но либо ловушек уже не осталось, либо ему посчастливилось миновать их.

Внутри пирамиды было сыро и заметно прохладнее, чем снаружи. Всё пространство внутри занимала одна большая квадратная комната с возвышением в центре. Там устремлялись в потолок две толстые колонны, испещренные уже знакомыми Леонарду угловатыми рунами. Вокруг них выстроилось с дюжину приземистых тумб, на половине из которых лежали светящиеся кристаллы, а на остальных – какие-то покрытые толстым слоем пыли ларцы.

Стены комнаты изнутри обросли тяжелыми пластами мха, с потолка бахромой свисали белёсые лохмотья паутины. В центре, между колоннами, и вовсеросло что-то невообразимое, будто гигантский, в два обхвата, бурдюк для вина, покрытый слоем мохнатой бурой плесени. От него к колоннам отходило множество толстых влажно поблескивающих жгутов, похожих на растянутые кишки.

Пахло гнилью и мускусом.

По скользким от мха ступеням Леонард поднялся на возвышение. Пальцы, обхватывающие ребристую рукоять кинжала, занемели от напряжения. По-прежнему боязно было делать каждый шаг – ловушки могли оказаться где угодно.

Он поскреб кинжалом продолговатый ларец на ближайшей к нему тумбе. Под слоем вязкого влажного мха обнару-

жился покрытый зеленоватым налётом патины металл. Леонард попробовал просунуть лезвие под крышку и, когда это удалось, нажал на рукоять. С протяжным ржавым скрежетом ларец раскрылся.

Внутри, на полуистлевшей тканевой подкладке, лежала ажурная серебряная цепь в два пальца толщиной. Плетение было великолепным – не грубые овальные звенья, жестко сцепленные между собой, а множество тонких крученых жгутов, переплетенных между собой в четком узоре. Леонард, отложив кинжал и вытерев взмокшие ладони о штаны, осторожно прикоснулся к ней. Приподнял, чуть растянул в стороны. Хитроумное плетение позволяло ей вытягиваться, становясь в несколько раз тоньше. На одном конце цепи располагалось крепление из трех соединенных тонкими планками браслетов и каких-то прозрачных трубок с шипами на конце. На другом – острый составной наконечник в ладонь длиной.

Похоже на кистень, крепящийся прямо к предплечью. Хотя, пожалуй, называть эту удивительную штуку кистенём – сущее кощунство.

Леонард вскрыл другой ларец, побольше. Там обнаружилась целая стопка полуистлевшей одежды. Судя по остаткам золотых позументов, предназначалась она для весьма важной особы. Тут же, в небольшом углублении, поблескивали два массивных золотых перстня, без камней, но украшенные филигранной резьбой. Леонард, недолго думая, подо-

брал перстни и спрятал в кармашек на поясе.

Следующий ларь. Книги. Несколько тяжелых фолиантов в переплетах из жесткой кожи, с потемневшими от времени серебряными уголками.

В последнем ларце лежало оружие, да такое, что у Леонарда дух захватило. Потрясающе красивый клинок – необычной формы, из блестящего тёмного металла, на котором вытравлена чем-то красным полоса угловатых рун. Ножны и пояс для них лежали рядом – чёрные с серебром и крупными рубинами.

Леонард не удержался и нацепил пояс с ножнами себе. Осторожно поднял меч, любуясь отсветами голубоватого пламени, отражающимися на зеркальной поверхности клинка. Завороженный хищной красотой оружия, он даже не сразу услышал шорох за спиной. Опомнился только почувствовав дрожь пола под ногами.

Колонны в центре помоста начали медленно, с глухим, пробирающим до самых костей скрежетом уходить вниз, исчезая в полу. Бурдюк, висящий между ними на манер матросского гамака, тяжело покачивался. Только сейчас Леонард заметил, что покоится тот на подвешенном на толстых цепях квадратном ложе. Колонны укоротились ровно на столько, чтобы это ложе коснулось пола. В последний раз скрежетнули скрытые где-то под полом шестерни, звякнули обвисшие цепи и всё стихло.

Леонард, замерев с мечом в защитной стойке, не отрывал

взгляда от бурдюка. Похоже, шаря по ларцам, он потревожил очередной древний механизм, который привел в движение колонны. Не было похоже на ловушку – та бы сработала молниеносно. Но всё равно было не по себе.

При ближайшем рассмотрении бурдюк оказался еще более мерзким, чем показалось вначале. Из-под покрывающего его слоя мха и грязи то тут, то там проглядывала влажная бугристая поверхность, медленно пульсирующая, будто в такт едва бьющемуся сердцу.

Под полом снова заскрежетали какие-то механизмы, и колонны опять пришли в движение, на этот раз медленно раздвигаясь в стороны в глубоких пазах. Жгуты, которыми бурдюк крепился к колоннам, натянулись тугими струнами, несколько с влажным хрустом оторвались, повиснув длинными шевелящимися червями.

Громкий щелчок – и с потолка на бурдюк обрушился длинный острый клинок, рассекая его по касательной. Траектория была высчитана с ювелирной точностью – разрез получился длинный, по всей длине бурдюка, и глубиной примерно с ладонь. Колонны продолжали раздвигаться, так что разрез этот быстро расширился, обнажая скользкую розовую плоть.

Леонард, борясь с тошнотой, отступил к краю помоста. Очень вовремя потому что под натяжением жгутов бурдюк лопнул, выплескивая на пол целый водопад скользкой красноватой жижи. Вместе с ней на помост шлёпнулось нечто

склизкое и бесформенное. В воздухе разлилась тяжёлая кислая вонь, от которой во рту стало горько и вязко.

Леонард, вскрикнув от омерзения, отпрыгнул назад. Желудок его не выдержал, и юноша согнулся пополам от выворачивающего кишки спазма. Хотя ел он давно, и избавляться было не от чего, мучительные позывы следовали один за другим – до боли в горле, до потемнения в глазах.

Кое-как придя в себя, он поднял голову и с ужасом увидел, что существо, вывалившееся из бурдюка, живо. Оно имело вполне человеческие очертания, только детали трудно было разглядеть из-за комьев прилипшей к коже красноватой слизи.

– Что за мерзость... – дрожащим голосом простонал Леонард, бросая взгляд в сторону выхода.

Мерзость обернулась на звук его голоса. Оскальзываясь в луже медленно растекающейся по помосту жижи, гомункулус поднялся, развернулся к Леонарду, с трудом удерживаясь на дрожащих ногах. Теперь было видно, что это нагой мужчина – высокий, со слипшимися от слизи длинными тёмными волосами.

– Кто ты? – борясь с очередным приступом тошноты, выкрикнул Леонард.

– Кто... ты? – нечетко повторил гомункулус, с трудом раздирая слипшиеся от слизи губы. Голос его звучал хрипло и настороженно. Кое-как протерев лицо, он открыл глаза. Взгляд их был поначалу затуманен, но быстро сфокусиро-

вался на Леонарде. Выражение этих глаз юноше не понравилось. Так смотрят на таракана прежде, чем с омерзением растоптать его.

Незнакомец, вскинув подбородок, прищурился. Глубокая вертикальная складка на его переносице шевельнулась, раздвигаясь в стороны, будто тяжелые веки. Между ними оказался еще один глаз – тёмный, почти без белка, похожий на кошачий. Его взгляд обжег Леонарда смесью презрения и ленивого интереса. Казалось, трёхглазый видит юношу насквозь – все его мысли, желания, страхи.

Леонард помотал головой, перехватил покрепче рукоять меча.

Гомункулус, оглядевшись, сделал несколько нетвердых шагов по помосту и что-то спросил на неизвестном языке – гортанном, с обилием рычащих звуков.

Больше всего Леонарду хотелось бежать. Но позади был кишачий ловушками лабиринт, корчащийся от боли убийца Бенедикта и запертая потайная дверь, открыть которую будет не так просто в кромешной темноте. Придется опять выковыривать со своего места один из светящихся кристаллов...

Незнакомец постепенно приходил в себя. Он нашел ларец с одеждой, и вид превратившихся в лохмотья нарядов его, похоже, не обрадовал. Он обернулся к Леонарду, снова прорычал что-то на своём языке.

– Чего разорался-то? – буркнул Леонард, стараясь не гля-

деть на немигающий кошачий глаз у того во лбу. – Другой одежды для тебя нету.

Гомункулус яростно рывкнул, сбрасывая ларец с тумбы. Покачиваясь, ринулся к другой. Обнаружил пропажу меча, и это его вконец разъярило. Леонард понял, что пора уходить. Взгляд упал на блестящую серебряную цепь, что он обнаружил в самом первом ларце. Схватив её, он попятился к выходу.

Трёхглазый, заметив это, попросту зарычал на Леонарда, по-волчьи оскалив зубы с заметно выраженными клыками. Кожа на его предплечьях вздулась, с влажным хрустом выпуская наружу кривые костяные шипы. Леонард, судорожно сглотнув, поднял меч, держа клинок горизонтально на уровне глаз.

– Не подходи! – выкрикнул он, продолжая пятиться.

Трёхглазый рывкнул что-то, требовательно вытянув руку. Узловатые пальцы были увенчаны длинными, загнутыми как у птицы когтями.

– Обойдётся! – огрызнулся Леонард. – Это я заберу с собой. Не нравится – залезай обратно в свой кокон и дрыхни дальше.

Гомункулус, чуть склонив голову, слушал его голос и, похоже, даже понял сказанное. Во всяком случае, оно ему очень не понравилось. Он сгорбился, выплевывая сквозь зубы короткие гортанные слова. Скрежетнул по полу вылезшими из пальцев ног массивными когтями и бросился вперёд,

преодолев расстояние до Леонарда в три огромных прыжка.

Леонард в последний момент отскочил в сторону, прижимаясь к стене, и трёхглазый пролетел мимо, лишь вскользь рванув когтями дублет на его груди. Леонард отмахнулся мечом и, касаясь спиной стены, попятился обратно вглубь комнаты.

Чудище развернулось и снова зарычало. Сгорбившись так, что пальцы рук почти касались пола, оно выгнуло спину, выпуская из хребта целый ряд треугольных костяных шипов. С каждой такой метаморфозой гомункулус всё меньше походил на человека.

Леонард отбросил серебряную цепь и обеими руками перехватил рукоять меча. Когда оборотень прыгнул снова, встретил его косым наклонным выпадом, одновременно уходя с линии атаки. Чудище резко дёрнулось, уворачиваясь от клинка и, оттолкнувшись от стены, прыгнуло снова, сшибая Леонарда своим весом. Юноша с трудом удержался на ногах, отступил на несколько шагов в глубь комнаты, к ступеням, ведущим на возвышение. Снова взмахнул мечом, но удар получился слабым, так что оборотень отбил его голой лапой, ударив по плоской стороне клинка. Леонард попятился, отмахиваясь мечом, как дубиной – все хитрые фехтовальные приёмы, так красиво смотрящиеся во время тренировок или на дуэли, вдруг разом вылетели из его головы, выдавленные вскипающей внутри волной страха.

Поскользнувшись на сгустке вонючей жижи, вылившейся

из кокона, он потерял равновесие и завалился назад, на ступени. Трехглазый сиганул на него сверху, раскинув когтистые лапы. Леонард зажмурился. Стиснутые зубы, казалось, намертво спаялись друг с другом. Ужас сковал тело, перехватил глотку тугим обручем. Но то, что меч юный граф научился держать едва ли не раньше, чем вилку, сыграло свою роль – в последний миг ему удалось развернуть клинок острием к нападавшему, и страшилище напоролось на него всем весом.

Морда трёхглазого почти коснулась лица Леонарда. Открыв глаза, он встретился с чудовищем взглядом. На несколько мгновений они оба замерли, тяжело дыша. Леонард чувствовал, как по его пальцам, стекая с меча, по самую гарду вошедшего в грудину гомункулуса, ползут горячие липкие струйки. Глаза чудища затуманились, но взгляд был ещё вполне осознанным. В нём читался безграничный ужас.

Леонард, хрипя от натуги, перевернулся на бок, сбрасывая с себя оборотня. Дернул на себя меч, оставляя в брюхе чудища развороченную рану в ладонь длиной. Еле переставляя подкашивающиеся от внезапной слабости ноги, отошёл на несколько шагов.

Желудок снова дал о себе знать. Мучимый спазмами, Леонард рухнул на четвереньки, с рычанием извергая из себя мутную смесь слюны и горькой желчи. Продолжалось это долго. Настолько долго, что когда он, наконец, смог подняться, чудище, распластавшееся на ступенях, уже затихло.

Впрочем, сейчас, с закрытыми глазами и с застывшей на губах мученической гримасой, оно совсем не отличалось от человека. Костяные шипы частично спрятались под кожей. Чуждо и пугающе смотрелась лишь тяжелая складка на переносице, в которой влажно поблескивал третий глаз.

– Кто же ты, разрази тебя Хорм? – прошептал Леонард.

Приходя в себя, он прошёлся по комнате, снова обследуя содержимое ларцов. Забрал с собой серебряную змею и книги. С сомнением почесав затылок, замер возле длинного рычага, торчащего из пола в центре помоста и до этого скрытого за коконом, из которого и появился жуткий трёхглазый монстр. Наконец, мысленно воззвав к богам, пихнул его ногой – трогать руками эту скользкую от слизи из кокона железяку не было никакого желания. Рычаг оказался тугим, так что пришлось хорошенько пнуть его несколько раз прежде, чем он заржавевшая шестерня провернулась.

Снова зарокотали скрытые под полом механизмы. На этот раз заходили ходуном сами плиты под ногами – некоторые лишь чуть-чуть подвинулись, некоторые буквально ухнули вниз. Леонард не на шутку испугался, перескакивая с одной плиты на другую, прежде чем сообразил, что последовательно уходящие вниз участки пола образуют лестницу. Вскоре показался и проход, освещенный изнутри небольшими кристаллами размером с кулак.

Он повертел головой, переводя взгляд с открывшегося туннеля на выход из пирамиды. Соблазн воспользоваться

трудным, но уже знакомым путём был велик. Но, если Леонард правильно понял назначение пирамиды, и та была чем-то вроде берлоги, где трёхглазое чудище покоилось в своём коконе, то здесь должен быть предусмотрен простой и безопасный выход. Не будет же сам трёхглазый топтать по забитому ловушками лабиринту?

Оглянувшись в последний раз на труп хозяина пирамиды, Леонард начал спускаться по ступеням.

– Ты уверен, что это то самое место? – недоверчиво переспросил Леонард у своего нового знакомого, когда они подошли к крыльцу огромного двухэтажного дома на окраине города, у самой крепостной стены. Здание было обшарпанное, с заколоченными тёмсом окнами. От близлежащих халуп – пристанища всяческого отребья, обретающего в этих кварталах – отличалось только размером.

Рико – если это его настоящее имя – лишь снисходительно хмыкнул.

– Не извольте беспокоиться, дон. Мы уже почти пришли. Он, щелкая по мостовой набойками щегольских сапог, уверенно повернул в узкий проулок справа от дома, бросив через плечо:

– Не отставайте!

Леонард последовал за ним. В подворотне было темно, как в погребке. Одинокий фонарь далеко впереди, в противоположном конце проулка, и слабые отсветы, пробивающиеся сквозь щели в заколоченных ставнях, позволяли разве что не наткаться в темноте на столбы.

Леонард различил два тёмных силуэта, отделившихся от стены особняка и двинувшиеся на них. Сердце ёкнуло, и он пожалел, что поддался на уговоры Рико не брать с собой никакого оружия.

А может, этот слащавый типчик – попросту наводчик? Заманил в ловушку, а сейчас парочка громил с дубинками миглом обчистят Леонарда. Знают же, что деньги у него точно при себе – две тысячи серебром, как договаривались.

– А как же главный вход? – шепнул он Рико.

– Им не пользуются, – ответил тот, спокойно ожидая, когда тёмные силуэты приблизятся вплотную. – Посетители обычно не хотят, чтобы кто-нибудь видел, как они входят сюда.

– Да уж, здесь-то никто ничего не увидит... – пробормотал Леонард.

– Верно, – согласился Рико. – Выходить тоже будете здесь. Вон туда, к фонарю, а там направо, и быстро попадёте на Оружейную. А там и до Соколиной площади рукой подать. Насчёт нежелательных встреч не беспокойтесь. Весь маршрут под защитой людей донны Армиллы. А вот отклоняться от него не советую.

Подошедшие молча выжидали, пока Рико закончит объяснения, потом тот, кто справа, переспросил – скорее для порядку:

– Это ты, Рико?

– Кто ж ещё? – фыркнул щёголь. – Принимай клиента.

– Первый раз? – спросил незнакомец, обращаясь уже к Леонарду.

Тот кивнул. Чуть погодя, сообразив, что в темноте его жест остался незамеченным, проговорил басом:

– Да.

– Деньги при вас?

– Да.

– Следуйте за нами.

Будто по команде, слева скрипнула дверь чёрного хода, обнажив полоску жёлтоватого света. Ориентируясь на неё, как на маяк, Леонард вслед за широкоплечими сопровождающими направился к дому. Рико остался где-то в проулке. Впрочем, своё дело он сделал, получив за это кругленькую сумму в триста лир.

Леонард, стараясь справиться с нарастающим волнением, передёрнул плечами, будто ежась от ночной прохлады. Пригладил полоску приклеенных чёрных усов. От этой дурацкой щётки из волос под носом жутко чесалось, но с усами Леонард выглядел постарше лет на пять, что ему сейчас было просто необходимо, иначе не восприняли бы всерьёз.

За дверью оказался узкий коридор с обшарпанными деревянными стенами, на которых висели на железных крюках масляные светильники. Идущим впереди Леонарда громадам пришлось выстроиться гуськом, чтобы не сталкиваться между собой плечами.

Коридор вывел их в небольшой зал, перегороденный поперек высокой стойкой. За барьером дежурили ещё два мордovorота и пожилой мужчина с обширной плешью на затылке, обрамленной на удивление густыми курчавыми волосами. На носу пожилого поблескивало пенсне в медной оправе.

ве. Зачем оно ему, было непонятно, потому что смотрел он всё равно поверх стёкол.

– Рад приветствовать вас, дон...

– Леонард, – замявшись, буркнул юноша. Тут же пришла мысль, что неплохо бы представиться чужим именем, но было поздно.

Плешивый, прищурившись, несколько мгновений рассматривал посетителя – как показалось Леонарду, с долей насмешки.

– Хочу предупредить вас, дон Леонард, что у донны Армиллы есть определенные правила. Прежде всего – я хотел бы убедиться в вашей платежеспособности.

На стойку брякнулся туго набитый кошель. Плешивый, не глядя на него, продолжил:

– Очень хорошо. Кроме того, донна Армилла не любит, когда услугами её заведения пользуются люди... м-м-м... не вполне зрелые.

– Уж поверьте – у меня есть опыт в этих делах, – раздраженно отозвался Леонард. – К тому же за такие деньги...

– Деньги для донны Армиллы вовсе не главное, – мягко улыбнулся плешивый. – Уверяю вас. Но, если вы согласны заплатить сверху пятьсот лир неустойки, связанной с возможными нежелательными хлопотами...

– Какими ещё хлопотами?

– Скажем, претензиями со стороны ваших родителей. Я угадываю в вас представителя благородного рода, а дворяне

старой закалки бывают крайне щепетильны...

– Хватит разговаривать со мной, как с мальчишкой! – жестко отрезал Леонард, чувствуя, как краснеет до самых ушей. Приклеенные усы снова зашекотали ноздри, и он, разозлившись, сорвал их. Всё равно плешивый, похоже, раскусил его маскарад с первого взгляда.

– По поводу же проблем с родителями можете не беспокоиться, – продолжил он. – Я прибыл издалека. К тому же с недавних пор я круглый сирота.

Мужчина немного подумал, скосив глаза в сторону и барабая пальцами по обшарпанной деревянной стойке. Наконец, неуловимым движением смахнул кошель куда-то под стойку.

– Хорошо, будем считать, что этот вопрос закрыт. Ещё несколько правил, которые, я думаю, вы уже знаете. Никакого оружия, никакой грубости, никакой магии, если вы таковой владеете, и никаких зелий помимо тех, что предложат вам прямо здесь.

Леонард кивнул.

– На рассвете заведение закрывается. Вас не попросят удалиться сразу, но желательно это сделать без лишних напоминаний. Вы можете уйти и раньше, но уплаченная вами сумма в любом случае останется у нас в полном объёме.

Юноша снова кивнул, нетерпеливо поглядывая на двери в дальнем углу комнаты – тяжелые, двустворчатые, украшенные витиеватыми бронзовыми накладками.

– Последняя предосторожность, дон Леонард. Мы вынуждены будем вас обыскать. Ладони на стойку, пожалуйста.

Леонард скрипнул зубами, но покорно оперся о стойку, ожидая, пока один из громил быстро, но очень ловко обшарил его в поисках оружия.

– Что ж, добро пожаловать, дон Леонард... – расплылся плешивый после окончания унижительной процедуры. – Прошу...

В стойке образовался проход, через который Леонард попал, наконец, в дальнюю половину комнаты. Один из громил учтиво приоткрыл перед ним тяжелую створку.

За дверями царил красноватый полумрак, и колыхающиеся в нем полупрозрачные тенёта шёлковых портьер были похожи на дрейфующих на мелководье медуз. Леонард, нерешительно шагнув через порог, замер, окутанный сладковатым ароматом ароматических масел. Запах был такой густой, что закружилась голова.

Двери за спиной захлопнулись резко, и он вздрогнул. Правая рука невольно вскинулась к поясу. Без оружия он чувствовал себя голым – последние месяцы он не расставался с клинком даже отходя ко сну.

Влажный сладковатый воздух был густым, как суп, и обволакивал лицо невесомой липкой плёнкой. Сквозь колыхающееся марево портьер просвечивали расплывчатые красные пятна фонарей. Кто-то невидимый там, в глубине комнаты, лениво перебирал струны арфы – медленный незатейливый

мотив, который, кажется, подчинил себе всё, находящееся в комнате. В такт ему мерцали пятна света, в унисон покачивались портьеры и летели в воздухе едва заметные струйки ароматного дыма. Леонард ослабил ворот-стойку на рубашке и шагнул вперед, выставляя перед собой руку. Шёлк щекочущей волной проскользнул под пальцами, не обнаруживая просвета. Леонард попробовал обеими руками, разгребая перед собой невесомые шлейфы, но лишь еще больше завяз в них. Из глубины комнаты донёсся приглушённый смешок.

Он замер, опустив руки и неслышно, одними губами, бормоча ругательства. И едва не подпрыгнул на месте, почувствовав чьё-то лёгкое прикосновение.

– Т-с-с... – прошелестели за его спиной.

Тонкие невесомые пальцы взъерошили волосы на его затылке, скользнули по задней стороне шеи на плечи, мягкими, но уверенными движениями разминая затвердевшие от напряжения мышцы.

– Расслабься... – шепнула девушка, почти касаясь губами его уха. Она стояла так близко, что Леонард чувствовал её тепло.

Её пальцы скользнули ниже, к талии, мягко разворачивая его в нужную сторону.

– Идём...

Леонард обернулся было, но так и не успел поймать её взгляд – девушка обогнула его с другой стороны и, ухватив

за руку, легонько потянула вперёд, сквозь шёлковую завесу. Он и не разглядел её толком. Лёгкие полупрозрачные шаровары, непостижимым образом удерживающиеся на открытой талии. Водопад чёрных волнистых волос. С полдюжины тонких блестящих браслетов, едва не соскальзывающих с изящного запястья.

Она вела его, поворачивая то в одну сторону, то в другую, будто огибая невидимые барьеры. Наконец, они будто вынырнули из-под воды, оказавшись перед огромным диваном, развернувшимся полукольцом перед низким столиком, заставленным фруктами, вином, ароматическими свечами, от которых тянулись вверх тонкие ниточки дыма. Диван был роскошным – на бронзовых львиных лапах, обтянутый красным атласом, утопающий в бесчисленном ворохе разнокалиберных подушек с длинной бахромой по краям.

На резных деревянных колоннах позади дивана висели светильники в лёгких абажурах из красной ткани. В их приглушенном свете кожа казалась розовой, как закат.

Черноволосая, выпустив ладонь Леонарда, прошла вперед и забралась на диван, растянувшись на мягких подушках, как кошка. Здесь её ждали ещё две нимфы: одна такая же черноволосая, но смуглее – похоже, с примесью зарийской крови, вторая – с короткими пепельно-серыми волосами и маленькой, но заметной родинкой на щеке.

Лёгкий расписной шёлк, полупрозрачный шифон, мягкий бархат. Золото. Много золота – серьги, браслеты, кольца,

колье, заколки в волосах. Восхитительные, едва прикрытые изгибы тел, приковывающие к себе взгляд и заставляющие сердце трепетать так, будто к шее приставили острие кинжала. Манящие, дурманящие взгляды из-под полуопущенных ресниц.

Сейчас слухи о том, что кто-то спустил миллионное состояние на услуги этого заведения, уже не казались Леонарду такими уж вздорными. Сам он, несмотря на молодость, уже действительно имел довольно обширный опыт общения с противоположным полом. Но здесь он чувствовал себя мальчишкой, тайком заглянувшим в будуар кухни и заставший её за переодеванием.

Пепельноволосая, сидящая посередине, выпрямилась, опустив босые ноги на пушистый коврик, и поманила Леонарда к себе, с улыбкой похлопав по сиденью дивана рядом с собой.

Юноша направился к ней, неловко присел рядом на краешек дивана.

– Я... Мне нужно... – начал было он, но пепельноволосая прижала палец к его губам и мягко, но настойчиво опрокинула на спинку дивана.

– Устраивайся поудобнее, – прошептала она и, изогнувшись, достала со стола длинную трубку, которая тянулась к огромному истекающему клубами пара кальяну.

– Попробуй...

– Я не... – запротестовал было Леонард.

– Попробуй... – пепельноволосая придвинулась ближе, прижимаясь к его боку и обнимая свободной рукой за шею, обволакивая сладким запахом духов и помады. Леонард, зацепившись взглядом за розовый ореол соска, легко угадываемый под слоем прозрачного шифона, судорожно сглотнул. От прикосновения её упругого, почти горячего на ощупь тела по животу и ниже разлилась мягкая истома.

Он послушно прикоснулся губами к блестящему мундштуку, втянул пряный, отдающий вишней, дым. Перед глазами всё затуманилось, кожа покрылась мелкой «гусиной кожей». Зажмурившись, он поводил плечами. Когда открыл глаза, пепельноволосая, высоко вскинув ногу, уселась ему на колени, лицом к лицу, придерживаясь за его шею вытянутыми вперед руками.

– Тебя зовут... – её брови вопросительно вскинулись вверх.

– Кхм... Леонард, – проглотив ком в горле, представился юноша, стараясь совладать с безудержной волной желания, захлестнувшей его. Отвел глаза в сторону, но наткнулся на томный, чуть насмешливый взгляд темнокожей зарийки. Та лежала на животе, упираясь в сиденье дивана локтями и покачивая задранными вверх лодыжками. Её пышная грудь уютно устроилась на атласной подушке, маня глубокой ложбинкой между прижатыми друг к другу полушариями.

– Ну что, Леонард, тебе нравится здесь? – спросила пепельноволосая.

Юноша промычал что-то малопонятное, делая витиеватый жест рукой. Все три девушки рассмеялись, и юный граф с досадой хлопнул ладонью по сиденью дивана.

– Не сердись, милый, – наклоняясь к нему, проворковала пепельноволосая. – Хочешь ещё кальяна?

– Нет.

– Ну, а чего хочешь? – хитро улыбнувшись, спросила она. Леонард, чувствуя, что наливается краской до самых ушей, пробормотал:

– А можно вы... ну, не все сразу?

Куртизанки снова рассмеялись.

– Обычно просят как раз об обратном, Леонард. Тем более, что заплатил ты сполна...

Леонард виновато улыбнулся, взглядом давая понять, что настаивает.

– Ну, что ж, хорошо, – дернула плечиком пепельноволосая. – Тогда кого из нас ты выберешь? М-м-м?

Она поёрзала на его коленях, давая прочувствовать, что лёгкие шаровары на ней скрывают то, что под ними, только от глаз. Да и это, надо сказать, удаётся им скверно.

Леонард, поёжившись, отклонился левее, указывая на черноволосую девушку, что привела его, а сейчас сидела на дальнем краю дивана.

– Ты уверен? – спросила блондинка.

Он кивнул.

– Хочешь, чтобы мы совсем ушли, или чтобы были здесь

и... наблюдали?

– Да... – выдавил, наконец, юноша. – То есть, нет... То есть, ну... Чтобы ушли.

– Как пожелаешь, – с нотками разочарования в голосе ответила куртизанка. – Если снова захочешь нас видеть – позвони вот в этот колокольчик на столе. Впереди ещё вся ночь...

Леонард, внутренне съежившись и стараясь глядеть прямо перед собой, подождал, пока они удалятся.

Оставшаяся с ним девушка была заметно моложе двух прочих, и в её красоте – впрочем, не менее пленительной и волнующей – ещё проглядывались черты некоторой незрелости. Чуть замаявшись, она поднялась со своего места и приблизилась к Леонарду.

– Меня зовут Лаура, – сказала она, становясь перед ним. Ажурный полупрозрачный лиф соскользнул вниз будто бы сам собой, за ним последовали и невесомые шёлковые шаровары. Раздвинув колени Леонарда своим, девушка наклонилась над ним, упираясь руками в спинку дивана над его головой.

– Лаура, у меня... Я... – пробормотал Леонард пересохшими губами. Закрыв глаза, пытаясь совладать с собой. Девушка, оседлав его, наклонилась, легонько касаясь маленьким и твердым, как пуговка, соском его губ. Он слышал её дыханье – горячее, трепещущее, как пламя свечи.

Леонард, придержав девушку за талию, отстранил от себя.

– Лаура, я... я ведь не просто так сюда пришёл. У меня очень важное дело.

Девушка, отклонившись назад, прищурилась.

– Мне очень нужно встретиться с хозяйкой заведения. Я всё перепробовал, но к ней не пробиться, поэтому я и решил...

– Донна Армилла никого не принимает, – растерянно ответила Лаура. – Ты зря пришёл.

– Пойми – я должен её увидеть! – горячо воскликнул юноша, придерживая её за плечи. – Если отведёшь меня к ней – я заплачу тебе сверху столько, сколько заплатил за всю ночь.

Девушка вырвалась и, перескочив на дальний конец дивана, прикрылась одной из мягких подушек.

– Лаура, пожалуйста... – взмолился Леонард. – У меня вся надежда только на тебя!

– Я не могу, – замотала головой куртизанка. – Если будешь настаивать – мне придется позвать дону Паоло, и тебя выставят на улицу.

– Я же сказал – я заплачу, сколько пожелаешь! Ну хотя бы передай донне Армилле, что я хочу встретиться с ней. Что меня зовут Леонард Кроу, и я сын Рианы. Рианы, ты запомнила?

Девушка, уже не на шутку перепугавшись, поглядывала на скрытые за шёлковыми портьерами двери, за которыми устроились вышибалы, возглавляемые плешивым.

Леонард, вскочив со своего места, бросился к ней.

Прежде, чем девушка успела позвать на помощь, он придавил её своим весом к спинке дивана, зажимая рот ладонью. Она сжалась, упираясь ему в грудь ладонями и пытаясь поджать колени к груди, чтобы оттолкнуться ногами. Леонарду пришлось нажать сильнее, практически усаживаясь на неё сверху.

– Пожалуйста... – отчаянно зашептал он, глядя в её расширившиеся от ужаса глаза. – Пожалуйста, помоги мне! Я никому не причиню вреда. Мне просто нужно поговорить с ней!

Девушка рванулась ещё несколько раз, но поняв тщетность попыток, замерла. Леонард держал её крепко, и ладони от прикосновения к гладкой, слегка скользкой от пахучего масла коже горели, как от огня. Их глаза – у обоих широко раскрытые и влажно блестящие в свете красных ламп – встретились, и что-то во взгляде юного Кроу заставило куртизанку сдаться.

Леонард медленно отнял руку от её губ, готовый снова вжать девушку в подушки дивана, если она вздумает закричать.

– Побудь здесь, а я скажу про тебя донне Армилле, – проговорила Лаура, упираясь ему в грудь вытянутыми руками.

– Хорошо, – поспешно согласился юноша, ослабляя хватку. Лаура, подхватив подушку побольше, прикрылась ею спереди и, не спуская с него глаз, двинулась в дальний угол комнаты, к резной деревянной ширме.

– Ты запомнила, что сказать? Сын Рианы! – повторил Леонард. – Если мне удастся с ней поговорить – проси чего хочешь, я...

– Да, да, конечно, – неуверенно пробормотала девушка, скрываясь за ширмой. Тихонько скрипнула скрытая от глаз дверь.

Леонард бросился следом почти сразу. За ширмой, помимо огромного зеркала и резного столика, заваленного кучей мелких пузырьков и деталями женского туалета, оказалась узкая, замаскированная под часть стеновой панели дверца. Если бы девушка в спешке не оставила её чуть приоткрытой, Леонарду бы пришлось изрядно помучаться, чтобы отыскать её.

Дверца вела в тесный темный коридор – взрослому мужчине едва протиснуться. По обеим его стенам через неравные промежутки располагались узкие смотровые щели, сквозь которые пробивался слабый свет. Леонард заглянул лишь в первую из них, и увидел через неё комнату, из которой вышел. Что ж, хозяева заведения не отказывают себе в возможности наблюдать за всем, что происходит в этих стенах. А может, и не только себе. Наверняка есть те, кто готов платить за подобные зрелища.

Юноша осторожно, стараясь не шуметь, двинулся дальше по коридору, касаясь стены кончиками пальцев. Он не успел увидеть, куда повернула Лаура, но в коридоре её уже не было. Одна надежда – что удастся на ощупь найти следующую

потайную дверь.

Коридор оказался длинным – похоже, пронизывал всё здание насквозь, позволяя подглядывать за происходящим во всех комнатах на первом этаже. Пол в нем был застелен толстым ковром, так что шаги получались совершенно бесшумными. Вскоре обнаружилась и лестница, ведущая на второй этаж. Никаких дверей в стенах Леонарду так и не удалось найти, поэтому пришлось двигаться наверх, по пружинящим под ногами ступенькам, тоже застеленным толстыми половиками.

Наверху оказался ровно такой же коридор со смотровыми щелями. Разве что здесь было не так тихо – в одной из ближайших комнат были гости, и похоже, действие там перешло в самую активную фазу. Леонард двинулся вперед, уже не особо осторожничая. Даже если в коридоре окажется кто-то, миновать его незаметно всё равно не получится.

Несколько десятков шагов. Кончики пальцев, непрерывно шуршащие по стене, уже горят от трения...

Конец коридора. Тупик.

Леонард развернулся и прижался к стене взмокшей спиной, чувствуя себя в западне. Что делать? Двигаться обратно? Если Лаура уже вернулась в комнату, то станет ясно, что он ходил за ней. Вряд ли это понравится хозяйке заведения...

Что-то негромко щёлкнуло. Прямо перед ним, буквально в пяти шагах, в стене образовалась широкая вертикаль-

ная щель, отбросившая на противоположную стену размытый красноватый отсвет.

Всё затихло. Надолго. Успело успокоиться заколотившееся от волнения сердце, в голове промелькнуло с десяток идей, одна другой бредовее. Но открывшийся проход манил к себе, казался той спасительной ниточкой, что выведет из западни. Леонарду надоело торчать на месте, и он прокрался поближе к приоткрытой двери.

Через щель ничего не было видно, кроме полупрозрачной красной портьеры, и он осторожно надавил на створку, приоткрывая её пошире... Ещё пошире... На два пальца... На ширину ладони... Дверца поворачивалась в петлях совершенно бесшумно, не нарушая царящей в комнате тишины. Было так тихо, что собственное дыхание казалось Леонарду слишком шумным. Он открыл дверцу еще шире, силясь разглядеть хоть что-то сквозь ткань, занавешивающую выход.

Кто-то рванул створку на себя, распахивая настежь. Ввалившегося внутрь комнаты Леонарда тут же встретили ударом под дых, от которого юноша едва не выплюнул собственные внутренности. Чьи-то твёрдые, как клещи, пальцы, сомкнулись у него на запястьях. Руки ему заломили за спину, не давая распрямиться, и протащили несколько шагов внутрь комнаты.

Кое-как оправившись от удара, Леонард попытался было вырваться из захвата, но тут же почувствовал холодную сталь у горла. Один из державших его громил рванул его за

волосы, задирая лицо вверх. Молча провел лезвием кинжала вверх-вниз, едва касаясь натянувшейся кожи. Впрочем, слов здесь и не понадобилось – Леонард и без того понял, что лучше избегать резких движений.

Рядом колыхнулась портьера, и едва заметное движение воздуха принесло с собой отголосок тонкого пряного аромата духов. Леонард, насколько это было возможно, вывернул шею и, скосив глаз, разглядел высокую черноволосую женщину в длинном платье цвета крови.

Её вряд ли можно было назвать красивой, но отвести от неё взгляд было очень трудно. Узкое треугольное лицо, острый подбородок, чуть длинноватый тонкий нос, хищный изгиб сурово сдвинутых бровей, у внутренних краев которых залегла тяжелая вертикальная складка... Несколько белоснежных, будто седых, прядей в копне иссиня-черных волос. И странные, завораживающие своим немигающим взглядом глаза – настолько светлые, что водянисто-серая радужка почти сливается с белком. На фоне ярко подведенных век эти глаза смотрелись особенно пугающе.

Громилы рванули юношу вверх, едва не подняв над полом, и развернули в сторону женщины.

Та, скрестив руки на груди, некоторое время молча рассматривала Леонарда. Тонкие ярко-красные губы скривились в брезгливой гримасе.

– Арайя... – сдавленно прохрипел Леонард. – Арайя... Шу...

Глаза женщины вспыхнули, расширившись. Она нервно дернулась.

– Откуда... – начала было она, но одернула сама себя и, решительно развернувшись, направилась прочь, к дверям, украшенным затейливой резьбой. Длинный алый шлейф её платья зашуршал по полу, похожий на змеиный хвост.

– Избавьтесь от него! – бросила она через плечо.

– Я вас... правильно понял, донна Армила? – вкрадчиво спросил кто-то за спиной Леонарда. Он узнал голос плешивого.

Черноволосая, остановившись в дверях, повернула голову, демонстрируя своеобразный профиль с острым, заметно выступающим вперед подбородком.

– С каких это пор мне что-то нужно тебе пояснять, Паоло?

Леонарда будто обдало обжигающе холодным ветром. Страх придал сил и юноша выгнулся в руках держащих его громил, отстраняясь от клинка. Выкрикнул прежде, чем ему успели заткнуть рот:

– Змейка! Двуглавая зм...

Боль от удара по затылку сначала прошла всё тело до самого нутра, но быстро стихла, уступая место мягкой пелене забытья. Он будто упал с большой высоты в омут – осязаемый толчок, и сразу же – тягучая, обволакивающая невесомость и шум воды в ушах. Глаза его были распахнуты, но перед ними клубилась лишь тьма, разрезаемая мутными красными сполохами.

Он чувствовал как его поволокли куда-то, придерживая под руки. Впрочем, быстро остановились и начали теревить за подбородок. Голова дергалась от ударов по щекам. Откуда-то издалека, будто воздушные пузыри, всплывающие на поверхность трясины, долетали обрывки фраз:

– ...перестарался!

– ... но вы же сами сказали, донна...

– ... кретин! Зачем же сразу проламывать ему...

– Дайте воды!

На него обрушилось, кажется, целое ведро холодной воды. Юркие щекочущие змейки устремились за шиворот, скользнули по груди, завязая в набрякшей от влаги рубахе. Перед глазами немного прояснилось, и из круговерти расплывчатых пятен вдруг вырисовалось пугающе чёткое лицо хозяйки борделя. Черноволосая ведьма, прищурившись, вглядывалась в лицо Леонарда. Поняв, что он пришел в себя, громко спросила:

– Что ты сказал про змею?

Леонард, с трудом ворочая онемевшим языком, проговорил:

– У моей мамы... был кулон. Змейка с двумя... головами. Зеленые глазки и красные... Она сказала, что... вы обязательно узнаете... этот кулон...

Женщина недоверчиво скривилась, отстраняясь от Леонарда.

– Мою мать звали... Риана, – выдохнул тот, чувствуя, как

пол снова уходит из-под ног.

Голова кружилась так, что, если бы его не держали под руки, он давно бы свалился. Он хотел было добавить про то, что его мама исчезла несколько лет назад, но его на полуслове оборвала волна неудержимой тошноты.

Спазм скрутил его внутренности в тугой комок и, последнее, что он успел прежде, чем снова потерять сознание – это хорошенько испачкать расшитый золотыми нитями ковер.

В дверь робко постучали, и Леонард прервал свой рассказ. Вошла служанка в белоснежном кружевном переднике и выставила с подноса на столик рядом с ним графин с водой, бокал, тарелки с сыром, тонко нарезанной ветчиной и гроздьями сочного полупрозрачного винограда.

От вида еды его замутило. Сморщившись, он отвернулся, рука сама собой потянулась к затылку. Он осторожно ощупал кончиками пальцев свежую повязку на голове. В месте удара дубинкой бинты набухли от просачивающейся сквозь ткань крови.

– Ешь, ешь, – рассеянно усмехнулась Арайя. – Тебе надо подкрепиться, уж поверь мне.

Она откинулась на спинку кресла и сделала глубокую затяжку кальяна. Её тонкие, унизанные перстнями пальцы лениво скользили по шее, по сползающей в декольте нитке бус из крупных отполированных камушков «кошачьего глаза». Рассказанное Леонардом, судя по всему, повергло хозяйку

борделя в смятение.

Кабинет освещался по старинке – свечами, установленными в витиеватые бронзовые канделябры рожков по двадцать, не меньше. В мягком розовом свете черты лица колдуньи немного сгладились, но выражение осталось прежним – жестким, слегка надменным. А в том, что эта женщина со странными глазами – колдунья – Леонард ни капли не сомневался.

– Итак, что же было дальше? – спросила Арайя, дождавшись, пока юноша с видом великомученика прожует крохотный кусок ветчины.

– Тот туннель оказался жутко длинным и жутко грязным, – переведя дух, продолжил Леонард. – Кое-где пришлось пробираться по колено в тине. Но он, в конце концов, вывел меня далеко за пределы замка, в долину. Я два дня плутал без еды, пока не набрел на жилье. В замок возвращаться не стал...

Он отправил в рот несколько виноградин и замолк. Спелые прохладные шарики сами собой расплывались во рту сладкой тягучей влагой, оставляя на языке лишь пару хрупких зернышек. Изумительно. Особенно если вспомнить, что для винограда сейчас совсем не сезон.

– Я отправился в Дрезенбург. К тому времени слухи докатились и туда... Отца признали причастным к заговору против императора. Меня тоже, да еще и обвинили в убийстве Бенедикта. Кастл-Кроу остался без хозяев, и его быстро при-

брали к рукам имперцы.

– Да, история была громкая...

– К счастью, Карл и старый Доминик умудрились вывезти из замка кое-какие отцовские сбережения – около ста тысяч золотом. Они передали их мне, когда отыскиали в Дрезденборге. Только благодаря им я еще не превратился в нищего бродягу.

– Поразительно! – тонкие губы колдуньи искривились в усмешке.

– Почему? – нахмурился Леонард.

– Нет-нет, ничего, – отмахнулась та. – Продолжай.

– Потом нам пришлось расстаться. Доминик уехал на юг, вроде бы хотел отыскать своего внука, который живет где-то на побережье. Карл... С Карлом мы тоже разбежались. Я отдал половину отцовских денег им. Они ведь после смерти отца и Бенедикта тоже лишились всего...

Леонард замолчал, искоса поглядывая на задумчиво потирающую висок колдунью. Было сложно понять, что у неё на уме, но лишний раз беспокоить её расспросами он не решился, памятуя о громилах, которые в любой момент могли появиться из-за двери и завершить начатое.

Арайя все же поймала его взгляд. Кончики ее пальцев с ярко-красными ногтями переместились от виска на лоб, осторожно поглаживая густо припудренную вертикальную морщину между бровями.

– Зачем ты пришел ко мне? – наконец, прервала Арайя

своё долгое молчание.

– Как это зачем? – опешил Леонард. – Вы – моя единственная надежда!

Арайя раздраженно качнула головой и, рывком поднявшись с кресла, прошлась по комнате, щёлкая по полу тонкими каблуками.

– И на что же конкретно ты надеешься, мальчик? – спросила она, присаживаясь на краешек огромного письменного стола.

Леонард смутился. Все эти месяцы он настолько был увлечен поисками, что процесс стал для него важнее, чем сам результат. Он толком не думал, что попросит у Арайи. Казалось, что стоит ему рассказать обо всём, и она сама предложит помощь. В конце концов, для чего-то же мама просила отца разыскать эту колдунью!

– Моя жизнь превратилась в кошмар, – проговорил он, наконец. – Еще недавно я был богат, меня ждала блестящая военная карьера, да и вообще... Я был сыном графа Кроу, второго по значимости человека в Свадии!

– Ты по-прежнему сын графа Кроу, – усмехнулась колдунья.

– Да, но... Все эти обвинения... В связях с повстанцами, в убийстве брата... Похоже, что даже Карл думает, что... что это я убил Бенедикта! Теперь я вынужден скрываться, и...

Он одернул сам себя и продолжил менее сбивчиво:

– Мне нужны ответы. Куда исчезла моя мать? Что это за

книга, что она оставила отцу? Что это за чудовище, которое я убил в подземельях замка? В конце концов – чем я так не угодил императору Валору, что он устроил на меня такую травлю?

– Хм... – Арайя задумчиво побарабанила кончиками пальцев по лакированной поверхности стола. – Могу сказать точно – твоя мать, скорее всего, мертва. Либо канула туда, откуда не возвращаются, что, по сути, одно и то же. Что касается остальных твоих вопросов – то ответы на них вовсе не улучшат твоего положения, уж поверь мне.

– Но моя мама просила отца разыскать вас! Она рассчитывала, что вы поможете. Вы ведь, как я понимаю, были подругами?

– Не говори ерунды! – фыркнула Арайя. – Мы с Рианой никогда не были близки. Просто я... была кое-чем обязана ей.

– Так верните долг! Не ей, так её сыну! Как ни крути, но вы единственный человек, который может прекратить весь этот кошмар и защитить меня от Валора!

– Того, кто хоть как-то мог противостоять Валору, звали Велдор Ортос, – раздраженно ответила колдунья, стискивая пальцами столешницу, будто боясь упасть.

– И?

– И ты убил его, глупец! – ледяные глаза Арайи вспыхнули такой яростью, что Леонард сжался под их взглядом, как нашкодивший котенок.

– Ты печёшься о своей шкуре, но на самом деле даже не представляешь, что ты натворил, – проворчала колдунья, беря себя в руки. Она нервно прошлась по комнате, потирая плечи, будто от озноба. – Само по себе возвращение Валора – уже огромный удар. А уж теперь весь баланс рушится, как карточный домик...

– Да о чём вы?! Объясните, наконец! – взмолился Леонард. – Что за Ортос? Это то чудовище из пирамиды? Но кто он?

– Арран. Один из немногих чистокровных, которые когда-то правили этим убогим мирком. И, кстати, прекрати уже называть его чудовищем. Если ты действительно сын Рианы, то ты и сам арран по меньшей мере на четверть.

– Что за бред? – воскликнул Леонард, но тут же осекся, сжавшись под гневным взглядом колдуньи. – То есть, я хотел сказать... Я не понимаю... Давайте с самого-самого начала.

– Вот что, юноша, – тоном, не терпящим возражений, произнесла Арайя. – Раз уж ты умудрился отыскать меня, я действительно тебе помогу. Но единственное, что я могу для тебя сделать – это ответить на твои вопросы. Возможно, кое-что подскажу, если ты мне покажешь ту книгу, что передала Риана, и те, что ты нашёл в усыпальнице Ортоса. Но никто не должен знать о том, что мы встречались! И даже не проси меня вступаться за тебя перед Валором. Тебе придётся разбираться со всем этим самостоятельно.

– Хорошо, – опустив голову, согласился Леонард. – Но,

ради всех богов, объясните мне, что происходит!

8

– Это был долгий разговор... – вздохнул Серый и поворочался, поправляя под головой тюки с барахлом. – Но один из тех, что запоминаются на всю жизнь.

– Вот только не говорите, что расскажете об этом в следующий раз! – предостерег Барт. – Пока что вы меня только ещё больше запутали!

Пилигрим, побряхтев, устроился поудобнее и продолжил.

– На самом деле, Арайя тогда рассказал мне лишь самое основное. Позже мне всё-таки удалось вытянуть из неё гораздо больше. Она научила меня многому из того, что я знаю.

– Но, как я понял, она не очень-то рада была вас видеть...

– Это верно. В тот первый раз она перепугалась до чёртиков. Но потом... Далеко не все арраны поддерживают Валора. Конечно, сейчас мало кто осмеливается выступить против него. Но в те времена некоторые из них согласились помочь мне. Арайя, Бертран Аксель, Кортес...

– Вот что, давайте-ка с самого начала, – перебил его Барт. – Я не понял – откуда арраны? Они ведь вымерли давно!

– Хорошо. С начала, так с начала. Арраны появились здесь около пятисот лет назад. Может, позже...

– Что значит – появились?

– Из другого мира. Они умели строить специальные ворота,

позволяющие им проникать в Заарум. Это... Сложно объяснить. Я сам до конца не понимаю... Место, где царит первородный хаос. Точнее, даже не место, а ... Это как океан, в котором, будто айсберги, плавают миры, подобные нашему. Выйти в Заарум – это всё равно что отправиться в открытый океан и попытаться доплыть до другого клочка суши. Понимаешь?

– Ну... да. Наверное, да.

– Некоторые арраны могут выходить в Заарум самостоятельно, без всяких Врат. Это редкий и очень ценный талант. Тех, кто им владеет, называют о-мерг – Ныряльщики. Среди нынешних арранов таких почти не осталось. Моя мать была одной из последних.

– Ваша мама была арраном?!

– Строго говоря, полукровкой, как и Арайя. Хотя, чистокровных сейчас осталось пару десятков, не больше. Но ты не перебивай, я расскажу обо всём по порядку.

– Хорошо, постараюсь.

– Итак, несколько веков назад арраны открыли врата в наш мир. Их было мало, поэтому здесь, на материке, они старались действовать скрытно. Но на юге развернулись на полную катушку. Архипелаг тогда был заселен дикарями, которых они довольно быстро поработили. На островах возвышались десятки зиккуратов Культа Арраноса. В них людей загоняли тысячами, как на бойню.

– Для жертвоприношений?

– Можно сказать и так... Понимаешь... У Араноса, которому поклоняются арраны, а теперь и большая часть Империи, есть одно отличие от остальных богов, которых мы почитаем.. Но оно очень существенное...

Серый нашарил в своей сумке мех с водой и забулькал, припав к нему. Барт терпеливо дождался, пока маг промочит горло, потом пока тот в очередной раз попытается устроиться на разномастных тюках так, чтобы меньше беспокоила рана. Пока покряхтит, в очередной раз проверяя наскоро наложенные повязки на боку. Наконец, не выдержал:

– Так что за отличие-то?

– Аранос действительно существует. Это реальная сущность, обитающая в Зааруме. И в обмен на подношения он делился с арранами своей силой. Например, точно известно, что это с его помощью создавались самые мощные артефакты с использованием игниса. В том числе Врата, с помощью которых арраны путешествовали между мирами.

– Но что они могли предложить богу взамен?

– Они называют это ши. Или ци... Это жизненная сила существа, его энергия, его суть...

– Душа? Они кормили Араноса душами рабов?!

– Нет, то, что мы называем душой – это нечто совсем другое. Но знаешь, пусть будет так, – вздохнул Серый – Так тебе проще будет понять. Сам я уже пару десятков лет в этом копаюсь, но и то не до конца улавливаю многие тонкости. Хотя ци – это всё-таки не душа. Это именно энергия. Она может

быть животворящей, дающей могущество – такая получается при высасывании жизненных соков. А может быть тёмной – получаемой от страданий, от гнева, от боли. Такую арраны используют для создания разрушительных артефактов и заклятий. Я вот в последние несколько дней произвожу целую прорву тёмной ци из-за того, что у меня рра-скар на полпуза.

– Ра... что? Ах да, вы же рассказывали. Ритуальный шрам. Так вот они для чего!

– Да. Мне пришлось сбросить накопившуюся энергию там, в Распутье. Пожалуй, это даже лучший способ облегчить боль, чем скума. Вот только я даже в страшном сне не мог представить себе, что стану кельтарром.

– Кем?

– Пьющим Боль. Так в древности называли особых арранийских магов, которые покрывали своё тело незаживающими ритуальными шрамами, и таким образом давали себе постоянный приток темной ци. Я читал о них в книгах Арайи. О них, конечно, уже никто не слышал уже несколько веков, как и о самих арранах. В наши дни первым таким стал Сандро. Эх, надо было мне все-таки добить этого ублюдка там, в усыпальнице Ортоса. Кто же знал, что он окажется таким живучим...

– Так это ваше заклинание... Которым вы встретили всадников...

– Мерзкая штука, не правда ли? – горько усмехнулся Серый. – Хотя вполне в духе арранов. Никогда не думал, что

опущусь до того, что стану пользоваться их же оружием...

Мотнув головой, будто отгоняя неприятные мысли, пилигрим продолжил:

– Так вот, ци для арранов – самый ценный ресурс, основа их могущества. Ну, и те, из кого можно этот ресурс высасывать.

– Рабы...

– Я бы не сказал, что они относились к людям как к рабам. Скорее как к скоту. Мы для них – все равно, что для нас свиньи или дойные коровы. В общем, нашим далеким предкам не позавидуешь.

– Но куда арраны делись потом? И почему от них ничего не осталось?

– Случилась нешуточная заваруха. Заправляли здесь в те времена арраны из Дома Ортос. Их Дома – что-то вроде наших дворянских династий, разве что основаны не только на кровном родстве. Враждующий с Ортосом Дом Боргия устроил здесь переворот, пытаясь захватить наш мир в свои руки. Я так и не смог выяснить, что там точно произошло. Ну, думаю, тут арраны мало чем отличаются от людей, а их дворцовые интриги – и подавно. Заговорщики убили Эльтана Ортоса – патриарха Дома, перебили или упрятали в темницы основных его сторонников, развязалась затяжная партизанская война по всему континенту... Главным заговорщиком был молодой, но очень честолюбивый маг – Валор Боргия.

– Кажется, я начинаю понимать... Предок нынешнего императора Валора?

– Да нет. Тот же самый Валор. Ты, между прочим, обещал не перебивать!

– Хорошо, хорошо...

– В общем, Валор сбросил с местного трона Дом Ортос. Но, чтобы сделать это, ему пришлось обратиться к неким силам из Заарума, с которыми он не смог совладать. Эти силы ворвались в наш мир и едва не уничтожили его.

– Разлом... – понял Барт.

– Верно. Разрушения, причиненные Разломом, были сравнимы с извержением сотни вулканов. В воздух были выброшено столько пепла и сажи, что эти тучи скрыли солнце. Настала Черная зима. Сколько она длилась – точно неизвестно. Может, пару лет, может больше. Мало кто выжил в те времена. Двое-трое из десяти. Большая часть Валемирского континента превратилась в пустоши. Даже Бакши, которых Разлом не зацепил напрямую, пострадали. До Разлома ведь их города утопали в зелени. Но сейчас там – сплошные пески.

– А арраны?

– Валор и победил, и проиграл одновременно. Он сбросил Ортоса, но все арранийские Врата были разрушены. Арраны оказались запертыми в нашем мире. И теперь они обречены.

– Почему?

– Заарум очень важен для них. Не только потому, что открывает путь к другим мирам. В самом этом царстве хаоса

они добывают многое, без чего им просто не обойтись при создании магических артефактов. Тот же игнис. Не такой, что можно встретить у Разлома, а чистый, первозданный игнис, который можно обрабатывать, создавая мощные магические артефакты. А главное – игнис нужен им для коконов, в которых они могут впадать в спячку на многие годы, при этом омолаживаясь. Такой вот вариант бессмертия. Имеет свои недостатки, но всё же...

– Один из таких коконов вы и нашли в том подземелье под замком...

– Да. Но об этом – позже. Итак, арраны оказались запёртыми в нашем мире. Разрозненные, погрязшие в междоусобных стычках, а без ценных ресурсов Заарума с каждым годом теряющие своё могущество. Нырятьщики, которым хватало сил добраться до других миров, сбежали. Уцелевшие сторонники Ортоса, собрав остатки игниса, забрались в свои коконы, надеясь переждать смутные времена. Вскоре так стали поступать и многие из Дома Боргия. Началась грызня за остатки артефактов, позволяющих продлить бессмертие... В общем, и арранам, живущим в те времена, не позавидуешь.

– Вот ещё! Так им и надо! – фыркнул Барт.

– Арраны разбрелись по всему миру. Здесь, в Валемире, они обычно скрывались, маскируясь под людей и понемногу захватывали власть. На Архипелаге же вообще мало кто выжил – и из людей, и из арранов. Ведь Разлом берет начало

именно оттуда.

– Но как самому Валору удалось ускользнуть?

– Если бы я знал...

Маг снова ненадолго замолчал, в очередной раз припадая к меху с водой. Заметно осипшим от долгого разговора голосом продолжил:

– Именно в те годы, когда арранов оставалось ещё достаточно много и они всё ещё представляли опасность для людей, был создан орден Серых пилигримов. Они отыскивали усыпальницы арранов, умерщвляя их прямо в коконах. Пытались вычислить тех, кто прятался среди людей. Выискивали полукровок... Это была долгая война, тянувшаяся десятилетиями. Люди уже давно забыли о временах господства арранов, пепелища их городов и святилищ заросли лесом, и уже даже в летописях было все сложнее найти упоминания о них. Но орден всё ещё продолжал свою работу. Постепенно и он канул в небытие, так и не завершив дело до конца.

– Так и не смогли истребить всех?

– Осталось с полсотни патриархов, упрятавших свои усыпальницы так глубоко, что их не удалось отыскать. И множество полукровок, многие из которых даже не знают, что в их жилах течет кровь арранов. Как не знал этого я...

Они надолго замолчали. Поскрипывали колеса фургона, покачивалась на крюке под пологом постепенно затухающая лампа, время от времени фыркала тащившая фургон кляча. Барт, почесывая в затылке, пытался переварить всё расска-

занное Серым. Вертящиеся на языке вопросы пока приберегал, чувствуя, что магу нужно отдохнуть. Но всё же прежде, чем дать Серому провалиться в сон, нужно было выпытать у него главное.

– И что же было дальше? – осторожно спросил Счастливчик, поворочавшись на месте и как бы невзначай пихнув Серого коленом. – Про старые времена – это, конечно, хорошо. Но причем здесь вы?

– Ну, про то, что Валор Боргия неожиданно вылез из своего кокона, ты и сам догадался. Он сумел захватить власть в Рэдране и быстро начал строить свою Империю, возрождая на континенте культ Араноса. Хотя культ существовал и до этого. О самих арранах люди на материке постепенно забыли напрочь, а вот бога помнили. Впрочем, дикари Архипелага и о наших трехглазых приятелях еще помнят...

Барту стало не по себе. Сколько он себя помнил, Аранос всегда был для него и для всей его семьи главным богом, даже главнее Девы ветров, почитаемой всеми моряками поголовно. Он слышал, конечно, что широкое распространение этот культ получил только после расширения Империи, но с трудом в это верил. Казалось, Аранос-Хранитель вечен, и вера в него старше самого человеческого рода.

– Но ведь в часовнях Араноса обходится без человеческих жертвоприношений...

– Да что ты? – зло усмехнулся Серый. – Мальчик мой, ты не представляешь, сколько узников накопилось в казематах

Валора. Их истязают месяцами, высасывая тёмную ци. Из их костей и черепов...

– Ладно, ладно, я понял! Не продолжайте! У меня и так в желудке всё шевелится!

– Я просто хочу, чтобы ты понял. Времена, когда арраны снова в открытую начнут править нами, не за горами. Только в этот раз они не ограничатся дикарями Архипелага. Валор всерьёз хочет захватить весь мир. Точнее, то, что от него осталось.

– Я понял... – тихо отозвался Барт и на некоторое время замолчал, переваривая услышанное. Но хватило его не надолго – в голове теснилось еще слишком много вопросов.

– Ну а что с вами? Что было после разговора с Арайей?

– Я показал ей книгу, оставленную Рианой. Это были записи одного из последних Пилигримов. С их помощью я отыскал уцелевшую резиденцию ордена в развалинах замка у подножия Альдарского хребта. Там сохранились кое-какие хроники, карты, снаряжение...

– И вы стали Серым пилигримом?

Маг тяжело вздохнул.

– Когда всё, чем ты жил, уничтожено, а все близкие либо мертвы, либо покинули тебя... Приходится искать новую цель в жизни. Я думаю, ты поймёшь меня, как никто другой.

Барт, чувствуя набухающий в горле ком, кивнул.

– Поначалу я просто хотел отыскать Риану, мою мать. Или хотя бы выяснить, почему она исчезла. Мне удалось узнать,

что Валор долгое время держал её в плену, намереваясь использовать её возможности Ныряльщицы в каких-то своих целях. Ей удалось бежать, но куда – непонятно. Скорее всего, она канула в Зааруме.

– Сбежала в другой мир?

Серый покачал головой.

– На это у неё точно не хватило бы сил. Она либо умерла, либо её забросило так далеко, что она не может вернуться...

– Я... сожалею, господин Леонард.

– Я тоже. Её уже не вернуть. С этим я в конце концов смирился.

– Но почему вы один?

– Пилигримы и в старые времена обычно действовали в одиночку. Охотник должен держаться в тени.

– Да нет же! Я имел в виду – почему вы не собрали вокруг себя друзей, учеников? Если уж возродить орден, то...

– Чем больше людей знают о чём-то, тем меньше шансов сохранить это в секрете, – перебил Серый. – Я не мечтатель, Бартоломью. Я вполне понимаю, что сейчас возродить орден невозможно. А вот сболтнуть лишнего ненадежному человеку – можно запросто. Тому, кто выдаст тебя имперцам. Из страха, из-за желания получить вознаграждения, или под пытками – вариантов множество. К тому же... Далеко не всякий поверит. Карл, к примеру, не поверил.

– Но я же вам верю! И всё равно нашлись бы люди, что поверили бы! Как же получилось, что вы совсем-совсем один?

– Есть причины, Бартоломью, – после долгой паузы ответил Серый. – Я сам выбрал одиночество. После одного очень болезненного урока, который мне преподавал Валор. Но это уже отдельная история, и мне сейчас совсем не хочется вспоминать об этом.

– Но всё-таки?

Серый недовольно крикнул, но всё же продолжил:

– Все эти двадцать с лишним лет мне приходится скрываться. От имперской стражи, от арранов, от ордена Красной руки, которые служат Валору... Я не остаюсь на месте дольше двух-трех дней. У меня давно не было друзей, привязанностей, вообще чего-то такого, чего бы я не смог бросить, едва почувствовав опасность. Но к этому я пришёл не сразу...

Маг надолго замолчал, и Барт не решился его торопить.

– Её звали Каролина, – наконец, сказал Серый. – Мы познакомились буквально через пару недель после той встречи с Арайей. Я влюбился без памяти. Забыл обо всём. Мы собирались сбежать с ней на восток, в Бакши... Но немного не успели. Меня выследили головорезы Красной руки. Я едва успел скрыться. Она – не успела...

– Её схватили?

– Да. Долго пытали, пытаюсь через неё выяснить, где я скрываюсь. А потом, обвинив в тёмном колдовстве, четвертовали на площади. Хотели выманить меня.

– Но вы... – осторожно начал Барт.

– Я пришёл, – жестко отрезал пилигрим. – Я, конечно,

ничего не смог сделать. Просто стоял в толпе, нарядившись в какой-то обвалянный в навозе балахон. И видел всё...

Барт молчал, в душе коря себя за то, что заставил Серого вспоминать об этом.

– Сегодня Карл сказал там, в таверне, что ненависть ослепила меня, – изменившимся голосом продолжил маг. – Знаешь, Бартоломью, это действительно так. И эта ненависть не только к Валору и его империи. Хотя, конечно, из-за него я потерял всё. Но ещё больше я ненавижу себя...

– Но вы же ничего не могли сделать!

– Я должен был умереть за неё!! – вскрикнул, как от боли, Серый. – Или вместе с ней!

Они замолчали. Маг лежал неподвижно, запрокинув голову назад. Свет лампы выхватывал из темноты его чёткий, как на монетах, профиль.

– Знаешь, Бартоломью, я ведь не доблестный рыцарь, пекущийся о спасении человечества. И я не был таким даже тогда, в твоём возрасте. Когда на меня обрушились все эти знания об арранах, о Валоре, о том, кем на самом деле была моя мать... Моим первым желанием было спрятаться. Уехать на край света, забыть обо всём. А когда я встретил Каролину, это желание приобрело уже совсем конкретные очертания...

Серый снова замолчал. Барт терпеливо ждал, пока тот продолжит.

– После её смерти я сам был готов залезть в петлю. Я вообще плохо помню те дни. Арайя нашла меня в какой-то ноч-

лежке, пьяного до беспамятыства, без гроша в кармане... И дала новую цель. Уткнула в арранийские книги. Я начал изучать их магию. Хроники Серых пилигримов. Записи Велдора Ортоса... Всё, что могло помочь мне стать если не погибелью Валора, так хотя бы здоровенной занозой в его заднице. И это мне удалось.

– Вы могли бы объединиться с повстанцами Балтазара, чтобы свергнуть императора...

– Проклятье, Бартоломью, не разочаровывай меня! Я думал, что ты сообразительнее.

– Но...

– Неужели ты думаешь, что Валор за столько лет не истребил бы кучку каких-то повстанцев, тем более возглавляемую таким недоумком, как Балтазар?

– Но не истребил же? Они до сих пор возникают то там, то здесь. У нас в Валемире прошлой зимой казнили четверых заговорщиков, что подожгли имперские казармы. Говорили, что это люди Балтазара...

– Показуха, Бартоломью. И приманка для всех недовольных, для всех заговорщиков. Мелкие повстанческие движения то и дело возникают, особенно в недавно присоединённых колониях. И большинство знает про Балтазара и пытается наладить с ним связь, объединиться с ним. А через какое-то время раздавливается, как горстка тли. Валор очень хитер... Нечеловечески хитер. И прекрасно умеет играть на людских слабостях.

Барт потрясённо замолчал.

– Но как же... Как же тогда остановить его?

Серый приподнялся на локте, развернулся к Барту, лоя его взгляд.

– Остановить его можно, Бартоломью, – горячо прошептал он. – Шанс невелик, но он есть. И это дело не для армии повстанцев, а для одиночки. Нужно просто помешать Валору сделать кое-что...

– Что?

– Снова открыть Врата.

– Но разве он вообще может это сделать?

– Да. Для этого ему нужно достаточно изначального игниса. И добыть его можно, снова заручившись помощью Араноса.

– Но Аранос же в этом вашем Зааруме. А в Заарум они не попадут без Врат. И Ныряльщиков, вы говорите, уже не осталось...

– Почти так, Бартоломью. Но есть ещё как минимум два пути. Есть естественные разломы в ткани нашего мира, через которые можно попасть в Заарум. Они нестабильны, непостоянны, но их можно обнаружить. Самый большой из известных мне находится на островах Тхай, в окрестностях Тхай-Наррахт, Пика огнедышащего дракона. Еще один – где-то на Архипелаге. Оба разлома закрыты уже несколько десятилетий, но возможно, Валор сумеет их разбередить. Во всяком случае, не зря он в последнее время так плотно за-

нялся островами.

– А второй путь?

– Сторонникам Эльтана Ортоса не удалось уберечь самого патриарха, но они успели спрятать его регалии. Вряд ли они смогли их уничтожить. Эти регалии – нечто большее, чем просто магические причиндалы. Это дары Араноса. Я даже боюсь представить, какова их мощь.

– С их помощью можно открыть Врата?

– Не знаю... – Серый, откинувшись на спину, заметно помрачнел. – Возможно. А возможно, и еще хуже, Бартоломью. Гораздо хуже. Эти регалии позволяют взывать к обитателям Заарума. К Араносу, например. Или кому похуже. Есть демоны, которые могут наделить небывалым могуществом. Но и плату потребуют немалую. И я уверен, что Валор не постоит за ценой. Если понадобится – он хоть весь этот мир кинет к их ногам, или что там у них вместо ног. Собственно, наверняка из-за этих регалий он в свое время и пошел против Ортоса. Это власть и могущество, Бартоломью. Такие, по сравнению с которыми власть любых императоров – это смешная муравьиная возня.

– Значит, нужно помешать ему найти эти штуки?

– Конечно. Я и так серьезно помешал ему в этом. Еще тогда, в самом начале. Когда утащил записи Велдора Ортоса из Кастл-Кроу. При жизни Велдор был одним из близких соратников Эльтана, в его записях я нашел кое-какие подсказки. С тех пор я и начал эти свои поиски.

– Вы надеетесь найти регалии раньше Валора?

– Если ты ещё не понял, Бартоломью, то я вообще делаю всё, что может хоть как-то навредить Валору или помешать его планам.

– Теперь понятно...

Серый невесело рассмеялся.

– Так что, мой юный друг? Всё еще хочешь, чтобы я взял тебя в ученики?

Барт поёжился и плотнее закутался в кусок мешковины, которым укрывался от ночной прохлады.

– Что же будет дальше, господин Леонард? – спросил он позже, когда масло в лампе кончилось, и фитиль почти погас, трепеща в темноте крохотной красной точкой.

– Я не знаю, Бартоломью. Если выживу – продолжу свой путь. Если нет... По крайней мере, после нашего разговора есть еще один человек, который знает, что к чему. Сам себе удивляюсь, право слово. Я уже давно никому не рассказывал обо всём этом.

– Стало легче?

– Намного. Хотя, признаться, этот разговор меня доконал. Хорошо, что до Дрезенборга еще полдня. Может, успею набраться сил.

– Постарайтесь.

Барт, накрывшись мешковиной, поудобнее устроился на тюках и затих. Судя по всему, уже близился рассвет, но сон не шёл. Юноша таращился в темноту, чувствуя, как в груди

тяжело ворочается сердце, и до звона в ушах вслушиваясь в неровное дыхание Серого. Не выдержав, он развернулся к магу.

– Господин Леонард...

– Да, Бартоломью.

– Я хочу.

– Что?

– Ну, вы спросили... После всего, что вы рассказали, хочу ли я быть вашим учеником.

– И?

– Можете считать, что теперь вы не последний Серый Пилигрим. Вы согласны?

Маг не ответил. Барт, затаив дыхание, смотрел в его сторону, едва различая силуэт в полутьме.

– Дай-ка мне руку, Бартоломью... – наконец, еле слышно проговорил тот.

В темноте его сухие шершавые пальцы крепко сжали ладонь Барта.

– Я не знаю, какие там у Пилигримов были приняты ритуалы тогда, в старину.... Так что... Просто добро пожаловать в орден, сынок.

© Владимир Василенко

Новосибирск, 2011 год.

Автор обложки – Владимир Василенко. В оформлении

обложки использована фотография с <https://pixabay.com/> по лицензии СС0.